

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного
редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы
и ответственные
секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлев Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

■ Члены редакционной
коллегии

Блаховска Катахина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштх Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

доктор исторических наук В.А. Ильиных
кандидат исторических наук С.В. Шарапов
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2024. № 4 (36)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
**ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ**

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

■ Реформы и развитие экономики

Т.А. Савинова. Условия и предпосылки возникновения земской статистики:
экономические и финансовые факторы 11–20.

О.В. Ильиных. Новосибирская товарная биржа в 1926–1930 годах:
от реорганизации биржевой сети к ликвидации 21–33

П.С. Гребенюк. Развитие местной промышленности и торговли
в Магаданской области в 1953 – начале 1960-х годов 34–46

А.С. Ващук. Социальные последствия радикально-либеральных реформ
в Магаданской области (1990-е – начало 2000-х годов) 47–59

Е.Е. Тиникова. Урбанизация Тувы: динамика ключевых показателей (1944–2020 годы) 60–72

■ Внекономические факторы в экономике

Д.А. Мамонтова. Дискуссии 1920-х годов в юридических кругах
о применении принудительного труда осужденных 73–83

Р.Е. Романов. Поворот к принуждению в СССР 26 июня 1940 года:
прочтение на стыке глобальной и национальной истории 84–101

О.Н. Аргунов. Некоторые аспекты борьбы за «социалистическую законность» в сельском
хозяйстве регионов Центрального Черноземья в первые послевоенные годы 102–111

■ Музеефикация экономики

Л.Н. Мазур. Экономика как объект музеефикации:
из опыта изучения отраслевых и корпоративных музеев малых городов России 112–129

■ Аграрное развитие

В.А. Саблин, С.А. Лебедев, С.В. Тимошина. Эпизоотии и развитие животноводства
в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века 130–137

В.В. Кондрашин. Махновщина 138–150

Г.У. Орынбаева. Казахский колхозный аул в 1930-е годы 151–162

C.B. Шарапов. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»:
голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы 163–176

P.B. Павлюкевич. Динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 годах 177–189

■ **К 70-летию целинной кампании 1954 года**

C.H. Андреенков. Предпосылки, результаты и значение освоения целинных
и залежных земель в СССР 190–203

■ **Открытые архивы. Источники по аграрной истории**

A.A. Плясуля. Обследование животноводческих совхозов
Западной Сибири в конце 1931 года: выводы и предложения 204–220

V.A. Ильиных. Единоличники в Сибири в 1933–1934 годах:
факторы и методы социальной адаптации 221–241

B.B. Лапердин. У аппарата товарищ Эйхе:
инспекция хода хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае в 1935 году 242–252

D.C. Орлов. Развитие сельскохозяйственного производства в Кузбассе во второй половине 1960-
х годов (аналитическая записка областного управления статистики Кемеровской области) 253–265

■ **Научная жизнь**

O.B. Ильиных, M.A. Косицин. Всероссийская научная конференция
«Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения» 266–272

CONTENTS

From the Editor (*in Rus.*) 7–8

From the Editor 9–10

■ Reforms and Economic Development

T.A. Savinova. Conditions and Prerequisites for the Emergence of Zemstvo Statistics:
Economic and Financial Factors 11–20.

O.V. Il'inykh. Novosibirsk Commodity Exchange in 1926–1930:
From Reorganization of the Exchange Network to Liquidation 21–33

P.S. Grebenyuk. Development of Local Industry and Trade
in the Magadan Region in 1953 – Early 1960s 34–46

A.S. Vashchuk. Social Consequences of Radical Liberal Reforms
in the Magadan Region (1990s – Early 2000s) 47–59

E.E. Tinikova. Urbanization of Tuva: Dynamics of Key Indicators (1944–2020) 60–72

■ Non-economic Factors in the Economy

D.A. Mamontova. Discussions of the 1920s in Legal Circles on the Use of Forced Labor of Convicts 73–83

R.E. Romanov. The Turn to Coercion in the USSR on June 26, 1940:
Reading at the Junction of Global and National History 84–101

O.N. Argunov. Some Aspects of the Struggle for “Socialist Legality”
in Agriculture in the Regions of the Central Black Earth Region in the First Post-War Years 102–111

■ Museumification of the Economy

L.N. Mazur. Economy as an Object of Museumification:
From the Experience of Studying Industry and Corporate Museums of Small Towns in Russia 112–129

■ Agricultural Development

V.A. Sablin, S.A. Lebedev, S.V. Timoshina. Epizootics and the Development of Cattle Breeding
in the Vologda Province in the Late 19th – Early 20th Centuries 130–137

V.V. Kondrashin. Makhnovshchina 138–150

G.U. Orynbayeva. Kazakh Collective Farm Village in the 1930s 151–162

- S.V. Sharapov. "...Well, Brother Vasya, I Have to Die Here, in Siberia":
Famine in Rural Areas of the Novosibirsk Region in the 1940s 163–176
- R.V. Pavlyukevich. Dynamics of Livestock Breeding Development in Krasnoyarsk Krai in 1953–1964 177–189

■ **On the 70th Anniversary of the 1954 Virgin Campaign**

- S.N. Andreenkov. Prerequisites, Results and Significance of the Development
of Virgin and Fallow Lands in the USSR 190–203

■ **Open Archives. Sources on Agrarian History**

- A.A. Plyasulya. Survey of Livestock State Farms of Western Siberia
at the end of 1931: Conclusions and Proposals 204–220
- V.A. Il'inykh. Individual Peasants in Siberia in 1933–1934: Factors and Methods of Social Adaptation 221–241
- V.B. Laperdin. At the Telegraph Comrade Eiche:
Inspection of Grain Procurement in the West Siberian Region in 1935 242–252
- D.S. Orlov. Development of Agricultural Production in Kuzbass in The Second Half
of the 1960s (Analytical Note of the Regional Statistics Department of the Kemerovo Region) 253–265

■ **Scientific Life**

- O.V. Il'inykh, M.A. Kositsin. All-Russian Scientific Conference
"Industrial Development of Russia: Stages, Features, Prospects of Study" 266–272

Тема номера:

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Представляемый номер журнала посвящен рассмотрению региональных аспектов опыта экономических реформ в России/СССР в XX – начале XXI в. Ставится задача исследовать этапы экономического реформирования, а также проследить общее и специфическое влияние пространственного фактора на замыслы, реализацию и результаты преобразований. Основное внимание уделяется реконструкции региональных особенностей аграрного развития, анализу внеэкономических факторов функционирования экономики, научному осмыслинию социальных последствий реформирования народного хозяйства.

Предлагаемые вниманию читателя статьи объединены в этом номере журнала в следующие тематические разделы: «Реформы и развитие экономики», «Внекономические факторы в экономике», «Музеефикация экономики», «Аграрное развитие» «К 70-летию целинной кампании 1954 г.», «Источники по аграрной истории (открытые архивы)».

Первый из названных разделов открывает статья, посвященная становлению земской статистики в России, материалы которой традиционно являются основной источниковой базой для исследования экономики России в конце XIX – начале XX в. Предметом анализа других статей раздела является деятельность товарных бирж в условиях свертывания нэпа, развитие местной промышленности и торговли в Магаданской области в 1953 – начале 1960-х гг., социальные последствия радикально-либеральных реформ на Северо-Востоке России в 1990-е – начале 2000-х гг., особенности урбанизационных процессов в Туве.

Внекономическое принуждение является одной из базовых особенностей советской экономики в период сталинизма. Вопросам становления и функционирования внешнеэкономических методов принуждения к труду посвящены работы, включенные в соответствующий тематический раздел. В одной из них рассматриваются ход и итоги дискуссии об использовании принудительных работ осужденных на страницах юридической прессы в 1920-е гг. Спорной по своей рабочей гипотезе, а потому заслуживающей внимания является статья «Поворот к принуждению в СССР 26 июня 1940 г.: прочтение на стыке глобальной и национальной истории». В завершающей раздел статье осуществлена попытка осмыслиения концепта «социалистическая законность» через призму борьбы с расхищением колхозной и государственной собственности в послевоенные годы.

Раздел «Музеефикация экономики» представлен статьей, в которой осуществляется презентация опыта изучения отраслевых и корпоративных музеев малых городов России. Рассматриваются различные варианты музеефикации экономических объектов: завод-музей, музейный комплекс, музей-заповедник, технопарк, отраслевой музей.

Тематический раздел «Аграрное развитие» объединяет работы, в которых рассматриваются тенденции, этапы, результаты, общие закономерности и региональная специфика развития аграрной сферы России/СССР: освещена борьба с эпизоотиями скота как фактор развития животноводства в конце XIX – начале XX в., раскрыты особенности махновщины как составной части общероссийского крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны, исследовано становление колхозного строя в условиях Казахстана, реконструирована динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 гг. Важное историографическое значение имеет входящая

в раздел статья, в которой анализируется комплекс факторов, неоднократно приводивших в 1940-е гг. к вспышкам голода в сельской местности. По мнению автора, уязвимость перед голодом была следствием как усиления мобилизационного нажима на колхозную деревню, так и долгосрочных эффектов аграрной политики государства 1930-х гг. Сельские жители оставались наименее защищенной категорией населения, не получавшей от государства никаких гарантий выживания.

Юбилейный раздел «К 70-летию целинной кампании 1954 г.» представлен статьей, в которой рассматриваются предпосылки, ход, результаты и значение кампании по освоению целинных и залежных земель.

К двум предыдущим разделам тематически примыкают публикации документов, включенные в рубрику «Открытые архивы». В научный оборот в ней вводятся архивные документы, в которых осуществляется репрезентация хода и итогов аграрных преобразований в СССР: совхозного строительства как составной части программы социалистической реконструкции сельского хозяйства, факторов и методов социальной адаптации единоличников к вызовам коллективизации, реализации хлебозаготовительной политики в 1930-е гг., региональных аспектов развития сельскохозяйственного производства в годы восьмой пятилетки.

Завершает номер сообщение о проведении Всероссийской научной конференции «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения». В обзоре содержатся сведения о докладах, посвященных истории российской и советской индустриализации, и о дискуссии, развернувшейся на «круглом столе».

*Выпускающий редактор:
доктор исторических наук
Владимир Андреевич Ильиных*

Выпускающий редактор

доктор исторических наук В.А. Ильиных

Ответственный секретарь

кандидат исторических наук С.В. Шарапов

Корректор

Т.В. Соболева

Верстальщик

В.В. Введенский

Интернет-верстальщик

К.А. Васильев

2024 · No. 4 (36)

The Theme of the Issue:

**RUSSIAN ECONOMIC REFORMS:
REGIONAL ASPECTS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION**

FROM THE EDITOR

This issue of the journal is devoted to the consideration of regional aspects of economic reforms in Russia/USSR in the 20th – early 21st centuries. The aim is to study the stages of economic reforms, as well as to trace the general and specific influence of the spatial factor on the ideas, implementation and results of transformations. The main attention is paid to the reconstruction of regional peculiarities of agrarian development, analysis of extra-economic factors of economic functioning, scientific comprehension of social consequences of reforming the national economy.

The articles offered to the reader's attention are united in this issue of the journal in the following thematic sections: "Reforms and Economic Development", "Extra-Economic Factors in the Economy", "Museification of the Economy", "Agrarian Development", "To the 70th Anniversary of the 1954 Virgin Lands Campaign", "Sources on Agrarian History (Open Archives)".

The first of these sections opens with an article on the formation of zemstvo statistics in Russia, the materials of which are traditionally the source base for the study of the Russian economy in the late 19th – early 20th centuries. The subject of analysis of other articles in the section is the activity of commodity exchanges in the conditions of the collapse of the NEP; the development of local industry and trade in the Magadan region in 1953 – early 1960s; social consequences of radical-liberal reforms in the North-East of Russia in the 1990s – early 2000s; features of urbanization processes in Tuva.

Extra-economic coercion is one of the basic features of the Soviet economy during Stalinism. The works included in the corresponding thematic section are devoted to the formation and functioning of extra-economic methods of coercion to labor. One of them examines the course and outcome of the discussion on the use of forced labor of convicts on the pages of the legal press in the 1920s. The article "Turn to Coercion in the USSR on June 26, 1940: A Reading at the Intersection of Global and National History" is controversial in its working hypothesis, and therefore deserves attention. The final section of the article attempts to comprehend the concept of "socialist legality" through the prism of the struggle against plundering of collective and state property in the postwar years.

The section "Museification of Economy" is represented by the article, which presents the experience of studying branch and corporate museums of small towns in Russia. The article considers various options of economic objects museification – factory-museum, museum complex, museum-reserve, technopark, branch museum.

The thematic section "Agrarian Development" brings together works that examine trends, stages, results, general regularities and regional specifics of the development of the agrarian sphere in Russia/USSR: the struggle against livestock epizootics as a factor in the development of animal husbandry in the late 19th – early 20th centuries is highlighted; the peculiarities of the Makhnovshchina as a component of the all-Russian peasant insurgency during the Civil War are revealed; the formation of the collective farm system in Kazakhstan is studied; the dynamics of livestock breeding development in the Kyrgyz Republic is reconstructed. The article included in the section, which analyzes the complex of factors that repeatedly led to outbreaks of famine in rural areas in the 1940s, is of important historiographical significance. In the author's opinion, vulnerability to famine was a consequence of both the increased mobilization pressure

on the collective farm village and the long-term effects of the state's agrarian policy of the 1930s. Rural residents remained the least protected category of the population, receiving no guarantees of survival from the state.

The "Anniversary" section "To the 70th Anniversary of the 1954 Virgin Lands Campaign" is represented by an article that discusses the background, progress, results and significance of the campaign to develop virgin and fallow lands.

The publications of documents included in the rubric "Open Archives" are thematically adjacent to the two previous sections. It introduces archival documents that represent the course and results of agrarian transformations in the USSR: state farm construction as an integral part of the program of socialist reconstruction of agriculture; factors and methods of social adaptation of single-owners to the challenges of collectivization; implementation of the bread procurement policy in the 1930s; regional aspects of the development of agricultural production in the years of the Eighth Five-Year Plan.

The issue concludes with a report on the All-Russian scientific conference "Industrial Development of Russia: Stages, Features, and Prospects of Study". The review contains information about the reports on the history of Russian and Soviet industrialization and the discussion at the round table.

Executive editor:
Doctor of Historical Sciences
Vladimir Andreevich Il'inykh

Executive editor

Executive secretary

Corrector

Layout designer

Web designer

Doctor of Historical Sciences V.A. Il'inykh

Candidate of Historical Sciences S.V. Sharapov

T.V. Soboleva

V.V. Vvedenskiy

K.A. Vasil'ev

Т.А. Савинова*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-1
УДК 94:311.4(470)"1850/1917"УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ФАКТОРЫ

Выходные данные для цитирования:

Савинова Т.А. Условия и предпосылки возникновения земской статистики: экономические и финансовые факторы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 11–20. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-01.pdf>

T.A. Savinova*

CONDITIONS AND PREREQUISITES FOR
THE EMERGENCE OF ZEMSTVO STATISTICS:
ECONOMIC AND FINANCIAL FACTORS

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-0

How to cite:

Savinova T.A. Conditions and Prerequisites for the Emergence of Zemstvo Statistics: Economic and Financial Factors // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 11–20. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-01.pdf>]

Abstract. The article examines the difficulties of solving one of the problems of the zemstvo reform – the creation of economic independence of the regions of Russia. In this regard, a significant list of economic tasks facing the Zemstvo is given, and the impossibility of solving them without independent local budgets, the formation of which was determined by the methods of taxation of the value and profitability of taxpayers' property. The activities of the 1859 Tax Commission, the results of which are discussed in the article, also provided minor assistance in solving this issue. The Commission had to review both the structure of zemstvo duties and their management system, as well as the introduction of income tax. It singled out from among the zemstvo all fees going to cover national needs, and divided zemstvo expenses into mandatory and optional. Only a part of the commission's conclusions was taken into account when drafting the "Provisional Rules on cases of zemstvo duties", which entered into force together with the "Regulations" on January 1, 1864. The imperfection of the taxation system, namely: the presence of taxable class inequality, "natural" duties imposed on peasants, as well as determining the order and size of zemstvo fees from land and property, forced local governments to turn to statisticians to develop uniform criteria for their taxation. The Kaluga, Moscow, Kherson and Tver zemstvos were pioneers in the issues of selective economic research of the province for the purpose of land taxation. Systematic studies of the territory by specialists with the establishment of the post of statistician were made by the Vyatka provincial Zemstvo, whose work served as an example for other provinces. By the end of the 1880s, statistical bureaus existed in 23 provinces of European Russia, and their settlement and household studies, contributing to the development of criteria for property taxation, the creation of local budgets, the study of the economic situation of the province and the economic life of its population, were one of the main economic activities of the zemstvo. The expansion of the network of zemstvo statistical bureaus throughout European Russia, the improvement of research methodology, and the involvement of the best representatives of the intelligentsia in the ranks of statisticians contributed to the development over time of a unique institute of zemstvo statistics in Russia.

Keywords: zemstvo reform, local budgets, zemstvo duties, Tax commission, methods of taxation of property, zemstvo statistics.

* Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, Российский государственный архив экономики, Москва, Россия, e-mail: starxiv@mail.ru

Tatiana Aleksandrovna Savinova, Candidate of Economical Sciences, Russian State Archive of Economics, Moscow, Russia, e-mail: starxiv@mail.ru

The article has been received by the editor on 19.02.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье исследуются трудности решения одной из проблем земской реформы – создания хозяйственной самостоятельности регионов России. В связи с этим приводится перечень экономических задач, вставших перед земством, и невозможность их решения без независимых местных бюджетов, формирование которых определяли методы обложения ценности и доходности имущества налогоплательщиков. Незначительную помощь в решении этого вопроса оказала деятельность Податной комиссии 1859 г. Комиссия должна была пересмотреть как структуру земских повинностей, так и систему управления ими, а также введение подоходного налога. Она выделила из числа земских все сборы, идущие на покрытие общегосударственных потребностей, и разделила земские расходы на обязательные и необязательные. Только часть заключений комиссии была принята во внимание при составлении «Временных правил по делам о земских повинностях», вступивших в силу вместе с «Положением» 1 января 1864 г. Несовершенство системы обложения, а именно – наличие податного сословного неравенства, «натулярных» повинностей, лежащих на крестьянах, а также определение порядка и размеров земских сборов с земель и имущества, заставило органы местного самоуправления обратиться к специалистам-статистикам для выработки единых критериев их обложения. Пионерами в вопросах выборочного экономического исследования губерний в целях обложения земель были Калужское, Московское, Херсонское и Тверское земства. Систематические исследования территории специалистами с учреждением должности статистика были сделаны Вятским губернским земством, работы которого послужили примером для других губерний. К концу 1880-х гг. статистические бюро существовали в 23 губерниях Европейской России, и производимые ими поселенные и подворные исследования, способствующие выработке критериев обложения имущества, созданию местных бюджетов, изучению хозяйственного положения губернии и экономического быта ее населения, являлись одним из основных видов экономической деятельности земства. Распространение сети земских статистических бюро на всю Европейскую Россию, совершенствование методологии исследований, привлечение в ряды статистиков лучших представителей интеллигенции способствовали развитию со временем уникального института земской статистики в России.

Ключевые слова: земская реформа, местные бюджеты, земские повинности, Податная комиссия, методы обложения имущества, земская статистика.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024 г.

Экономические задачи земской реформы. Земская реформа являлась наиболее важной после крестьянской среди реформ 1860-х гг., ибо задуманная как средство обеспечения местной хозяйственной жизни, на самом деле с течением времени была призвана решать сложнейшую задачу создания трех основных составляющих буржуазной государственности на региональном уровне: экономического развития (хозяйственной самостоятельности), создания института самоуправления и его аппарата, формирования гражданского общества, которого на тот момент в России не существовало.

Однако, как при проведении крестьянской реформы, финансовый кризис, усугубленный Крымской войной, спровоцировал «огромную выкупную операцию и жесткие условия, в которые она поставила крестьян»¹, так и после земской реформы «на слабые,

¹ Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 91.

неопытные плечи земских учреждений государство взвалило огромную ношу; оно, связав земства по рукам и ногам, возложило на них отправление многообразных “обязательных повинностей”, справиться с которыми не были в состоянии дреформенные бюрократические органы...»².

В экономическом смысле введение нового «Положения» 1864 г. привлекало местных жителей всех сословий – дворян, торгово-промышленную и сельскую буржуазию, крестьян к решению вопросов хозяйственной жизни. Степень участия в делах по замыслу творцов реформы должна была соответствовать «степени участия в хозяйственных интересах», определяющейся количеством имущества гражданина³. Однако в первые годы после проведения реформы это участие было слабым. Всего до 1870 г. по 27 губерниям было 103 очередных губернских и 39 чрезвычайных сессий, а гласные не отличались активностью, их явка в собрания колебалась от 47 до 81 %⁴. Исключение составляли несколько земств, например Тверское и Санкт-Петербургское. Последнее за свою политическую активность было в 1867 г. закрыто на несколько месяцев. Однако в конце 1870-х гг. из-за разочарования многих земских деятелей в «самостоятельности» учреждений даже в таком активном земстве, как Тверское, в очередной сессии губернского собрания участвовало в среднем 44 гласных, т.е. половина полного его состава⁵.

Задачи, которые должны были решать земцы – «ведать дела о местных пользах и нуждах губерний и уездов», были одинаковы для всех и определены достаточно точно:

«1. Заведывание местными губернскими и уездными земскими повинностями денежными и натуральными.

2. Заведывание капиталами и другими имуществами земства.

3. Заведывание делами по обеспечению народного продовольствия, попечение об устраении недостатка продовольственных средств и оказание пособий нуждающемуся населению.

4. Содержание в исправности состоящих в ведении земства дорог, дорожных сооружений и бочевников; устройство и содержание пристаней вне городских поселений и попечение об улучшении местных путей сообщения.

5. Устройство и содержание земской почты.

6. Заведывание взаимным земским страхованием имуществ.

7. Заведывание земскими лечебными и благотворительными заведениями; попечение о призрении бедных, неизлечимых больных и умалишенных, а также сирых иувечных.

8. Участие в мероприятиях по охранению народного здравия и предупреждению, и пресечению падежей скота; развитие средств врачебной помощи населению и изыскание по обеспечению местности в санитарном отношении.

9. Заботы по предупреждению и тушению пожаров и попечение о лучшем устроенииселений.

10. Попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведывании содержащимися за счет земства школами и другими учебными заведениями.

11. Помощь зависящими от земства способами местному земледелию, торговле и промышленности; заботы об охранении полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и животными»⁶.

Каждый вид деятельности земства регламентировался отдельным уставом, подлежащим обязательному исполнению.

² Юбилейный земский сборник. 1864–1914. СПб., 1914. С. VIII.

³ Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях). СПб., 1885. Т. 1. С. 149–150.

⁴ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1910. Т. 3. С. 143.

⁵ Русская мысль. 1880. № 2. С. 9.

⁶ Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. и дополнительные к нему постановления об отдельных отраслях деятельности земства. СПб., 1890. С. 1, 2.

Трудности местных бюджетов и работа Податной комиссии 1859 г. Несмотря на обилие задач, как до земской реформы, так и после нее в местном бюджете преобладали государственные налоги. В 1860–1862 гг. они составляли 82 % от общей суммы местных⁷ сборов⁸. И.Х. Озеров считал, что «государственные земские повинности – это абсурд, *contra-dictio in abjecto*», и объяснял наличие государственного земского сбора «крайним недостатком у государства не только средств, но и органов для надлежащего выполнения лежащих на нем задач»⁹, к этому источнику оно всегда могло прибегнуть при возникновении новых расходов.

Были образованы губернские и уездные органы, заведующие повинностями: 1) особое присутствие о земских повинностях в составе губернатора, предводителя дворянства, председателя казенной палаты и палаты государственных имуществ, городского головы; 2) губернский комитет земских повинностей в том же составе; 3) уездное по особым делам присутствие в составе уездного предводителя дворянства, депутатов дворянства и городов, уездных чиновников.

Губернский комитет собирался раз в три года на несколько дней и «должен был сметить, сколько нужно земских расходов по губернии на следующее трехлетие и проверить отчет по земским расходам за прошедшие три года»¹⁰. Земская смета, разработанная комитетом под председательством губернатора, изменялась и утверждалась министерством финансов без всякого внимания к мнению комитета, который становился благодаря этому «местом формальной канцелярской работы»¹¹. В уездах дело было поставлено еще более формально, особое присутствие и комиссии зачастую существовали только на бумаге¹².

Таким образом, старый много лет существовавший порядок раскладки, взимания и расходования земских сборов, утверждаемый в Петербурге для всех местностей и осуществляемый губернским начальством, абсолютно не соответствовал новым реалиям пореформенной местной хозяйственной жизни. «Финансовая централизация» в условиях огромной территории, разнообразия природно-климатических факторов, пестроты населения России не способствовала развитию провинциальной экономики и культуры, фундаментом которых могли бы служить местные бюджеты.

В стране не существовало и фискальной системы, которая могла бы обеспечить реальную экономическую и финансовую основу деятельности местного самоуправления. В статье 1880 г. Н.Х. Бунге отмечал, что «приведение в порядок нашей денежной системы зависит от улучшения всего государственного хозяйства, которое, в свою очередь, определяется такими мерами, как переложение подушной подати, отмена соляного налога, упразднение паспортной системы и пересмотр таможенного тарифа»¹³.

Проект комиссии, «высочайше учрежденной» для изменения системы податей и сборов в 1859 г. (Податной комиссии), предусматривал перевести: а) государственный земский сбор с душ на крестьянские земли; б) часть подушной подати на крестьянские дворы; в) заменить земский сбор с мещан дополнительным сбором с имуществом в городах, посадах и с мещанских промыслов. Однако большинство дворянских собраний отклонило этот проект ввиду нецелесообразности переложения подушной подати на имущество тех же плательщиков.

Комиссия предлагала пересмотреть как структуру земских повинностей, так и систему управления ими, а также введение подоходного налога. Она отнесла к земским повинностям потребности исключительно населения губернии или уезда и выделила из числа земских все сборы, идущие на покрытие общегосударственных потребностей, к числу которых теперь

⁷ Они назывались также земскими, как до земской реформы, так и после нее.

⁸ Ачадов (Данилов Ф.А.). О государственном и местном обложении в России. М., 1906. С. 75.

⁹ Озеров И.Х. Основы финансовой науки. Курс лекций, читанный в Московском и С.-Петербургском университетах. Вып. II. М., 1910. С. 148.

¹⁰ Львов Г.Е., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1916. С. 5.

¹¹ Озеров И.Х. Основы финансовой науки... С. 149.

¹² Караваев В.Ф. Земские сметы и раскладки // Юбилейный земский сборник. 1864–1914. СПб., 1914. С. 159.

¹³ Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8. С. 121.

относился сбор с лиц, торгующих по свидетельствам, и подушный сбор с податных лиц. Они должны были стать общими государственными податями. «Комиссия выделила в заведывание дворянских и крестьянских обществ частные повинности и сборы, носящие сословный характер, а на земстве оставила лишь общие местные денежные повинности и те натуральные, которые не могут быть переведены в денежные, хотя и служат для удовлетворения государственных потребностей»¹⁴. Земские расходы она разделила на обязательные и необязательные. К числу обязательных относились: устройство и содержание дорог, за исключением содержащихся за счет казны и проселочных; помещение и препровождение арестантов (постройка, отопление и освещение тюрем, этапная повинность на внутренних путях губерний); содержание арестантских рот гражданского ведомства и хозяйственной части арестантских рот; содержание местного гражданского управления и учреждений по крестьянским делам. К необязательным относились расходы на культурно-хозяйственные мероприятия земства, которые должны быть определены, как и суммы на них, каждым земством самостоятельно. Именно в этих отраслях местного хозяйства до 1864 г. было сделано очень мало. Контроль правительства и губернаторов за составлением земских смет должен был ограничиться наблюдением и рекомендациями, а не утверждением и запрещением.

Часть заключений комиссии была принята во внимание при составлении «Временных правил по делам о земских повинностях», утвержденных Государственным Советом и вступивших в силу вместе с земским «Положением» 1 января 1864 г. и с небольшими изменениями вошедших в Устав о земских повинностях, кодифицированный в 1899 г.¹⁵ Однако большинство ее проектов осталось на бумаге и в лучшем случае послужило «важным теоретическим источником для подготовки вариантов земской реформы»¹⁶. Министерство финансов, возглавляемое М.Х. Рейтерном, считало необходимым сохранить «общую сумму прямых налогов неизменной, осуществить перепись населения и предоставить перераспределение подушных сборов между уездами – губернским земским собраниям, а между селениями – уездным, соображаясь с экономическими условиями каждого»¹⁷. Реформирование податной системы России тянулось долгие годы. Замена подушной подати подоходным налогом длилась с 1882 по 1887 г. (в Сибири произошла в 1898 г.). И хотя известный публицист К.К. Арсеньевставил это в заслугу Н.Х. Бунге, он же писал, что «удивляться следует не тому, что в какие-нибудь пять-шесть лет русскому министру финансов не удалось ввести общий подоходный налог, а скорее тому, что ему удалось сделать несколько шагов к этой цели»¹⁸.

Обыкновенные государственные расходы (а были еще и чрезвычайные) в России и через много лет после земской реформы во много раз превышали местные (см. таблицу)¹⁹:

Год	Обыкновенные государственные расходы, млн руб.	Земские расходы в 34 губерниях, млн руб.	Земские расходы в неземских губерниях (приблизит.), млн руб.	Отношение земских расходов к государственным, млн руб.
1870	499	24,2	4,3	1/18
1880	700	33,1	7,8	1/17
1890	867	46,5	12,1	1/15
1900	1549	88,6	16,5	1/15
1910	2470	167,9	32,5	1/12

¹⁴ Караваев В.Ф. Земские сметы и раскладки... С. 163.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Земское самоуправление в России. 1864–1918. М., 2005. Кн. 1. С. 114.

¹⁷ Цит. по: Ананьев Н.И. Отмена подушной подати в России // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 186.

¹⁸ Арсеньев К.К. Николай Христианович Бунге // Арсеньев К.К. За четверть века (1871–94 гг.). Пг., 1915. С. 318.

¹⁹ Шингарев А.И. Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник. 1864–1914. СПб., 1914. С. 101.

Доходы и расходы земства, необходимость изменения методологии обложения имущества. В соответствии с «Временными правилами по делам о земских повинностях», земству было предоставлено право покрывать свои расходы за счет сборов с земель, жилых домов, промышленных и торговых помещений, а также с документов на право торговли и промыслов. Основанием раскладки обложения должна быть доходность и ценность имущества, однако сословный состав земских собраний, представленный в большинстве случаев крупными и средними землевладельцами, вносил существенные корректизы в практику земского обложения. Такие гласные не останавливались перед увеличением расходов, надеясь возложить их путем повышения оценки имущества на крестьян, торговцев и промышленников. При первых попытках земства выяснить доходность фабрик, заводов, торговых оборотов на него посыпались жалобы от их владельцев, результатом чего стал запрет правительства с 1867 г. (закон от 21 ноября 1866 г.) облагать налогами торговлю и промыслы, а довольствоваться сборами со свидетельств и билетов на право торговли и со стоимости фабричных и заводских зданий. Губернские и уездные сборы не должны были превышать 25 % цены купеческих свидетельств, земства могли облагать трактиры и постоянные дворы, в 19 губерниях существовал налог на отхожие промыслы крестьян, а в цене фабричных и заводских зданий, вопреки запрету, часто учитывалась и цена установленного в них оборудования²⁰.

«Земства, ограниченные в праве облагать торговлю и промышленность, volens-nolens должны делать главным источником своих доходов землю», которая в России 1880-х гг. уплачивала 9 % с доходности, а торговля – менее 3 %²¹.

Основную тяжесть обложения несет земля, но угодья – лес, усадьба, пашня, луга – приносят разный доход и облагаются различно, наиболее доходным из них считалась пашня. На надельных землях пашни больше, чем на частновладельческих, поэтому в 187 уездах из 359 основными плательщиками являлись крестьяне; в 88 уездах среднее обложение было одинаково, в 84 – частные собственники платили больше крестьян²². На севере России земства облагали даже казенные леса, что составляло до 116 % их дохода и служило «в скрытой форме пособием земству из государственного казначейства»²³.

Несмотря на то, что вопрос податного сословного неравенства постоянно обсуждался в правительстве с 1861 г., основным податным сословием России к моменту проведения земской реформы и после нее оставались крестьяне. По данным Валуевской комиссии, «из 208 млн руб. податных сборов, падавших на все сельское хозяйство, крестьяне платили 195 млн рублей и помещики 13 млн рублей». В некоторых губерниях платежи крестьян превышали доходность крестьянского хозяйства в 2–4 раза²⁴.

Кроме земских сборов, крестьяне и мещане несли еще земские повинности натурой. В этих «натуральных» повинностях (исправление дорог, поставка подвод, снабжение квартирами войск и чиновников) казна, личные и потомственные дворяне, почетные граждане и купцы не участвовали. Некоторые земства (например, Ахтырское Харьковской губернии) ходатайствовали о привлечении к дорожной повинности торгового сословия как наиболее заинтересованного в состоянии дорог. Так как привлечь к исполнению дорожной повинности крестьян из отдаленных селений было затруднительно, то чаще всего она ложилась на селения, расположенные у трактов, хотя бывали случаи, когда крестьян вызывали за 50, 60, 100 и даже 400–500 верст, не считаясь с сезонными работами. Самая большая часть земских сборов уходила на содержание почтовых станций и лошадей для проезжающих, затем следовали расходы на земскую полицию, содержание тюрем, арестантских рот, дорог, проходящих и квартирующих войск и др. В 1865–1866 гг. дорожная повинность в 40 уездах

²⁰ Архипкин И.В. Местное самоуправление в России: историко-экономический аспект. М., 2010. С. 107.

²¹ Озеров И.Х. Основы финансовой науки... С. 156.

²² Львов Г.Е., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы... С. 30, 31.

²³ Озеров И.Х. Основы финансовой науки... С. 157.

²⁴ «Доклад Высочайше учрежденной комиссии (под председательством Валуева) для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России», 1873. С. 35. Цит. по: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. II. С. 68.

была переведена «в деньги», а к 1887 г. в 238 из 359 уездов она была снята с крестьян, а к началу 1900-х гг. – в 260. Тем не менее и в 1901 г. в Черниговском губернском земстве активно дискутировался вопрос «о перечислении почтовых и военно-транспортных дорог в разряд проселочных», что автоматически влекло за собой возложение на местное крестьянское общество обязанности нести дорожную повинность. И все это, несмотря на принятый 1 июня 1895 г. закон о дорожном капитале, по которому земству перечислялись достаточно крупные суммы на содержание дорожного хозяйства губернии. В 1876 г. была отменена квартирная повинность, а отпуск подвод для разъездов полиции и чиновников уже в 1868 г. остался на крестьянах только в 77 уездах²⁵. Таким образом, очень медленно натуральные повинности переводились в денежные, а обязательные расходы в земских бюджетах уступали место необязательным – на здравоохранение, образование, общественное призрение и земское управление.

Много нареканий вызывал и порядок взимания окладных сборов через полицию. По этому поводу и в печати, и в земских собраниях высказывалась мысль о необходимости снять с полиции эту обязанность и возложить ее на особый орган министерства финансов, так как, по мнению большинства земств, «небрежность полиции служит одной из главных причин накопления недоимок, а это обстоятельство вносит расстройство в земское хозяйство»²⁶.

При своем учреждении земства не имели никаких законодательных ограничений для установления правил по обложению имущества, кроме его «ценности и доходности». Однако большинство земств облагали земли не по этим критериям, а по одному из простых правил, применявшимся для оценки ранее.

Например, одинаковое подесятинное обложение применялось во всех черноземных и безлесных степных губерниях. Несмотря на начавшиеся оценочные статистические работы, оно и в 1890 г. было еще распространено в 1/5 части уездов²⁷. Уравнительность этого метода имела чисто внешний характер, так как крестьянская земля была обременена огромными платежами, не говоря о том, что при освобождении крестьянам были отрезаны худшие земли.

Вторым способом обложения было обложение по нормам 19 февраля 1861 г. Сущность этого метода заключалась в том, что первая десятина каждого надела оценивалась выше, чем последующие. В большинстве уездов размер налога был установлен обратно пропорционально площади владения, следовательно, средняя его величина с одной десятины крупного участка была гораздо меньше, чем мелкого. Этот метод оценки в конце 1870-х гг. применялся примерно в четверти всех уездных земств.

Еще один метод оценки земель состоял в разделении земель на «населенные» и «ненаселенные» с усиленным обложением первых. Он был заимствован земствами из правил обложения 1853 г. Во многих уездах к «населенным» причислялись все земли сельских обществ и города, к «ненаселенным» – все прочие. Раскладка налога по «населенным» и «ненаселенным» землям вела иногда к такой неравномерности, что вызывала протест губернаторов.

«В некоторых уездах оценки устанавливались на основании личных заявлений землевладельцев, которые иногда проверялись полицией или волостными правлениями (Саратовский уезд)»²⁸.

Примерно 1/3 часть земств все-таки пыталась разделить земли по категориям в зависимости от их ценности и доходности, однако нормы в различных земствах были абсолютно произвольными для разных категорий имущества – усадеб и лесов. «Разнообразие оценок по уездам в пределах одной и той же губернии было настолько велико, что губернские земства стояли перед трудной, непреодолимой задачей, когда им предстояло разложить

²⁵ Русская мысль. 1903. Кн. IX. С. 34.

²⁶ Русская мысль. 1882. № 12. С. 84.

²⁷ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 46.

²⁸ Озеров И.Х. Основы финансовой науки... С. 157.

губернский сбор между уездами»²⁹. Иногда было очень трудно уяснить, почему уездное земское собрание определяло стоимость усадебной земли в 2, 3, 10 раз выше, чем лесных угодий, при этом обложение частных земель ниже надельных, к примеру, в 1885 г. в среднем на 37 %³⁰. Таким образом, в области земской оценки царил произвол.

Споры и возражения казны и крупных частных владельцев против равной подесятинной оценки земель в связи с их якобы пустынностью и малой доходностью поставили земства перед необходимостью их исследования. Для выработки единых критериев оценки земель и размеров обложения земства начинают приглашать специалистов-статистиков, которые очень быстро определили сложность принципа земского поземельного обложения. «Закон разрешает облагать только доходность; опыт убедил, что подлежащая обложению доходность земли есть поземельная рента; определение же ее требует внимательного и долговременного изучения тех экономических факторов, с которыми она неразрывно связана», – писал один из первых земских статистиков Н.О. Осипов³¹.

Такими факторами он считал естественное плодородие почвы, цены на рабочих, цены на продукты земледелия, основной капитал и оборотный капитал земледелия. Именно принцип обложения доходности вынуждал, по его мнению, земства обращаться к специалистам, а тех, в свою очередь, заниматься общекономическими и хозяйственными исследованиями. К этому периоду относятся первые работы В.Я. Заволжского, В.И. Покровского, Н.Н. Романова, а затем В.И. Орлова, Н.А. Каблукова, В.Н. Григорьева, братьев К.А. и И.А. Вернеров по поселенным и подворным описаниям губерний Европейской России. Появляется земская статистика, которая, по меткому выражению одного из выдающихся ее деятелей С.Н. Велецкого, «имеет, прежде всего, характер практический, именно – подготовительных исследований и изысканий всех проявлений местной общественно-народной жизни с хозяйственно-экономической стороны»³².

Уже в 1865 г. на первом Калужском губернском земском собрании был поднят вопрос о систематическом исследовании губерний в целях правильного обложения земскими повинностями. Такой же вопрос возник в Московском и Херсонском земствах в 1869 г. Первая подворная перепись в Московской губернии была проведена в этом же 1869 г. по предложению члена Подольского уездного по крестьянским делам присутствия А.А. Наумова. В Тверском губернском земстве, начиная с 1867 г., каждый год гласный П.А. Бакунинставил вопрос о необходимости сбора статистических сведений для правильной раскладки земского обложения, а также о приглашении для этой цели специалиста. Наконец, летом 1871 г. Тверская губернская земская управа пригласила В.И. Покровского для заведывания «особым статистическим комитетом» и дала ему поручение собирать приъездах губернии сведения «экономического быта и положения промышленности в целых уездах и отдельных местностях». В этом же году исследователь представил губернскому собранию отчет о статистическом исследовании села Кимры и четырех волостей Осташковского уезда, а затем Весьегонского уезда, отраженный в брошюре 1876 г. «О ценности и доходности земель Весьегонского уезда». Покровским было предпринято выборочное обследование губернии и составлены списки населенных мест и экономические таблицы. Однако регулярное сплошное исследование Тверской губернии было предпринято только в 1883 г.³³

Первое обращение к специалисту было сделано Вятским губернским земством в 1869 г. для выявления причин экономического упадка северной части Вятского края. Это был В.Я. Заволжский – бывший слушатель Петровской академии земледелия и лесоводства, вынужденный покинуть ее не закончив курса, а в декабре 1873 г. управа учредила должность статистика с окладом в 1,5 тыс. руб. – на нее 14 февраля 1874 г. был приглашен Н.Н. Романов.

²⁹ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет... С. 53.

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ Осипов Н.О. Об организации земской статистики // Труды ИВЭО. 1886. № 11. С. 300.

³² Велецкий С.Н. Земская статистика. М., 1899. Ч. 1. С. 1.

³³ Там же. С. 67.

В 1873 г. сделана первая, правда неудачная, попытка начать статистические исследования в Херсонской губернии, в 1876 г. начаты регулярные работы в Московском и Черниговском земствах. В этом же году открылось статистическое бюро в Пермском земстве, в 1879 г. начались статистические работы в Новгородском земстве, в 1880 г. – в Тамбовской и Харьковской губерниях, в 1881 г. – в Екатеринославской, Курской, Полтавской, Рязанской и Санкт-Петербургской, в 1882 г. – в Саратовской и Самарской, в 1883 г. – в Казанской, в 1884 г. – в Воронежской, Смоленской и Таврической, в 1885 г. – в Орловской и Уфимской, в 1887 г. – в Нижегородской губернии³⁴.

Таким образом, к концу 1880-х гг. статистическое обследование местного хозяйства на средства губернских земств велось в 23 губерниях и являлось одним из основных видов экономической деятельности. Работа земских статистиков сыграла значительную роль в создании местных бюджетов как финансовой основы социальной и экономической деятельности местного самоуправления, в изучении хозяйственного положения губерний и экономического быта ее населения, в выработке навыка самостоятельного хозяйственного мышления.

Литература

- Ананьев Н.И. Отмена подушной подати в России // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 203–233.
- Арсеньев К.К. Николай Христианович Бунге // Арсеньев К.К. За четверть века (1871–1894 гг.). Сборник статей. Пг., 1915. С. 314–323.
- Архипкин И.В. Местное самоуправление в России: историко-экономический аспект. М.: Маска, 2010. 349 с.
- Ачадов (Данилов Ф.А.). О государственном и местном обложении в России // Статья переводчика в книге Вебер А. Налоги (пер. с фр.). М.: Народная мысль, 1906. 84 с.
- Бунге Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8. С. 86–127.
- Велецкий С.Н. Земская статистика. М., 1899. Ч. 1. 422 с.
- Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 1. 628 с.
- Земское самоуправление в России. 1864–1918 / отв. ред. Н.Г. Королева. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 428 с.
- Караваев В.Ф. Земские сметы и раскладки // Юбилейный земский сборник. 1864. СПб., 1914. С. 155–179.
- Львов Г.Е., кн., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. М.: Задруга, 1916. 60 с.
- Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. II. 738 с.
- Озеров И.Х. Основы финансовой науки. Курс лекций, читанный в Московском и С.-Петербургском университетах. Вып. II. М., 1910. 352 с.
- Осипов Н.О. Об организации земской статистики // Труды ИВЭО. 1886. № 11. С. 295–327.
- Фортунатов А.Ф. и др. Земская статистика [Электронный ресурс]. URL: http://www.vseslova.com/brokgaуз_efron4/page/zemskaya_statistika.70620 (дата обращения: 10.01.2019).
- Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874: сборник / под ред. Л.Г. Захаровой и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 90–105.
- Шингарев А.И. Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник. 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 97–154.

References

- Achadov (Danilov, F.A.) (1906). *O gosudarstvennom i mestnom oblozhenii v Rossii* [On State and Local Taxation in Russia. Translator's Article in the Book by Weber A. Taxes (Translated from French)]. Moscow, Narodnaya mysl'. 84 p.

³⁴ Фортунатов А.Ф. и др. Земская статистика [Электронный ресурс]. URL: http://www.vseslova.com/brokgaуз_efron4/page/zemskaya_statistika.70620 (дата обращения: 10.01.2019).

- Ananyich, N.I. (1974). Otmena podushnoy podati v Rossii [The Abolition of the Poll Tax in Russia]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow. Vol. 94, pp. 203–233.
- Arkhipkin, I.V. (2010). *Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoriko-economicheskiy aspekt* [Local Self-Government in Russia: Historical and Economic Aspect]. Moscow, Maska. 349 p.
- Arsenyev, K.K. (1915). Nikolay Khristianovich Bunge [Nikolay Khristianovich Bunge]. In *Za chetvert veka (1871–1894)*. Petrograd, pp. 314–323.
- Bunge, N.H. (1880). Zametka o nastoyashchem polozhenii nashet denezhnoy sistemy i sredstvakh k ee uluchsheniyu [A Note on the Present Situation of Our Monetary System and the Means to Improve It]. In *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. St. Petersburg. Vol. 8, pp. 86–127.
- Fortunatov, A.F. et al. *Zemskaya statistika* [Zemstvo Statistics]. Available at: URL: http://www.vseslova.com/brokgaуз_efron4/page/zemskaya_statistika.70620 (date of access 10.01.2019).
- Hawk, S. (1992). Bankovskiy krizis, krestyanskaya reforma i vykupnaya operatsiya v Rossii. 1857–1861 [The Banking Crisis, Peasant Reform and the Redemption Operation in Russia. 1857–1861]. In *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874*. Moscow, pp. 90–105.
- Karavaev, V.F. (1914). Zemskie smety i raskladki [Zemsky Estimates and Layouts]. In *Yubileynyy zemskiy sbornik. 1864–1914*. St. Petersburg, pp. 155–179.
- Koroleva, N.G. (Ed.). (2005). *Zemskoe samoupravlenie v Rossii. 1864–1918* [Zemstvo Self-Government in Russia. 1864–1918]. Moscow. Book 1. 428 p.
- Lvov, G.E., Polner, T.I. (1916). *Nashe zemstvo i 50 let ego raboty* [Our Zemstvo and 50 Years of Its Work]. Moscow, Zadruga. 60 p.
- Lyashchenko, P.I. (1948). *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the National Economy of the USSR]. Moscow. Vol. II. 738 p.
- Osipov, N.O. (1886). Ob organizatsii zemskoy statistiki [On the Organization of Zemstvo Statistics]. In *Trudy IVEO*. No. 11, pp. 295–327.
- Ozerov, I.H. (1910). *Osnovy finansovoy nauki* [Fundamentals of Financial Science]. Moscow. 352 p.
- Shingarev, A.I. (1914). Vopros ob uluchshenii zemskikh finansov [The Question of Improving Zemstvo Finances]. In *Yubileynyy zemskiy sbornik. 1864–1914*. St. Petersburg, pp. 97–154.
- Veletskiy, S.N. (1899). *Zemskaya statistika* [Zemstvo Statistics]. Moscow. Part 1. 422 p.
- Veselovskiy, B.B. (1909). *Istoriya zemstva za sorok let* [The History of the Zemstvo for Forty Years]. St. Petersburg. Vol. 1. 628 p.

О.В. Ильиных*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-2
УДК 94:336.7(571.14)"1926/1930"НОВОСИБИРСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА
В 1926–1930 ГОДАХ: ОТ РЕОРГАНИЗАЦИИ
БИРЖЕВОЙ СЕТИ К ЛИКВИДАЦИИ**

Выходные данные для цитирования:

Ильиных О.В. Новосибирская товарная биржа в 1926–1930 годах: от реорганизации биржевой сети к ликвидации // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 21–33. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-02.pdf>

O.V. Il'inykh*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-2

NOVOSIBIRSK COMMODITY EXCHANGE
IN 1926–1930: FROM REORGANIZATION
OF THE EXCHANGE NETWORK TO LIQUIDATION**

How to cite:

Il'inykh O.V. Novosibirsk Commodity Exchange in 1926–1930: From Reorganization of the Exchange Network to Liquidation // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 21–33. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-02.pdf>]

Abstract. The article discusses the functioning of the Novosibirsk Commodity Exchange in the conditions of the curtailment of the New Economic Policy in 1926–1930. The implementation of the “saving regime” in trade by the Soviet leadership in 1926 caused a discussion about the profitability of commodity exchanges. Its result was the reorganization of the exchange network and the abolition of most exchange institutions. Since 1927 only the Novosibirsk Exchange operated in Siberia. In accordance with the new political course, which consisted in the gradual abandonment of commodity-money relations, the implementation of the main exchange function – intermediation – turned out to be significantly limited. But the Novosibirsk Exchange maintained its effectiveness. The exchange apparatus covered interregional trade operations, which made it possible to minimize the overhead costs of counterparties. Also exchange units (industrial goods section, timber inspection and expert bureau) contributed to the organization of a planned distribution system and preparation for the forced industrialization. However, the narrowing of commercial turnover, the evasion of exchange commissions’ members from participation in its activities, the perception of the exchanges as a temporary instrument for regulating the economy led to the liquidation of the Novosibirsk Commodity Exchange in 1930. The author revealed institutional forms of implementation of the exchange functions (inspection, examination, registration of transactions, etc.) after the liquidation of exchanges. They were carried out by new state organizations and departments under the trade management bodies. These forms conformed complied with the political and economic model that replaced the NEP.

Keywords: commodity exchange, NEP, trade, commercial activity, supply system, Novosibirsk, Siberia.

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Ольга Владимировна Ильиных, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ilin_olin@mail.ru

Olga Vladimirovna Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: ilin_olin@mail.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was carried out within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье рассматривается функционирование Новосибирской товарной биржи в условиях свертывания новой экономической политики в 1926–1930 гг. Проведение советским руководством в 1926 г. «режима экономии» в торговле вызвало дискуссию о рентабельности товарных бирж. Ее результатом стала реорганизация биржевой сети и упразднение большинства биржевых учреждений. В Сибири с 1927 г. действовала лишь Новосибирская биржа. В соответствии с новым политическим курсом, заключающимся в постепенном отказе от товарно-денежных отношений, реализация основной функции биржи – посредничества – оказалась значительно ограничена. Но Новосибирская биржа сохранила возможность эффективной работы. Биржевой аппарат охватывал межрегиональные торговые операции, что позволяло минимизировать накладные расходы контрагентов. Также биржевые подразделения (секция промышленных товаров, лесобракеражное и экспертное бюро) содействовали организации плановой системы распределения товаров и подготовке к форсированной индустриализации. Однако сужение коммерческого оборота, уклонение членов биржевых комиссий от участия в ее деятельности, восприятие бирж руководителями госаппарата как временного инструмента по регулированию экономики привели к ликвидации Новосибирской товарной биржи в 1930 г. Автором выявлены институциональные формы реализации биржевых функций (брекеража, экспертизы, регистрации сделок и т.д.) после ликвидации учреждений. Они осуществлялись новыми государственными организациями и отделами при органах управления торговлей. Данные формы в большей степени соответствовали политической и экономической модели, пришедшей на смену нэпу.

Ключевые слова: товарная биржа, нэп, торговля, коммерческая деятельность, система снабжения, Новосибирск, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Введение. Новая экономическая политика стала для большевиков необходимым условием выхода из социально-экономического и политического кризисов, порожденных Гражданской войной. Для решения назревших проблем в рамках ее осуществления были воссозданы институты и организации, присущие рыночной экономике, в том числе товарные биржи – специфические формы оптового рынка.

Однако нэп реализовывался как вынужденная мера, в связи с чем либерализация экономики была значительно ограничена. Во второй половине 1920-х гг. советское руководство решило отказаться от большинства рыночных механизмов регулирования. В данном контексте интерес вызывает институт советских товарных бирж, который функционировал вплоть до 1930 г. Биржи в последние годы нэпа действовали в условиях сосуществования и вытеснения торговли системой снабжения, в связи с чем их сущностные характеристики и функции трансформировались.

Особого внимания заслуживает Новосибирская товарная биржа, которая находилась в административном и экономическом центре Сибири и являлась крупнейшим организатором торговли в регионе в период нэпа. Кроме того, Новосибирская организация стала одной из немногих бирж в СССР, функционировавших в условиях свертывания новой экономической политики.

Отметим, что проблематика деятельности товарных бирж в условиях нэпа недостаточно представлена в отечественной историографии. Предметом исторических исследований организаций стали только в постсоветский период. В 1990-е гг. произошел всплеск интереса к истории советских бирж в связи с переходом к рыночной экономике. В указанный период издавались специальные работы, посвященные организации дореволюционной и советской

биржевой торговли, под авторством В.В. Галкина, А.И. Осадчей, Б.С. Тупова¹. Исследователи рассматривали процессы складывания биржевых учреждений, их организационно-правовую структуру, специфику маклериата. Но недостатком данных работ являлась узость источниковой базы, поскольку авторы не использовали архивные материалы, а в качестве источников привлекали лишь биржевые справочники и аналитические отчеты периода нэпа.

На современном этапе историографии распространение получила практика публикации статей о советских биржах, подготовленных с опорой на материалы региональных архивов. Несколько публикаций посвящено функционированию Владивостокской, Гомельской, Ижевской, Минской, Могилевской бирж². Их авторы исследовали функции биржевых подразделений, динамику оборотов организаций, процессы ликвидации бирж. Однако все описываемые в статьях биржи (кроме Владивостокской) действовали до 1927 г., поэтому вне внимания большинства исследователей осталось функционирование биржевой сети в последние годы нэпа, в том числе деятельность иногородних маклеров, бракеражных бюро и т.д.

Задача статьи состоит в характеристике функционирования Новосибирской товарной биржи в условиях свертывания нэпа в 1926–1930 гг. Хронологические рамки обоснованы тем, что в 1926 г. советское правительство предприняло меры по проведению «режима экономии» в торговле, которые привели к ограничению деятельности бирж и реорганизации биржевой сети. В 1930 г. Новосибирская биржа была ликвидирована. Основными источниками исследования стали законодательные и нормативные акты, принятые органами союзного, республиканского и регионального уровня, делопроизводственные документы Новосибирской товарной биржи, извлеченные из соответствующего фонда Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Также использовались повествовательные источники, а именно аналитические статьи, новостные заметки и объявления, которые публиковались в периодической печати («Бюллетене» изучаемой биржи и газете «Советская Сибирь»).

В качестве теоретической базы исследования использовался неоинституционализм. В рамках данной теории определяющая роль в экономике отводится институтам – системам норм, которые определяют рамки деятельности участников экономических отношений. Выделяются как формальные институты (правовые нормы), так и неформальные (например, традиции и обычаи). Анализ формальных институтов позволяет выявить установки руководителей государственного аппарата, которые непосредственно влияли на особенности функционирования советских товарных бирж. Кроме того, с помощью неоинституционального подхода удается рассмотреть реализацию правовых норм, а именно – их встраивание в систему неформальных практик, сложившихся в период «военного коммунизма» и нэпа, а также восприятие норм участниками рынка и биржевыми работниками.

Кампания по введению «режима экономии» и реорганизация биржевой сети в 1926–1927 гг. В связи с фактической легализацией товарно-денежных отношений в 1921–1922 гг. местными государственными и кооперативными органами были открыты первые советские биржи. 12 февраля 1922 г. по инициативе Сибирского областного промышленного бюро ВСНХ и Сибирского отделения Центросоюза состоялось учредительное собрание Новониколаевской³ товарной биржи. Перед биржевым аппаратом ставились задачи по налаживанию торговых связей между участниками рынка и контролю торговых операций, проводимых преимущественно государственными предприятиями⁴. В течение первых лет существования организации политика, проводимая советским правительством, конъюнктура

¹ Осадчая А.И. Биржа в России // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 3–18; Тупов Б.С. История российской биржи (биржи периода нэпа и 90 годов XX в.). М., 1994.; Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж, 1998.

² Бехтерева Л.Н. Ижевская областная товарная биржа: этапы создания и деятельность (1920-е годы) // Наука Удмуртии. 2005. № 2. С. 129–138; Полетаева Н.И. Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск, 2010. С. 558–564; Полетаева Н.И. Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 155–163; Троицкая Н.А. Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 22–29; Бруханчик Е.А. Биржи БССР в период нэпа // Беларуская думка. 2013. № 6. С. 66–69; и др.

³ 12 февраля 1926 г. постановлением ЦИК СССР г. Новониколаевск был переименован в Новосибирск (Советская Сибирь. 1926. 7 марта).

рынка и деятельность биржевого аппарата способствовали постоянному увеличению ее оборотов. В 1925/1926 хозяйственном году общая сумма сделок, заключенных при посредничестве исследуемой биржи, составила около 89 млн руб.⁵ Так же росло значение биржевой сети в региональной торговле. По подсчетам Сибирского краевого управления уполномоченного НКВТ РСФСР (Сибкрайвнутрорга), в 1924/1925 г. товарные биржи охватили не менее 75 % оптового товарооборота Сибири⁶.

Однако с середины 1920-х гг. ситуация начала меняться. Рост аграрного производства, расширение товарно-денежных отношений подкрепляли уверенность большевиков в завершении «восстановительного периода». Но промышленность – основа для построения социализма – не демонстрировала необходимые результаты. В связи с этим советская экономическая политика с середины 1920-х гг. все больше фокусировалась на развитии индустриального потенциала страны. Новый курс был закреплен XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г. В его резолюции определялись следующие задачи: «...обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования...»⁷.

Поставленных целей предполагалось достичь путем увеличения капиталовложений в промышленность. Одним из способов повышения доходов государства стало проведение «режима экономии» в торговле. Суть кампании заключалась в удешевлении торговых операций путем снижения накладных расходов контрагентами обобществленного сектора и аккумулировании государством высвобождающихся средств. Сокращение расходов также способствовало поддержанию низких цен на товары.

Естественно, что в рамках реализации «режима экономии» внимание привлекла и биржевая торговля. После унификации советских бирж в 1922 г. они функционировали как общественные организации и осуществляли деятельность за счет собственных средств. В них включались сборы за совершение и регистрацию сделок, оплата консультационных услуг и подписки на периодические издания биржи. Несмотря на то, что сборы в совокупности составляли меньше процента с суммы одной сделки, при ежемесячных миллионных оборотах крупных бирж (например, в январе 1926 г. оборот Новосибирской организации составил 6,8 млн руб.⁸) их доходы постоянно росли. Именно биржевые и регистрационные сборы расценивались руководителями торговых учреждений как лишние расходы, которые ведут к повышению цен. Более того, сам факт получения прибыли биржами, призванными действовать в «общественных интересах», воспринимался представителями органов управления как нежелательный, а с середины 1920-х гг. – недопустимый.

Дискуссия о проведении «режима экономии» на биржах началась с публикации в «Торговых известиях» – органе печати Народного комиссариата торговли (НКТ) СССР⁹ – в начале 1926 г. статьи «Бережливость и скромность», в которой ставились вопросы о снижении сборов и сокращении расходов биржевых учреждений¹⁰. Но работники бирж не видели необходимости в подобных мерах. В статье «К удешевлению биржевых услуг», размещенной в «Бюллетене» Новосибирской биржи 10 марта того же года, указывалось, что организация существует по «очень скромно составленным сметам», а расходы – «неизбежные везде и всюду, диктуемые и директивами центра, и экономической целесообразно-

⁴ Ильиных О.В. Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

⁵ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 15 дек.

⁶ Товарные биржи Сибири 1924–25 г. Новониколаевск, 1926. С. 6.

⁷ Цит. по: Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921–1933 гг. (Критический анализ). Томск, 2002. С. 87.

⁸ Бюллетень Крайбюро товарных бирж Сибири и Новосибирской товарной биржи. 1926. 10 февр.

⁹ Народный комиссариат внешней и внутренней торговли (НКТ) СССР был образован 18 ноября 1925 г. (СЗ СССР. 1925. № 78. Ст. 590).

¹⁰ Бюллетень Крайбюро товарных бирж Сибири и Новосибирской товарной биржи. 1926. 10 марта.

стью»¹¹. Расширение сферы деятельности биржи (экспертиза, статистическая, консультационная работа и т.д.) действительно требовало достаточно больших затрат. Однако доводы биржевых служащих не остановили реализацию новой кампании.

24 апреля 1926 г. орган представительства бирж, Всесоюзный Совет съездов биржевой торговли, направил организациям письмо с рекомендациями по осуществлению «режима экономии». Им предлагалось отложить все намеченные работы по строительству, ремонту и устройству биржевых помещений; пересмотреть необходимость содержания вспомогательных отделов, «не останавливаясь в нужных случаях перед упразднением целых институтов»; снизить расходы на печать периодических изданий, по содержанию выборных должностей и ставки по сдельной плате. Через месяц Народный комиссариат внутренней торговли (НКВТ) РСФСР предписал региональным отделам внутренней торговли проверять сметы находящихся в их ведении бирж на предмет исключений из расходов «многообразных излишеств»¹².

Несмотря на сомнения в целесообразности сокращения доходов и расходов, биржевые органы управления приступили к пересмотру собственных бюджетов. В конце апреля члены Новосибирского биржевого комитета создали две специальные комиссии: организационную, занимавшуюся рационализацией и определением функций аппарата биржи, и бюджетно-финансовую, составлявшую новую смету на второе полугодие хозяйственного года. В результате работы комиссий уже в мае сборы по биржевым и внебиржевым сделкам были снижены на 33 и 44 % соответственно¹³.

Однако меры по «экономии» биржевых средств, как и критика в отношении бирж, с каждым месяцем увеличивались. 26 октября 1926 г. в секретном циркуляре НКТ РСФСР¹⁴ вновь указал, что «наличие значительных денежных средств на товарных биржах, по характеру своей работы не нуждающихся в материальных накоплениях, являются в современных условиях совершенно недопустимыми», и «рекомендовал» организациям приобретать облигации « займа хозяйственного восстановления»¹⁵. Проводимая кампания стала еще одним аргументом, к которому прибегали представители местных органов управления в пользу необходимости не просто сократить доход, но ликвидировать биржи. В ходе работы II Сибирского съезда биржевой торговли, проходившего в мае 1926 г. в Новосибирске, представитель отдела торговли Сибкрайисполкома (Сибкрайторготдела) Е.Г. Ботвиник отмечал дорогоизнущую содержания региональных бирж и призывал «встать на радикальный путь» в вопросе его снижения вплоть до ликвидации отдельных учреждений¹⁶. Под особую критику попадали биржи в небольших городах, появившиеся на волне либерализации экономики начала эпохи, но имевшие относительно скромные обороты.

Пиком реализации мер «режима экономии» стало принятие СТО и СНК 31 декабря 1926 г. и утвержденное ЦИК СССР 21 января 1927 г. Постановление «О реорганизации товарных бирж»¹⁷. Согласно законодательному акту, ликвидировалось подавляющее число биржевых учреждений. Сохранились лишь 14 организаций «в наиболее крупных узловых пунктах» (в Сибирском крае упразднялись все биржи, кроме Новосибирской). Также определялись основные задачи биржевых учреждений – посредничество, котировка цен и регистрация сделок, заключенных вне биржевых стен. Однако торговля на бирже должна была ограничиваться операциями с товарами, «действительно нуждающимися в посредничестве».

¹¹ Бюллетень Крайбюро товарных бирж Сибири и Новосибирской товарной биржи. 1926. 10 марта.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 85. Л. 90–91 об.

¹³ Бюллетень Крайбюро товарных бирж Сибири и Новосибирской товарной биржи. 1926. 11 мая.

¹⁴ НКВТ РСФСР был переименован в Народный комиссариат торговли (НКТ) РСФСР 9 августа 1926 г. (СУ РСФСР. 1926. № 52. Ст. 397).

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 7. С 1925 г. в целях мобилизации денежных средств и финансирования промышленности Государственный банк СССР выпускал облигации «внутреннего займа хозяйственного восстановления», который в том числе использовался для хранения свободных средств хозяйственных органов.

¹⁶ Сибирский торговый бюллетень. 1926. 19 мая.

¹⁷ СЗ СССР. 1927. № 6. Ст. 56.

то есть контрагентам, которые могли заключить сделку самостоятельно, запрещалось тратить средства на биржевые торги.

В циркулярном письме Совета съездов биржевой торговли, комментировавшем Постановление, указывалось, что биржи сохраняли свое положение в качестве общественных организаций (в том числе содержались за счет собственных средств), но для них устанавливался предел расходов в 1 млн руб. в год. Лимит Новосибирской биржи составлял 55 тыс. руб. При этом регистрация внебиржевых сделок учреждениями оплачивалась из государственного бюджета¹⁸.

В связи с реорганизацией биржевой сети была отменена статья декрета ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», которая обязывала предприятия вступить в члены биржи, находящейся в том же городе, что и представительство треста. Декрет обеспечивал численное преимущество государственных предприятий в органе управления биржей – общем собрании ее членов. Но многие представители государственного сектора являлись участниками «биржевого сообщества» из-за формальных обязательств, не проявляя интереса к ее работе. Корректировка законодательного акта привела к изменениям в составе общего собрания и сокращению количества членов Новосибирской биржи. В конце 1926/1927 г. в состав высшего биржевого органа входили представители 65 организаций, в конце 1927/1928 г. – 46¹⁹. Многие руководители государственных предприятий полагали, что вслед за реорганизацией последует полная ликвидация товарных бирж, потому не видели необходимости участвовать в ее работе.

Перемены происходили и в распределении управлеченческих полномочий между биржевыми органами. Ключевую роль в деятельности учреждения играл биржевой комитет – исполнительный орган, который избирался общим собранием из собственного состава. Большинство мест занимали сотрудники государственных и кооперативных организаций – членов биржи. Но совмещение должностей приводило к тому, что они не могли уделять достаточно внимания работе комитета. 24 апреля 1929 г. на заседании исполнительного органа его председатель М.Т. Зуев констатировал, что директивы по налаживанию работы биржевого комитета не были выработаны, поскольку почти все его члены отсутствовали из-за командировок для участия в хозяйственно-политических кампаниях²⁰. Для решения данной проблемы все больше функций биржевого комитета в оперативной работе передавалось управлению делами биржи. Деятельность подразделения не регламентировалась законодательными актами, но предполагалось, что в его задачи входило изучение вопросов, связанных с коньюнктурой рынка, и ведение делопроизводства. В конце 1926 г. на должность управляющего делами был назначен бывший член биржевого комитета от ликвидированного ранее Новосибирского представительства объединения «Лензолото» П.Г. Лихачев²¹. Несмотря на то, что в состав исполнительного органа биржи могли избираться только члены общего собрания (представители организаций), Лихачев сохранил место в биржевом комитете. Более того, 15 ноября 1928 г. комитет утвердил управляющего делами в качестве своего постоянного члена²². Такое совмещение должностей позволяло легализовать широкие полномочия П.Г. Лихачева в области оперативной работы, которую не могли осуществлять остальные члены биржевого комитета в силу совмещения должностей. Управляющий делами руководил аппаратом биржевых работников, готовил оперативные отчеты о деятельности биржи, проводил ревизию иногородних маклерских пунктов, представлял учреждение в ряде государственных органов и на заседаниях Совета съездов биржевой торговли. 26 февраля 1929 г. Президиум биржевого комитета постановил уполномочить П.Г. Лихачева подписывать от имени биржевого комитета договоры и сделки с организациями и лицами²³.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 84. Л. 166–167.

¹⁹ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 нояб.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 156. Л. 14.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 27 об.

²² Там же. Оп. 1. Д. 156. Л. 39 об.

²³ Там же. Л. 20 об.

Функционирование Новосибирской товарной биржи. Провозглашение посредничества в качестве одной из основных задач советских бирж исследовательница А.И. Осадчая считала причиной их превращения в «организации, занимающиеся простой оптовой торговлей через прилавок», что обусловило ликвидацию биржевых учреждений²⁴. Действительно, несмотря на принятые законодательные акты, значение посреднических функций в последние годы функционирования Новосибирской биржи падало в связи с общей тенденцией к свертыванию нэпа. С середины 1920-х гг. в деятельность предприятий обобществленного сектора активно внедрялись плановые элементы: система обязательных заказов; генеральные договоры, заключаемые между государственной промышленностью и кооперацией; планы завоза товаров в регионы страны. Из торговли посредством административных мер, в особенности усиления налогового пресса, активно вытеснялись частные предприниматели. К 1928 г. оптовый рынок аграрной продукции – основной для сибирского биржевого торга – был окончательно монополизирован централизованным государственно-кооперативным заготовительным аппаратом²⁵. В итоге с каждым годом все больше сокращались объемы коммерческих торговых операций, которые регулировались биржевыми учреждениями. Если в 1926/27 г. общая стоимость сделок, совершенных на Новосибирской бирже, составляла около 84 млн руб., то к 1928/29 г. она сократилась на 54 % – до 39 млн руб.²⁶

Однако товарная биржа сохранила свое значение в экономике региона, поскольку в соответствии с изменениями политического курса биржевые подразделения реализовывали новые для них функции. Организация стала обслуживать не только торговлю, но и систему снабжения. Выше упоминалось о распространении планов завоза промышленных товаров на территорию Сибири. Однако плохая осведомленность центральных органов регулирования о состоянии региональных рынков, сбои в поставках приводили к перенасыщению товарами одних округов и дефициту в других. Задачу по корректировке планов возложили на секцию промышленных товаров. Она существовала при Новониколаевской/Новосибирской бирже с 1925 г., однако активная деятельность подразделения развернулась только в 1927 г., когда биржевой комитет принял новое положение о секции²⁷. Члены секции составляли ассортимент товаров, необходимых для Сибирского края, затем списки передавались органам власти. 7 апреля 1928 г. Совет съездов биржевой торговли передал Новосибирской бирже сообщение НКТ СССР о том, что материалы об ассортименте кожевенных товаров будут учтены центральными органами при разработке планов завоза²⁸.

Расширение плановых начал в экономике затронуло вопрос о качестве промышленных и сельскохозяйственных товаров. С этой целью в 1925 г. был создан Комитет по стандартизации при СТО, разрабатывавший общесоюзные стандарты товаров (ОСТ). 17 июня 1929 г. НКТ направил перечень стандартов на 40 товаров, утвержденных Комиссией, товарным биржам²⁹. Последние обязывались содействовать внедрению в торговлю стандартов. Наблюдение за качеством товара главным образом возлагалось на экспертное бюро. Необходимо отметить, что экспертиза являлась неотъемлемой частью биржевой деятельности. Поскольку торги велись в отсутствие товаров как таковых, их качественные показатели должны были соответствовать определенной норме. Также экспертиза оказывалась необходимой, если у контрагентов возникали сомнения по поводу соответствия товаров условиям сделки. Экспертное бюро при Новосибирской бирже существовало с июля 1925 г. и при проверке товаров ориентировалось на стандарты, разработанные биржами и Советом съездов биржевой торговли. Но в сентябре 1929 г. президиум биржевого комитета постановил заново

²⁴ Осадчая А.И. Биржа в России... С. 15.

²⁵ Грик Н.А. Советская экономическая политика... С. 74, 278, 281; Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 268.

²⁶ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 нояб.; 1929. 7 нояб.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 141. Л. 138–139.

²⁸ Там же. Л. 62.

²⁹ Там же. Д. 146. Л. 1–1 об.

сконструировать бюро в связи с новыми функциями подразделения – контролем за соблюдением контрагентами ОСТов³⁰.

С целью контроля за качеством лесоматериалов, важного для сибирской экономики товара, 21 сентября 1928 г. Новосибирский биржевой комитет постановил учредить лесобракеражное бюро³¹. Основными задачами, ставившимися перед новым подразделением, являлась экспертиза и сортировка лесоматериалов, организация приемно-сдаточных операций с товаром. Такое внимание к лесобракеражу определялось развертыванием индустриализации и ростом потребности промышленных предприятий в лесоматериалах. Проведение приемно-сдаточных работ через биржи позволяло удешевить затраты на перевозку и проверку качества товаров для государственных предприятий.

Несмотря на сужение коммерческого оборота, некоторые группы товаров оставались вне планового регулирования, в связи с чем биржевое посредничество продолжало играть важную роль в торговле. Значение данной функции проявилось после реорганизации биржевой сети в 1927 г. Во время проведения кампании «режима экономии» представители органов власти и руководители торговых организаций критиковали биржевой торг за создание дополнительных накладных расходов. Однако быстро выяснилось, что заключение сделок на биржах в то же время способствовало сокращению подобных расходов. Установление биржевых связей между учреждениями обобществленного сектора (особенно находившимися в разных регионах страны) позволяло избежать частного посредничества, лишних затрат на содержание коммивояжеров и, как итог, поддерживать низкие цены на товары. Показательным в данном случае является письмо Читинского окружного отдела торговли Новосибирскому биржевому комитету от 29 марта 1927 г. В нем сообщалось, что с ликвидацией биржевого учреждения в Чите местные торговые организации «потеряли имевшуюся связь с рынками других городов». Для поиска продавцов и покупателей они были вынуждены либо командировать своих представителей в другие регионы, либо обращаться в банки за консультацией. При этом оба способа обходились дороже, чем получение сведений и заключение сделок на бирже³².

Реакцией органов управления на увеличение накладных расходов, проблемы с реализацией товаров стало создание института биржевых уполномоченных – иногородних маклеров. 11 июля 1927 г. НКТ утвердил Положение об иногородних маклерах³³. Их функции заключались в содействии проведению торговых операций, информировании торговых организаций и бирж о состоянии рынка в районе их деятельности, консультационной работе. Но Положение запрещало заключение сделок с приезжей клиентурой и проведение местных операций (если оба контрагента находились в районе ведения маклерского пункта), поскольку это создавало бы дополнительные расходы для торговых организаций в виде выплаты биржевых сборов. Маклерские пункты функционировали при местных отделах торговли.

В 1927–1930 гг. Новосибирский биржевой комитет учредил четыре маклерских пункта: в Иркутске, Барнауле, Омске и Семипалатинске. Однако вытеснение торговли системой снабжения препятствовало полноценному развертыванию деятельности иногородних посредников. В сентябре 1928 г. барнаульский маклер М.А. Каликин в докладе о работе пункта сообщал, что местные торговые и промышленные организации продают значительную часть своих товаров по генеральным договорам и не заключают биржевые сделки³⁴. Обороты иногороднего маклера падали: если в 1-м квартале 1927/28 г. при его посредничестве были заключены сделки на сумму 691 тыс. руб., то в 4-м – всего на 76 тыс. руб.³⁵ В связи с этим

³⁰ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–1 об.

³¹ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 30 дек.

³² ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 87. Л. 173–173 об. Примечательно, что Читинский округ не входил в территорию Сибирского края и переходил в ведение Владивостокской биржи. Обращение к Новосибирской организации указывает на ее авторитет на территории За Уралом.

³³ Там же. Л. 59–62.

³⁴ Там же. Д. 130. Л. 20 об.

³⁵ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 11 нояб.

26 февраля 1929 г. Президиум биржевого комитета постановил закрыть маклерский пункт в Барнауле³⁶. Рост показателей зафиксирован лишь у омского иногороднего маклера А.Н. Медника. Но увеличения оборотов посредник добивался действиями, которые противоречили задачам, ставившимся перед биржами. Так, А.Н. Медник заключал сделки по высоким ценам на вывоз мяса за пределы Сибирского края в условиях кризиса на рынке мясопродуктов в конце 1928 – начале 1929 г.

Задаче по снижению накладных расходов торговых организаций, а также охвату биржей коммерческих операций также способствовала так называемая междубиржевая торговля – заключение сделок через посредничество маклеров двух бирж. В интересах расширения междубиржевой торговли биржевой аппарат Новосибирской организации предпринимал меры, чтобы сделать торг более выгодным. В июне 1926 г. биржевой комитет снизил сбор с междубиржевых сделок до половинного размера от взноса с операций, проводимых на самой бирже³⁷. В августе 1928 г. на одном из заседаний исполнительного органа биржи его член М.И. Дудин связал расширение междубиржевой торговли с «произведенным нажимом на биржевой аппарат»³⁸. По требованию комитета маклеры и другие служащие организации усилили работу по налаживанию связей с биржами, поиску спроса и предложения на региональных рынках страны.

Еще одним механизмом для активизации междубиржевой торговли являлось участие посреднических организаций в мобилизационных кампаниях, проводимых государством в конце 1920-х гг., в том числе «социалистическом соревновании». Биржевые комитеты предлагали друг другу (по требованию органов управления) устроить «соревнования» по улучшению показателей их деятельности. 29 октября 1929 г. руководители Владивостокской товарной биржи сообщали Новосибирской организации, что не смогли выполнить обязательство по повышению процента междубиржевого оборота, и предлагали бирже выдвинуть свои условия в отношении показателей данного вида торговли³⁹.

Меры по стимулированию междубиржевой торговли дали результаты в количественном выражении в последние годы существования Новосибирской биржи. В 1927/1928 и 1928/1929 гг. около трети биржевых сделок были заключены между клиентами двух учреждений-посредников⁴⁰. Вероятно, высокие показатели были связаны не только с мерами, принятыми биржевыми служащими, но и с установлением экономических связей между регионами СССР к концу 1920-х гг.

В последние годы существования Новосибирской биржи усилился контроль за ее деятельностью со стороны органов управления. Биржевое учреждение находилось в ведении органов регулирования торговли разных уровней: НКТ СССР, НКТ РСФСР и Сибкрайторготдела. Несмотря на вневедомственный характер биржи, относительную самостоятельность она сохраняла лишь в ограниченном круге вопросов: административно-хозяйственной деятельности и оперативной работе (организации биржевых торгов, котировке цен и т.д.). Однако после реорганизации биржевой сети в 1927 г. региональные и местные отделы торговли получили финансовый контроль над биржевыми учреждениями. Последние обязывались предоставлять сметы и отчеты на предварительное рассмотрение органам управления, которые могли вносить в указанные документы корректизы. 29 апреля 1927 г. Сибкрайторготдел после просмотра сметы Новосибирской биржи потребовал от нее еще больше снизить расходы⁴¹.

Кроме того, распространенной практикой стало вмешательство органов управления торговлей в оперативную работу биржи. 15 апреля того же года Сибкрайторготдел требовал от торгующих организаций прекратить продажу товаров частным предпринимателям в апреле–июне, а Новосибирскую биржу обязал препятствовать заключению подобных

³⁶ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 156. Л. 20–20 об.

³⁷ Сибирский торговый бюллетень. 1926. 4 июня.

³⁸ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 22 дек.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 178. Л. 105.

⁴⁰ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 нояб.; 1929. 7 нояб.

⁴¹ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 84. Л. 41.

сделок⁴². Таким образом организация превращалась в инструмент государственных органов по регулированию экономики.

Ликвидация Новосибирской биржи в 1930 г. Корректировка функций биржи, охват ею системы снабжения не предотвратили произошедшую в 1930 г. после реорганизации биржевой сети ликвидацию учреждения. Помимо постепенного отказа от товарно-денежных отношений, этому способствовало еще несколько факторов.

В связи с развертыванием индустриализации и проведением кампании «снижения цен» продолжал осуществляться контроль за биржевыми средствами. В целях снижения расходов штат Новосибирской биржи к 1 июля 1928 г. сократился практически в два раза (по сравнению с числом служащих перед началом кампании по «экономии») и составил 25 человек⁴³. Для аккумулирования денежных средств на реализацию новых экономических задач государство стремилось получить от бирж как можно больший процент их доходов. В октябре 1928 г. центральные органы управления приняли ряд постановлений по вопросу о так называемых излишках – средствах, полученных биржами со взносов и сборов и превышавших цифры, указанные в сметах. 15 % от годовой сметы оставались в распоряжении организаций в качестве оборотного капитала, а 85 % передавались на специальный счет НКТ республик (значительная часть этой суммы использовалась для развития экономического образования). Такие же объемы «излишков» иногородние маклеры обязывались перечислять на счет местных отделов торговли⁴⁴. Таким образом минимизировалась любая возможность получения членами органов управления бирж и их служащих прибыли.

Более того, в последние годы существования Новосибирской биржи снижалась вовлеченность представителей торговых учреждений в ее деятельность. Биржевой комитет в письмах, направленных членам подразделений биржи (котировальной комиссии, регистрационного бюро и товарных секций), в сентябре 1928 г. критиковал «абсентеизм» последних и требовал от них участия в заседаниях⁴⁵. Но, по всей видимости, просьбы исполнительного органа биржи не были удовлетворены, поскольку через год, в декабре 1929 г., в ходе годового общего собрания учреждения член биржевого комитета П.И. Заболоцкий отмечал «инертность биржевого актива»⁴⁶. Общим настроением представителей государственных и кооперативных организаций являлся скептицизм по отношению к целесообразности существования бирж.

В конце концов вышеуказанные причины привели к полному упразднению советской биржевой сети. 16 января 1930 г. СТО принял постановление, которое предписывало НКТ и его местным органам в месячный срок ликвидировать учреждения. 28 января состоялось последнее заседание Новосибирского биржевого комитета, который учредил специальную комиссию и подготовил план по ликвидации. К 1 февраля предполагалось закрыть иногородние маклерские пункты и уволить биржевых служащих, к 5-му числу – завершить посреднические операции, к 20-му – подготовить всю финансовую отчетность⁴⁷. Решение, принятое СТО, закрепило Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1930 г. «Об упразднении товарных бирж и фондовых отделов при них»⁴⁸.

Однако большой интерес вызывает то, что ряд функций бирж после их ликвидации был воспроизведен в форме других институтов. Постановление СТО от 16 января 1930 г. предписывало организацию государственного предприятия по приемо-сдаточным и экспертным операциям «Госбрекераж» на основе брекеражных экспертных подразделений упраздняемых бирж. С 1 февраля в Новосибирске действовало Организационное бюро «Госбрекеража», которому ликвидационная комиссия биржи передавала все договоры и оставшиеся средства. Штат сотрудников новой организации формировался на основе биржевого аппарата.

⁴² ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 101. Л. 33.

⁴³ Там же. Д. 172. Л. 1–1 об.

⁴⁴ Там же. Д. 147. Л. 163; СЗ СССР. 1928. № 127. Ст. 818.

⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 126. Л. 335–337.

⁴⁶ Там же. Д. 176. Л. 4 об.

⁴⁷ Там же. Л. 1–2.

⁴⁸ СЗ СССР. 1930. № 10. Ст. 120.

Например, уполномоченным Организационного бюро, а затем и самого «Госбракеража» стал П.Г. Лихачев, бывший управляющий делами Новосибирского биржевого комитета. Функции новой организации оставались теми же, что и у подразделений биржи – проверка качества товаров в соответствии с установленными государством стандартами. «Госбракераж» просуществовал вплоть до октября 1930 г., когда он вошел в состав Управления инспекции по качеству при НКТ СССР⁴⁹.

Сохранилась и функция по регистрации внебиржевых сделок. Во время реорганизации биржевой сети в 1927 г. аппараты регистрационных бюро ликвидированных учреждений передавались в ведение местных органов регулирования торговли. То же самое произошло и в 1930 г. Деятельность бюро позволяла государству контролировать весь торговый оборот на предмет «целесообразности» заключения сделок. Обязательная регистрация сделок была отменена 21 октября 1930 г.⁵⁰

В связи с распространением директивных цен на подавляющее большинство товаров к концу 1920-х гг. функция биржи по их котировке ставилась под сомнение. Но рыночное ценообразование естественным образом сохранялось в торговле валютой. Поэтому параллельно с решением о ликвидации товарных бирж ЦИК и СНК 6 февраля 1930 г. приняли Постановление об организации при правлении Государственного банка СССР и его отделении во Владивостоке котировальных комиссий для установления курса валютных и фондовых ценностей⁵¹.

Воспроизведение отдельных функций показывает, что одной из причин ликвидации бирж являлась сама форма организации их деятельности. Несмотря на позиционирование биржевых учреждений как действующих «в интересах общественности», представители органов управления и руководители торговых организаций ассоциировали биржи с капиталистической системой. Это были частноправовые учреждения, получавшие значительную прибыль с собственных оборотов. Подавляющее большинство служащих бирж (в том числе и Новосибирской) не вступили в Коммунистическую партию и имели дореволюционный коммерческий опыт. В последние годы своего существования советские биржи активно содействовали административному регулированию в сфере снабжения, но продолжали восприниматься как учреждения, действующие временно. Поэтому функциональные подразделения, отвечавшие новым экономическим задачам, трансформировались в государственные организации – форму, более соответствующую идеологическим установкам советского руководства.

Выходы. Анализ выявленных источников позволил охарактеризовать деятельность Новосибирской товарной биржи в условиях свертывания нэпа. Уверенность руководителей государственного аппарата в завершении «восстановительного периода» в экономике и проведение «режима экономии» в 1926 г. привели к реорганизации биржевой сети в СССР. По ее итогам Новосибирская биржа стала единственной в регионе и действовала в условиях ограниченного бюджета.

Провозглашение в новых законодательных актах посредничества в качестве одной из основных задач биржевых учреждений противоречило развертыванию планового распределения товаров. Сужение коммерческого оборота вызвало сокращение показателей биржевой торговли. Но, несмотря на смену политического курса, Новосибирская биржа сохранила свою эффективность, поскольку в соответствии с новыми условиями изменились ее существенные характеристики и функции. В последние годы окончательно определился фактический статус биржи как органа государственного регулирования экономики. Большое значение получило обслуживание биржевыми подразделениями системы снабжения. Логичным итогом деятельности Новосибирской биржи в контексте отказа государства от легальных товарно-денежных отношений стала ликвидация учреждения и воспроизведение ряда биржевых функций в рамках новых государственных организаций и подразделений при

⁴⁹ Советская Сибирь. 1930. 1 февр.; 11 февр.; 2 окт.

⁵⁰ СЗ СССР. 1930. № 53. Ст. 564.

⁵¹ Там же. № 10. Ст. 125.

местных органах регулирования торговли. Данные формы в большей степени соответствовали большевистской идеологии и приходящей на смену нэпа новой политической и экономической системе, а также отвечали условиям разворачивающейся форсированной индустриализации.

Литература

- Бехтерева Л.Н. Ижевская областная товарная биржа: этапы создания и деятельность (1920-е годы) // Наука Удмуртии. 2005. № 2. С. 129–138.*
- Бруханчик Е.А. Биржи БССР в период нэпа // Беларуская думка. 2013. № 6. С. 66–69.*
- Галкин В.В. История биржи в России. Воронеж: ВГТА, 1998. 234 с.*
- Грик Н.А. Советская экономическая политика в 1921–1933 гг.: Критический анализ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 334 с.*
- Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.*
- Ильиных О.В. Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).*
- Осадчая А.И. Биржа в России // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 3–18.*
- Полетаева Н.И. Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск: Белорус. гос. экон. ун-т, 2010. С. 558–564.*
- Полетаева Н.И. Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 155–163.*
- Троицкая Н.А. Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (10). С. 22–29.*
- Тупов Б.С. История российской биржи (биржи периода нэпа и 90-х годов XX в.). М.: ИНИОН, 1994. 27 с.*

References

- Bekhtereva, L.N. (2005). Izhevskaya oblastnaya tovarnaya birzha: etapy sozdaniya i deyatel'nost' (1920-e gody) [Izhevsk Regional Commodity Exchange: Stages of Creation and Activity (1920s)]. In *Nauka Udmurtii*. No. 2, pp. 129–138.
- Brukhanchik, E.A. (2013). Birzhi BSSR v period nepa [Commodity Exchanges in the BSSR during the Period of the NEP]. In *Belaruskaya dumka*. No. 6, pp. 66–69.
- Galkin, V.V. (1998). *Istoriya birzhi v Rossii* [History of Commodity Exchange in Russia]. Voronezh, VGTA. 234 p.
- Grik, N.A. (2002). *Sovetskaya ekonomicheskaya politika v 1921–1933 gg.: Kriticheskiy analiz* [The Soviet Economic Policy in 1921–1933: Critical Analysis]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 334 p.
- Il'inykh, O.V. (2023). Obrazovanie i transformatsiya pravovogo statusa tovarnykh birzh v 1921–1922 godakh (na primere Novonikolaevskoy birzhi) [Formation and Transformation of the Legal Status of Commodity Exchanges in 1921–1922 (On the Example of the Novonikolayevsk Commodity Exchange)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (30), pp. 11–21. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf> (accessed 22.04.2024).
- Il'inykh, V.A. (2005). *Gosudarstvennoe regulirivanie sel'skokhozyaystvennogo rynka v Sibiri v usloviyah nepa (1921–1928 gg.)* [State Regulation of the Agricultural Market in Siberia under the Conditions of the New Economic Policy (1921–1928)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 284 p.
- Osadchaya, A.I. (1993). *Birzha v Rossii* [Commodity Exchange in Russia]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 3–18.

- Poletaeva, N.I. (2010). Mogilevskaya tovarnaya birzha v gody nepa [Mogilev Commodity Exchange during the Period of the NEP]. In *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. Minsk, Belorussskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet, pp. 558–564.
- Poletaeva, N.I. (2020). Gomel'skaya tovarnaya birzha v 1922–1927 gg. [Gomel Commodity Exchange in 1922–1927]. In *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vyshey shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. No. 20-2, pp. 155–163.
- Troitskaya, N.A. (2010). Birzha vo Vladivostoke v pervoy treti XX veka [Commodity Exchange in Vladivostok in the First Third of the 20th Century]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 2 (10), pp. 22–29.
- Tupov, B.S. (1994). *Istoriya rossiyskoy birzhi (birzhi perioda nepa i 90-kh godov XX v.)* [History of Russian Commodity Exchange (Commodity Exchanges in the Period of the NEP and 90s of the 20th Century)]. Moscow, INION. 27 p.

П.С. Гребенюк*

РАЗВИТИЕ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953 – НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-3
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Гребенюк П.С. Развитие местной промышленности и торговли в Магаданской области в 1953 – начале 1960-х годов // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 34–46. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-03.pdf>

P.S. Grebenyuk*

DEVELOPMENT OF LOCAL INDUSTRY AND TRADE IN THE MAGADAN REGION IN 1953 – EARLY 1960S

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-3

How to cite:

*Grebenyuk P.S. Development of Local Industry and Trade in the Magadan Region in 1953 – Early 1960s // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 34–46.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-03.pdf>]*

Abstract. The article examines the main trends and specific results in the development of local industry and trade in the Magadan Region in the period 1953 – the early 1960s after the creation of the new northern region on the territory of the Dalstroy' activity. A wide range of measures undertaken by local authorities to create their own industrial enterprises and expand the production of consumer goods are analyzed. The problems of material and technical supply with imported raw materials and materials, provision of electricity and fuel are considered. Data on the dynamics of production of the most important types of industrial and food products in physical and value terms are provided. It is noted that after the creation of the Magadan Region, the local Soviet authorities faced serious difficulties of the transition period, slow rates of transfer of control functions over the region from the production and economic complex of Dalstroy. A whole set of measures was undertaken to deploy indigenous industries. The main organizational form of local industry enterprises of that period were industrial combines that united disparate productions without technological interconnection. By 1958, there were 20 enterprises of local industry of regional and district subordination operating in the region. Over 1954–1957, the gross output of consumer goods increased more than 3 times. The production capacities and range of manufactured products at the existing enterprises were expanded, new workshops and productions were put into operation. The volumes of furniture, garments, footwear, sausage products, dairy and meat production increased. The network of public services enterprises developed. At the same time, there remained a whole range of unresolved problems. There was an acute shortage of raw materials, materials and components to ensure stable operation of existing and newly established industries. There was a shortage of skilled workers and engineering and technical personnel. There remained serious difficulties with transport support and energy supply to remote northern territories. The structure of trade organizations in the region remained complicated and confusing, which hindered effective management. Periodic disruptions in planned commodity supplies occurred, surpluses accumulated in warehouses. The range of many types of products was limited. Nevertheless, by the early 1960s, positive shifts in the development of industrial production and trade services for the population of the Magadan Region began to emerge. This made a significant contribution to improving the life support and social and living conditions of the population of the region, providing it with vital goods and products in the difficult natural and climatic conditions of the Far North-East of the USSR.

Keywords: Dalstroy, sovnarkhoz, local industry, trade, supply, consumer services, Magadan Region.

* **Павел Сергеевич Гребенюк**, кандидат исторических наук, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук, Магадан, Россия, e-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Pavel Sergeevich Grebenyuk, Candidate of Historical Sciences, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Magadan, Russia, e-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

The article has been received by the editor on 22.11.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции и результаты развития местной промышленности и торговли в Магаданской области в 1953 – начале 1960-х гг. после создания нового региона на территории деятельности Дальстроя. Анализируется широкий круг мероприятий, предпринимавшихся местными органами власти по созданию собственных промышленных предприятий и расширению производства товаров массового потребления. Рассматриваются проблемы материально-технического снабжения завозимым сырьем и материалами. Приводятся данные о динамике выпуска наиболее важных видов промышленных и продовольственных товаров. Отмечается, что после создания Магаданской области местные органы советской власти столкнулись с серьезными трудностями переходного периода, медленными темпами передачи функций управления регионом от производственно-хозяйственного комплекса Дальстроя. Основной организационной формой предприятий местной промышленности исследуемого периода были промышленные комбинаты. К 1958 г. в области действовало 20 предприятий местной промышленности. За 1954–1957 гг. выпуск товаров народного потребления вырос более чем в 3 раза. Были расширены производственные мощности и ассортимент выпускаемой продукции, введены в строй новые цеха и производства. Увеличились объемы производства мебели, швейных изделий, обуви, колбасных изделий, молочной и мясной продукции. Развивалась сеть предприятий бытового обслуживания населения. Вместе с тем сохранялся целый комплекс нерешенных проблем. Остро ощущалась нехватка сырья, материалов и комплектующих. Не хватало квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Сохранились вопросы с транспортным обеспечением и энергоснабжением отдаленных северных территорий. Структура торговых организаций региона оставалась сложной и запутанной, что мешало эффективному управлению. Периодически возникали срывы плановых поставок товаров, образовывались их излишки на складах. Ассортимент многих видов продукции был ограниченным. Тем не менее к началу 1960-х гг. стали проявляться позитивные сдвиги в развитии промышленного производства и торгового обслуживания населения Магаданской области. Это внесло весомый вклад в улучшение жизнеобеспечения и социально-бытовых условий населения региона, обеспечение его жизненно необходимыми товарами и продуктами в сложных природно-климатических условиях региона.

Ключевые слова: Дальстрой, совнархоз, местная промышленность, торговля, снабжение, бытовое обслуживание, Магаданская область.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023 г.

Деятельность Дальстроя¹ на Северо-Востоке СССР на протяжении длительного времени базировалась на использовании принудительного труда заключенных. Основное внимание уделялось развитию горнопромышленного сектора для добычи золота, олова и угля, что привело к значительным диспропорциям в экономике и требовало серьезных усилий для их исправления. Амнистия 1953 г. и создание Магаданской области в декабре того же года стали поворотным моментом в пересмотре государственной политики

¹ Дальстрой – специализированный государственный институт, осуществлявший в 1930–1950-х гг. освоение Северо-Востока СССР. Создан в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. В 1938 г. был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. В 1953 г. передан в Министерство metallurgической промышленности СССР. Ликвидирован путем реорганизации в 1957 г.

на Северо-Востоке страны. Это привело к изменениям в системе хозяйствования, переходу к наемному труду и активному развитию различных секторов экономики, таких как капитальное строительство, энергетика, транспорт, рыболовство и сельское хозяйство. Руководство области уделяло больше внимания социальной сфере. Эти изменения потребовали активизации усилий региональных органов власти по развитию местной промышленности и торговли.

В научной литературе истории торговли на Северо-Востоке России посвящено исследование А.Н. Исакова, рассмотревшего проблему в широком хронологическом диапазоне². Автор обратил внимание на изменения системы государственного снабжения в 1950-е гг. и усиление роли местного производства, а также привел сведения по продаже основных товаров в Магаданской области. Важные сведения о развитии местной промышленности и деятельности Магаданского промкомбината применительно к периоду после 1953 г. приводятся в работе И.Д. Бацаева³. Отдельные данные по развитию местной промышленности и торговли Магаданской области содержатся в третьем томе «Истории Дальнего Востока России»⁴.

В предлагаемой статье на основе широкого круга впервые вводимых в научный оборот архивных источников из Государственного архива Магаданской области анализируются основные направления и конкретные результаты развития местной промышленности и торговли в Магаданской области в 1953 – начале 1960-х гг. Рассматриваются меры, предпринимавшиеся по созданию предприятий и расширению производства, проблемы материально-технического снабжения, динамика выпуска основных видов потребительских товаров.

Особенностью структуры управления местной промышленностью и торговлей в Магаданской области в рассматриваемый период было то, что, помимо органов региональной власти Магаданского обкома КПСС и облисполкома, действовала специализированная организация, осуществлявшая функции управления в регионе, – Дальстрой, а после его реорганизации в 1957 г. – орган государственной власти регионального уровня – совнархоз. На конец 1957 г. в состав основной промышленной деятельности совнархоза входили: 18 предприятий, добывающих золото, из них 2 рудника с фабриками; 5 предприятий, добывающих олово, из них 3 рудника с фабриками; 2 предприятия, добывающих уголь; 9 предприятий, добывающих и перерабатывающих рыбу; 9 предприятий машиностроения и металлообработки; 5 предприятий, производящих строительные материалы; 2 предприятия лесозаготовки и деревообработки; 6 районных электростанций; 17 предприятий автомобильного транспорта и шоссейных дорог; 13 прочих предприятий и организаций, обслуживающих промышленность. В состав совнархоза вошли также 15 самостоятельных строительных организаций, 27 геолого-разведочных экспедиций и участков, 18 организаций материально-технического снабжения и 49 торговых и сельскохозяйственных организаций⁵. В конце 1962 г. на основе слияния Магаданского и Якутского совнархоза был создан Северо-Восточный совнархоз с центром в г. Магадане. В состав совнархоза на 1 января 1963 г. входило 126 промышленных предприятий, 49 подрядных строительных организаций, 38 геолого-разведочных, 97 торговых и сельскохозяйственных, три проектно-изыскательские организации и один научно-исследовательский институт⁶. Однако нехватка развитой местной промышленности и товарного изобилия остро ощущалась в первые годы после образования Магаданской области. Для исправления сложившейся ситуации и наращивания производства товаров народного потребления региональными властями был разработан комплекс первоочередных мер.

² Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). Магадан, 1994.

³ Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан, 2007.

⁴ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4: Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е годы. Владивосток, 2009; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5: Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. Владивосток, 2016.

⁵ Райзман С.М. Развитие промышленно-производственного комплекса Совета народного хозяйства Магаданского экономического административного района в 1957–1962 гг. // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее. Магадан, 2004. С. 51.

⁶ Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск, 2015. С. 176–177.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1953 г. постановлением бюро обкома КПСС от 3 февраля 1954 г. были созданы комиссии по разработке мероприятий дальнейшего развития хозяйства и культуры Магаданской области. К 1 апреля 1954 г. комиссии представили предложения по мероприятиям по следующим направлениям: развитие геолого-разведочных работ, горно-рудной и обрабатывающей промышленности (отдельно по золотой и оловянной), энергетики, дорожного хозяйства и транспорта, местной строительной базы, жилищного и культурно-бытового строительства, рыбной промышленности, местной и кооперативной промышленности, сельского хозяйства, средств связи, здравоохранения, народного образования, культурно-просветительских учреждений, торговли и общественного питания⁷.

К моменту создания в декабре 1953 г. новых органов региональной власти – Магаданского обкома КПСС и облисполкома – обслуживающие отрасли промышленности, в особенности непроизводственные, находились в зачаточном состоянии, местная промышленность по существу отсутствовала. Многие промышленные и продовольственные товары для жителей области были недоступны. На пленуме Магаданского горкома в конце 1953 г. отмечалось, что «значительно легче перечислить, какие товары имеются, чем перечислить товары, которых нет в торговой сети годами»⁸. Отсутствовали парфюмерные товары, невозможно было найти в торговой сети одеколона, духов, пудры, бритвенных приборов, мебели, детской игрушки. В городе большинство магазинов находилось только в центральной части. По многим направлениям на предприятиях области ассортимент был крайне ограничен. Из-за отсутствия в торговой сети необходимых товаров широкого потребления и предметов хозяйственного назначения первой необходимости население за их приобретением было вынуждено обращаться к спекулянтам, которые торговали на рынках, перепродаюая по завышенным ценам товары, приобретенные в государственной торговой сети или изготовленные кустарным способом. В Магаданской области был создан торговый отдел облисполкома, тем не менее ключевым органом в снабжении региона вплоть до реорганизации Дальстроя в 1957 г. оставался трест «Колымснаб». В районах при исполкомах также были созданы торговые отделы и комиссии по торговле и закупкам.

Значительная часть работы по развитию местной промышленности и торговли выполнялась в этот период облисполкомом и его председателем П.Я. Афанасьевым. В ходе передачи советским органам предприятий местной и пищевой промышленности из Дальстроя были организованы областные управления промышленности и изменена структура управления, на самостоятельный баланс из Магаданского промкомбината выделили швейную фабрику, а из пищекомбината — пивоваренный завод⁹.

Основным типом предприятия местной промышленности являлся промкомбинат. Как отмечал И.Д. Бацаев, северные промкомбинаты являлись административным объединением разрозненных производств, «между которыми не существовало никакой технологической связи»¹⁰. Магаданский городской комбинат бытового обслуживания начал работу с июня 1955 г. Всего к 1958 г. в области действовало 20 предприятий местной промышленности, из них 4 – областного подчинения (Магаданская швейная фабрика, Ягоднинский промкомбинат, Магаданский промкомбинат, Стекольный завод), 16 – районного и Магаданский городской быткомбинат¹¹.

Предприятия Магаданской области, предприятия местной промышленности продовольственных товаров областного, окружного, городского и районного подчинения распоряжением Совета Министров СССР от 21 января 1955 г. освобождались от уплаты налога с оборота и налога с нетоварных операций¹². Каждый год распоряжением Совета Министров эта льгота продлевалась. Использование льгот для предприятий местной

⁷ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-21. Оп. 5. Д. 1. Л. 25–32.

⁸ Там же. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 283. Л. 36.

⁹ Там же. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 129. Л. 73–74.

¹⁰ Бацаев И.Д. Очерки истории... С. 193.

¹¹ Там же.

¹² ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 153. Л. 9.

промышленности и значительные средства позволили местной промышленности Магаданской области в 1954–1957 гг. увеличить выпуск продукции с 112,0 млн руб. до 152 млн руб., или на 43,5 %. Выпуск товаров народного потребления за этот период вырос с 36 млн руб. до 103 млн руб. (в 3,5 раза)¹³.

Местные органы власти активно включились в решение вопросов развития промышленности и торговли в регионе. Медленная передача служб в ведение советских органов, функциональная неразбериха порождали проблемы. Кроме того, на протяжении переходного периода важнейшие функции по управлению, торговле и снабжению фактически оставались подконтрольны Дальстрою. Особенно сложными для торговли и снабжения были первые годы после создания области, когда Дальневосточное пароходство не выполняло планы грузоперевозок, Колымснаб и Чукотторг не получали необходимые грузы вовремя, фиксировались отклонения от плана завоза товаров. Как отмечает А.Н. Исаков, поставки на Чукотку осуществлялись без заключения договоров, были курьезы, когда Владивостокская база завезла на Чукотку несколько тысяч пар подков для лошадей и купальных костюмов с запасом на 20 лет¹⁴.

По результатам проверки Министерства государственного контроля в 1956 г. дальнейшее существование треста «Колымснаб» в составе Дальстроя было признано нецелесообразным. Министерству цветной металлургии СССР предлагалось выделить трест «Колымснаб» из состава Дальстроя и передать в непосредственное подчинение ГлавУРСа Министерства цветной металлургии СССР¹⁵. Таким образом предполагалось подготовить почву для последующей передачи продовольственного снабжения и торговли Магаданской области в общесоюзную систему Министерства торговли СССР.

Основные суммы сверхплановых убытков Дальстроя образовывались в результате деятельности снабженческих, торговых, транспортных организаций, жилищно-коммунального и подсобного сельского хозяйства; в докладе Министерства государственного контроля в марте 1956 г. предписывалось вывести излишнее оборудование и технические материалы с территории Дальстроя, решить вопрос об организации перевозки наливом горючесмазочных материалов на предприятия Дальстроя по водным путям и о строительстве необходимых для этого нефтебаз и нефтеемкостей.

Морские порты Дальстроя, включая Нагаево, Эгвекинот, Певек и Нижне-Янский порт, а также имеющийся в Дальстрое морской флот, предписывалось до 1 августа 1956 г. передать в Министерство морского флота СССР, а Министерству речного флота СССР принять от Дальстроя речной флот, пристани и порты, находящиеся на р. Яна, Колыма и Индигирка и обеспечить перевозку грузов предприятиям и организациям Дальстроя в соответствии с его заявками¹⁶.

После реорганизации Дальстроя в 1957 г. Постановлением Совета Министров РСФСР от 10 ноября 1957 г. при Магаданском совнархозе было создано Управление рабочего снабжения (УРС) на базе бывшего треста «Колымснаб». В структуру УРСа вошли 19 торгово-снабженческих организаций и 9 отделов, в том числе торговый отдел¹⁷. Однако первые годы работы на складах скопилось много излишков, которые вынуждены были продавать за пределы области. Кроме того, в 1958 г. в СССР был введен новый порядок снабжения централизованными фондами, и хотя для Магаданской области централизованное снабжение сохранялось, оно было значительно ограничено лимитами¹⁸.

Нехватка централизованного снабжения требовала дальнейшего усиления развития местной промышленности, в том числе собственного производства продуктов питания. Объем выпуска продукции товаров народного потребления по областному управлению местной промышленности составил в 1957 г. 13,2 млн руб., в 1958 г. – 16,4 млн, в 1959 г. –

¹³ Там же. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.

¹⁴ Исаков А.Н. История торговли... С. 200.

¹⁵ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 474. Л. 95.

¹⁶ Там же. Л. 94.

¹⁷ Исаков А.Н. История торговли... С. 201.

¹⁸ Там же. С. 202–203.

19,2 млн, в 1960 г. – 23,8 млн, в 1961 г. – 26,8 млн руб.¹⁹ Объем выпуска продукции товаров народного потребления по областному управлению местной промышленности с 1957 по 1960 г. возрос в два раза. Основные показатели производства товаров широкого потребления в конце 1950-х гг. представлены в таблице.

Таблица

**Производство товаров широкого потребления
в натуральном выражении в 1958–1960 гг.**

Наименование товаров	Ед. изм.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Основные показатели				
Валовая продукция	тыс. руб.	17 006	19 948	24 667
Числен. пром. произв. персонала	чел.	3 269	3 567	3 894
Выработка на 1 работающего	руб.	5 202	5 592	6 335
Виды изделий				
Мебель	тыс. руб.	553	654	759
Швейные изделия	тыс. руб.	956	1 065	1 055
Хромовые кожтовары	тыс. кв. дцм	3 143	4 256	5 164
Хлебобулочные изделия	т	10 493	11 463	12 992
Макаронные изделия	т	1 228	1 171	1 227
Кондитерские изделия	т	799	929	937
Колбасные изделия	т	928	989	1 585
Цельномолочная продукция	т	1 325	2 059	2 572
Пиво	тыс. дкл	482,1	609,8	677,4
Варенье	т	38,6	37,3	21,5

Источник: ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 430. Л. 228.

Местная промышленность Магаданской области была ориентирована на производство товаров народного потребления для удовлетворения спроса населения региона. Ключевыми отраслями были пищевая промышленность (хлебопечение, молочная, мясо-колбасная, пивоваренная, безалкогольных напитков), швейная, обувная, деревообрабатывающая и мебельная, полиграфическая промышленность, а также бытовое обслуживание. Предприятия областного подчинения размещались как в Магадане, так и в районных центрах, сочетая областные и районные производства. Решающую роль играли областные предприятия в крупных отраслях. Предприятия, входившие в структуру совнархоза, в основном были направлены на обеспечение деятельности горной промышленности. Это предприятия, производящие строительные материалы, предприятия деревообработки, а также торговые и сельскохозяйственные организации. Как отмечают исследователи, доля предприятий

¹⁹ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 430. Л. 89.

Министерства легкой промышленности на Дальнем Востоке составляла 0,02 %, а по совнархозам она не превышала 5–7 %.²⁰

На заседании седьмого пленума обкома КПСС от 12 сентября 1961 г. утверждался отчетный доклад Магаданского обкома VI областной партийной конференции. Согласно предложениям участников, именно совнархоз должен был разработать план развития местной промышленности и организовать единое руководство²¹. Перед управлением местной промышленности также ставились задачи увеличения выпуска промышленных товаров, расширения ассортимента и улучшения качества продукции, был осуществлен ряд организационно-технических мероприятий, выполнены работы по расширению и реконструкции действующих цехов и предприятий и капитальному строительству промышленных объектов.

Самым крупным полиграфическим предприятием была Магаданская областная типография, выпускавшая областные газеты, книги, журналы, плакаты и другую печатную продукцию. Типография с 1954 г. размещалась в помещении, принятом от бывшего дальстроевского издательства «Советская Колыма», в полуразвалившемся одноэтажном деревянном строении. Из-за низких потолков было невозможно использовать новое оборудование, которое лежало на складе, и многочисленные комиссии неоднократно предписывали перенести типографию в другое помещение. В 1957 г. облисполком просил Министерство культуры РСФСР предусмотреть средства для строительства нового здания.

Полиграфическая промышленность области в 1958 г. насчитывала 16 типографий областного подчинения. В 1955–1958 гг. полиграфические предприятия получили свыше 100 единиц различного оборудования, объем производства за этот период вырос с 4,6 до 5,8 млн руб.²² После установки нового оборудования повысилось качество полиграфического исполнения и красочность издаваемых газет. Товарооборот облкниготорга в 1955–1957 гг. составлял около 8,5–10,5 млн руб. в год, годовые планы не выполнялись. В результате завоза товаров и невыполнения установленных планов образовывались большие запасы товаров, в середине 1958 г. товарные запасы на складах составили в денежном выражении 19,2 млн руб.²³ Одной из причин были большие тиражи местных изданий, которые не пользовались спросом и годами лежали на складе. Книготорговая сеть в конце 1950-х гг. состояла из 17 магазинов, двух стационарных киосков, библиотечного коллектора и базы. Помимо стационарной торговли, в области на комиссионных работало 90 чел. контрагентов²⁴. С 1956 по 1960 г. среди населения Магаданской области реализовывалось около 8–10 тыс. книг ежегодно²⁵.

В 1961 г. была сдана в эксплуатацию новая сапоговальня фабрика в Магадане. Кустарное производство валенок было заменено машинным производством. В 1961 г. проектная мощность фабрики превысила 100 тыс. пар валенок в год²⁶. Производство мебели возросло с 660,0 тыс. руб. в 1959 г. до 849,0 тыс. руб. в 1961 г. В целях дальнейшего увеличения производства мебели в области проектной организацией «Гипроспецлес» по заказу управления местной промышленности проектировалось строительство мебельной фабрики в Магадане с годовым объемом производства в 800–1 000 тыс. руб.²⁷ На действующих предприятиях были расширены производственные площади деревообрабатывающих цехов Магаданского промкомбината, Иультинского и Среднеканского райпромкомбинатов. На Магаданском промкомбинате произведено дополнительное расширение с установкой оборудования для производства древесно-стружечных плит, построен отапливаемый склад мебели, оборудовано новое малярное отделение. В Чаунском и Среднеканском райпромкомбинатах построены паровые лесосушки, разработана и начата реконструкция деревообра-

²⁰ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4... С. 228.

²¹ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 232. Л. 1.

²² Там же. Д. 603. Л. 3.

²³ Там же. Д. 608. Л. 42–46.

²⁴ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.

²⁵ Там же. Д. 176. Л. 55.

²⁶ Там же. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 430. Л. 90.

²⁷ Там же.

батывающих цехов и лесосушилок Омсукчанского и Тенькинского райпромкомбинатов. Вновь построены деревообрабатывающий цех в Чаунском и столярная мастерская в Беринговском райпромкомбинатах.

Предприятиям области, производящим мебель, в 1959–1962 гг. было направлено специальное деревообрабатывающее оборудование, в том числе лесопильные рамы, циркульные пилы, фуговочные, рейсмусные, фрезерные, шлифовальные, ленточнопильные станки и прочее оборудование. В начале 1960-х гг. взамен старых образцов начали изготовление мебели новых видов для малогабаритных квартир семейного заселения. В 1960 г. было изготовлено 60 изделий, в 1961 г. – 2 412 изделий, среди которых диван-кровать, секретер, тахта, тумбы для белья, книжный шкаф, пуф, буфет, трюмо и др.²⁸ В целях укомплектования мебельных цехов квалифицированными рабочими в 1960–1961 гг. из центральных областей страны были завезены 116 чел. столяров, выпускников ремесленных училищ²⁹. К 1963 г. мебель изготавлялась во всех центральных районах области, а также в Анадырском, Чаунском, Беринговском и Иультинском районах Чукотского национального округа.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. расширилась сеть бытового обслуживания. В Магадане, Сусумане, Провидения и Сеймчане работали ателье по индивидуальному пошиву верхней одежды. Были открыты новые ателье пошива одежды в Магадане, а также бытовые мастерские в поселках Беринговский, Марково, Угольные Копи, Иультин, Северо-Эвенск, Сеймчан, расширены производственные площади швейных цехов в поселках Лаврентия, Провидения, Ягодном, Усть-Омчуге. В каждом районном центре области и ряде крупных поселков, как, например, Палатка, Гастелло, Марково, Нексикан и др., имелись бытовые мастерские местной промышленности.

Кроме города Магадана, были открыты химчистки одежды в поселках Усть-Омчуг, Сусуман, Певек, Нижний Сеймчан, новые бытовые комбинаты в пос. Нагаево (Магадан), в Эгвекиноте, Угольных Копях. Швейные предприятия и цеха в 1960–1961 гг. получили 285 единиц нового технологического оборудования, при управлении местной промышленности прошли повышение квалификации 34 чел. закройщиков с предприятий области³⁰. В составе Магаданского городского быткомбината в 1961 г. был организован цех по производству кожаной галантереи, наложен массовый выпуск таких изделий, как мужские и дамские перчатки, детские шлемики, дамские сумки, кошельки и др. Магаданский горбыткомбинат, Иультинский, Чаунский и Провиденский райпромкомбинаты начали пошив кожаных пальто и курток, а также меховых шапок из пыжика. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. полностью реконструирован цех производства товаров широкого потребления Магаданского промкомбината: это дало возможность увеличить выпуск и улучшить качество изделий хозяйственного назначения и игрушек, цехом изготавливались 20 видов изделий хозяйственного назначения, 11 видов оцинкованной посуды, 30 видов детских игрушек³¹.

Одной из основных проблем в развитии предприятий местной промышленности были трудности материально-технического снабжения. Фиксировались перебои и недоставка качественных сталей для топливной аппаратуры, абразивных и шлифовальных материалов, поставка низкокачественной мебельной фурнитуры и лакокрасочных материалов, швейные предприятия испытывали недостаток в ходовых тканях, прикладных материалах и запасных частях для оборудования. Ремонт технически сложных товаров и предметов бытовой техники практически не удавалось обеспечить запасными частями. В начале 1960-х гг. пищевые предприятия местной промышленности испытывали сложности по выпуску колбасных изделий и молочнокислой продукции из-за срывов поставок сырья (свежего мяса и сухого молока) торговыми организациями области.

Система управления торговыми организациями оставалась сложноорганизованной, так как в области действовало областное управление торговли, Магаданский торг УРСа,

²⁸ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 430. Л. 92.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 93.

³¹ Там же.

Чукотский окружной, Магаданский городской и районные торговли, Чукотторг и районные торговые конторы. В конце 1959 г. Чукотторг был передан в подчинение Магаданскому облисполкому, организовано Управление Госинспекции качества товаров и торговли, изменились функции управления и его органов в районах. Областное управление торговли планировало дальнейшую реорганизацию торговли в области путем объединения торгов Иультинского и Чукотского районов, передачи оптовой торговли в ведение Министерства торговли, а Магаданского горторгра из системы УРСа в управление торговли.

Эти вопросы рассматривались на заседании бюро обкома КПСС 9 августа 1960 г. «Об упорядочении структуры организационного построения розничных и оптовых торгующих организаций в Магаданской области». У всех участников заседания были различные мнения по передаче торгующих организаций, решить вопрос на областном уровне без привлечения представителей Министерства торговли не представлялось возможным. Магаданский совнархоз согласился с передачей Магаданского горторгра, но выступил против передачи Находкинской конторы, за которой числилось два совхоза, и в этом его поддержал первый секретарь обкома П.Я. Афанасьев, понимавший, что в случае передачи вопросы финансирования совхозов предстоит решать с Министерством сельского хозяйства. Афанасьев резюмировал итоги совещания: «Я считаю, что этот вопрос нужно отложить, он не подготовлен. Нужно вынести решение обкома, облисполкома, пригласить из Министерства торговли через Совет Министров и послать в ЦК шифровку – в связи с последними решениями возникли многие вопросы, которые требуется разрешить на месте, и просим выслать к нам таких-то товарищей. Когда они ознакомятся с этими вопросами, что им выгодно – возьмут себе, а что невыгодно – оставят нам»³².

В январе 1961 г. секретарь горкома КПСС В. Крюков сообщал П.Я. Афанасьеву о ходе обмена денег и изменения масштаба цен в Магадане: «Обменными пунктами принято денег от населения в сумме 1 миллиард и соответственно выдано новых денежных знаков 100 тысяч рублей. В торговой сети продовольственные товары имеются в широком ассортименте, за исключением колбасных изделий. Перебоев в торговле мясом, молоком, маслом и конфетами нет. Повышенного спроса на эти товары со стороны населения нет. На городском рынке повышения цен в связи с обменом денег не наблюдается. Все предприятия бытового обслуживания и общественный транспорт обеспечены разменной монетой нового образца. <...> Отрицательных высказываний и настроений в связи с обменом денег и изменением масштаба цен в городе не имеется»³³. В торговой сети и на предприятиях общественного питания был проведен пересчет цен. Во всех магазинах и столовых обновлены ценники в соответствии с новыми ценами.

При этом цены в Магаданской области были выше цен в центральных районах страны почти на 70 %, по фактическому потреблению продуктов населением области разница в стоимости превышала 90 %³⁴. По расчетам Магаданской областной плановой комиссии и совнархоза, затраты на приобретение одежды на семью из четырех человек в Магаданской области были почти вдвое выше, чем в центральных районах страны. В 1963 г. комитет партийно-государственного контроля Магаданского обкома КПСС и облисполкома провел проверку соблюдения розничных цен на товары «народного потребления» и правил торговли. Из 293 проверенных предприятий торговли области в 279 магазинах, столовых, торговых предприятиях выявлены различные нарушения, самое распространенное из которых – продажа товаров населению по завышенным ценам³⁵.

Положительным моментом по сравнению с прошлым периодом явилось улучшение в деле снабжения населения продуктами. По данным управления местной промышленности, потребление товаров на 1 чел. в среднем по области в 1960 г. составило: хлебобулочные изделия – 52,3 кг, макаронные изделия – 4,9 кг, кондитерские изделия – 3,8 кг, колбасные

³² ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 207. Л. 163–164.

³³ Там же. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 788. Л. 1–2.

³⁴ Там же. Ф. Р-248. Д. 1. Л. 64–65.

³⁵ Там же. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 334. Л. 74–75.

изделия – 6,3 кг, цельномолочная продукция – 10,3 кг, пиво – 2,7 дкл, варенье – 0,09 кг³⁶. Продажа населению молока и яиц увеличилась за счет роста производства, по мясу, картофелю и овощам ежегодно увеличивались объемы завоза из других областей. С развитием местной промышленности и улучшением программы завоза удалось снизить нехватку многих товаров, имевшую место в 1950-е гг., однако оставались проблемы, связанные с дефицитом и качеством потребляемых товаров. Тем не менее торговой сети не хватало. По данным А.Н. Исакова, в 1958 г. на одну торговую точку в Магадане приходилось 800 покупателей (в СССР – 408). Ситуация несколько улучшилась к середине 1960-х гг. В 1964 г. количество предприятий розничной торговли составило 939, а общественного питания – 498, товарооборот достиг 303,2 млн руб.³⁷ В целом по Дальнему Востоку наблюдались высокие темпы увеличения продажи телевизоров, холодильников, стиральных машин³⁸. После публикации в 1962 г. в газете «Магаданская правда» фельетона «Двойка по холодильнику» руководство области обратило внимание на случаи отправки из Магадана в центральные районы страны товаров повышенного спроса. Вопрос рассматривался на бюро обкома 19 апреля 1962 г., после чего было инициировано проведение проверок по линии партийных комитетов и организаций области. В результате проверки выяснилось, что с января 1961 г. по апрель 1962 г. из Нагаевского морского порта в центральные районы страны было отправлено 142 мотоцикла, 20 пианино, 34 холодильника, 5 стиральных машин. В 1959–1961 гг. через морской порт Певек вывезено 17 легковых автомашин, 31 мотоцикл, 12 холодильников, 3 пианино, 2 стиральные машины, 13 швейных машин³⁹. Магаданский облисполком своим решением от 26 апреля 1962 г. запретил отправку за пределы области морским и авиационным транспортом легковых автомашин, мотоциклов, холодильников, а также других товаров повышенного спроса и строительных материалов, если их владельцы не выезжали за пределы области на постоянное место жительство.

Производство пищевых продуктов к началу 1960-х гг. было организовано во всех районах области. В некоторых районах (Ягоднинском, Сусуманском, Тенькинском) и г. Магадане имелись специализированные предприятия, вырабатывающие только пищевые продукты, включая хлебобулочные, колбасные, макаронные, кондитерские изделия, молочную продукцию, пиво, безалкогольные и винно-водочные изделия. В остальных райцентрах и Чукотском национальном округе продовольственные товары выпускались пищевыми цехами, организованными при райпромпищекомбинатах.

В 1959 г. производственные мощности по переработке молока на молочную продукцию составляли до 2,5 т год, но уже к 1962 г. выросли до 8,1 т в год за счет ввода в эксплуатацию молочного завода в Магадане, строительства нового молочного цеха в пос. Ягодном, реконструкции молочного цеха в пос. Транспортном, оборудования молочных цехов в Сеймчане, Омсукчане, Северо-Эвенске, Берингово и других райпромпищекомбинатах области⁴⁰. Ввод в эксплуатацию новых производственных мощностей позволил расширить ассортимент выпускаемой готовой молочной продукции. Большинством предприятий освоен выпуск молочного напитка «Снежок», простоквashi, ряженки, ацидофильного молока, сметаны, сливок и др.

Мясоперерабатывающая промышленность также увеличила производственные мощности по выпуску колбасных изделий с 985 т в 1959 г. до 3 006 т в 1962 г.⁴¹ Была произведена реконструкция колбасного цеха Магаданского пивоваренного завода с полной механизацией технологических процессов, в связи с чем мощность колбасного цеха возросла с 2,5 до 6 т в сутки. Были введены в эксплуатацию механизированные колбасные цеха в пос. Транс-

³⁶ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 430. Л. 229–231.

³⁷ Исаков А.Н. История торговли... С. 209.

³⁸ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). Владивосток, 1998. С. 125.

³⁹ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 481. Л. 128–129.

⁴⁰ Там же. Д. 430. Л. 97.

⁴¹ Там же. Л. 98.

портном с производственной мощностью 500 т в год и в Нижнем Сеймчане на 300 т в год⁴². Мясоперерабатывающими предприятиями области выпускался широкий ассортимент колбасных изделий до 35 наименований и мясокопченостей. Улучшалось качество выпускавшейся продукции, осваивался выпуск новых видов колбасных изделий и другой мясной продукции из оленины.

Кустарный цех Магаданского пищекомбината выпускал кондитерские сахаристые изделия, в 1960 г. объем выпуска составил 57 т. Объем производства безалкогольных напитков увеличился с 157 тыс. дкл в 1960 г. до 188 тыс. дкл в 1962 г., в основном за счет организации выпуска в районах Чукотского национального округа, где все райпромпищекомбинаты были оснащены новым оборудованием и обеспечены сырьем для производства безалкогольных напитков⁴³. Ассортимент безалкогольных напитков был расширен за счет производства новых видов продукции, вырабатываемых по разработанным технологическим инструкциям и рецептограммам инженерно-техническими работниками продовольственного отдела управления местной промышленности и предприятий, в их числе были популярные у населения напиток «Кедровый», минеральные напитки вода «Тальская» и вода «Мотыклиевская». Объем выпуска макаронных изделий к 1962 г. достиг 1 440 т за счет расширения ассортимента. В 1961 г. было закончено строительство второй очереди Магаданского пивоваренного завода. Пивоваренной промышленностью выпускались различные сорта пива с использованием местного сырья. В начале 1960-х гг. предприятия области освоили розлив виноградных вин: в 1960 г. было разлито 282 тыс. дкл, в 1962 г. – 400 тыс. дкл⁴⁴.

Хлебопекарная отрасль промышленности в основном развивалась за счет ввода новых механизированных пекарен и ликвидации старых, мелких и кустарных полуразрушенных пекарен, находившихся в ведении совнархоза. Управление местной промышленности ввело в строй новые механизированные пекарни производственной мощностью до 10 т в сутки, после чего совнархозом были ликвидированы мелкие пекарни в пос. Омчак, Хинькянже, Гастелло, Транспортный, Нелькоба⁴⁵. В 1962 г. после начала работы хлебозавода в пос. Сусуман прекратили деятельность мелкие кустарные пекарни в пос. Сусуман, Нексикан, Берелех и другие пекарни в радиусе 40 км. Были приняты от совнархоза и реконструированы пекарни в пос. Ягодное, Усть-Омчуг, Палатка, Спорное, Урелики. В 1960–1962 гг. производственная мощность хлебопекарных предприятий возросла с 12,9 до 22,3 тыс. т⁴⁶. Хлебопекарными предприятиями выпускались новые виды продукции, включая хлеб пшенично-ржаной, ржаной заварной, забайкальский, чайный, домашний, московский, горчичный, кислосладкий, калач саратовский, сайки с изюмом, батон городской, булку молочную, баранки горчичные, сухари детские, бублики с маком, всего 16 наименований.

Таким образом, в 1953 – начале 1960-х гг. властями Магаданской области был предпринят целый комплекс мероприятий, направленных на создание собственной промышленности по производству широкого ассортимента потребительских товаров и продуктов питания. В производственной сфере Северо-Востока основную роль стали играть затраты на оплату труда и транспортные издержки, которые были в 2–3 раза выше по заработной плате и в несколько раз выше по транспорту в сравнении с центральными районами страны и районами Дальнего Востока. Повышенные затраты на оплату труда были связаны с тяжелыми северными природными условиями и льготами, установленными для районов Крайнего Севера. Высокие транспортные издержки были обусловлены огромными расстояниями для поставки в Магаданскую область товаров и грузов, которые доставлялись разными видами транспорта и проходили через несколько перевалок, а также доставки по территории региона как автомобильным транспортом, так и с использованием авиации и специальной техники в зимнее время. Высокие издержки отражались в итоговой стоимости материалов, жидкого топлива, оборудования, предметов потребления и продуктов, которые завозились в область.

⁴² ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 481. Л. 98.

⁴³ Там же. Л. 99–100.

⁴⁴ Там же. Л. 100.

⁴⁵ Там же. Л. 99.

⁴⁶ Там же.

Отсутствие развитой розничной торговой сети и нехватка товаров местного производства являлись серьезными проблемами в обеспечении населения Северо-Востока необходимыми промтоварами и продуктами питания. Значительная часть централизованных поставок продовольствия и промтоваров осуществлялась через трест «Колымснаб» Дальстроя. После его реорганизации в 1957 г. возникли трудности со снабжением, на складах скопились большие излишки товаров. Введение жестких лимитов на централизованное снабжение в 1958 г. обострило ситуацию и требовало форсированного развития местного производства.

Создание совнархоза в Магаданской области в 1957 г. означало передачу ряда полномочий сверху вниз и расширение прав региональных органов управления. Однако на практике эффективность этого процесса была неоднозначной. В состав совнархоза вошли предприятия горнодобывающей, топливной, транспортной отраслей, а также строительства, торговли и сельского хозяйства. С одной стороны, такая структура позволяла совнархозу более гибко и оперативно управлять экономическим комплексом Магаданской области. Например, совнархоз смог оперативно мобилизовать ресурсы для ускорения строительства Иультинского горно-обогатительного комбината и запустить его в 1959 г. До 1957 г. управление местной промышленностью в Магаданской области осуществлялось органами региональной власти Магаданской области (обкомом КПСС и облисполкомом) и Дальстроем. После ликвидации Дальстроя в 1957 г. было создано Управление рабочего снабжения при Магаданском совнархозе на базе бывшего треста «Колымснаб». В структуру УРС вошли торгово-снабженческие организации, в том числе торговый отдел.

Структура управления торговыми предприятиями была многоуровневой и включала различные региональные и районные органы. К концу 1959 г. произошли значительные изменения: Чукотторг перешел под управление Магаданского облисполкома, было создано Управление Государственной инспекции качества товаров и торговли, а также пересмотрены функции управлеченческих структур на местах. Планы областного управления торговли включали в себя реорганизацию торговли путем передачи оптовой торговли под контроль Министерства торговли и перевод Магаданского горторга из системы УРСа совнархоза под непосредственное руководство областного управления торговли.

Предприятия строительства и торговли, сельского хозяйства функционировали как обеспечивающие для основной отрасли совнархоза – горнодобывающей. Сохранялось и дублирование функций с советскими и партийными органами, возникала путаница с финансированием отдельных проектов. Реформа 1957 г. не привела к кардинальному повышению эффективности управления экономикой Магаданской области. Она носила противоречивый характер. Эволюция управлеченческих практик шла медленно и сохраняла многие черты прежней централизованной системы Дальстроя. Полноценный переход к новой модели территориально-производственного управления занял не один год.

Объем выпуска продукции товаров народного потребления по областному управлению местной промышленности с 1957 по 1961 г. возрос в два раза. В натуральном выражении производство важнейших видов продукции в 1960 г. составило: хлебобулочных изделий – 13 тыс. т, макаронных изделий – 1,2 тыс., колбасных изделий – 1,6 тыс., цельномолочной продукции – 2,6 тыс. т, пива – 677 тыс. дкл. Расширение ассортимента и рост объемов производства позволили значительно улучшить снабжение населения товарами первой необходимости по сравнению с началом 1950-х гг.

В целом развитие местной промышленности стало одним из ключевых направлений развития региона, было осуществлено строительство ряда новых предприятий, расширение и реконструкция действующих производств, что позволило увеличить выпуск таких важнейших товаров, как мебель, швейные изделия, обувь, колбасные изделия, молочная и мясная продукция. Несмотря на обстоятельства переходного периода, удалось добиться расширения ассортимента промышленных и продовольственных товаров, улучшения бытового обслуживания населения. К началу 1960-х гг. отмечались позитивные сдвиги в сфере местной промышленности и торговли Магаданской области. Вместе с тем на протяжении

рассматриваемого периода сохранялись серьезные проблемы со стабильным материально-техническим снабжением предприятий, не хватало квалифицированных кадров. Тем не менее развитие местной промышленности и торговли внесло значительный вклад в улучшение обеспечения населения жизненно необходимыми товарами и продуктами в условиях Северо-Востока страны.

Литература

- Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 255 с.
- Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
- Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 466 с.
- Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). Магадан: Магаданская книжная типография, 1994. 260 с.
- История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4: Мир после войны: Дальневосточное общество в 1945–1950-е годы / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 694 с.
- История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5: Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Вашук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
- Райзман С.М. Развитие промышленно-производственного комплекса Совета народного хозяйства Магаданского экономического административного района в 1957–1962 гг. // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее. Магадан, 2004. С. 51.

References

- Bacaev, I.D. (2007). *Ocherki istorii Magadanskoy oblasti (nachalo 20-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [Essays on the History of the Magadan Region (Early 20s – Mid 60s of 20th Century)]. Magadan, SVKNII DVO RAN. 255 p.
- Isakov, A.N. (1994). *Istoriya torgovli na Severo-Vostoke Rossii (XVII—XX vv.)* [History of Trade in the North-East of Russia (17th–20th Centuries)]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 260 p.
- Larin, V.L., Vashchuk, A.S. (Eds.). (2009). *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 4: Mir posle voyny: Dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg.* [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 4: The World after the War: Far Eastern Society in 1945–1950s]. Vladivostok, Dal'nauka. 696 p.
- Larin, V.L., Vashchuk, A.S. (Eds.). (2016). *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5: Obshchestvo i vlast' na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg.* [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and Government in the Russian Far East in 1960–1991]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 940 p.
- Rayzman, S.M. (2007). Razvitiye promyshlennoproizvodstvennogo kompleksa Soveta narodnogo khozyaystva Magadanskogo ekonomicheskogo administrativnogo rayona v 1957–1962 gg. [Industrial Complex of SNKh MEAR in 1957–1962]. In *Severo-Vostok Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. No. 2, pp. 154–170.
- Vashchuk, A.S. (1998). *Sotsial'naya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40 – 80-kh godov XX v.)* [Social Policy in the USSR and Its Implementation in the Far East (Mid 40s–80s of the 20th Century)]. Vladivostok, Dal'nauka. 212 p.
- Zelyak, V.G. (2015). *Valyutnyy tsekh strany: istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928–1991 gg.* [Foreign Exchange Shop of the Country: The History of the Development of the Mining Complex of the North-East of Russia in 1928–1991]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 466 p.

А.С. Ващук*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ В МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1990-Е – НАЧАЛО 2000-Х ГОДОВ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-4

УДК 33.021.8

Выходные данные для цитирования:

Ващук А.С. Социальные последствия радикально-либеральных реформ в Магаданской области (1990-е – начало 2000-х годов) // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 47–59. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-04.pdf>

A.S. Vashchuk*

SOCIAL CONSEQUENCES OF RADICAL LIBERAL REFORMS IN THE MAGADAN REGION (1990S – EARLY 2000S)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-4

How to cite:

Vashchuk A.S. Social Consequences of Radical Liberal Reforms in the Magadan Region (1990s – Early 2000s) // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 47–59. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-04.pdf>]

Abstract. The novelty of the article lies in the use of the method of synthesis of socio-political, socio-economic and anthropological tools. The consequences of the reform are examined in quantitative and socio-anthropological aspects. The presence of all the signs of a “trauma society” has been proven as the main result of the implementation of systemic reforms in the Magadan region. The main traumatic factor has been identified – privatization, as well as the direct and indirect phenomena accompanying it: the depreciation of northern benefits, the emergence of new poverty and a new type of stratification, the ruination of villages, the reduction of employment in the extractive industries, a powerful outflow of the population, criminalization in gold mining and the fishing industry. In the region, these trends were especially clearly visible in the first half of the 1990s, when the population experienced pressure from opposing social processes. The first is the emerging desire of people to live according to the norms of the “Western world” against the background of the fall of the remnants of the ideological and social “curtain” from Western values during the years of perestroika and which did not subside yet in the first half of the 1990s. The second is “predatory” type privatization in the presence of large-scale natural resources and the development of the shadow economy. All this happened against the backdrop of public recognition by the regional authorities of the situation of a humanitarian catastrophe. The emergence of new poverty and a new type of stratification as a result of not only unemployment, but also poverty among workers has been proven. The influence of regional policy, in particular its migration component, based on the liberal idea, on social consequences has been established, which also led to the formation of a “society of trauma”.

Keywords: reforms, privatization, migration, regional politics, gold mining industry, Magadan region.

The article has been received by the editor on 29.03.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ангелина Сергеевна Ващук**, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: va_lina@mail.ru

Angelina Sergeevna Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Аннотация. Новизна статьи заключается в использовании метода синтеза социально-политического, социально-экономического и антропологического инструментария. Последствия реформ исследуются в количественном и социально-антропологическом измерении. Доказано наличие всех признаков «общества травмы» как основного итога реализации системных реформ на территории Магаданской области. Установлен главный травмирующий фактор – приватизация, а также сопутствующие ей прямые и косвенные явления: обесценивание северных льгот, появление новой бедности и нового типа расслоения, руинизация поселков, сокращение занятых в добывающих отраслях, мощный отток населения, криминализация в золотодобыче, в рыбной отрасли. На территории области эти тенденции особенно ярко прослеживались в первой половине 1990-х гг., когда население испытывало давление противоположных между собой социальных процессов. Первый – это возникшее желание людей жить по нормам «западного мира» на фоне падения остатков идеологического и социального «занавеса» от западных ценностей в годы перестройки, не склонившее еще в первой половине 1990-х гг. Второй – приватизация «грабительского» типа при наличии масштабных природных ресурсов и развитие теневой экономики. Все это происходило на фоне публичного признания региональной властью ситуации гуманитарной катастрофы. Доказано появление новой бедности и нового типа расслоения в результате не только безработицы, но и бедности у работающих. Установлено влияние региональной политики, в частности ее миграционной составляющей, основанной на либеральной идее, на социальные последствия, что также вело к формированию «общества травмы».

Ключевые слова: реформы, приватизация, миграция, региональная политика, золотодобывающая отрасль, Магаданская область.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 г.

Введение. Северо-восток¹ как значительная часть национальной территории всегда представлял большой интерес для политиков и исследователей. И сегодня он остается зоной повышенного внимания, что обусловлено тем значением, которое эти территории имеют для экономики и безопасности страны в условиях глобализации. В XXI в. в мире развернулась борьба за природные ресурсы, и проблема изучения специфики развития северо-востока России еще больше актуализировалась.

Тема социальных последствий радикальных преобразований в регионе уже затрагивалась в исследованиях экономистов² и историков³. Одним из первых авторов, обративших свое внимание к начальному этапу либеральных реформ в Магаданской области, стал А.Н. Исаков⁴. А.Н. Пилясов предложил периодизацию истории преобразования собственности в регионе, выделив два этапа⁵. Важно отметить вклад магаданских архивистов и историков, собравших и систематизировавших значительный пласт документов⁶. Но в современной литературе по-прежнему преобладает количественный анализ структурных изменений

¹ В публикациях встречается другое название – северные территории Дальневосточного федерального округа. Чукотка в 1992 г. стала самостоятельным субъектом РФ, тема рассматривается в рамках Магаданской области.

² Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 10–20.

³ Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020. Владивосток, 2023. С. 62, 64, 66, 69 и др.

⁴ Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России в конце ХХ в. (1996–2000): Страницы летописи новейшей истории. Магадан, 2005.

⁵ Пилясов А.Н. Региональная собственность в России: свои и чужие // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 84–111.

⁶ Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты. Магадан, 2015. С. 10.

в формах собственности в регионе, что актуализирует введение элементов социально-антропологического метода в историческое исследование.

В статье используются архивные, статистические источники и материалы СМИ, раскрывающие отдельные сведения по реакции населения на социальные последствия радикальных реформ. В научный оборот вводятся художественные произведения магаданских литераторов, отражающие социальное самочувствие северян сквозь призму видения этой социально-профессиональной группы.

Цель статьи – установить характер последствий радикальных рыночных реформ в Магаданской области. Для этого предполагается решить две задачи: выявить роль приватизации как основного травмирующего фактора социума, а также как фактора сокращения занятого населения; установить влияние региональной политики, в частности ее миграционной составляющей, на социальные последствия в регионе.

Для характеристики социальных последствий используется понятие «самочувствия» местного сообщества, которое дополняется концепцией «общества травмы». Ее основоположником является П. Штомпка⁷, который определяет такое общество как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями. Россия 1990-х гг. как «общество травмы» рассматривалось И. Крастевым⁸. Но даже успешные и объективно полезные реформы могут на субъективном и групповом уровнях переживаться как травма.

Ситуация в социуме иногда анализируется в контексте социальных рисков, возникающих в результате внедрения неолиберальных реформ, но пока это отражается в работах немногих отечественных исследователей (Е.Л. Мотрич, С.Н. Найден и др.)⁹ и зарубежных ученых (М. Беннет¹⁰ и др.).

Применительно к региону мы рассматриваем состояние социума, возникшее под воздействием таких травмирующих факторов, как приватизация, банкротство предприятий, безработица, высокая инфляция, появление групп с новыми источниками доходов, включая теневые, обесценивание системы преференций для жителей Севера, резкое падение уровня жизни, разрушение населенных пунктов, возникновение новых иерархий социальной стратификации. То есть такие индикаторы, которые социологи применяют для раскрытия социального самочувствия¹¹. Концепция «общества травмы» используется нами в совокупности с классическими методами исторической науки (хронологический, сравнительный методы, факторный анализ), а также с учетом достижений политической регионалистики и теории пространственной экономики¹².

Приватизация как фактор формирования локального «общества травмы». В России разделение собственности между федеральной и региональной реализовывалось на основе Постановления ВС РФ 1991 г.¹³ В итоге горнодобывающая, топливная электроэнергетика, связь, геологоразведка были отнесены к федеральной собственности. В Магаданской области в кратчайшие сроки появились органы управления распродажей государственного имущества¹⁴. К началу декабря 1992 г. в Комитет по управлению государственным

⁷ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

⁸ Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3. С. 79–87.

⁹ Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67; Историческая динамика социальных рисков...

¹⁰ Bennet M. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 2020. Vol. 45, Iss. 2. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 12.03.2024).

¹¹ Суняйкина О.Н. Понятие «Социальное самочувствие» в социологии // Вестник Московского государственного университета. 2011. № 3. С. 98–101.

¹² Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск, 2014.

¹³ Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» (ред. от 24.12.1993).

¹⁴ Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 26в 32. Л. 133.

имуществом по области поступило 120 первых заявок на приватизацию предприятий или около 7 % от числа государственных предприятий. Полностью было приватизировано 35 предприятий, это в основном объекты торговли и общественного питания¹⁵. Несмотря на высокие денежные доходы северян в позднесоветские годы, в 1992 г. в области образовалось всего 22 малых предприятия с акционерной формой хозяйствования, в которых было занято 5,3 % от всех занятых¹⁶.

Если судить по доле занятых на этих предприятиях, то можно предположить, что северяне проявляли осторожность к предпринимательской деятельности, а также показывали неготовность к радикальным преобразованиям, что само по себе уже характеризовало самочувствие социального шока у значительной части граждан.

Контроль над акционированными предприятиями переходил к определенным группам (менеджерам) или акции распылялись дробно между членами трудового коллектива. На местах органы власти активно контролировали процесс передела государственной собственности, стремясь утвердить свое влияние или своих уполномоченных собственников над главными активами территории.

Отношение северян к реформе собственности оставалось противоречивым. Неготовность к приватизации сопровождалась иллюзорными представлениями северян, как и в целом россиян, не только на предмет ее задач и механизма приватизации, но и ее последствий. Это во многом объясняет исторический факт: после принятия первых законов о приватизации в 1992 г. не было массового протesta в области, а лишь наблюдались отдельные общественные акции. Население на резкое ухудшение условий жизни преимущественно отреагировало ростом миграционных настроений¹⁷. Кроме того, реформа собственности осуществлялась в условиях постоянной угрозы срыва завоза продовольствия и топлива на территорию, что в первую очередь и беспокоило население области.

Большинство предприятий, занимающихся поставкой и транспортировкой топлива и продовольствия, переводилось на коммерческую основу. В условиях недостаточности бюджетных средств жилищно-коммунальные предприятия Магаданской области оказались не в состоянии самостоятельно создать стимулы для осуществления поставщиками досрочного завоза товаров в районы с так называемой ограниченной транспортной доступностью.

В таких обстоятельствах представительные органы и администрация области сами оказались в ситуации «шока», о чем свидетельствует телеграмма от 20 ноября 1992 г., адресованная председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину: «Положение в Магадане катастрофическое, [в] течение месяца нет поступления зимнего топлива, [под] угрозой замораживание поселков, предприятий автотранспорта, срыв перевозок угля, продовольствия. Администрация просит срочного принятия мер по поставке зимнего топлива»¹⁸. Из-за хронического недофинансирования на грани остановки находилась Колымская ГЭС и было приостановлено строительство Усть-Среднеканской ГЭС. Через несколько месяцев после телеграммы Черномырдину руководство области признало ситуацию как гуманитарную катастрофу, о чем сообщал заместитель главы администрации Магаданской области В.Н. Глазатов в Министерство социальной защиты населения РФ Э.А. Памфиловой: «Администрация Магаданской области обращается к Вам с просьбой о выделении целевой гуманитарной помощи населению Магаданской области»¹⁹.

Тем не менее областная администрация ориентировала хозяйственных руководителей предприятий на ускорение приватизации. В 1994 г. в области приватизировали 222 государ-

¹⁵ Доклад об итогах функционирования народного хозяйства области за январь–декабрь 1992 г. Магадан, 1993. С. 7, 33, 99.

¹⁶ Народное хозяйство Магаданской области за 1980–1991. Магадан, 1992. С. 23.

¹⁷ Шершакова Е.М. Промежуточный отчет. Население и трудовые ресурсы Магаданской области в 1993–1994 гг. и в первом полугодии 1995 г. по хоздоговорной теме «Прогноз численности населения и трудовых ресурсов Магаданской области на 1996–1997 гг.». Магадан, 1995. С. 3–10. (Архив Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) Дальневосточного отделения РАН).

¹⁸ Историческая хроника Магаданской области... С. 21.

¹⁹ Там же. С. 90.

ственных и муниципальных предприятия²⁰. В их число вошли Морской торговый порт, объединение «Магаданрыбпром», Магаданский механический завод и другие предприятия. За период с 1992 по 1997 г. здесь приватизировали 753 предприятия. Таким образом, можно говорить о начале формирования на территории области социального слоя владельцев частной собственности.

Следствием акционирования и дальнейшей приватизации стал быстрый процесс дробления предприятий. Своеобразное анклавное расположение Магаданской области упрощало реформаторские эксперименты. В 1994 г. началась продажа акций предприятия, занимающегося разработкой месторождения Ветренское (объем золотых запасов до 50 т)²¹. Процесс перераспределения собственности в пользу новых капиталистов и мелких предпринимателей активно продолжался. В 1996 г. дополнительно появились еще 11 акционерных обществ, в 1997 г. – 24²². Хотя темпы разгосударствления собственности в 1996–1997 гг. снизились в результате завершения малой приватизации, но процесс перехода собственности предприятий к частнику продолжался.

Одним из основных нормативно-правовых актов, закрепившим реформаторский курс, стал Федеральный закон ОФ от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах», вступивший в силу 1 января 1996 г. Он ввел ряд новых положений, установивших права акционеров и защиту интересов инвесторов. Но некоторые акционеры нарушали законы и свои уставы, что особенно проявилось в «Магаданрыбпроме», который в 1994 г. был преобразован в акционерное общество открытого типа – АООТ «Магаданрыбпром» (МРП). В 1996 г. доля государственных акций в нем составила всего 30 %. Компания постоянно нарушала финансовую дисциплину и за предприятием числился большой долг по выплате заработной платы²³.

Основой для появления слоя предпринимателей на северо-востоке стала золотодобывающая отрасль. Число предпринимателей росло также и за счет дробления предприятий. Если в 1989–1990 гг. в Магаданской области насчитывалось всего 10 золотодобывающих предприятий, то в 2000 г. – около 300²⁴.

В октябре 1996 г., во время избирательной кампании на должность губернатора, кандидат В.И. Цветков (ставший губернатором) совместно с другими местными политиками так оценивал обстановку: «Колыма стоит на грани катастрофы. Правительственная политика, проводником которой на территории является нынешняя администрация, ведет к уничтожению производства, к сужению доходных статей областного бюджета, невыплатам заработной платы и пособий, обнищанию людей. Внутренний рынок на грани краха»²⁵. Более того, Министерство финансов РФ и Госкомитет по вопросам развития Севера, ссылаясь на решение Правительства о секвестировании федерального бюджета на 1997 г., снизили на 30 % размер господдержки. В тупиковое положение был поставлен не только ТЭК Колымы, но и вся экономика области.

Весь драматизм воздействия реформ на социальное самочувствие северян отразился в художественной литературе. В книге В.М. Фатеева один из возрастных персонажей, друг главного героя – директора издательства, так оценивает состояние власти и ход приватизации в 1990-е гг.: «Губернаторы приходят и уходят, а теневой бизнес остается. Тактика проста – своих людей на все ключевые посты, потом прибрать к рукам все доходные отрасли – рыбу, золото, спиртное, горючее. Рыбпром разрушат, а его суда по частным фирмам разбросают <...>. Ну, а с золотом и того проще – сейчас свою аффинажку построят и заставят всех туда – и артели, и ГОКи – шлих сдавать»²⁶. С окончанием выборов Б.Н. Ельцина в пре-

²⁰ Историческая хроника Магаданской области... С. 14.

²¹ Вачнадзе Г. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации. Анализ экономической ситуации. Телефоны для деловых людей. М., 1995. С. 282.

²² Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке... С. 19.

²³ Там же. С. 32–33.

²⁴ Историческая хроника Магаданской области... С. 16.

²⁵ Цветков В.И., Кобец В.И. и др. Во имя спасения Магаданской области // Магаданская правда. 1996. 14 окт.

зиденты РФ на второй срок и губернаторов в регионах, в том числе в Магаданской области, курс на либеральные реформы продолжал реализовываться с новой силой.

Новое расслоение местного сообщества – фактор и признак «общества травмы».

Ставка либерального правительства РФ на развитие капитализма определила основную тенденцию – трансформацию трудовых отношений, появление наемных работников на частных предприятиях, а также снижение общественного статуса занятых в образовании и здравоохранении, пенсионеров, переход их на позицию второго плана в социальной политике. После 1996 г. роль государства в регулировании производства в регионе и социальных отношений еще больше сократилась.

Распределение Центром доходов, полученных от приватизации и акционирования в Магаданской области, воспринималось северянами как самое несправедливое решение власти. В 1996 г. в области акционированные предприятия выпустили 1 049,7 тыс. акций на сумму 3 367,1 млн руб., при этом контрольный пакет акций, закрепленный за государством, составил всего 44 %. В 1997 г. было выпущено еще 26,4 тыс. акций, и все они пошли в свободную продажу. Доходы, полученные от приватизации в 1997 г., составили 8 396,8 млн руб. Однако большая их часть (53 %) пошла в федеральный бюджет. Даже региональный политический лидер, как было показано ранее, признавал это явление несправедливым. В областной бюджет поступило всего 9 %, а в местные – вообще мизерная доля – 5 %. Остальная часть выручки была перечислена другим органам государственного управления²⁷. То есть от приватизации выигрывала и формирующаяся новая постсоветская бюрократия. Среди регионов Дальнего Востока Магаданская область по уровню и темпам приватизации к 1999 г. вошла в группу, где уровень частной собственности в структуре всех форм собственности превышал 70 %, а государственная составляла 12,4 %. Регион с богатейшими природными ресурсами фактически перешел под контроль частного капитала.

Это означало, что подавляющая часть трудоспособного населения области вошла в зону новых трудовых отношений – капиталистических, в реалии, отличные от советской трудовой культуры, в пространство отношений между предпринимателями и наемными работниками.

В условиях продолжающегося управляемого кризиса применяемые налоговые практики в РФ показывали свою неэффективность. Отечественные ученые предупреждали политиков, что приход частника, особенно в крупный бизнес, в будущем обострит проблему зарплат рабочим и есть большие риски, связанные с трудовыми конфликтами²⁸. Реформаторы, укрепившись во власти, поставили задачу быстрого разрушения советского социально-экономического порядка и, решив ее в первой половине 1990-х гг., далее пошли по пути защиты интересов формирующегося нового класса владельцев крупного капитала, лишь частично поддерживая мелкого частника.

Отношения между предпринимателями и наемными работниками стали основным маркером приближения к ситуации социальной травмы: постоянные задержки заработной платы, ее выплата в конвертах и т.д. Одна из героинь произведения В.М. Фатеева говорит: «Либералы, демократы, борцы за права человека... Чем они яростнее борются, тем хуже мы живем. Раньше вот вроде борьбы не было, да людей среди бела дня не убивали и с голоду в обмороки дети не падали, и страна была как страна: кто работал или пенсию получал, мог о завтрашнем дне не беспокоиться»²⁹.

С внедрением новых форм собственности основная отрасль области – золотодобывающая – превращалась в одну из самых отстающих в хозяйстве России, переживавшую небывалый в истории золотодобычи кризис упадка, в том числе в основных золотодобывающих центральных районах Колымы: Сусуманском, Ягоднинском, Тенькинском. После

²⁶ Фатеев В.М. Город в законе. Магадан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litlib.net/bk/81282/read?ysclid=lsv8q81mdj98387443> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁷ Данные Магаданского облкомстата. Цит. по: Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России... С. 21–22.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 10147. Оп. 1. Д. 418. Л. 20–23.

²⁹ Фатеев В.М. «Город в законе»...

приватизации жизнеспособным в 1990-е гг. некоторое время оставался один комбинат – Сусуманский. Во многом это произошло за счет предоставления области «золотого кредита» и деятельности его генерального директора В.К. Христова³⁰.

Среди новых форм собственности к концу 1990-х гг. 30,5 % являлись акционерными и обществами закрытого типа (ЗАО) и 30 % были индивидуальными частными предприятиями. Но в области начался процесс банкротства и сокращения рабочих, произошло резкое падение уровня и ухудшение качества жизни северян. Так, в области среднесписочная численность работников, занятых в промышленности, за период 1991–2000 гг. сократилась в 2,9 раза. В 2000 г. в цветной металлургии численность занятых уменьшилась до 8,8 тыс. чел. по сравнению с 1995 г. (9,5 тыс. чел.)³¹. Наибольшее сокращение работников в 1996–1997 гг. произошло в геологии и разведке недр – на 21 %³².

Для занятых в золотодобыче социальным шоком стало и само отношение государства к работающим в отрасли, государство просто перестало своевременно производить оплату за сданное золото. За 1996 г. только предприятиям «Северовостокзолото» не было выплачено 180 млрд руб., а в целом по области эта сумма составила 320–330 млрд руб. В итоге местные бюджеты недополучили около 70 млрд руб.³³ На акционированных предприятиях возникли большие трудности с оборотными средствами, необходимыми для приобретения техники и других средств, а также у предпринимателей с выплатами заработной платы. Состояние людей «общества травмы» очень образно отразил магаданский поэт А.А Пчёлкин:

От трюмов до снастей разорена,
С бунтующей командою в раздоре,
Бездомная бескрылая страна
Вплывает в бездну. Бездна бед полна
И черная дыра зияет в створе.
Ни маяка по курсу, ни костра,
Ни лоцмана, ни веры, ни надежды³⁴.

На территории усиливалась конкуренция за ресурсы. Правительство РФ фактически разрешило осуществлять добычу золота всем юридическим лицам и гражданам России³⁵. Отмена режима пограничной зоны на определенной части области способствовала прибытию в районы золотодобычи «рабочих» из Чечни, Ингушетии и незаконных мигрантов из СНГ. В 1993 г. из Чечни и Ингушетии сезонный приток в Магаданскую область увеличился в 4 раза по сравнению с 1991 г. Во второй половине 1990-х г. продолжалась активность со стороны жителей южных республик³⁶. Преступность в Магаданской области была очень высокой, ее коэффициент (в расчете на 100 тыс. чел.) был выше, чем в среднем по России, а также и в среднем по Дальнему Востоку³⁷.

Изменилась структура доходов населения: к 2000 г. доля заработной платы в общей структуре доходов снизилась до 56 % по сравнению с 1990 г., когда она составляла около 70–80 %, появились доходы от предпринимательской деятельности (см. таблицу). Возник новый источник – от продажи валюты. У северян резко упала доля других статей доходов, произошло сокращение социальных трансфертов. При этом существовали неконтролиру-

³⁰ Ващук А.С. Рыночные преобразования и «сценарии» формирования предпринимательства в золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России (1990-е годы) // Клио. 2023. № 7. С. 124–133.

³¹ Ващук А.С., Коваленко С.Г. Северо-Восток России в 1990-е гг.: деиндустриализация на периферии страны // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 27–50.

³² Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-Востоке России... С. 49.

³³ Там же. С. 27.

³⁴ Пчёлкин А.А. Непогодь: Стихи перестроенных лет. Магадан, 2000. С. 9.

³⁵ Постановление Правительства РФ от 4 января 1992 г. № 10 «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением» (с изм. и доп.).

³⁶ Ващук А.С. Рыночные преобразования... С. 127.

³⁷ Крушинова Л.А. Трансформация преступности в России в 1990–2000 годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 137.

емые теневые доходы, в том числе и от спекулятивных сделок, которые было трудно учесть контролирующим и статистическим органам.

Таблица

Структура денежных доходов населения Магаданской области (в % к итогу)

Показатели	2000	2005	2009	2010
Денежные доходы	100	100	100	100
В том числе: оплата труда	56	64	64	63
Социальные транс- ферты	10	13	16	18
Доходы от собственности	1	4	3	3
Доходы от предпри- нимательской деятель- ности	6	6	5	5
Доходы от продажи валюты	4	2	1	1
Другие доходы	23	11	11	10

Источник: Магаданская область в цифрах. 2014: крат. стат. сб. Магадан, 2014. С. 23.

Развитие слоя предпринимателей на северо-востоке, как и в целом по России, сопровождалось борьбой за ресурсы и соответственно возникновением различий по уровню доходов – от умеренных до очень высоких. Первые крупные предприниматели, создавая свой первоначальный капитал, шли разными путями. Например, ГОК «Сусуманзолото» в план государственной приватизации вошел сначала как арендное предприятие: 75 % акций распределялись между работниками, 25 % комбинат мог выкупить у государства, что и было сделано в 1994 г. По закону на балансе предприятия этот пакет мог находиться не дольше года, в дальнейшем его надо было либо вновь продать, либо уменьшить. Как вспоминал один из крупнейших предпринимателей Колымы, ставший миллиардером, В.К. Христов (1949–2020 гг.), желающих выкупить акции среди работников ГОКа не нашлось. Тогда он взял кредит в банке «Роскредит» и в 1995 г. выкупил акции сам. Христов вошел в первый рейтинг российских золотопромышленников, представленный Forbes в марте 2020 г., финансовое состояние крупнейшего предпринимателя журнала оценивало в 500 млн долл., по нынешнему курсу это около 34 млрд руб. Ему принадлежало около 65 % акций компании³⁸.

Следующий пример раскрывает историю появления частного капитала другим путем. В 1991 г. появилась первая частная компания «Геометалл», она была первой в золотодобывающей отрасли в целом в России, и ее основатель – И.С. Розенблюм. Он, имея огромный административный ресурс и опыт, зная многих чиновников в области, сумел в 1991 г. создать и возглавить негосударственное золотодобывающее предприятие – АОЗТ «Геометалл». В создании частного предприятия была заинтересована и областная администрация. Первоначальный капитал, по словам предпринимателя, он зарабатывал так: «Продавали КамАЗы в Китай, привозили яблоки, торговали корейским бензином, руду золотую у гео-

³⁸ Титова Ю. Золото с края земли: как единственный в списке Forbes бизнесмен с Колымы стал обладателем состояния в сотни миллионов долларов [Электронный ресурс] // FORBES.RU. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/399023-zoloto-s-kraja-zemli-kak-edinstvennyy-v-spiske-forbes-biznesmen-s-kolomy-stal> (дата обращения: 12.02.2021).

логических экспедиций покупали, перерабатывали и продавали»³⁹. «У меня был огромный холдинг, от магазина в центре Магадана до рудников, золотых россыпей и лизинговой компании. До кризиса я контролировал магаданский филиал банка “Российский кредит”, – признавался И.С. Розенблюм⁴⁰.

Индивидуальное предпринимательство в области получило развитие преимущественно в первом десятилетии XXI в. За 1990-е гг. внутренняя территориальная структура малого и среднего предпринимательства оставалась стабильной: малое (индивидуальное предпринимательство) было сосредоточено преимущественно в г. Магадане (72,3 %). В 2012 г. на малых предприятиях были заняты 11 тыс. чел. без учета внешних совместителей. Среднемесячная заработка работников на малых предприятиях (без микропредприятий) в 2012 г. составила всего 41 тыс. руб.

Различия в заработной плате работников малых предприятий в отдельных видах экономической деятельности были существенны. Так, максимальное значение среднемесячной заработной платы малых предприятий было в добыче полезных ископаемых – оно было больше в 3 раза, чем в рыболовстве.

Высокие темпы уровня зарегистрированной безработицы пришлись на 1993–1994 гг., тогда число безработных в горнодобывающей промышленности возросло в 2 раза. Наибольший уровень ее был в горнопромышленном Тенькинском районе⁴¹. В 1999 г. уровень общей безработицы составил 20,9 %, в 2000 – 12,3 % при критическом уровне 12 %⁴².

Итогом реформ стало появление новой бедности в результате не только безработицы, но и бедности у работающих. Уже в 1992 г. более 50 % населения области оказались за чертой бедности. Хотя к 2000 г. доля такого населения снизилась, но все равно оставалась высокой – 31 %⁴³.

Чаще всего ответственность за благосостояние, например в городских бедных семьях с двумя детьми, несли работающие отцы, и к бедным семьям относились главы семей преимущественно со средним профессиональным образованием, занятые в легальном (реальном) секторе экономики на низкооплачиваемых должностях. За черту бедности попадали семьи с двумя детьми, где основным источником доходов была зарплата работающих женщин, имевших преимущественно высшее профессиональное образование и занятых в формальном секторе в качестве специалистов высшего уровня квалификации. К числу категорий бедного населения в Магаданской области можно отнести и тех, кому было 45–49 лет, при этом большинство из них имели среднее общее образование и, как правило, они представляли операторов производственных установок и машин. В эту группу также входили и специалисты среднего уровня квалификации в неформальном секторе⁴⁴. В 1996–1998 гг. в области было прекращено финансирование федеральных программ «Жилище» и «Свой дом».

В тяжелейшем положении оказались работники бюджетной сферы, прежде всего учителя. 13 января 1997 г. объявили забастовку педагоги Бурхалинской средней школы. Бастовали и работники образования Ягоднинского района, требуя погасить задолженность по зарплате и оплатить отпускные⁴⁵. С 13 по 17 января бастовал педагогический коллектив средней школы пос. Дебин. 27 января работники общественного автотранспорта Магадана пикетировали здание областной администрации с требованием скорейшей выплаты

³⁹ Игнатова М. Колыма зовет [Электронный ресурс] // FORBES.RU. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2004-09/21530-kolyma-zovet> (дата обращения: 12.03.2021).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Шершакова Е.М. Промежуточный отчет... С. 10.

⁴² Обновление схемы территориального планирования Магаданской области. Т. I. Современное состояние и потенциал развития Магаданской области [Электронный ресурс]. URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/29/editor/file/tom_1_2.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

⁴³ Магаданская область в цифрах...

⁴⁴ Смирнов В.М., Селиванова О.В. Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 492, 496.

⁴⁵ Герасимова Н. Продолжают настаивать на своих требованиях // Северная правда. 1997. 24 янв.; Забастовка продолжается // Северная правда. 1997. 31 янв.

огромного долга областного бюджета перед автотранспортниками – более 150 млрд руб.⁴⁶ В 1995 г. на 95 предприятиях Магаданской области произошли забастовки, в 1996 г. – на 27, 1997 г. – на 21 предприятии. Соответственно в забастовках приняли участие 3,3 тыс., 2,7 тыс. и 2,2 тыс. чел.⁴⁷ Одним из главных критериев оценки социальной ситуации на территориях является индекс развития человеческого развития⁴⁸. В 1992 г. для Магаданской области его значение составляло 0,659, в 2001 г. – всего 0,426⁴⁹. Важным последствием радикально-либеральных реформ стало уменьшение ожидаемой продолжительности жизни населения Магаданской области по сравнению со среднероссийской.

Закрытие населенных пунктов. Травмирующим фактором для местного сообщества стало внедрение проекта реструктуризации Севера – закрытие населенных пунктов. Реформаторы провели пилотные проекты в Воркуте, Норильске и Сусумане. В целом реструктуризация всех северных районов РФ обходилась России в 95,24 млн долл. Из них 80 млн должны были взять в кредит у Всемирного банка (ВБ)⁵⁰. К этому кредиту МВФ и ВБ, чтобы создать свободную рыночную экономику, рекомендовали Правительству РФ ряд мер. Например, было рекомендовано отменить социальные гарантии для населения в северных регионах⁵¹, перейти на вахтовый метод работы, уволить лишнюю рабочую силу. Население северных регионов ожидало от Правительства РФ определенных преференций, но развитие событий в значительной мере пошло по пути, который был предложен МВФ и ВБ.

Предприятия, организации и учреждения должны были разработать проекты мероприятий по полной или частичной ликвидации производственных структур, поселков, хотя оговаривалось, что эти мероприятия будут реализованы с учетом соблюдения прав и интересов населения данной территории в соответствии с законодательством, предотвращающим социальные, экономические и иные последствия реорганизации. За 1993–1994 гг. на территории ликвидировали 30 поселений⁵². В рабочих поселках области разрушалась коммунальная, социальная и транспортная инфраструктура.

В 1990-е гг. выросло число убыточных предприятий, и только к 2007 г. этот процесс остановился. Динамика убыточных предприятий в Магаданской области была следующей (в процентах к общему итогу): 1990 г. – 18,0 %; 1995 г. – 56,8; 2000 г. – 47,0; 2005 г. – 47,0; 2007 г. – 31 %⁵³.

За период 1990–2000-х гг. строительство жилья сократилось почти вдвое⁵⁴, упало качество жилого фонда, фактически произошла руинизация многих населенных пунктов. В 2007 г. доля аварийного жилья в жилом фонде превысила 10 %, что примерно втрое превышало среднероссийский показатель⁵⁵. В неблагоприятных жилищных условиях на начало 2007 г. проживало около 30 тыс. чел., или 18 % всего населения области.

Заключение. Специфика социальных последствий на северо-востоке проявилась прежде всего в утрате системы преференций для жителей территорий, хотя она юридически не отменялась, а просто теряла свое значение под воздействием перехода экономики

⁴⁶ Горбачева С., Жданова М. Сто улыбок // Тенька. 1997. 28 февр.

⁴⁷ Российский статистический ежегодник. 1998. М., 1998. С. 190.

⁴⁸ Индекс человеческого развития (ИЧР) представляет собой интегральный показатель вести долгую и здоровую жизнь, способность получать знания и достигать достойного уровня жизни. ИЧР рассчитывается Программой развития ООН с 1990 г. За прошедшие 30 лет методика подсчета была усовершенствована, в том числе и в РФ. ИЧР включает в себя усредненные данные по трем основным аспектам человеческого развития: долголетие, доступ к образованию и достойный уровень жизни.

⁴⁹ Ефимова Л.А. Индекс человеческого развития в России: анализ и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22. С. 54.

⁵⁰ Russian Federation – Northern Restructuring Pilot Project (English) Washington, D.C.: World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/123761468763188911/Russian-Federation-Northern-Restructuring-Pilot-Project> (дата обращения: 12.03.2024).

⁵¹ Там же.

⁵² Шершакова Е.М. Промежуточный отчет... С. 2.

⁵³ Обновление схемы территориального планирования Магаданской области...

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же; Мониторинг социально-экономической ситуации в регионах Дальневосточного федерального округа (январь–декабрь 2008 года). Стат. бюл. Магадан, 2009.

на рыночные «рельсы» и под влиянием нового типа социальной политики и регионального курса. Этот исторический факт оказался одним из травмирующих условий на периферии России.

На территории, богатой природными ресурсами, приватизация сразу же проявилась как «грабительская» и стала особым фактором роста социальной напряженности. Разрыв между надеждами и реалиями проявился на северо-восточной периферии в наиболее выраженном варианте, чем на юге Дальнего Востока и в других регионах страны. В области наблюдалась резкая поляризация населенных пунктов по уровню социально-бытовой инфраструктуры, а точнее – возникла ситуация ее отсутствия в некоторых из них.

Ликвидация населенных пунктов вызывала у населения настроения пессимизма и «затухания» жизни на Колыме. Отказ государства от патерналистической политики ввел северян в состояние социального шока, который и дал старт формированию локального «общества травмы». Стремление власти институционально закрепить свободу перемещений в свободу выбора места жительства воплотилось, с одной стороны, в виде поддержки отъезда из региона, а с другой – в ликвидацию рабочих поселков, что нарушило устоявшийся образ жизни.

Другая составляющая «общества травмы» – это значительные трудности и сложности адаптации к рыночным отношениям в суровых условиях Севера. Даже предпринимателям приходилось выживать в борьбе за ресурсы в условиях прихода иностранного капитала. Большая часть предприятий горнодобывающей отрасли на северо-востоке обрела своих новых хозяев уже в 1990-е гг.; в начале 2000-х гг. этот процесс был завершен. Но отношения государства и предпринимателей на северо-востоке имели сложный характер, что отражалось и на зарплатах наемных работников.

Литература

Вачнадзе Г.Н. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации. Анализ экономической ситуации. Телефоны для деловых людей. М.: Книга Лтд; Марбург: Блау Хернер Ферлаг, 1995. 596 с.

Ващук А.С. Рыночные преобразования и «сценарии» формирования предпринимательства в золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России (1990-е годы) // Клио. 2023. № 7 (199). С. 124–133.

Ващук А.С., Коваленко С.Г. Северо-Восток России в 1990-е гг.: deinдустириализация на периферии страны // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 27–50.

Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 10–20.

Ефимова Л.А. Индекс человеческого развития в России: анализ и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22 (397). С. 53–62.

Исаков А.Н. Рыночные реформы на Северо-востоке России в конце XX в. (1996–2000): страницы летописи новейшей истории. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2005. 148 с.

Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991–2020 г. / ред. В.Л. Ларин, А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2023. 408 с.

Историческая хроника Магаданской области. 1991–2000. События и факты / И.Д. Бацаев и др. Магадан: Охотник, 2015. 282 с.

Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 79–87.

Крушинова Л.А. Трансформация преступности в России в 1990–2000-х годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 131–147.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47–67.

Пилясов А.Н. Региональная собственность в России: свои и чужие // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 84–111.

Смирнов В.М., Селиванова О.В. Специфика бедности в Дальневосточном федеральном округе // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 485–502.

Суняйкина О.Н. Понятие «Социальное самочувствие» в социологии // Вестник Московского государственного университета. 2011. № 3. С. 98–101.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Bennet M. The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia // International Journal of Urban and Regional Research. 2020. Vol. 45, Iss. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (дата обращения: 12.03.2024).

References

Batsaev, I.D., et al. (Eds.). (2015). *Istoricheskaya khronika Magadanskoy oblasti. 1991–2000. Sobytiya i fakty* [Historical Chronicle of the Magadan Region. 1991–2000. Events and Facts]. Magadan, Okhotnik. 282 p.

Bennet, M. (2020). The Making of Post-Post-Soviet Ruins: Infrastructure Development and Disintegration in Contemporary Russia. In *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 45, Iss. 2. Available at: URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12908> (date of access 12.03.2024).

Efimova, L.A. (2015). Indeks chelovecheskogo razvitiya v Rossii: analiz i perspektivy [The Human Development Index in Russia: Analysis and Prospects]. In *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 22 (397), pp. 53–62.

Gal'tseva, N.V., Favstritskaya, O.S., Sharypova, O.A. (2014). *Uroven' zhizni v magadanskoy oblasti: mify i real'nost'* [The Standard of Living in the Magadan Region: Myths and Reality]. In *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 26, pp. 10–20.

Isakov, A.N. (2005). *Rynochnye reformy na severo-vostoke Rossii v kontse XX v. (1996–2000): stranitsy letopisi noveyshey istorii* [Market Reforms in the North-East of Russia at the End of the 20th Century (1996–2000): Pages from the Chronicle of Modern History]. Magadan, SVKNII DVO RAN. 148 p.

Krastev, I. (2007). Strannaya smert' liberal'noy Tsentral'noy Evropy [The Strange Death of Liberal Central Europe]. In *Prognozis*. No. 3 (11), pp. 79–87.

Krushanova, L.A. (2021). Transformatsiya prestupnosti v Rossii v 1990–2000-kh godakh (na primere Dal'nego Vostoka) [Transformation of Crime in Russia in the 1990–2000s (Using the Example of the Far East)]. In *Zhurnal rossiyskogo prava*. Vol. 25, No. 6, pp. 131–147.

Larin, V.L., Vashchuk, A.S. (Eds.). (2023). *Istoricheskaya dinamika sotsial'nykh riskov i ugroz na dal'nevostochnoy periferii Rossii v 1991–2020 g.* [Historical Dynamics of Social Risks and Threats in the Far Eastern Periphery of Russia in 1991–2020]. Vladivostok, IIAE DVO RAN. 408 p.

Minakir, P.A., Dem'yanenko, A.N. (2014). *Ocherki po prostranstvennoy ekonomike* [Essays on Spatial Economics]. Khabarovsk, IEI DVO RAN. 272 p.

Motrich, E.L., Nayden, S.N. (2009). *Naselenie i sotsial'noe razvitiye rossiyskogo Dal'nego Vostoka* [Population and Social Development of the Russian Far East]. In *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 2, pp. 47–67.

Pilyasov, A.N. (2005). *Regional'naya sobstvennost' v Rossii: svoi i chuzhie* [Regional Property in Russia: Ours and Others]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 1, pp. 84–111.

Shtompka, P. (2001). *Kul'turnaya travma v postkommunisticheskem obshchestve* [Cultural Trauma in Post-Communist Society]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 3–12.

Smirnov, V.M., Selivanova, O.V. (2022). Spetsifika bednosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Specifics of Poverty in the Far Eastern Federal District]. In *Ekonomika truda*. Vol. 9, No. 2, pp. 485–502.

Sunyaykina, O.N. (2011). Ponyatie “Sotsial'noe samochuvstvie” v sotsiologii [The Concept of “Social Well-Being” in Sociology]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 98–101.

Vachnadze, G.N. (1995). *Spravochnik oblastey, respublik, kraev i okrugov Rossiyskoy Federatsii. Analiz ekonomiceskoy situatsii. Telefony dlya delovykh lyudey* [Directory of Regions, Republics, Territories and Districts of the Russian Federation. Analyze the Economic Situation. Phones for Business People]. Moscow, Kniga Ltd, Marburg, Blau Herner Ferlag. 596 p.

Vashchuk, A.S. (2023). Rynochnye preobrazovaniya i “stsenarii” formirovaniya predprinimatel'stva v zolotodobyvayushchey promyshlennosti na Severo-Vostoke Rossii (1990-e gody) [Market Transformations and “Scenarios” for the Formation of Entrepreneurship in the Gold Mining Industry in the North-East of Russia (1990s)]. In *Klio*. No. 7 (199), pp. 124–133.

Vashchuk, A.S., Kovalenko, S.G. (2022). Severo-Vostok Rossii v 1990-e gg.: deindustrializatsiya na periferii strany [The North-East of Russia in the 1990s: Deindustrialization on the Periphery of Russia]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 27–50.

Е.Е. Тиникова*

УРБАНИЗАЦИЯ ТУВЫ: ДИНАМИКА КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (1944–2020 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-5
 УДК 94:314.116(571.52)"1944/2020"

Выходные данные для цитирования:
 Тиникова Е.Е. Урбанизация Тувы: динамика ключевых показателей (1944–2020 годы) // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 60–72.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-05.pdf>

E.E. Tinikova*

URBANIZATION OF TUVA: DYNAMICS OF KEY INDICATORS (1944–2020)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-5

How to cite:
 Tinikova E.E. Urbanization of Tuva: Dynamics of Key Indicators (1944–2020) //
Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 60–72.
[Available online: [http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-05.pdf\]](http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-05.pdf)

Abstract. The article considers the main directions of urbanization development of Tuva from the time of its incorporation into the USSR until the demographic census in 2020. The author shows that throughout the period under study Tuva differed markedly from other regions of Russia in key indicators of urbanization. The analysis of the dynamics of demographic indicators of urbanization allows us to distinguish two main periods in the development of urbanization processes in Tuva in the studied chronological framework: co-Soviet and post-Soviet. The main factors in the transformation of the demographic structure of the urban population of Tuva in the period under study were external circumstances associated with deep social upheavals (the Great Patriotic War, the collapse of the USSR, the socio-economic crisis of the 1990s) and the specifics of economic development of the region, as well as the peculiarities of demographic development, characterized by high birth and death rates by Russian standards. The main lever of urbanization of Tuva in the Soviet period was the will of the state. The emergence of new urban settlements was a consequence of deep social and socio-economic transformations. In the post-Soviet period, the urbanization development proceeded by inertia. Small towns of the republic retained their status, rural-urban migration and high natural increase contributed to the increase in the urban population and the growth of the urbanization index. However, the formal and real level of urbanization in Tuva differ significantly. The majority of the population of the cities are from the countryside, the way of life in small towns and outskirts of Kyzyl largely retains rural features, the network of urban settlements is represented mainly by extremely sparsely populated cities with unclear development prospects.

Keywords: urbanization, town, urban-type settlement, marital rate, divorce rate, gender and age structure, national composition, Tuva.

*The article has been received by the editor on 13.05.2024.
 Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

Аннотация. Рассматриваются основные направления урбанизационного развития Тувы со времени ее вхождения в состав СССР до переписи 2020 г. Автор показывает, что на протяжении всего исследуемого периода Тува заметно отличалась от остальных регионов России по ключевым показателям урбанизации. Анализ динамики демографических показателей урбанизации позволяет выделить два основных периода

* Елена Евгеньевна Тиникова, кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Elena Evgenievna Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

в развитии урбанизационных процессов Тувы в изучаемых хронологических рамках: советский и постсоветский. Основными факторами трансформации демографической структуры городского населения Тувы в рассматриваемый период были внешние обстоятельства, связанные с глубокими социальными потрясениями (Великая Отечественная война, распад СССР, социально-экономический кризис 1990-х гг.) и спецификой экономического развития региона, а также особенности демографического развития, характеризующиеся высокими по российским меркам рождаемостью и смертностью. Основным рычагом урбанизации Тувы в советский период была воля государства. Появление новых городских поселений явилось следствием глубоких общественных и социально-экономических преобразований. В постсоветский период урбанизационное развитие протекало по инерции. Малые города республики сохранили свой статус, сельско-городская миграция и высокий естественный прирост способствовали увеличению численности городского населения и росту значения индекса урбанизации. Однако формальный и реальный уровни урбанизации Тувы значительно разнятся. Большую часть населения городов составляют выходцы из села, образ жизни в малых городах и на окраинах Кызыла во многом сохраняет сельские черты, сеть городских поселений представлена в основном крайне малолюдными городами с неясными перспективами развития.

Ключевые слова: урбанизация, город, поселок городского типа, брачность, разводимость, половозрастная структура, национальный состав, Тува.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024 г.

Истории отдельных городских поселений Тувы посвящен ряд трудов¹, но обобщающих работ по истории урбанизации региона нет. В то же время в исследованиях по развитию экономической системы республики раскрываются отдельные аспекты урбанизации². Некоторые сведения по исследуемой проблематике, приведенные на основе сопоставления протекания урбанизационных процессов Тувы с соседними республиками, представлены в ряде публикаций³.

¹ Бондаренко Т.А. История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска – Урянхайска – Красного – Кызыла // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 109–119; Галкина Т.Н. Исторические сведения о первых русских поселенцах на территории Тувы (Урянхайского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. № 2. С. 80–83; Доржсу З.Ю. Из истории столицы Республики Тыва – Кызыла // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 1. С. 32–41; Доржсу З.Ю., Дамдын-Оол Д.А. История строительства города Кызыл // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сборник статей XIX Междунар. науч.-практ. конф. в 3 ч., (Пенза, 30 марта 2018 г.). Ч. 1. Пенза, 2018. С. 191–193; Калдар-Оол А.Х.Б., Ооржак Б.О.О. Об особенностях градостроительства города Кызыла // Вестник Тувинского государственного университета. Технические и физико-математические науки. 2022. № 3. С. 26–42; Саяя С.М. Из истории строительства новых населенных пунктов Улуг-Хемского района в связи с затоплением территории в 1973–1985 гг. (по материалам Национального архива Республики Тыва) // Архив: история и современность: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Национального архива Республики Тыва (Кызыл, 15 октября 2020 г.). Кызыл, 2020. С. 126–135; Тиникова Е.Е., Тугужекова В.Н. Столицы национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1945–2020 гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. № 5. С. 614–623; Харунова М.М.Б., Харунов Р.Ш. Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 137–147; Ширап Р.О. Социокультурное развитие г. Кызыла – столицы Тувинской автономной области (1944–1961 гг.): дис. канд. ист. наук. Кызыл, 2020.

² Бегзи А.Д. Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл, 2019. С. 52–59; Бегзи А.Д. Развитие экономики города Кызыла на разных этапах его истории // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: мат-лы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 18–20 октября 2017 г.). Кызыл, 2017. С. 38–43.

Республика Тува является ярким примером большой роли административных преобразований в развитии урбанизационных процессов. Политика градообразования с момента вхождения Тувы в состав Советской России и окончания Великой Отечественной войны до конца 1950-х гг. определялась необходимостью закрепления и хозяйственного освоения новой территории в составе государства, а также дальнейшим промышленным освоением богатого природными ресурсами региона. Основополагающими факторами появления нескольких новых городских поселений в 1945 г. стали необходимость модификации административно-территориального деления автономной области в соответствии с советскими реалиями и наличие запасов природных ресурсов в непосредственной близости от них. В 1945 г. столичный Кызыл стал городом областного подчинения, Туран, Чадан, Шагонар – вновь созданными городами районного подчинения, золотые прииски Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми – рабочими поселками⁴.

К городским поселениям Тувы также были отнесены два поселка городского типа – Хову-Аксы в 1956 г. (промышленный центр, возникший в связи с созданием комбината «Тувакобальт») и Кызыл-Мажалык в 1959 г. (райцентр Барун-Хемчикского района)⁵. В 1955–1958 гг. Бай-Сют, Нарын, Харал и Эми, напротив, утратили статус городских поселений⁶. В результате в 1960 г., накануне преобразования Тувинской автономной области в Тувинскую автономную республику, сеть городских поселений региона состояла из четырех городов и двух поселков городского типа⁷.

Развитие городских поселений Тувы было тесно связано с освоением полезных ископаемых и ростом добывающих отраслей экономики. Так, основополагающим фактором возникновения Хову-Аксы было наличие запасов природных ресурсов. В начале 1950-х гг. геологами открыто крупное рудное месторождение (за что ученые были награждены Сталинской премией), и с 1956 г. здесь началось возведение крупного промышленного комбината «Тувакобальт», производившего медно-никель-кобальтовый концентрат. Вскоре горнообогатительный комбинат («первенец тувинской металлургии»⁸) стал крупным предприятием межрайонного значения, благодаря которому отрасль цветной металлургии в регионе стала стремительно развиваться⁹.

В советский период одним из важнейших промышленных центров региона стал Кызыл. Здесь в середине XX в. начали работать такие промышленные объекты, как кирпичный завод (1946 г.) и швейная фабрика (1959 г.). 1960–1980-е гг. стали временем наиболее быстрого развития экономики города. Быстрыми темпами развивались строительная отрасль, энергетическая, инженерная, пищевая, внутренний транспорт, сфера услуг. В конце 1980-х гг. также было начато строительство овчинно-шубной и кондитерской фабрик¹⁰.

Индустриальному развитию Кызыла способствовало его удачное географическое расположение, в том числе близость к минерально-сырьевым ресурсам. В его окрестностях в середине XX в. насчитывалось 680 млн т каменного угля, 11,5 млн м³ глины, 2,1 млн т известняков, 4,8 млн м³ песчаников, а также запасы гранита, гравия и строительного камня. Восточные районы Тувы богаты запасами древесины, условия транспортировки которой весьма благоприятны – по рекам Бий-Хем и Кая-Хем¹¹.

³ Бреславский А.С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67; Лушникова О.Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 113–125; Тиникова Е.Е. Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. 2021. № 2. С. 275–290.

⁴ Национальный архив Республики Тува (НАРТ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 22. Л. 13–16.

⁵ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 682. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 1, 8, 9.

⁷ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 апреля 1960 г. М., 1960. С. 10.

⁸ Тувинская правда. 1970. 18 июля.

⁹ Бузыкаев В.А. У подножия Танну-Ола: Рассказ о комбинате «Тувакобальт». Кызыл, 1981. С. 12.

¹⁰ Доржсу З.Ю. Из истории столицы Республики Тыва... С. 37.

¹¹ Российский государственный архив научно-технической документации. Ф. 67. Оп. 3-1. Т. 2. Д. 1000. Л. 182.

Помимо центрального экономического района Тувы, где были сосредоточены основные промышленные предприятия республики (в Кызыле и Хову-Аксы), в индустриальном плане значительную роль играл западный район¹². Здесь на базе Чаданского месторождения каменного угля возник город Чадан. В связи со строительством комбината «Туваасбест» и сдачи его первой очереди в 1964 г. центр асбестодобывающей промышленности Ак-Довурак также получил статус города¹³.

Именно в Туве отчетливее всего прослеживается политика советской власти, направленная на *ужесточение контроля над территорией путем создания сети городских поселений*. Помимо административных функций, они должны были являться оплотами советской власти, внутренней безопасности и даже внешней обороны, быть местами размещения производства. В результате в Туве сложилась уникальная ситуация. Численность населения всех городов региона, кроме столичного Кызыла (и Ак-Довурака лишь с середины 1970-х гг.), составляла менее 12 тыс. жителей, т.е. ниже принятой в стране квадратической нормы городского поселения в статусе города. Подобным способом государство пыталось укрепить свои позиции на присоединенной территории. С этой же целью оно всячески способствовало активному миграционному обмену между Тувой и другими районами страны. Для этого было необходимо выстроить новую транспортную инфраструктуру.

Уже в 1945 г. между Абаканом и Кызылом было налажено регулярное пассажирское автомобильное сообщение¹⁴. В этом же году налажено круглогодовое движение транспортных самолетов по авиалинии Красноярск – Абакан – Кызыл¹⁵. Это были значимые меры для развития Тувы того времени. Отсутствие железнодорожных перевозок в регионе препятствовало индустриальным преобразованиям и ограничивало миграционный поток. Чуть позже, после открытия комбината «Туваасбест», с целью сокращения затрат на перевозку его продукции построена автомобильная дорога Абаза – Ак-Довурак. Решение транспортной проблемы путем развития автобусных пассажирских и авиаперевозок в середине XX в. стало важным фактором развития тувинских городов. Определенное место в транспортной системе Тувы занимал речной транспорт, представленный в середине XX в. теплоходами «Хакасия», «Туркменистан», «Азербайджан», осуществлявшими рейсы по маршруту Красноярск – Чая-Холь – Кызыл, и теплоходом «Кызыл» – рейсы от Абакана до Шагонара. В 1960-е гг. для пассажирских перевозок стали использовать быстроходные суда с малой осадкой типа «Заря»¹⁶. В целом новая транспортная инфраструктура позволила преодолеть трудности, связанные с изолированностью Тувы.

Пространственная структура городского расселения Тувы отличалась *линейной концентрацией*: населенные пункты были расположены вдоль трасс (М54, А162). В структуре городов к концу советского периода выделялись Кызыл с пригородом Каа-Хем, их совокупная численность в 1989 г. составляла 91,2 тыс. чел. (71,6 % всего городского населения), а также Ак-Довурак с пригородом Кызыл-Мажалык – 20,2 тыс. чел. Уровень урбанизированности Тувы оставался низким. В 1989 г. в пяти тувинских городах и трех поселках городского типа проживало всего 127,5 тыс. чел. или 41,2 % всего населения региона¹⁷. 86 % из них проживали в городах, 24 % – в пгт. В 1944–1989 гг. численность городского населения выросла в 12,5 раза (на 117,3 тыс. чел.).

В постсоветский период в административно-территориальном устройстве Тувы произошли значительные изменения, связанные с характерным для России этого периода процессом смены статусов городских поселений на сельский. В 1996 г. селом стал тувинский

¹² Экономика Тувинской АССР. Кызыл, 1973. С. 72.

¹³ Тувинская правда. 1964. 4 сент.

¹⁴ НАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 52. Л. 222.

¹⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 308, 309.

¹⁶ Бегзи А.Д. Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 101.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 27.04.2024).

пгт Кызыл-Мажалык, в 2005 г. – пгт Хову-Аксы (к этому времени численность его населения снизилась по сравнению с 1989 г. практически вдвое).

Данные табл. 1 показывают, что за 1989–2020 гг. численность городского населения республики увеличилась на 33,5 тыс. чел. (на 23,2 %). Рост численности городского населения связан с миграцией в Кызыл и Каа-Хем. Суммарно численность населения административного центра Тувы с пригородом в указанный период выросла на 37,2 тыс. чел. Особо быстрыми темпами росло население Каа-Хема – в 2,6 раза. В остальных городах наблюдалось снижение показателей людности или ее совсем незначительный рост (в Шагонаре на 1,1 тыс. чел.).

Таблица 1

Динамика численности городского населения Тувы в 1945–2020 гг.

Показатель	1945	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Городское население, тыс. чел.	14,2	56,8	85,4	113,4	144,3	157,4	163,4	177,8
Абсолютный прирост, тыс. чел.	–	42,6	28,6	28,0	30,9	13,1	6,0	14,4
Темп роста, %	–	400	150,4	132,8	127,3	109,1	103,8	108,8
Темп прироста, %	–	300	50,4	32,8	27,3	9,1	3,8	8,8
Среднегодовой темп роста, %	–	110,4	103,8	103,2	102,4	100,7	100,5	100,85
Среднегодовой темп прироста, %	–	10,4	3,8	3,2	2,4	0,7	0,5	0,85

Составлено по: Юбилейный статистический сборник «Кызыл-100»: стат. сб. Кызыл, 2014. С. 10; Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы: стат. сб. Кызыл, 2014. С. 42; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 1. Численность и размещение населения. Табл. 4. Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislenost_i_razmeshchenie_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya) (дата обращения: 02.05.2024).

В отличие от большинства регионов страны, в Туве процесс перераспределения населения из села в город набрал силу в 1990–2000-е гг. За 1989–2010 гг. убыль сельского населения составила 20,2 тыс. чел. (12,3 %). Численность горожан возросла на 19,1 тыс. чел. (на 13,2 %). 2010-е гг. характеризуются увеличением численности сельского на 14 тыс. чел. (на 9,7 %) и городского на 14,4 тыс. чел. (на 8,8 %) населения.

Несмотря на то, что региональный центр с пригородной зоной остается притягательным пространством для сельских мигрантов, его людность в первую очередь именно в последние годы растет за счет естественного прироста жителей города¹⁸. Этот факт свидетельствует о смене типа динамики численности населения, а также в среднесрочной перспективе о возможности модификации экстенсивной фазы урбанизации в интенсивную.

В Туве на рубеже тысячелетий совершился так называемый урбанизационный переход, была преодолена пятидесятипроцентная отметка превышения доли городского населения над сельским. Однако значения индекса урбанизации здесь все еще остаются низкими. Доля городского населения в 2020 г. составила всего 52,9 %.

Не менее важными показателями урбанизированности территории являются плотность населения городов, густота городской сети, средний уровень людности городов. Тыва по данным критериям относится к крайне слабо урбанизированным регионам. Плотность городского населения остается низкой: Кызыл – 596 чел. на 1 км², Ак-Довурак – 280 чел.,

¹⁸ Ко дню городов – города Республики Тыва в 2019 году. Красноярск, 2020. С. 7.

Шагонар – 183 чел., Чадан – 94 чел., Туран – 61 чел. на 1 км²¹⁹. Не вписывается республика и в еще один важный для урбанистов показатель – соответствие людности городов региона правилу «ранг-размера» Дж. Ципфа, согласно которому второй по людности город должен уступать по численности первому не более чем в 2,5 раза, такая же закономерность должна прослеживаться и между вторым и третьим городом. В Туве только столичный Кызыл соответствует представлениям о типично городском поселении с имеющимся набором всех городских функций.

В течение рассматриваемого периода значительно трансформировался состав жителей городских поселений Тувы. Жанр статьи позволяет лишь обозначить основные векторы и особенности данных изменений.

Одним из существенных последствий Великой Отечественной войны была углубившаяся диспропорция полов, наблюдавшаяся во всех регионах страны. Однако половозрастная структура Тувинской автономной области в середине XX в. характеризовалась менее выраженными половыми диспропорциями, особенно в возрасте до 30 лет. При этом в возрастных группах до 9 лет и 20–29 лет мужское население в городах количественно преобладало над женским. Даже после 30 лет перевес женщин в Туве был менее выражен, чем в целом по региону – в возрастной когорте 30–54 года он составил 10,8 %. Для сравнения у соседей: 15,3 % в Хакасии и 19,4 % на Алтае. Столь существенное различие между регионами можно объяснить недавним вхождением Тувы в состав РСФСР и меньшим влиянием событий 1930 – начала 1940-х гг. на социально-демографическое развитие ее населения.

Яркой спецификой Тувы также был *перекос половой структуры в пользу мужчин среди коренного населения*. В 1959 г. в городской местности на 1 000 мужчин тувинской национальности приходилось всего 696 женщин, для сравнения в сельской – 997²⁰. Количественно мужское население преобладало над женским в регионе также у украинцев, армян, бурятов, мариев, татар, чувашей, алтайцев, евреев, цыган и немцев. Превышение женского населения над мужским в городах было характерно для русских, белорусов, латышей, эстонцев, мордвы и хакасов.

С середины XX в. в результате демографического перехода для региона стал характерен процесс старения населения. В отличие от сельского населения, в городе в результате миграционного притока молодежи и в целом лиц трудоспособного возраста данный процесс протекал медленнее. Свою положительную роль сыграл значительный коэффициент рождаемости в Туве. В результате городское население совершило переход от прогрессивного типа возрастной структуры населения к стационарному лишь в конце 1980-х гг.

О процессе демографического старения населения свидетельствует увеличение среднего возраста городского населения Тувы на 2,2 года за 30-летний период, в 1989 г. он достиг отметки 27,9 года²¹. Несмотря на это, население региона значительно моложе населения страны, средний возраст которого в 1989 г. составил 34,2 года. Относительно невысокий средний возраст городского населения Тувы объясняется в том числе и высокими показателями рождаемости у тувинцев. Если среднее число рожденных детей у женщин русской национальности в России в 1989 г. остановилось на отметке 1,72, то у тувинцев – 2,53²².

Результаты последней переписи населения свидетельствуют о продолжающейся тенденции старения населения (рис. 1). Она сглаживается высоким уровнем естественного

¹⁹ Ко дню городов... С. 4, 6, 8, 10, 12.

²⁰ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566 в. Л. 39, 42, 43.

²¹ Составлено и рассчитано по данным: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=63&gor=1&Submit=OK (дата обращения: 15.02.2019); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения регионов РСФСР по полу и возрасту (однолетние возрастные группы) [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_89.php?reg=7 (дата обращения: 15.02.2019).

²² Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959–1989 гг. // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. М., 2004. Вып. 10. С. 67–68.

прироста населения, который среди городского населения в 2020 г. составил 23,5 %. Тем не менее по шкале Э. Россета Тува находится в преддверии старости (11,1 %). По классификации типов возрастной структуры населения А.Г. Сундберга место Тувы находится между прогрессивным и стационарным типом.

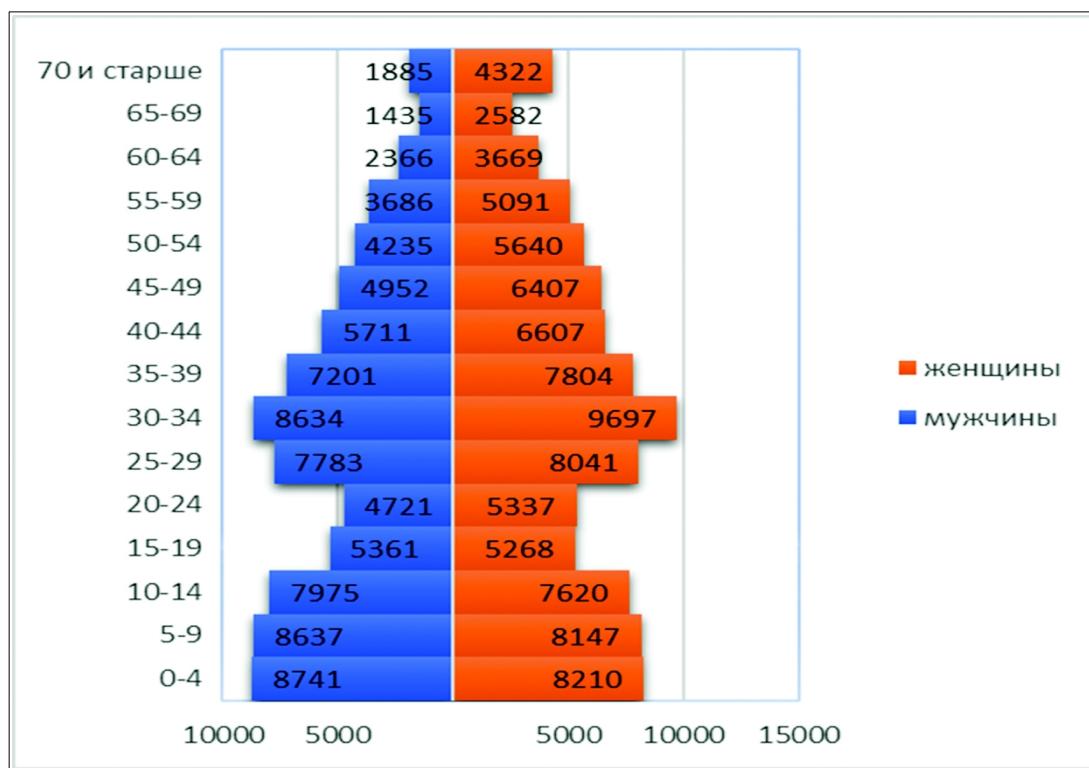

Рис. 1. Половозрастная пирамида городского населения Тувы в 2020 г.

Более полную картину о современном половом составе населения в разрезе отдельных городских округов можно получить из базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. Наибольшая доля мужчин наблюдается в Ак-Довураке и составляет 47,1 %. Относительно высока доля мужчин и в Кызыле как промышленно развитом городе, где широко представлены отрасли добывающей промышленности (46,5 %). Вместе с тем в Кызыле диспропорция полов также весьма серьезная: здесь количественная разница между мужчинами и женщинами составляет 8,6 тыс. чел. В Ак-Довураке эта разница существенно меньше – 0,8 тыс. чел.

До 1960-х гг. для Тувы были характерны относительно высокие показатели брачности. Затем, как и в целом по стране, показатели брачности населения снизились вследствие вступления в активный брачный возраст лиц, рожденных в годы Великой Отечественной войны. Однако если снижение влияния демографических последствий войны способствовало увеличению уровня брачности городского населения РСФСР²³, то в Туве общий коэффициент брачности перманентно продолжал снижаться. Связано это с распространенной традицией совместного ведения хозяйства без заключения официального брака.

В Туве, как и прежде, коэффициент брачности ниже среднероссийского, в 2020 г. он был равен 5,5 %. Относительно небольшое количество зарегистрированных браков в городских поселениях Тувы (данные Росстата позволяют проследить коэффициент брачности городского населения России и Тувы в сравнении с 2011 г.) вовсе не свидетельствует об отсутствии фактических незарегистрированных браков. В республике сильны традиции празднования бракосочетания, поэтому в случае отсутствия материальных условий для проведения торжества регистрация брака может откладываться на несколько лет даже

²³ Араповец Н.А. Брачное поведение российского населения в 1960–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 38.

при наличии детей²⁴. Рост количества незарегистрированных браков – общероссийский тренд. Перепись 2020 г. показала, что доля незарегистрированных браков в городах региона все еще выше, чем в среднем по стране: в Туве 26,1 % против 8,4 % в России.

Коэффициент разводимости в Туве очень низкий. Объясняется это большим количеством незарегистрированных браков в республике: здесь значительное количество распавшихся пар не попадают в категорию «разведенных» и не учитываются официальной статистикой. По переписи 2010 г. из 2228 разошедшихся со второй половинкой городских мужчин Тувы и 4668 женщин 42,4 и 33,8 % соответственно состояли в незарегистрированном браке²⁵. В городской местности коэффициент разводимости выше, чем в сельской, так как городское население более молодое, в сельской местности браки, как правило, более устойчивы. В Туве данный показатель в городе более в 3,5 раза превышает аналогичный показатель на селе.

Масштабные социально-экономические преобразования в Туве в середине XX в. ускорили процесс урбанизации среди тувинцев. В 1959 г. в городских поселениях области проживало 7,7 тыс. тувинцев, что составляло 9 % от их общей численности и 15,3 % от всего городского населения. Относительно высокая доля коренного населения в национальной структуре населения субъекта способствовала *сохранению плотных этнических связей не только в сельской, но и городской местности*. С одной стороны, это являлось фактором более быстрой адаптации переезжающих жить в город тувинцев, с другой – способствовало формированию механизмов, содействовавших сохранению традиционного уклада жизни в городе, следовательно, тормозивших рост городского самосознания в среде новых городских жителей. Численность городских тувинцев стремительноросла. Если за период с 1959 по 1989 г. количество горожан алтайцев в национальном субъекте увеличилось в 2,5 раза, хакасов – в 3,2 раза, то тувинцев – в 7,7 раза. В середине XX в. категория городских тувинцев пополнялась за счет смены статуса поселений, в которых они проживали, когда тувинские села превращались в городские поселения. Начиная с 1960-х гг. доминирующим фактором роста их численности стала миграция. Сельско-городская миграция тувинцев стала характерной чертой эпохи 1960–1980-х гг. Мотивы переезда в город разнообразны, но в основном связаны с необходимостью продолжения обучения и поиском работы. Интеграция тувинцев в городскую среду протекала медленно и осложнялась низким уровнем образования, прочными связями с ведением кочевого образа жизни, отсутствием опыта работы на индустриальном производстве²⁶.

К концу советской эпохи этнический облик городских поселений Тувинской Республики значительно изменился. Массовый приток тувинцев из сел существенно снизил удельный вес некоренного населения. В 1989 г. 41,2 % жителей тувинских городов были представителями титульного этноса. Их абсолютная численность составляла 59,5 тыс. чел. К этому времени межкультурное взаимодействие местного населения с прибывающим стало более прочным. Новые социальные ориентиры оказали влияние на тувинскую городскую молодежь. В городе стали распространяться межэтнические браки. Рост числа такого рода союзов трактовался руководством страны и республики как показатель развития дружественных отношений между народами. Национально-смешанные браки тувинцев и русских способствовали распространению новых обычай и традиций, трансформации быта и повседневных практик²⁷.

В Туве в 1959 г. наиболее урбанизированными этносами были евреи (из них в городской местности проживали 76,2 %), латыши (66,7 %), белорусы (64,4 %), немцы (62,3 %),

²⁴ Натсак О.Д. Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. 2022. № 2. С. 61.

²⁵ Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_age_10.php?reg=74 (дата обращения: 15.08.2019).

²⁶ Монгуш С.О. Межэтническое взаимодействие т формирование русского населения в Туве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2020. № 6. С. 69.

²⁷ Доржсу З.Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 147.

татары (61,3 %), корейцы (59,3 %), русские (57,9 %), поляки (57,5 %), эстонцы (57,4 %), украинцы (56,9 %)²⁸. Основная доля армян, бурят, мариийцев, мордвы, чувашей, алтайцев, тувинцев, хакасов, цыган проживала в сельской местности автономии. Динамичное развитие тувинской промышленности, сельско-городская миграция и продолжающийся приток в города мигрантов из других регионов страны к 1989 г. изменили картину национального состава населения республики в разрезе городских и сельских типов поселений. Все наиболее многочисленные национальности, проживающие в Туве, за исключением титульного этноса, перешагнули 50-процентный барьер урбанизации. За эти годы в структуре городского населения возросла доля мигрантов из Средней Азии и Закавказья. К 1989 г. наиболее урбанизированными этносами стали узбеки (92,3 %), казахи (92,2 %), башкиры (90,9 %), татары (86,6 %), корейцы (85,5 %), армяне (83,9 %), украинцы (81,3 %), удмурты (81,3 %), азербайджанцы (81,1 %), белорусы (80,9 %), латыши (77,8 %), русские (76,8 %), грузины (76,7 %), немцы (75,4 %), буряты (74,7 %), эстонцы (69,5 %), чуваши (59,3 %)²⁹.

Как и большинство коренных народов Сибири, тувинцы оставались этносом с несостоившимся урбационным переходом. В 1989 г. удельный вес городского населения среди тувинцев составлял 30 %.

В 1990-е гг. значительно вырос объем сельско-городской миграции тувинцев. При достаточно высоком естественном приросте у сельских тувинцев их численность с 1989 по 2002 г. снизилась на 5,3 тыс. чел. (на 3,8 %). Уровень урбанизированности тувинцев вырос до 43,2 %. В миграционный оборот в первую очередь была втянута молодежь. Основные причины переезда – высокая безработица в сельской местности, а также необходимость получения профессионального образования³⁰. Кроме того, среди причин переезда в город бывшими сельскими жителями указывались высокий уровень коррупции, преступности, распространенность пьянства и наркомании³¹. Большинство переезжающих из сел тувинцев закономерно устремлялись в Кызыл и его пригорода.

2000–2010-е гг. характеризуются снижением темпов роста горожан тувинцев по сравнению с предыдущим десятилетием. Их численность при этом выросла в 1,4 раза – с 101,6 тыс. чел. в 2002 г. до 138,7 тыс. чел. в 2020 г. Уровень урбанизированности тувинцев вырос до 49,6 %.

В постсоветский период фактически происходит дерусификация Тувы, так как численность проживающих здесь русских сократилась на две трети (на 67,7 %). Более выражен данный процесс в городской местности. Здесь численность русских с 1989 по 2020 г. сократилась с 75,9 тыс. до 23,6 тыс. чел., т.е. более чем в 3 раза. Подобные тенденции отмечены в 18 регионах страны³². Стабильное снижение численности русских при постоянном повышении численности титульного этноса в составе как всего населения, так и в городской местности, – явление, характерное для национальных субъектов России и обозначенное рядом исследователей как «постсоветская коренизация»³³. Ее особенностями, в отличие от советской коренизации, стали относительно более высокий естественный прирост у коренного населения при одновременном оттоке русских и рост популярности этнической идентичности.

²⁸ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=1 (дата обращения: 08.01.2023).

²⁹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php (дата обращения: 08.01.2023).

³⁰ Айбан З.В. Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 С. 100.

³¹ Кан В.С. Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 59.

³² Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации в России на основе гис-технологий: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013. С. 15.

³³ Сафонов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3. С. 144.

Вместе с тем высокие количественные параметры урбанизации тувинцев вовсе не свидетельствуют об их приобщении к городскому образу жизни. Успешность интеграции вчерашних сельских жителей в городскую среду во многом определяется сохранением тесных связей с селом. Тувинцы, переезжающие жить в город, чаще селятся в пригородах или на окраинах городов. Мигранты зачастую продолжают заниматься традиционным хозяйством. Если в сельской местности тувинцы имеют личное подсобное хозяйство преимущественно животноводческого направления, то в городе в основном занимаются огородничеством, хотя почти каждый пятый горожанин тувинец держит крупный рогатый скот³⁴. Адаптация тувинцев к городу в условиях их доминирования протекает относительно легко и успешно. Немаловажную роль при этом также играет сохранение традиций взаимо-выручки, в том числе и оказания финансовой помощи³⁵.

Убыль городского населения в постсоветский период зафиксирована у всех национальностей, проживающих в Туве, кроме тувинцев и киргизов. С 1989 по 2020 г. численность киргизов в республике увеличилась в 6 раз. Большинство из них (93,1 %) являются городскими жителями. Практически неизменной осталась численность армян, в основном также проживающих в Кызыле. Но в целом доля представителей нетитульной и нерусской национальности здесь крайне незначительна.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода Тува заметно отличалась от остальных регионов России по ключевым показателям урбанизации. Анализ динамики демографических показателей урбанизации позволяет выделить два основных периода в развитии урбанизационных процессов Тувы в изучаемых хронологических рамках: советский и постсоветский. Основными факторами трансформации демографической структуры городского населения Тувы в рассматриваемый период были внешние обстоятельства, связанные с глубокими социальными потрясениями (Великая Отечественная война, распад СССР, социально-экономический кризис 1990-х гг.) и спецификой экономического развития региона, а также особенности демографического развития, характеризующиеся высокими по российским меркам рождаемостью и смертностью. Основным рычагом урбанизации Тувы в советский период была воля государства. Появление новых городских поселений стало следствием глубоких общественных и социально-экономических преобразований. В постсоветский период урбанизационное развитие протекало по инерции. Малые города республики сохранили свой статус, сельско-городская миграция и высокий естественный прирост способствовали увеличению численности городского населения и росту значения индекса урбанизации. Однако формальный и реальный уровни урбанизации Тувы значительно разнятся. Большую часть населения городов составляют выходцы из села, образ жизни в малых городах и на окраинах Кызыла во многом сохраняет сельские черты, сеть городских поселений представлена в основном крайне малолюдными городами с неясными перспективами развития.

Литература

Анайбан З.В. Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. 2016. № 2 С. 90–104.

Араловец Н.А. Брачное поведение российского населения в 1960–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 35–39.

Бегзи А.Д. Развитие экономики города Кызыла на разных этапах его истории // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Кызыл, 18–20 октября 2017 г.). Кызыл: ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. С. 38–43.

³⁴ Хольшина М.А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 857.

³⁵ Лушникова О.Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 118.

Бегзи А.Д. Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 94–108.

Бегзи А.Д. Основные факторы, этапы и особенности урбанизации в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл: ФГБУН Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, 2019. С. 52–59.

Бондаренко Т.А. История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска – Урянхайска – Красного – Кызыла // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 109–119.

Бреславский А.С. Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019) // Урбанистика. 2019. № 1. С. 58–67.

Бузыкаев В.А. У подножия Танну-Ола: Рассказ о комбинате «Тувакобалт». Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981. 90 с.

Галкина Т.Н. Исторические сведения о первых русских поселенцах на территории Тувы (Урянхайского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12, № 2. С. 80–83.

Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959–1989 гг. // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 10. С. 67–68.

Доржсу З.Ю. Из истории столицы Республики Тыва – Кызыла // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 1 (17). С. 32–41.

Доржсу З.Ю. Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 144–156.

Доржсу З.Ю., Дамдын-Оол Д.А. История строительства города Кызыл // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сб. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. (Пенза, 30 марта 2018 г.). Ч. 1. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 191–193.

Калдар-Оол А.Х.Б., Ооржак Б.О.О. Об особенностях градостроительства города Кызыла // Вестник Тувинского государственного университета. Технические и физико-математические науки. 2022. № 3 (98). С. 26–42.

Кан В.С. Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72.

Лушникова О.Л. Алтайцы, тувинцы, хакасы: вовлечение в урбанизационные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 113–125.

Монгуш С.О. Межэтническое взаимодействие и формирование русского населения в Туве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2020. № 6. С. 65–70.

Натсак О.Д. Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 2. С. 52–71.

Саая С.М. Из истории строительства новых населенных пунктов Улаг-Хемского района в связи с затоплением территории в 1973–1985 гг. (по материалам Национального архива Республики Тыва) // Архив: история и современность: материалы межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Национального архива Республики Тыва (Кызыл, 15 октября 2020 г.). Кызыл: Типография МБОУ КЦО «Анык», 2020. С. 126–135.

Сафонов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.

Тиникова Е.Е. Урбанизация национальных республик Саяно-Алтая сквозь призму теории модернизации // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 2. С. 275–290.

Тиникова Е.Е., Тугужекова В.Н. Столицы национальных республик Саяно-Алтайского региона в 1945–2020 гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 614–623.

Харунова М.М.Б., Харунов Р.Ш. Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 137–147.

Хольшина М.А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тыва // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 855–857.

Черкасов А.А. Мониторинг этнических аспектов урбанизации в России на основе ги-технологий: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2013. 23 с.

Ширап Р.О. Социокультурное развитие г. Кызыла – столицы Тувинской автономной области (1944–1961 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2020. 253 с.

Экономика Тувинской АССР / отв. ред. С.В. Клопов. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. 377 с.

References

Anajban, Z.V. (2016). Sovremennye etnodemograficheskie harakteristiki molodezhnykh grupp Tuvy i Khakasii [Modern Ethnodemographic Characteristics of the Youth Groups of Tuva and Khakassia]. In *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2, pp. 90–104.

Aralovets, N.A. (2016). Brachnoe povedenie rossiyskogo naseleniya v 1960–1970-e gg. [Marital Behavior of the Russian Population in the 1960s and 1970s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 23, No. 1, pp. 35–39.

Begzi, A.D. (2017). Ekonomika sovetskoy Tuvy: dostizheniya, problemy i uroki [The Economy of Soviet Tuva: Achievements, Problems and Lessons]. In *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 4, pp. 94–108.

Begzi, A.D. (2017). Razvitie ekonomiki goroda Kyzyla na raznykh etapakh ego istorii [Economic Development of the City of Kyzyl at Different Stages of Its History]. In *Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura*. Kyzyl, pp. 38–43.

Begzi, A.D. (2019). Osnovnye faktory, etapy i osobennosti urbanizatsii v Tuve [The Main Factors, Stages and Features of Urbanization in Tuva]. In *Regional'naya ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiya i infrastruktura. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kyzyl, FGBUN Tuvinskiy institut kompleksnogo osvoeniya prirodnykh resursov SO RAN, pp. 52–59.

Bondarenko, T.A. (2009). Istorya sozdaniya goroda v tsentre Azii. K 95-letiyu Belocarska – Uryanhayska – Krasnogo – Kyzyla [The History of the Creation of a City in the Center of Asia. To the 95th Anniversary of Belotsarsk – Urianhaisk – Krasny – Kyzyl]. In *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 4, pp. 109–119.

Breslavskiy, A.S. (2019). Urbanizatsiya v respublikakh Yuzhnay Sibiri: dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2019) [Urbanization in the Republics of Southern Siberia: Dynamics of Key Parameters (1989–2019)]. In *Urbanistika*. No. 1, pp. 58–67.

Buzykaev, V.A. (1981). *U podnozhiya Tannu-Ola: Rasskaz o kombinate “Tuvakobal’t”* [At the Foot of Tannu-Ola: A Story About the Tuvakobalt Plant]. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 90 p.

Cherkasov, A.A. (2013). *Monitoring etnicheskikh aspektor urbanizatsii v Rossii na osnove gis-tehnologiy* [Monitoring of Ethnic Aspects of Urbanization in Russia Based on GIS Technologies]. Cand. geogr. sci. diss. abstract. Stavropol'. 23 p.

Denisenko, M.B., Kharaeva, O.A. (2004). Vozrastnaya struktura narodov RSFSR, 1959–1989 gg. [The Age Structure of the Peoples of the RSFSR, 1959–1989]. In *Naselenie i krizisy: Regional'nye i etnicheskie osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii i SSSR*. Moscow, MAKS Press. No. 10, pp. 67–68.

Dorzhu, Z.Yu. (2015). Iz istorii stolitsy Respubliki Tyva – Kyzyla [From the History of the Capital of the Republic of Tyva – Kyzyl]. In *Vestnik BNC SO RAN*. No. 1 (17), pp. 32–41.

Dorzhu, Z.Yu. (2019). Mezhetnicheskoe vzaimodeystvie russkikh i tuvintsev v sovetskoy i postsovetskoy Tuve (na primere natsional'no-smeshannykh semey) [Interethnic Interaction of Russians and Tuvinians in Soviet and Post-Soviet Tuva (On the Example of Nationally Mixed Families)]. In *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 1, pp. 144–156.

- Dorzhu, Z.Yu., Damdyn-Ool, D.A. (2018). Istorya stroitel'stva goroda Kyzyl [The History of the Construction of the City of Kyzyl]. In *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: sbornik statey XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vol. 1. Penza, pp. 191–193.
- Galkina, T.N. (2006). Istoricheskie svedeniya o pervykh russkikh poselentsakh na territorii Tuvy (Uryankhayskogo kraya) [Historical Information about the First Russian Settlers on the Territory of Tuva (Uriankhai Region)]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Vol. 12, No. 2, pp. 80–83.
- Harunova, M.M.B., Harunov, R.Sh. (2021). Osobennosti formirovaniya gorodskogo rasseleniya v Tuve v sovetskiy period [Features of the Formation of Urban Settlement in Tuva during the Soviet Period]. In *Novye issledovaniya Tuwy*. No 3, pp. 137–147.
- Kaldar-Ool, A.H.B., Oorzhak, B.O.O. (2022). Ob osobennostyakh gradostroitel'stva goroda Kyzyla [About the Peculiarities of Urban Planning in the City of Kyzyl]. In *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie i fiziko-matematicheskie nauki*. No. 3 (98), pp. 26–42.
- Kan, V.S. (2016). Etnosotsial'nyy profil' tuvintsev [Ethnosocial Profile of Tuvinians]. In *Novye issledovaniya Tuwy*. No. 2, pp. 52–72.
- Khol'shina, M.A. (2015). Analiz adaptatsii gorozhan i sel'skikh zhiteley korennoy natsional'nosti Respubliki Tuva [Analysis of Adaptation of Townspeople and Rural Residents of the Indigenous Nationality of the Republic of Tuva]. In *Molodoy uchenyy*. No. 23 (103), pp. 855–857.
- Klopov, S.V. (Ed.). (1973). *Ekonomika Tuvinskoy ASSR* [Economics of the Tuvan ASSR]. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 377 p.
- Lushnikova, O.L. (2021). Altaytsy, tuvintsy, khakasy: vovlechenie v urbanizatsionnye protsessy [Altaians, Tuvinians, Khakass: Involvement in Urbanization Processes]. In *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 113–125.
- Mongush, S.O. (2020). Mezhetnicheskoe vzaimodeystvie i formirovanie russkogo naseleniya v Tuve [Interethnic Interaction and the Formation of the Russian Population in Tuva]. In *Sovremen-naya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*. No. 6, pp. 65–70.
- Natsak, O.D. (2022). Transformatsiya reproduktivnoy modeli tuvinskoy sem'i: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye tendentsii [Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: A Historical Retrospective and Modern Trends]. In *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Vol. 10, No. 2, pp. 52–71.
- Saaya, S.M. (2020). Iz istorii stroitel'stva novykh naseleennykh punktov Ulug-Khemskogo rayona v svyazi s zatopleniem territorii v 1973–1985 gg. (po materialam Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva) [From the History of the Construction of New Settlements in the Ulug-Khem District in Connection With the Flooding of the Territory in 1973–1985 (Based on the Materials of the National Archive of the Republic of Tyva)]. In *Arkhiv: istoriya i sovremennost'*. Kyzyl, Tipografiya MBOU KCO "Anyyak", pp. 126–135.
- Safronov, S.G. (2015). Sovremennye tendentsii transformatsii etnicheskogo sostava nasele-niya Rossii [Modern Trends in the Transformation of the Ethnic Composition of the Russian Population]. In *Baltiyskiy region*. No. 3 (25), pp. 138–153.
- Shirap, R.O. (2020). *Sotsiokul'turnoe razvitiye g. Kyzyla – stolitsy Tuvinskoy avtonomnoy oblasti (1944–1961 gg.)* [Socio-Cultural Development of Kyzyl, the Capital of the Tuvan Autonomous Region (1944–1961)], Dr. hist. sci. diss. Kyzyl. 253 p.
- Tinikova, E.E. (2021). Urbanizatsiya natsional'nykh respublik Sayano-Altaya skvoz' prizmu teorii modernizatsii [Urbanization of the National Republics of Sayano-Altai Through the Prism of Modernization Theory]. In *Oriental Studies*. Vol. 14, No. 2, pp. 275–290.
- Tinikova, E.E., Tuguzhekova, V.N. (2022). Stolitsy natsional'nykh respublik Sayano-Altayskogo regiona v 1945–2020 gg. [Capitals of the National Republics of the Sayano-Altai Region in 1945–2020]. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 15, No. 5, pp. 614–623.

Д.А. Мамонтова*

ДИСКУССИИ 1920-Х ГОДОВ В ЮРИДИЧЕСКИХ КРУГАХ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-6
 УДК 94:323.2+331(47+57)"192"

Выходные данные для цитирования:

Мамонтова Д.А. Дискуссии 1920-х годов в юридических кругах о применении принудительного труда осужденных // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 73–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-06.pdf>

D.A. Mamontova*

DISCUSSIONS OF THE 1920S IN LEGAL CIRCLES ON THE USE OF FORCED LABOR OF CONVICTS

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-6

How to cite:

Mamontova D.A. Discussions of the 1920s in Legal Circles on the Use of Forced Labor of Convicts // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 73–83.
 [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-06.pdf>]

Abstract. The paper is devoted to the analysis of coverage of the issue of forced labor in the legal press in the 1920s. Labor was one of the main means of correcting criminals, along with cultural and educational events. This principle was first reflected in the decree of VTsIK, dated 17 May 1919, “On the forced labor camps” and the decree of the RSFSR People’s Commissariat for Justice, dated 15 November 1920, “The Regulations on general detention places”. Since 1924 the Corrective-Labor Code of 1924 became the fundamental document in this sphere. However, the issue of use convicts’ labor was reflected not only in legislation but also in the works of legal scholars and in legal periodicals. Based on the materials of magazine “Ezhenedel’nik sovetskoi yustitsii” (Eng. The Weekly of Soviet Justice) in 1922–1928 the characteristics of the coverage of this issue in its dynamics are examined. The analysis of messages devoted to the organization of forced labor shows that during the 1920s there were problems in this area that didn’t allow organizing the work of criminals to the fullest extent which are lack of work, competition with the unconvicted population, etc. In this regard throughout the entire period under study authors published in the magazine proposed various solutions. In the early 1920s the most loyal proposals were voiced such as sending convicts to unskilled work or organization of work in economic enterprises of places of detention. By the mid-1920s it turned out that these proposals didn’t have a significant effect and therefore at first proposals to abandon forced labor were made and then this topic practically ceased to be covered at all. Changes in the Criminal Code of 1926 which revealed the role of forced labor without detention led to the emergence of the most radical ideas in the form of using convicts’ labor free of charge. Later, in 1928, the idea became official in the form of the resolution of VTsIK and the Council of People’s Commissars of the RSFSR, dated 28 March 1928, which confirmed the freeness of convicts’ labor and marked a turn towards harsh forms of using prison labor.

Keywords: sphere of labor, forced labor, penal policy, the Corrective-Labor Code of 1924, the Criminal Code of 1926.

*The article has been received by the editor on 25.04.2024.
 Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

* **Дарья Андреевна Мамонтова**, аспирант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

Darya Andreevna Mamontova, Postgraduate Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: d.mamontova@g.nsu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению освещения вопроса принудительных работ в юридической прессе в 1920-е гг. Труд являлся одним из основных средств исправления преступников наряду с культурно-просветительными мероприятиями. Данный принцип был отражен сначала в декрете ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. и постановлении НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. С 1924 г. основополагающим документом в данной сфере стал Исправительно-трудовой кодекс. Однако вопрос привлечения осужденных к труду отражался не только в законодательстве, но и в работах пенитенциаристов, а также в юридических периодических изданиях. На материалах журнала «Еженедельник советской юстиции» за 1922–1928 гг. исследуются характеристики освещения данного вопроса в их динамике. Анализ сообщений, посвященных организации принудительного труда, показывает, что в течение 1920-х гг. в данной области пенитенциарной системы существовали проблемы, не позволяющие организовывать работы преступников в полной мере: отсутствие работ, конкуренция с несудимым населением и др. В связи с этим на протяжении всего изучаемого периода авторы, публиковавшиеся в журнале, предлагали различные варианты решений. В начале 1920-х гг. преимущественно озвучивались наиболее лояльные предложения – отправлять осужденных на неквалифицированные работы или же на работы в хозяйствственные предприятия места заключения. К середине 1920-х гг. оказалось, что данные предложения не имеют значительного эффекта, в связи с чем сначала стали высказываться предложения по отказу от принудительных работ с заменой их лишением свободы, а затем данная тема практически перестала освещаться вовсе. Изменения внес Уголовный кодекс 1926 г., по которому усиливалась роль принудительных работ без содержания под стражей, что привело к появлению наиболее радикальных идей – применению труда осужденных на безвозмездной основе. Впоследствии, в 1928 г., данная идея обрела официальное оформление в виде постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 марта 1928 г., подтвердившем бесплатность труда и ознаменовавшем поворот в сторону жестких форм применения труда заключенных.

Ключевые слова: сфера труда, принудительный труд, пенитенциарная политика, Исправительно-трудовой кодекс 1924 г., Уголовный кодекс 1926 г.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024 г.

Идея труда как средства исправления преступников в России появилась еще в XVIII в. и была обозначена в нормативно-правовом акте, регламентирующем деятельность полицейских органов, – «Уставе благочиния, или полицейский», принятом в 1782 г. Среди различных видов наказаний, таких как порицание, штраф, арест и др., встречается заключение в рабочем доме (ст. 256, 269.2, 269.3 и др.)¹. В 1845 г. вышел первый полноценный Уголовный кодекс – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в котором также одним из видов наказаний являлась отправка на каторжные работы (ст. 19.2, 21)².

Практика применения труда заключенных продолжилась и в XX в. Так, в Уголовном уложении 1903 г. среди видов наказаний фигурировали каторжные работы³. Привлечение заключенных к работам было упомянуто и в последнем нормативном акте Российской империи, затрагивающем вопросы уголовно-исполнительной политики, – Общей тюремной инструкции 1915 г. Целями проводимых в местах заключения работ были: «1) отвлечение

¹ Устав благочиния, или полицейский от 8 апреля 1782 г. [Электронный ресурс]. URL: https://nнов.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_bлагочиния (дата обращения: 09.04.2024).

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nнов.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 09.04.2024).

³ Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. С. 14.

арестантов от праздности; 2) приучение их к производительному труду; 3) обучение полезным мастерствам и ремеслам; 4) предоставление арестантам заработка...»⁴.

Наиболее активно данную идею стали разрабатывать ученые-пенитенциаристы уже в послереволюционный период⁵. Более того, труд являлся ключевым элементом не только советской уголовно-исполнительной политики, но и раннесоветского государства в целом. Так, Конституция РСФСР 1918 г. провозглашала лозунг «Не трудящийся да не ест» (ст. 18)⁶, тем самым объявив труд на официальном уровне обязательным для всего населения страны. Впоследствии общие принципы регламентации труда были обозначены сначала в Кодексе законов о труде (КЗоТ) 1918 г., а затем в КЗоТе 1922 г.⁷ Первыми советскими законодательно-нормативными актами, в которых фиксировались требования исправительно-трудового воздействия на заключенных, стали декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. (ст. 31)⁸ и Постановление Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. (ст. 111)⁹.

16 октября 1924 г. на второй сессии ВЦИК XI созыва был принят Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР, подводивший не только итоги опыта уголовно-исполнительной политики в первые годы нэпа, но и ставивший существующую практику на правовую основу. Действие кодекса распространялось на пенитенциарные учреждения в системе Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР), в то время как лагерно-тюремная система ОГПУ находилась вне зоны его применения¹⁰.

Издание законодательства не являлось единственным шагом в становлении новой советской пенитенциарной системы с ее ориентацией на труд осужденных как средства их исправления. Кроме того, данный вопрос в 1920-х гг. неоднократно поднимался в работах таких пенитенциаристов, как М.Н. Гернет, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский и др., а также в специальных периодических изданиях, касающихся юридической тематики. К числу таковых относились журналы «Административный вестник», «Право и жизнь», «Еженедельник советской юстиции».

Изучение практики использования труда осужденных без лишения свободы, в частности дискуссии по данному вопросу, редко освещается в работах историках. На данный момент существуют только отдельные работы, посвященные обозначенным аспектам¹¹, где лишь намечены подходы и методы для дальнейшей их разработки.

Цель данного исследования заключается в выявлении характеристик освещения вопроса принудительных работ в юридической прессе в их динамике. Источниковой базой исследования выбраны выпуски журнала «Еженедельник советской юстиции», являющегося печатным органом НКЮ РСФСР, за 1922–1928 гг. Исследование осуществляется путем последовательного погодового анализа ключевой проблематики, отраженной на страницах указанного периодического издания. Выбор нижней границы периода обусловлен исходя из содержания источника. 1922 г. был первым годом существования журнала, и именно в этот период началось обсуждение проблем пенитенциарной политики, в том числе вопроса

⁴ Цит. по: Общая тюремная инструкция от 28 декабря 1915 г. Петроград, 1916. С. 61–62.

⁵ См., например: Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 24, 26; Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. С. 15–16.

⁶ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 09.04.2024).

⁷ Об этом подробнее см.: Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1030–1031.

⁸ Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_458.htm (дата обращения: 09.04.2024).

⁹ Здесь и далее: Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_772.htm (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁰ Об организации трудовой деятельности заключенных и осужденных на принудительные работы без содержания под стражей в ИТК 1924 г. см., например: Мамонтова Д.А. Принудительный труд в практике исполнения наказаний в Западной Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4. С. 24–25.

¹¹ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1027–1046; Мамонтова Д.А. Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Еженедельник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах // Исторический курьер. 2023. № 1. С. 116–128.

принудительных работ, на его страницах. 1928 г. в свою очередь ознаменовался обсуждением и закреплением вопроса об использовании бесплатного труда заключенных, выраженного в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР по докладам НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28 марта 1928 г.¹²

Судебные приговоры подразумевали два вида исполнения наказаний, связанных с выполнением принудительных работ: заключение в места лишения свободы, в которых заключенные занимались трудовой деятельностью, и принудительные работы без содержания под стражей. Указанная мера применялась в отношении лиц, которые совершили неопасные преступления и приговаривались на сроки заключения от месяца до года¹³. И именно данный вид наказания считался достижением советского пенитенциарного дела¹⁴, отличающим советскую уголовно-исполнительную политику от дореволюционной.

Кроме того, данный вид наказания имел под собой и прагматический аспект, применяясь, в том числе, для снижения нагрузки на места заключения и, соответственно, для сокращения расходов на их содержание. Такая необходимость диктовалась переходом мест лишения свободы на местные средства самоокупаемость с 1922 г.¹⁵.

Несмотря на то, что наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей должно было решить проблемы с организацией тюремного содержания осужденных, на практике данный вид наказания столкнулся со сложностями в его реализации. Основные затруднения были связаны с отсутствием работ, куда можно было направить осужденных, и конкуренцией на рынке труда с несудимым населением¹⁶. Мнения советских деятелей юстиции по данному вопросу разделились. Одни считали, что введенный вид наказания необходимо пытаться усовершенствовать, и предлагали различные варианты – организовывать принудительные работы в виде общественных массовых работ (субботников)¹⁷, заниматься такими видами работ, как подметание улиц, очистка леса и т.д., нужда в которых всегда имело место¹⁸, отправлять осужденных на особо опасные и неприятные работы¹⁹ и даже организовывать принудительные работы на бесплатной основе для состоятельных и в качестве сверхурочных для малоимущих групп²⁰. Другие же, напротив, считали, что данный вид наказания не достигал никакой цели, поскольку не мог быть качественно организован во всех регионах страны²¹ или же мог носить лишь карательный характер, а не исправительно-трудовой²², как это предполагалось замыслом.

В конце 1922 г., подводя итог активному обсуждению вопроса организации принудительных работ, был опубликован циркуляр НКЮ РСФСР «О назначении принудительных работ, как наказания, в виде работ неквалифицированного физического труда» от 28 декабря 1922 г., в котором устанавливалось, что при осуждении обвиняемых к принудительным работам без содержания под стражей назначать работы в виде неквалифицированного физического труда, а принудительные работы по специальности назначать лишь в исключи-

¹² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам Народного Комиссариата Юстиции и Народного Комиссариата Внутренних Дел о карательной политике и состоянии мест заключения // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–419.

¹³ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1032.

¹⁴ Лунин А. Две ударные задачи // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 5.

¹⁵ Джекобсон М., Смирнов М.Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 [Электронный ресурс] // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960. Справочник. М., 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁶ Лунин А. Две ударные задачи... С. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. Впечатление судьи // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 29–30. С. 19.

¹⁹ И. С. К вопросу о принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 36. С. 13.

²⁰ Сорокин И. К вопросу об ударных задачах органов юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 23. С. 5.

²¹ Ерыпалов П. Волна самосудов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 24–25. С. 19.

²² О принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 43. С. 21.

тельных случаях, когда есть в этом необходимость²³. Предполагалось, что подобное решение должно было позволить не превращать данный вид наказания в фикцию.

Несмотря на бурное обсуждение вопроса о принудительных работах, а также издание циркуляра, регламентирующего организацию данного процесса, пусть и в ограниченных масштабах, 1923 г. был отмечен не менее активным обсуждением. Связано это было с тем, что практика применения труда осужденных, не заключенных в места лишения свободы, оказалась не налажена. Проблемы с организацией вырисовывались все те же: безработица и конкуренция с безработным населением²⁴. Так, на 1 января 1923 г. 43,7 % осужденных не явились на обязательные работы²⁵. Однако деятели юстиции признавали, что данные проблемы в организации принудительных работ произошли по не зависящим от них обстоятельствам²⁶, что, впрочем, не означало, что от этого вида наказания следовало отказаться²⁷.

Несмотря на общее впечатление о невозможности в текущий момент организовать должным образом принудительные работы без содержания под стражей, высказывалось мнение, что вышеобозначенные проблемы на местах уже решаются, а вот более серьезной проблемой является отсутствие законодательного оформления данного вида наказания²⁸.

По-прежнему предпринимались попытки предложить выход из возникшей ситуации – например, направлять осужденных на данный вид наказания отрабатывать в мастерских или других хозяйственных предприятиях мест лишения свободы²⁹. Хотя вряд ли данное решение могло стать выходом из возникшей ситуации, поскольку принудительный труд в самих местах заключения также не был должным образом организован. В 1923 г. на страницах «Еженедельника советской юстиции» появились статьи, в которых говорилось о том, что самоокупаемость мест заключения невозможна в связи с недостатком средств на оборудование мастерских³⁰. Отметим, что в сибирских местах заключения не было работ даже внутри самих исправительных учреждений³¹, что также не позволяло реализовать обозначенную идею. Более того, акцент на самоокупаемости мест заключения перемещал вопрос исправительного воздействия труда на преступников на второй план³², что противоречило самой идее советской исправительно-трудовой политики.

В этом же году вышел циркуляр Верховного суда «Разъяснение о замене принудработ без содержания под стражей иным видом наказания» от 27 июля 1923 г., разрешающий замену данного вида наказания другими – лишением свободы или же штрафом в исключительных случаях (например, в случае наличия у осужденного недуга, лишающего его трудоспособности)³³. Данный циркуляр свидетельствует также и о том, что принудительные работы были организованы не во всех местностях, и таким образом решался вопрос превращения наказания в фикцию, о чем неоднократно говорилось на страницах журнала.

²³ Циркуляр НКЮ РСФСР. «О назначении принудительных работ, как наказания, в виде работ неквалифицированного физического труда» от 28 декабря 1922 г. // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46–47. С. V–VI.

²⁴ Аскарханов С. О принудительных работах без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 6. С. 126.

²⁵ Якубсон В. Принудительные работы и легальная возможность исполнения приговора // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 13. С. 294. Несмотря на то, что наказание в виде принудительных работ без лишения свободы было обозначено в Уголовном кодексе (УК) РСФСР 1922 г., отсутствовали документы, определяющие вопросы организации данного вида наказания: что необходимо делать, если отсутствуют работы, на которые можно было бы направить осужденного; что делать в случае неявки осужденного на работы и др.

²⁶ Новые вехи в карательной политике советской власти // Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 27. С. 126.

²⁷ Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела // Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 42. С. 977.

²⁸ Якубсон В. Принудительные работы и легальная возможность исполнения приговора // Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 13. С. 294.

²⁹ Аскарханов С. О принудительных работах без содержания под стражей... С. 126; Предоставление работы приговоренным к принудработам // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 19. С. 449.

³⁰ Постановка рабочей части в местах заключения // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 46. С. 1072.

³¹ Мамонтова Д. А. Принудительный труд в практике... С. 28.

³² Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 41. С. 949.

³³ Циркуляр Верховного суда № 52 «Разъяснение о замене принудработ без содержания под стражей иным видом наказания» от 27 июля 1923 г. // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 30. С. 696.

Практика применения принудительных работ без содержания под стражей в 1922–1923 гг. показала имеющиеся трудности, решить которые деятелям юстиции представлялось невозможным. Осознав данное ограничение, юристы и практики-пенитенциаристы начали массово предлагать заменять принудительные работы без содержания под стражей лишением свободы, рассматривая различные схемы: либо 1 день заключения за 3 дня принудительных работ, либо 1 день заключения за 7 дней принудительных работ³⁴. Более того, данное решение считалось применимым и в тех случаях, когда замена принудительных работ лишением свободы была невозможной в связи с отсутствием в некоторых статьях Уголовного кодекса (УК) 1922 г. варианта наказания для данной категории в виде помещения в места лишения свободы³⁵, что являлось прямым нарушением законодательства в области уголовного права. Тем не менее, несмотря на тяжелую обстановку в области организации принудительных работ без тюремного заключения, на страницах журнала изредка встречались сообщения, что в некоторых районах страны принудительные работы все же успешно применялись³⁶.

1924 г. стал годом разработки первого советского ИТК, в связи с чем на страницах издания поднимались вопросы проекта кодекса, в том числе той части, которая регулировала труд заключенных, хотя подобные сообщения следует признать малочисленными. Так, предлагалось, что статьи КЗоТа будут распространяться на всю трудовую деятельность заключенных³⁷ и это затем найдет свое отражение в изданном кодексе. В одной из публикаций описывался механизм управления рабочими частями мест заключения³⁸, что также впоследствии было зафиксировано в ИТК 1924 г.

1925 г. оказался своего рода «провальным» в обсуждении вопросов норм и практики применения принудительных работ. Несмотря на то, что данный вопрос получил свое освещение в изданном ИТК, это касалось преимущественно законодательного оформления данного вида наказания, что не решало проблем его «стыковки» с безработицей и конкуренцией на рынке труда, которые регулярно обозначались на страницах «Еженедельника советской юстиции» в предыдущие годы и были актуальны и в 1925 г.³⁹. Однако если в предыдущие годы высказывались различные предложения по устранению или смягчению данных затруднений, то в 1925 г. наблюдаются преимущественно сообщения, лишь подтверждающие имеющиеся трудности в организации как принудительных работ без содержания под стражей, так и внутри мест заключения. Так, например, приводится статистика применения принудительных работ по некоторым округам Северо-Кавказского края за 1924 г. Приведенные данные свидетельствуют, во-первых, о недостаточной организации принудительных работ на местах (например, в Ставропольском округе все осужденные числились в качестве свободной рабочей силы, т.е. оказались без работы), а во-вторых, о большом количестве осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания (по Донскому округу – 33 %, по Кубанскому округу – 72, по Терскому округу – 43 %⁴⁰). Впрочем, на страницах журнала отмечались и некоторые успехи в организации данного дела⁴¹. В целом в 1925 г. отмечается резкий спад сообщений не только по принудительным работам, но и по пенитенциарной политике в целом, связанный, скорее всего, с изданием ИТК, освещавшим основные

³⁴ Об этом см., например: Доклад т. Бранденбургского по п. 9 повестки дня: «Организация юридической помощи населению»; доклад т. Крыленко по п. 6 повестки дня: «Карательная политика и усиление в ней классового принципа» // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. С. 283; Тезисы доклада Н.В. Крыленко по пункту 6 повестки дня V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции: Карательная политика и усиление в ней классового принципа // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. С. 301.

³⁵ Байрон П. О замене принудительных работ // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 34. С. 797.

³⁶ См., например: Лисицын А. Обревизирование судебных органов Сибири // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 39–40. С. 945.

³⁷ Исправительно-трудовой кодекс // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 16. С. 386.

³⁸ Управление рабочими частями мест заключения // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 18. С. 431.

³⁹ Конкуренция труда заключенных // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 19. С. 534.

⁴⁰ Кожевников Мих. Принудительные работы // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 18. С. 493–494.

⁴¹ Там же. С. 493; Ширвиндт Е. Пенитенциарное дело в РСФСР в 1924–25 году // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 50–51. С. 1531.

вопросы проведения уголовно-исполнительной политики и тем самым снимавшим ряд острых дискуссионных аспектов, обсуждавшихся ранее.

Как уже обозначалось выше, ИТК 1924 г. совсем не решал вопросы организации принудительных работ без содержания под стражей на практике. «Простой» в статьях по данной тематике в 1925 г. лишь отсрочил решение проблем, что в итоге вылилось в бурное обсуждение данной темы в 1926 г. В очередной раз рядом деятелей юстиции лишь подтверждалось мнение, что данный вид наказания так и не был организован должным образом⁴².

Осознание, что ранее предложенные меры не оказали какого-то значительного влияния на ситуацию, привело к высказыванию более радикальной идеи, озвученной впервые в 1926 г. сразу несколькими деятелями юстиции – организовывать принудительные работы без содержания под стражей на бесплатной основе (либо на короткий промежуток времени, либо в зависимости от имущественного положения осужденного)⁴³. Таким образом, в 1926 г. впервые озвучивалась мысль, которая позднее, в 1928 г., будет оформлена уже официально.

Вскоре после издания ИТК вышло в свет постановление, обозначающее, каким образом следует отправлять осужденных на работы в местностях без мест лишения свободы – работающим по найму было дозволено продолжать работу на местах, в ином случае их отправляли на хозяйствственные предприятия исполнкомов⁴⁴. Данное постановление может подтверждать, что на тот момент на практике реализовывалась идея отправки осужденных на принудительные работы без содержания под стражей на работы в места заключения, что, впрочем, вряд ли существенно решало проблему, – в местах заключения в тот период работ не хватало и самим заключенным⁴⁵. Кроме того, в местах заключения всегда существовала переполненность, заставлявшая широко применять поощрительные приемы к заключенным (в частности, зачет двух рабочих дней за три дня при выполнении даже самых простых работ)⁴⁶ с целью разгрузки мест лишения свободы. Соответственно, существовавшая переполненность создавала еще большую нагрузку на и так ограниченное количество работ, оставляя еще большее количество преступников, не затронутых исправлением трудом. О переполненности мест заключения говорит и директивное письмо НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению Уголовного кодекса редакции 1926 г. от 15 января 1927 г., и разъяснение Пленума Верховного суда РСФСР из протокола № 20 заседания Пленума Верховного суда от 21 ноября 1927 г. В обоих документах отмечалось, что принудительные работы нежелательно заменять лишением свободы⁴⁷, хотя ранее это разрешалось циркуляром от 1923 г.

Впрочем, такой запрет далее связывался не только с переполненностью мест заключения, но и с принятием нового Уголовного кодекса в 1926 г., по которому роль принудительных работ без содержания под стражей усилилась, а применение данного вида наказания расширилось⁴⁸. Однако такой переход к большему использованию принудительных работ не

⁴² Одинцов В. Работа и недостатки губсудов по итогам объединенных совещаний работников НКЮ // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 15. С. 461; А. И. Вопросы уголовного права и процесса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 15. С. 464; Дмитриев А. Обязательные постановления и практика административных взысканий мест // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 34. С. 1014; и др.

⁴³ Васильев А. Принудительные работы // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 18. С. 558; Вопросы уголовного права и процесса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 33. С. 997; Иодковский А. Вопросы уголовного права и процесса // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 37. С. 1094; и др.

⁴⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 сентября об организации принудительных работ без содержания под стражей // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 43. С. 1241.

⁴⁵ См., например: Мамонтова Д. А. Принудительный труд в практике... С. 29.

⁴⁶ Березнер С., Васильев Ан. Нужны корректизы // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 5. С. 137–138.

⁴⁷ Директивное письмо НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению Уголовного кодекса редакции 1926 г. от 15 января 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 2. С. 3; Разъяснение Пленума Верховного суда РСФСР из протокола № 20 заседания Пленума Верховного суда от 21 ноября 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 49. С. 1552.

⁴⁸ Циркулярное письмо № 35 «О мероприятиях по надлежащей организации принудработ» от 12 февраля 1927 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 7. С. 207; Лаговиц Н. Организация принудительных работ (Практические заметки) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 477; Тагер С. Пенитенциарные проблемы // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 34. С. 1049; и др.

означал, что проблемы с их организацией были решены. Так, С. Тагер приводит статистику по проведению принудительных работ в Москве, отмечая, что в 1926 г. не выполнялось 51,5 % судебных решений такого рода. В 1927 г. ситуация несколько улучшилась – процент невыполненных по приговорам работ снизился до 35 %. Автор признает, что исполнение приговоров остается неудовлетворительным, но отмечает и успехи в организации данного дела, а именно организацию принудительных работ ГУМЗ, которые покрывают 40 % исполненных приговоров⁴⁹.

Идеи по более успешной организации принудительных работ без лишения свободы сохраняли свою актуальность, в связи с чем на страницах журнала все больше стало появляться сообщений, призывающих к бесплатности труда осужденных (но с предоставлением пайка и/или жилья) или к минимальной их оплате⁵⁰. В некоторых публикациях озвучивалась мысль, что принудительные работы должны быть бесплатными только для некоторых групп населения⁵¹.

В 1927 г. отмечается достаточно бурное обсуждение вопросов организации принудительных работ без содержания под стражей, хотя сложно сказать, что обозначенные в этом году идеи кардинально отличались от высказанных в 1926 г. Впрочем, необходимо признать, что введение нового УК повлияло, во-первых, на частоту обсуждения, а во-вторых, выявило, что данный вопрос в уголовно-исполнительной политике вышел на первый план, оставив за собой вопросы организации труда в местах заключения, которые совсем не освещались в «Еженедельнике советской юстиции» в обозначенный год.

Существовавшие проблемы с организацией труда заключенных и осужденных на работы без содержания под стражей, обсуждавшиеся на страницах юридического журнала на протяжении шести лет, только усугубились к 1928 г., и это привело к формированию преобладания негативной оценки данной меры исправительно-трудовой политики⁵². Подобное явление означало необходимость изменений в сфере принудительного труда, что выразилось в издании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 28 марта 1928 г., по которому утверждались три основных принципа работ заключенных: 1) бесплатность; 2) хозяйственная выгодность; 3) реальность репрессии. Плата за работы могла начисляться лишь тем, кто отбывал наказание по месту службы, либо же в индивидуальном порядке по решению суда. Помимо этого, в постановлении проводилась более жесткая классовая линия, выражавшаяся в необходимости применять жесткие меры репрессии в отношении классовых врагов, а также в ограничении для них льгот – зачет рабочих дней, предоставление отпусков и др.⁵³

Издание данного постановления повлекло за собой надежды среди авторов, публикавшихся в издании, что новый закон о принудительных работах даст гарантии считать данную «меру социальной защиты... как действительно реальную меру репрессии»⁵⁴. Хотя и после принятия данного постановления встречались сообщения, в которых присутствовала критика данной меры наказания и ее реализации на практике⁵⁵. Следует, однако, иметь в виду, что «Еженедельник советской юстиции» являлся органом НКЮ, традиционно крити-

⁴⁹ Тагер С. Пенитенциарные проблемы // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 34. С. 1050–1051.

⁵⁰ Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР о мероприятиях по организации принудительных работ // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 30. С. 934.

⁵¹ Осипович В. К новому курсу в уголовно-судебной политике // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1460.

⁵² Об этом см.: Мамонтова Д. А. Освещение идеи трудового перевоспитания... С. 123–124.

⁵³ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладам Народного Комиссариата Юстиции и Народного Комиссариата Внутренних Дел о карательной политике и состоянии мест заключения // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–418.

⁵⁴ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 21. С. 621.

⁵⁵ Там же; Очередные задачи в области работы административных органов (доклад Народн. Комиссара Внутр. Дел РСФСР т. Толмачева на II Всероссийск. Съезде административных работников (Окончание)) // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 645; Траскович Ф. Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 733.

ковавшим пенитенциарную систему ГУМЗ НКВД РСФСР с позиций ее слабости и неэффективности.

Труд, ставший основой раннесоветского государства и, соответственно, обязанностью всех граждан, предполагалось также внедрить в уголовно-исполнительную систему с целью исправления преступников и приспособления их к жизни общества по окончании отбывания наказания. В таком случае исправление трудом выступало не только в контексте гуманизации системы наказания, но также являлось частью более общего проекта создания новой общественной системы в СССР. Тем не менее правовое оформление труда в местах заключения или как меры наказания без лишения свободы не имело потенциала для реализации в связи с имеющимися проблемами в организации данного дела.

В условиях медленного обновления правовых основ пенитенциарной политики (обновление кодексов, в частности Исправительно-трудового, Уголовного и др., происходило раз в несколько лет) юридические журналы стали площадкой не только для обсуждений результатов реализации данных законодательных актов, но и для предложений по устранению существующих недочетов. К таким журналам относился и «Еженедельник советской юстиции», для которого вопросы пенитенциарного дела, в том числе и принудительных работ, в большей или меньшей мере оставались актуальными на протяжении 1922–1928 гг.

Анализ сообщений, посвященных организации труда осужденных, показывает, что на протяжении 1920-х гг. в данной области уголовно-исполнительной системы существовал ряд трудностей, не позволявших в полной мере организовывать работы преступников, а значит и исправлять их: отсутствие работ (в том числе и в местах заключения), конкуренция с несудимым населением, неудовлетворительное обустройство мастерских в местах лишения свободы. Подобное положение заставляло авторов, публиковавшихся в журнале, предлагать различные варианты решений, начиная от самых мягких (отправлять осужденных на физические, неквалифицированные работы) и заканчивая наиболее радикальными (устроить работы на бесплатной основе).

В данном случае наблюдается градация по степени актуальности данного вопроса на протяжении всего изучаемого периода. Первая половина 1920-х гг. характеризовалась преимущественно высказыванием лояльных предложений с различными вариантами поиска работ для осужденных. Сама идея привлечения преступников к труду не отрицалась, и предполагалось, что решение имеющихся проблем в организации вполне реально. К середине десятилетия стало ясно, что высказываемые предложения не имеют значительного эффекта, в связи с чем произошли изменения в дискурсе – сначала начали появляться сообщения, призывающие к отказу от принудительных работ без содержания под стражей с заменой их обычным лишением свободы, а затем данная тема и вовсе практически перестала освещаться.

Принятие ИТК 1924 г. показало, что, несмотря на правовое регламентирование всех видов принудительных работ, реализация их на практике все еще сталкивалась с теми же проблемами. В связи с этим на страницах журнала стали появляться все более радикальные предложения – использование труда осужденных на безвозмездной основе. На укрепление данной идеи повлияло и общее состояние пенитенциарной системы – места заключения были переполнены и работы в них находились в таком же критическом состоянии. Однако, несмотря на трудности в организации работ и самих заключенных, данному вопросу на страницах «Еженедельника советской юстиции» практически не отводилось должного внимания, наиболее животрепещущим был вопрос работ осужденных без содержания под стражей.

Складывалась ситуация, при которой осужденных на принудительные работы буквально некуда было отправлять – ни на свободе, ни в местах лишения свободы исправление трудом не происходило. Идея организации принудительного труда заключенных столкнулась с реальной ситуацией в стране. Апогеем в данном вопросе стала появляющаяся на страницах журнала критика принудительных работ, что в целом противоречило идеологической составляющей советской пенитенциарной политики. Однако критику в данном случае следует рассматривать, скорее, в контексте межведомственной борьбы

НКЮ и НКВД вокруг вопроса о руководстве местами заключения. Итогом дискуссий по вопросу применения принудительного труда стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 28 марта 1928 г., подтвердившее бесплатность работ осужденных, не лишенных свободы, и ознаменовавшее собой поворот в сторону расширения применения данного вида наказания. Об этом свидетельствует и статистика, приведенная в стенограмме заседания СНК РСФСР от 18 июня 1930 г.: если в первой половине 1928 г. осужденных на принудительные работы без лишения свободы было 15,3 % от общего числа осужденных, то во второй половине 1929 г. их число в относительных величинах увеличилось уже до 50,8 %⁵⁶, что подтверждало возросшую значимость данного вида наказания для советской пенитенциарной политики.

Литература

Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. 440 с.

Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.

Мамонтова Д.А. Освещение идеи трудового перевоспитания преступников в советской периодической печати (журнал «Еженедельник советской юстиции» и газета «Советская Сибирь») в 1922 и 1928 годах [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 116–128. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Мамонтова Д.А. Принудительный труд в практике исполнения наказаний в Западной Сибири 1920-х годов [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 22–31. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов. М., 1998. 597 с. [Электронный ресурс] URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 09.05.2024).

Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников. М.: Издательство народного комисариата внутренних дел РСФСР, 1930. 67 с.

Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

References

Berdinskikh, V.A., Verem'ev, V.I. (2018). *Kratkaya istoriya GULAGa* [The Brief History of GULAG]. Moscow. 440 p.

Krasilnikov, S. (2017). Mezhdu pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve [Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, No. 4, pp. 1027–1046.

Mamontova, D.A. (2022). Prinuditel'nyy trud v praktike ispolneniya nakazaniy v Zapadnoy Sibiri 1920-kh godakh [Forced Labor in the Practice of Enforcing the Sentences in West Siberia in the 1920s]. In *Historical Courier*. No. 4 (24), pp. 22–31. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf> (date of access 09.04.2024).

Mamontova, D.A. (2023). Osveshchenie idey trudovogo perevospitaniya prestupnikov v sovetskoy periodicheskoy pechati (zhurnal “Ezhenedelnik Sovetskoy Yustitsii” i gazeta “Sovetskaya Sibir”) v 1922 i 1928 godakh [Representation of the Idea of Labor Re-Education of the Criminals in the Soviet Periodicals (Magazine “Ezhenedelnik Sovetskoy Yustitsii” and Paper “Sovetskaya Sibir”) in 1922 and 1928]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 1 (27), pp. 116–128. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-1-09.pdf> (date of access 09.04.2024).

Shirvindt, E., Utevskiy, B. (1927). *Sovetskoe penitentsiarne pravo* [The Soviet Penal Law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR. 276 p.

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 14. Д. 161. Л. 27.

Smirnov, M.B. (Ed.). (1998). *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960* [System of Corrective Labor Camps in the USSR in 1923–1960]. Moscow. 597 p. Available at: URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (date of access 09.05.2024).

Utevskiy, B.S. (1930). *Kak sovetskaya vlast' ispravlyaet prestupnikov* [How the Soviet Authorities Correct Criminals]. Moscow, Izdatel'stvo narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR. 67 p.

Р.Е. Романов*

**ПОВОРОТ К ПРИНУЖДЕНИЮ В СССР
26 ИЮНЯ 1940 ГОДА: ПРОЧТЕНИЕ
НА СТЫКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-7
УДК 94:338(47+57)"1940"

Выходные данные для цитирования:

Романов Р.Е. Поворот к принуждению в СССР 26 июня 1940 года: прочтение на стыке глобальной и национальной истории // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 84–101. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-07.pdf>

R.E. Romanov*

**THE TURN TO COERCION IN THE USSR
ON JUNE 26, 1940: READING AT THE JUNCTION
OF GLOBAL AND NATIONAL HISTORY****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-7

How to cite:

Romanov R.E. *The Turn to Coercion in the USSR on June 26, 1940: Reading at the Junction of Global and National History* // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 84–101. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-07.pdf>]

Abstract. The article is devoted to proving the research hypothesis that the decree of June 26, 1940, before the outbreak of the Great Patriotic War, was a criminal law mechanism for forcing employees to indefinitely fulfill employment contracts in the Soviet industry, typologically close to the “similar” British experience of the 19th century. This task is solved on the basis of an interdisciplinary synthesis of concepts of global and national labor history. In line with the stated methodology, the processes of formation and development of the phenomenon of legal criminalization of unauthorized departure of workers from enterprises in the leading countries of Western Europe, their overseas colonies and Russia in the Modern era are analyzed. It is revealed that at that time in the world and domestic industry there was a class hierarchical order of masters and servants, based on the legislative right of manufacturers to prosecute hired proletarians for non-fulfillment of fixed-term contracts. In recent times, it has been replaced by a new hierarchy of industrial managers and employees, which functioned mainly through a system of disciplinary penalties. It is shown that, unlike the West, the Soviet state relied not only on administrative, but also judicial and repressive practices of disciplining the working class. In the 1920s–1930s, the most stringent forms of social control over production workers operated according to ideological criteria within the framework of correctional labor and criminal law. It is established that on June 26, 1940, under the influence of the internal crisis and the Second World War in the USSR, there was a return to the rational and legal foundation of state violence. On the one hand, the transfer of criminal law norms to pre-war labor legislation was a revival of the already well-forgotten tradition of criminalizing the unauthorized departure of personnel from factories, which, according to formal signs, according to the typology similar to the Anglo-Saxon “analogues” of the second and third quarters of the 19th century. On the other hand, the Soviet specifics of the reminiscence of coercion to fulfill civil employment contracts consisted in the presence of permanent attachment of workers and employees to enterprises. In addition, the country’s top leadership has followed the path of historically atypical expansion of the scope of judicial repression, which also applies to truants and those who are late for work. As a result, the enforcement of the decree of June 26, 1940 in the last pre-war year (until June 1941) acquired an absolutely unprecedented scale from the point of view of world history. It is concluded that the specified criminal law mechanism for

* Роман Евгеньевич Романов, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: rromanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: rromanov1981@mail.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, geopolитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The work was carried out on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

stimulating employment was a social atavism, which under the conditions of Stalin's early industrial modernization experienced a rebirth and acquired explosive dynamics. In general, based on the above facts, the stated research hypothesis can be considered objectively proven.

Keywords: global history, Stalinist USSR, workers and employees, decree of June 26, 1940, legal criminalization, absenteeism, unauthorized retirement from production.

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена доказательству исследовательской гипотезы о том, что указ от 26 июня 1940 г. являлся уголовно-правовым механизмом принуждения работников к исполнению трудовых договоров, типологически близким к «аналогичному» британскому опыту XIX в. Решение этой задачи осуществляется на основе междисциплинарного синтеза концептов глобальной и национальной истории труда. Проанализированы процессы становления и развития феномена правовой криминализации самовольного ухода рабочих с предприятий в ведущих странах Западной Европы, их заморских колониях и России в эпоху Нового времени. Выявлено, что в это время в мировой и отечественной промышленности функционировал сословный иерархический порядок хозяев и слуг, базировавшийся на законодательном праве фабрикантов в судебном порядке преследовать наемных пролетариев за невыполнение срочных контрактов. В период Новейшего времени ему на смену пришла новая иерархия индустриальных менеджеров и работников, функционировавшая в основном за счет системы дисциплинарных взысканий. Показано, что, в отличие от Запада, советское государство опиралось не только на административные, но и судебно-репрессивные практики дисциплинирования рабочего класса. В 1920–1930-е гг. наиболее жесткие формы социального контроля над производственниками действовали по идеологическим критериям в рамках исправительно-трудового и уголовного права. Установлено, что 26 июня 1940 г. под влиянием внутреннего кризиса и Второй мировой войны в СССР произошел возврат к рационально-юридическому фундаменту государственного насилия. С одной стороны, перенос уголовно-правовых норм в предвоенное законодательство о труде выступал возрождением уже хорошо забытой традиции криминализации самовольного ухода персонала с заводов и фабрик, по типологии схожей с англосаксонскими «аналогами» второй-третьей четверти XIX в. С другой стороны, советская специфика реминисценции принуждения к выполнению гражданских договоров о найме заключалась в постоянном прикреплении рабочих и служащих к предприятиям. Кроме того, высшее руководство страны пошло по пути исторически ранее нетипичного расширения сферы судебных репрессий, распространенных также на прогульщиков и опоздавших на работу. В результате правоприменение указа от 26 июня 1940 г. в последний предвоенный год приобрело абсолютно беспрецедентные масштабы. Сделан вывод о том, что уголовно-правовой механизм стимулирования занятости являлся социальным атавизмом, который в условиях сталинской раннеиндустриальной модернизации пережил второе рождение и приобрел взрывную динамику.

Ключевые слова: глобальная история, сталинский СССР, рабочие и служащие, указ от 26 июня 1940 г., правовая криминализация, прогулы, самовольный уход с производства.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Вводные положения. Накануне Великой Отечественной войны в СССР произошло одно из знаковых событий, кардинально изменившее жизни и судьбы миллионов советских граждан. 26 июня 1940 г. высшими органами власти был принят законодательный акт, напрямую распространявший уголовно-правовые нормы на сферу социально-трудовых отношений в индустриальной экономике. Данная мера нацеливалась на прикрепление рабочих и служащих к предприятиям и учреждениям для ужесточения служебной дисциплины, снижения текучести кадров и повышения производительности труда. Реализация этих задач привела к проведению крупномасштабных репрессивных кампаний против работников, совершивших прогулы и самовольные уходы. В целом рассматриваемые процессы правомерно оценивать в категориях поворота к внеэкономическому принуждению, т.е. исторически первичному способу стимулирования занятости с помощью угрозы наказания. В то же время в условиях непрерывного развития исторической науки в России и за рубежом вопрос о сущности изучаемого феномена остается открытым.

За последнюю треть века историографическая ситуация вокруг заявленной тематики существенно изменилась. До конца 1980-х гг. в связи с идеологическим табу на анализ предвоенного трудового законодательства советские историки мимоходом упоминали о борьбе государства со стихийной мобильностью кадров на производстве¹. В конце 1980 – конце 1990-х гг. в отечественной исторической науке началось системное изучение чрезвычайных законов о труде. Указ от 26 июня 1940 г. характеризовался как попытка подмены экономических стимулов неэффективным административным нажимом на заводской персонал. Репрессии против рабочих и служащих объяснялись «террористическими» крайностями сталинизма, выступавшими одним из проявлений контрмодернизации по аналогии с крепостным и каторжным трудом эпохи Петра I². Эти выводы и оценки соответствовали либеральным концепциям тоталитаризма, доминировавшим в постсоветской историографии.

В первой четверти XXI в. изучение рассматриваемого явления получило мощный импульс в рамках научных парадигм, преимущественно не связанных с политизированным мейнстримом. В целом современная российская историография представлена четырьмя объяснительными моделями данного явления, объединенными рамками сталинского или межвоенного периода советской истории. Последователи концепции Ч. и К. Тилли трактовали указ от 26 июня 1940 г. в русле поворота к принуждению, сочетавшегося с вознаграждением и побуждением работников. Ужесточение карательных санкций за дисциплинарные проступки объяснялось прагматичной реакцией государства на внутренние и внешние проблемы страны³. По мнению историков-менталистов, отмечавших факты психологической манипуляции обществом при принятии нового законодательства, принудительные методы являлись частью многовариативной системы стимулирования⁴. Историки-тоталитаристы считали закон о труде сегментом государственной карательной машины, перенесшей центр тяжести репрессий с органов НКВД в сферу гражданского правосудия⁵. Сторонники историко-правового подхода оценивали указ от 26 июня 1940 г. как юридическую новацию, направленную на криминализацию трудовых преступлений⁶.

Схожее положение сложилось в зарубежных исследованиях, посвященных искомой исторической тематике. В контексте политэкономии сталинизма предвоенные законодательные инициативы в сфере трудовой дисциплины интерпретировались стремлением

¹ Кожурин В.С. Ведущая роль рабочего класса в укреплении трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны // Развитие революционных и трудовых традиций рабочего класса СССР. М., 1985. С. 74–96.

² Хлевнюк О.В. Указ от 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9; Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 1.

³ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004.

⁴ Сомов В.А. Потому что была война... Внешэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск, 2008.

⁵ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.

⁶ Белоногов Ю.Г. Государство versus плохой труд: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики, 1928–1941 гг. (историко-правовой анализ): монография. Пермь, 2023.

диктатора к установлению силового контроля над рабочим классом⁷. Историки-правоведы отождествляли данный феномен с пенализацией труда, т.е. определением характера наказуемости служебных правонарушений и назначением судебного наказания за их совершение. Этот процесс объяснялся тремя группами причин: дефицитом и снижением реальной зарплаты, большим террором, Второй мировой войной⁸. В итоге общий историографический консенсус за рубежом и в России заключается в признании указа от 26 июня 1940 г. эндогенным фактором развития сталинского социализма или «долгого» российского государства (с XVIII в.). Но даже беглый взгляд на мировой исторический опыт позволяет обнаружить факты более раннего по времени внедрения уголовно-правовых норм в трудовое законодательство других стран. Это обстоятельство дает основание поставить вопрос об экзогенном характере исследуемого процесса, получившего специфическое преломление в советском обществе первой половины XX в.

Методологической базой данного исследования является междисциплинарный синтез концептов национальной и глобальной истории труда. Немецкий историк С. Конрад выделял три разновидности исторической глобалистики: общепланетарная история, история связей между странами, история регулярных межстрановых обменов⁹. В частности, обращение к трудовой проблематике предполагает ее изучение в разных частях мира в прошлом и настоящем¹⁰. Применительно к изучаемой теме ключевой вопрос заключается в том, позволяет ли глобальная оптика осмыслить глубинную природу правовой криминализации прогулов и самовольных уходов с предприятий СССР, локализованной в границах страны накануне Великой Отечественной войны. Указанный процесс характеризуется переквалификацией этих дисциплинарных проступков из административных правонарушений в уголовные преступления в русле предвоенного закона о труде.

Ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости типологического анализа глобального феномена внеэкономического принуждения к занятости. Всемирная история свидетельствует о существовании нескольких типов данного явления: рабство, крепостничество, каторга, исправительно-трудовые учреждения и лагеря, трудовая повинность и мобилизация. Особое место среди них занимает принудительная занятость заводского персонала в рамках договора о найме. В последнем случае рабочие оставались лично свободными гражданскими наемниками, но законодательно лишенными права на переход от одного к другому работодателю. Законодатель трактовал нарушение указанной юридической нормы в категориях противозаконного и уголовно преследуемого расторжения контракта. Суды назначали самовольно ушедшим труженикам различные меры наказания, исключавшие насильственный возврат на прежнее место работы и пребывания. По этому критерию правовое положение наемной рабочей силы принципиально отличалось от статуса рабов, крепостных, заключенных, спецпоселенцев и т.п. В Новое время отмеченная выше социально-трудовая ситуация была характерна для ведущих стран Западной Европы и их заморских колоний, в Новейшее время – СССР накануне Великой Отечественной войны. Ее наличие дает основание для сравнительного анализа типологически схожего британского (в том числе канадского) и советского опыта соответственно второй-третьей четверти XIX в. и рубежа 30–40-х гг. XX в.

В данном контексте исследовательская гипотеза состоит в том, что указ от 26 июня 1940 г. являлся уголовно-правовым механизмом принуждения работников к бессрочному исполнению трудовых договоров в индустрии СССР¹¹, по некоторым позициям приближающегося к «аналогам» викторианской Великобритании. Его возникновению предшествовала длительная проекция на российское общество разновременных фаз модерна, маркиро-

⁷ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

⁸ Краг М. Советские законы о труде в период Второй мировой войны (на примере предприятий военной промышленности) // Советский тыл 1941–1945 гг.: повседневная жизнь в годы войны. М., 2019.

⁹ Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018.

¹⁰ Van der Linden M. Workers of the World: Essays toward a Global Labor History. Leiden, 2010.

¹¹ В период Великой Отечественной войны указ от 26 июня 1940 г. стал неотъемлемым компонентом мобилизационного трудового законодательства. Его возвращение к гражданскому статус-кво окончательно завершилось в конце 1940-х гг. после отмены указа.

вавшихся преобладанием репрессивных или административных форм контроля над заводскими коллективами со стороны верховной власти и работодателей. Первая тенденция выступала проявлением архаичныхrudиментов в формирующемся модерном обществе, вторая – современных новообразований.

Исторические истоки: проекция разновременных фаз модерна на российскую действительность. Эволюция системы принуждения рабочих к занятости на Западе: от Средневековья к Новейшему времени. По мнению современных исследователей, начало переходных эпох сопровождается возрастанием уровня насилия как исторически первичной стратегии социального регулирования¹². Поэтому закономерно то, что западноевропейские страны позднего Средневековья стали отправной точкой в глобальной истории криминализации безработицы и самовольных уходов с места работы. Пандемия чумы 1347–1348 гг. вызвала в макрорегионе шоковый кризис рынка рабочей силы и юридическое ужесточение сословно-иерархических отношений хозяев и слуг¹³. В середине XIV в. в Англии и Франции были изданы законы о всеобщей занятости и строгом исполнении договоров о найме. Способные к труду безработные и наемные работники, досрочно разорвавшие контракт с работодателем, приравнивались к уголовным преступникам и подлежали судебному преследованию¹⁴. С этого момента угроза репрессивного наказания рассматривалась государствами Западной Европы как инструмент трудового воспитания широких масс населения.

В конце XV–XVIII в. Великие географические открытия и «революция цен», реформация, исчезновение крепостного права и зарождение капитализма способствовали медленному распаду традиционного общества. Кризисные тенденции привели к снижению реальной зарплаты мануфактурных рабочих, массовой пауперизации крестьянства. В это время в Англии, Франции и Нидерландах власти принимали «кровавые» законы о судебном преследовании работоспособных бродяг и нищих, слуг, ушедших от хозяев без письменного разрешения. Уголовные санкции за безработицу и трудовые преступления варьировались от штрафов и бичевания до заключения в тюрьму, ссылки на каторгу или галеры. При повторных рецидивах законодатели предписывали карать маргиналовувечьями или казнями¹⁵. По сведениям английских хронистов во времена Генриха VIII суды ежегодно вешали 300–400 бродячих пауперов¹⁶. Однако суровые репрессии применялись только к опасным преступникам. Безобидных собирателей милостили мировые суды, независимые от короля и парламента, отправляли в работные дома или оставляли без внимания¹⁷. На мануфактурах существовали практики телесных наказаний в домашнем порядке. На фоне ослабления материальных стимулов они позволяли сформировать у доиндустриальных пролетариев репрессивную мотивацию к занятости на производстве. В основе упомянутой социально-психологической установки главным образом лежал страх перед физическими санкциями. Данное явление обеспечило закрепление сословной иерархии хозяев и слуг в модернизирующихся обществах Запада раннего Нового времени.

¹² Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 23–26.

¹³ Фадж Д., Такер Э., Воско Д. Правовая концепция занятости: маргинализация работников (2002) [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁴ Ордонанс Эдуарда III о рабочих и слугах 1349 г. // Хронос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1349rab.html> (дата обращения: 01.02.2022); Статут Эдуарда III о рабочих 1351 г. // Хронос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1349rab.html> (дата обращения: 01.02.2022); Ордонанс Иоанна Доброго о принудительном труде наемных рабочих и максимуме заработной плате 1351 г. // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 224–226.

¹⁵ Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб., 2005. С. 142–143; Галай Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII веках // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 44.

¹⁶ Митрофанов. В.П. Преступления в тюдоровской Англии (по данным современника) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 10.

¹⁷ Современные историки считают сведения о массовых казнях пауперов в тюдоровской Англии историческим мифом, опровергнутым историко-правовыми исследованиями на основе судебных архивов Великобритании.

В начале XIX в. в связи с промышленным переворотом в Великобритании архаичная дисциплина страха вступила в противоречие с необходимостью создания индустриального рабочего класса. В этот период английский парламент отменил «кровавое» законодательство эпохи Тюдоров. На смену ему пришел закон о господах и слугах 1823 г., унаследовавший уголовно-правовые трактовки нарушений срочного договора о найме от тюдоровских статутов. Самовольный уход с фабрики наказывался лишением свободы и/или штрафом. В 1840–1850-е гг. в условиях политики низких зарплат система принудительного исполнения трудовых контрактов получила распространение в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке¹⁸. На практике только в Великобритании с 1858 по 1875 г. суды ежегодно разбирали не менее 10 тыс. хозяйственных исков против трудящихся. Около 70 % судебных дел касались побегов пролетариев с предприятий. За 17 лет доля правонарушителей, осужденных к тюремному заключению или порке, сократилась с 17 до 4–5 %¹⁹. Удельный вес оштрафованных работников вырос с 17 до 29 %. Примерно две трети подсудного контингента получили наиболее мягкие взыскания или предписания о выполнении конкретных действий²⁰. Можно предположить, что в большинстве случаев судьи ограничивались порицанием труженика и требованием вернуться к прежнему хозяину. С принятием акта о работодателях и рабочих 1875 г. положение субъектов трудовых отношений в британской индустрии постепенно эволюционировало от сословной иерархии к равенству перед законом²¹. К началу XX в. отступления от договоров о найме стали квалифицироваться как административные правонарушения. Судебные наказания заменялись дисциплинарными санкциями, культивировавшими в сформировавшемся классе наемных работников чувство служебной ответственности. Данный процесс обусловливался переходом западной цивилизации от примата репрессивной культуры к культуре поощрения, завершившимся декриминализацией безработицы и девиантного поведения на производстве. Новые тенденции были связаны с завершением эпохи становления индустриального общества в западноевропейских странах и США накануне Первой мировой войны.

Эволюция системы принуждения рабочих к занятости в России: от имперского к раннесоветскому периоду. Начальным рубежом в российской истории уголовного преследования незанятых маргиналов и беглых заводских работников являлось время петровских реформ. Мобилизационное развитие промышленности в условиях нарастающей геополитической конкуренции с Западом требовало привлечения на казенные и частные предприятия не только крепостных, но и «гуляющих людей». В конце XVII – первой четверти XVIII в. в России вводятся законы о запрете бродяжничества и нищенствования, предполагавшие для скитальцев битье батогами и возвращение к хозяевам. При повторных рецидивах практиковалась порка кнутом с последующей ссылкой на каторгу или мануфактуры²². Преемники Петра I продолжили политику по борьбе с безработицей и стихийной мобильностью трудовых ресурсов. Указом Анны Иоанновны от 7 января 1736 г. квалифицированные мастера навсегда прикреплялись к предприятиям. Их дети обязались обучаться отцовскому ремеслу на том же заводе. Сбежавшие подмастерья после телесного наказания отправлялись на прежнее место работы. Рецидивисты подвергались ссылке в дальние города или на Камчатку²³. В отличие от Западной Европы, в Российской империи свободные рабочие в итоге были превращены в закрепощенное сословие, приписанное к мануфактурным заведениям.

¹⁸ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // American Economic Review. Vol. 103, No. 1. P. 45.

¹⁹ С учетом пролетариев, приговоренных к тюрьме за невыплату штрафа, эти показатели могли быть заметно выше.

²⁰ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement... P. 48–49.

²¹ Фадж Д., Такер Э., Воско Д. Правовая концепция занятости...

²² Галаев Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII вв. // Марийский юридический вестник. 2011. № 8.

²³ Указ от 7 января 1736 г. «О прикреплении рабочих к фабрикам и заводам и даровании фабрикантам права ссылать рабочих в дальние города и на Камчатку» // Хронос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.info/dokum/1700dok/1736rab.php> (дата обращения: 11.04.2024).

В дальнейшем вызревание капитализма в недрах крепостнической системы привело к снижению доли подневольного труда с опорой на репрессивную мотивацию. В 1812–1825 гг. на отечественных фабриках этот показатель сократился с 49 до 46 %²⁴. В 30–50-е гг. XIX в. данная тенденция усилилась в условиях промышленного переворота, вызвавшего изменения в трудовом законодательстве. По положению об отношениях между хозяевами и рабочими 1835 г. наемному персоналу запрещалось покидать завод до истечения договора без согласия работодателя. За трудоустройство мастера, ушедшего с предыдущего места работы без получения паспорта, фабрикант обязался компенсировать убытки его прежнему господину²⁵. Примечательно, что закон не предусматривал какие-либо санкции для нарушителей трудовой дисциплины. Государство оставляло решение этого вопроса в сфере хозяйствской или начальствующей юстиции, поскольку многие вольнонаемные слуги параллельно оставались чьими-то крепостными или подчиненными. Согласно уложению 1845 г., власть широко варьировала уголовные и исправительные наказания: от выговоров и штрафов до бичевания, лишения свободы, принудительного труда и казни²⁶. В случае с бежавшими заводскими работниками мера репрессии или взыскания зависела прежде всего от их сословного статуса.

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. не изменили суть сословно-иерархических взаимоотношений между предпринимателями и трудящимися в российской промышленности. В фабричном законе 1886 г. отказ от выполнения работы до истечения срока найма или попытки изменить условия контракта путем проведения стачки трактовались в качестве уголовных преступлений. Виновники самовольных уходов с фабрик подлежали аресту до одного месяца²⁷, активисты забастовочного движения – тюремному заключению от двух месяцев до года и четырех месяцев²⁸. В реальности сфера применения судебных санкций ограничивалась борьбой со стачками и беспорядками, заканчивавшимися осуждением их зачинщиков к тюрьме или каторге. Иногда полиция или войска открывали огонь по участникам протестных акций. Нередко после забастовок фабрикант увольнял весь заводской коллектив с его повторным трудоустройством, в ходе которого происходил отсев деструктивных элементов. В то же время работодатели, как правило, не реагировали на стихийные миграции рабочих из города в деревню. В данном случае они подавали материальные иски в фабричную инспекцию на 2–3 % нарушителей правил найма²⁹. Преобладание в системе взысканий на предприятиях штрафных санкций и декриминализация стихийной мобильности рабочей силы на практике свидетельствовали о фактическом распаде сословного режима хозяев и слуг. Эти тенденции привели к резкому ослаблению репрессивной мотивации раннеиндустриальных пролетариев. Минимизация страха перед потенциальным давлением со стороны власти стала одной из значимых предпосылок революционного взрыва.

Февральская революция 1917 г. завершила слом старого социального порядка за счет полного уравнения в правах капитала и труда. Затем последовали Октябрьский переворот и введение рабочего контроля большевиками. Казалось, что радикальные эксперименты новой власти поставят финальную точку в длительной истории принудительной эксплуатации трудящихся. Но не прошло и года с момента поднятия красного флага над Зимним дворцом, как едва родившееся «пролетарское» государство заговорило о возрождении иерар-

²⁴ Арсентьев В.М. Принудительный труд в промышленности Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 1. С. 14.

²⁵ Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму 24 мая 1835 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-ob-otnosheniyah-mezhdu-hozyaevami-fabrichnyh-zavedeniy-i-rabochimi-lyudmi-postupayuschimi-na-onye-po-naymu/viewer> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М., 1867. С. 5–8, 18.

²⁷ По законам Российской империи арест считался уголовным наказанием.

²⁸ Фабричный закон 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33970> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁹ Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 261.

хического принципа управления в форме диктатуры советских руководителей³⁰. В годы Гражданской войны наметились контуры идеократической иерархии большевистских «менеджеров»³¹ и работников. Первоначально новые управленцы пытались избежать повторения буржуазного опыта перенесения уголовно-правовых норм в трудовое законодательство. По Кодексу законов о труде (КЗоТ) РСФСР от 10 декабря 1918 г. сознательная безработица или отказ от порученной работы считались административными правонарушениями. За уклонение от обязательной занятости следовали штрафы или кратковременные аресты³², за самовольные уходы с заводов – снятие с учета, гарантировавшего трудоустройство³³. Поворот к юридической криминализации служебных девиаций на производстве произошел только на пике «военного коммунизма» в условиях деградации материальных стимулов и кризиса мотивации занятости. В конце 1919 – середине 1920 г. СНК РСФСР ввел в действие декреты о товарищеских судах, всеобщей трудовой повинности, комиссиях по борьбе с труддезертирством. Уклонисты от призыва на хозяйственный фронт карались не только арестом, но и отдачей в штрафные трудчасти или под ревтрибунал, неоднократные прогульщики – принудительными работами, дезертиры – заключением в концлагерь³⁴. В отличие от первого российского КЗоТа, эти законы имели ярко выраженную репрессивную направленность, обусловленную экстремальной обстановкой Гражданской войны.

Показательным примером правоприменения чрезвычайных декретов большевиков являются данные о деятельности товарищеских судов предприятий Москвы за 1920 г. Чаще всего ими рассматривались дела об опозданиях и прогулах (55,0 %), реже – воровстве (15,3), техническом браке (9,1), хулиганстве (7,6), служебной халатности (4,7), дезертирстве (2,3), коррупции (0,5 %). Приговоры к отработке прогулов в сверхурочное время получили 26,1 % правонарушителей, порицанию – 21,0, принудительным работам – 13,9, штрафам – 5,5, отправке в концлагерь – 1,8 %. Остальной контингент (31,7 %) был освобожден от наказания или передан в высшие судебные органы³⁵. С учетом последнего факта удельный вес репрессантов превышал зафиксированный показатель (15,7 %), так как основная масса труддезертиров и других опасных правонарушителей оказалась в сфере трибунального правосудия. В итоге реальные масштабы и уровень криминализации трудовых преступлений в Советской России значительно превосходили даже самые близкие к представленной статистической картине британские «аналоги» третьей четверти XIX в. При этом не следует забывать о том, что именно британцы впервые изобрели концентрационные лагеря как метод устрашения своего противника по англо-бурской войне.

Провал военно-коммунистической политики весной 1921 г. продемонстрировал неспособность большевистской власти сформировать в сознании рабочих репрессивную мотивацию к соблюдению заводской дисциплины. Поворот к энуку сопровождался принятием нового законодательства о труде, способствовавшим правовой декриминализации безработицы и отступлений от договора о найме. По КЗоТу РСФСР от 9 ноября 1922 г. последние квалифицировались как административные проступки, за которые налагались взыскания

³⁰ Предписание ВЦИК от 4 мая 1918 г. Всем губернским, уездным, волостным совдепам // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 1. С. 54.

³¹ Революция менеджеров в РСФСР и СССР приняла форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть (см.: Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013. СПб., 2014. С. 149).

³² По законам РСФСР арест считался административным взысканием.

³³ Кодекс законов о труде от 10 декабря 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁴ Декрет СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (положение)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_489.htm (дата обращения: 01.02.2022); Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_518.htm (дата обращения: 01.02.2022); Постановление Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности от 2 июня 1920 г. «О деятельности дезертиркомиссий по борьбе с труддезертирством» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_673.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁵ Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 37.

от выговора до увольнения³⁶. На заводах и фабриках дисциплинарные санкции распространялись на бракоделов и нарушителей внутреннего распорядка. Злостные дезорганизаторы производства попадали под действие норм Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР от 16 октября 1924 г.³⁷ Они приговаривались народными судами к принудительным работам без лишения свободы, штрафам или условному наказанию. В 1923–1928 гг. в Советской России за нарушение трудовых законов в рамках ИТК ежегодно осуждалось от 9,67 до 22,5 тыс. чел.³⁸ Мягкие уголовные репрессии не позволяли государству в годы нэпа эффективно противодействовать девиантному поведению массы работников, вливавшейся в промышленность из деревни в условиях возрождения материальных стимулов.

В 1930-е гг. на фоне ускоренной индустриализации, снижения роли денежных стимуляторов и кризисов мотивации занятости, маргинализации рабочего класса служебные правонарушения на предприятиях СССР оказались в сфере действия дисциплинарного, исправительно-трудового и уголовного права. В перечень административных взысканий, находившихся в компетенции товарищеских судов и заводских дирекций, входили замечание, выговор, понижение в должности и увольнение³⁹. Наиболее строгими наказаниями являлись полугодичный запрет на трудоустройство за самовольный уход с производства⁴⁰ и увольнение за прогул с лишением служебной жилплощади и продуктовых карточек (до 1935 г.)⁴¹. В сфере функционирования ИТК от 1 августа 1933 г. районные судебные органы практиковали принудительные работы по месту занятости или в колонии и штрафы до 25 % от зарплаты⁴². Эти меры касались преимущественно мелких хулиганов и воров, халатных работников, часть из которых вопреки закону оставалась в ведении товарищеских судов. В рамках Уголовного кодекса РСФСР от 5 марта 1926 г. институты гражданской юстиции и трибуналы ОГПУ–НКВД применяли заключение в лагеря ГУЛАГа (с 1930 г.) на срок от трех до десяти лет и расстрел с конфискацией имущества⁴³. Жестокие репрессии обрушивались на опасных, с точки зрения советской фемиды, уголовных, экономических и политических преступников. Обычным нарушителям трудовых договоров грозила потеря работы, жилья и рабочего снабжения, в худшем случае – исправительные работы без лишения свободы.

Сбалансированный анализ правоприменительных практик в отечественной промышленности 1930-х гг. затруднен отсутствием данных по применению дисциплинарных законов, а также наличием несопоставимой уголовно-правовой и исправительно-трудовой статистики. В 1928–1937 гг. число рабочих и служащих, оказавшихся под следствием органов госбезопасности СССР, выросло с 46,5 до 180,7 тыс. чел.⁴⁴ Среди приговоров трибунального правосудия нередко фигурировали ссылки и высылки, ГУЛАГ и расстрел. В этот же период только

³⁶ Кодекс законов о труде от 9 ноября 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1431.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁷ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2201.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁸ Подсчитано по: Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudi-most_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

³⁹ Постановление ВЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3610.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁰ Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. С. 131.

⁴¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3838.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴² Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 1 августа 1933 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴³ Уголовный кодекс РСФСР в редакции от 5 марта 1926 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁴ Мазохин О.Б. Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/255> (дата обращения: 01.02.2022).

в городах и селах РСФСР народные суды ежегодно выносили от 771,5 до 1430,6 тыс. приговоров. В частности, количество осужденных за нарушения законов о труде снизилось с 37,8 тыс. в 1929 г. до 4,1 тыс. в 1934 г. Абсолютное большинство всех решений народных судей (от 58,8 до 80,9 %) до начала Большого террора составляли принудительные работы, штрафы и условные наказания⁴⁵. Очевидно, что с учетом дисциплинарных взысканий товарищеских судов, предполагавших в основном выговоры и вычеты из зарплаты, более половины наказанных работников индустрии получили административные и мягкие судебные наказания. В 1937–1938 гг. положение изменилось в сторону расширения сферы карательных мер против саботажников и вредителей (69,5 и 60,2 % приговоров всех судов по СССР⁴⁶). Этот период отличался максимальным возрастанием на производстве масштабов и уровня криминализации служебных преступлений по идеологическим критериям. Данный процесс усилил репрессивные мотивационные установки в рабочей среде, в которой с начала 1930-х гг. развивался тренд на укрепление дисциплины труда. После завершения кампании по борьбе с врагами народа власти попытались сделать ставку на методы административного контроля над заводским персоналом⁴⁷. Но очередной кризис мотивации занятости и начало Второй мировой войны вынудили советское государство вернуться на путь суворых репрессий для подавления протестно-дезадаптивной волны, вновь поднявшейся в производственных коллективах страны.

Предвоенная редукция архаики: эволюция системы принуждения рабочих к занятости в СССР в конце 1930 – начале 1940-х гг. От декабрьских постановлений 1938 г. к июньскому указу 1940 г. В современной зарубежной историографии сталинизма принято считать, что постановления от 20 и 28 декабря 1938 г. стали поворотным моментом в возрастании силового давления диктатуры на рабочий класс⁴⁸. Этот тезис опровергается тем, что упомянутые директивы не отменяли в социально-производственной иерархии идеократического типа элементы паритетных отношений между директорами и персоналом предприятий. Так, в случае нарушения прав работника он мог подать жалобу в расценочно-конфликтную комиссию или суд⁴⁹. Исходя из данного аргумента, введение трудовых книжек и возвращение к массовым увольнениям за прогулы вряд ли можно расценивать как проявление государственного насилия. К тому же в 1939 г. произошло многократное снижение динамики преследования трудящихся со стороны органов госбезопасности. Одновременно более половины решений народных судов вновь составляли приговоры о принудительных работах, штрафах и условных наказаниях (71,2 %)⁵⁰. То есть за финалом Большого террора последовала репрессивная релаксация длиной примерно полтора года. Она сопровождалась типичными для советского общества 1930-х гг. мерами по усилению внутреннего распорядка на заводах и фабриках в контексте применения дисциплинарного и исправительно-трудового кодексов.

⁴⁵ Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudimost_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁸ Грегори П. Политическая экономия сталинизма... С. 139.

⁴⁹ Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4171.htm (дата обращения: 27.04.2024); Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁵⁰ Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudimost_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

Но разворот в сторону мягкого принуждения оказался лишь короткой передышкой государства и общества перед следующей чрезвычайной кампанией по борьбе за ужесточение заводской дисциплины. Падение Франции под натиском вермахта стало последней чертой, отделившей в данном случае привычный межвоенный опыт от новой экстремальной реальности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. наиболее серьезные дисциплинарные проступки переквалифицировались из административных правонарушений в преступления, подпадавшие под юрисдикцию народных судов. За неуважительный прогул или опоздание свыше 20 минут назначались исправительно-трудовые работы без лишения свободы сроком до полугода с удержанием до 25 % заработной платы. Самовольный уход с предприятий и учреждений карался тюремным заключением от двух до четырех месяцев. Их руководители имели право освободить от служебных обязанностей пенсионеров, инвалидов, абитуриентов вузов и техникумов. В остальных случаях они несли судебную ответственность за непринятие мер по наказанию или трудоустройство дезорганизаторов производства⁵¹. В июле-августе 1940 г. вступивший в силу закон был дополнен указами по противодействию выпуску некачественной продукции, мелкому воровству и хулиганству в промышленности⁵². Рабочие, совершившие эти преступления, также подлежали передаче из области дисциплинарного судопроизводства в народные суды. Введенное трудовое законодательство со значительными изменениями продолжало действовать вплоть до середины 1950-х гг.

Сущность указа от 26 июня 1940 г. в зеркале национальной и глобальной истории.

Предвоенный поворот высшего руководства страны к использованию сравнительно жестких санкций против виновников служебных девиаций существенно отличался от схожих явлений конца 1910–1930-х гг. В рассматриваемой ситуации можно говорить о возврате к абсолютно иерархическим отношениям индустриальных менеджеров и рабочих в связи с включением в трудовое законодательство уголовно-правовых норм. По сравнению с репрессивными кампаниями периодов Великого перелома и Большого террора власть сделала акцент на рационально-юридические критерии реализации государственного насилия. 1 июля 1940 г. передовица газеты «Правда», отмечая презрение сознательных тружеников к летунам и прогульщикам, призывала «Не либеральничать с дезорганизаторами производства!». Однако угроза наказания анонсировалась уже не столько в адрес врагов народа, вредителей и контрреволюционеров, сколько лояльных к власти, но недисциплинированных советских граждан. С учетом этой тенденции можно согласиться с выводом сибирского историка С.А. Папкова о переносе центра тяжести карательной политики с органов госбезопасности в сферу гражданской юстиции. Вместе с тем в 1920–1930-е гг. основным объектом уголовного преследования со стороны районных судебных инстанций являлись хулиганы, воры и халатные работники. Теперь же под их санкциями оказались преимущественно обычные нарушители правил найма, ранее находившиеся в компетенции товарищеских судов. В этом контексте точка зрения уральского исследователя Ю.Г. Белоногова о криминализации прогулов и самовольных уходов с предприятий как законодательной новации является вполне правомерной.

Последний аспект в некотором смысле приближает указ от 26 июня 1940 г. к декретам СНК РСФСР периода «военного коммунизма». Например, в обоих случаях несанкционированная мобильность рабочей силы нормативно воспринималась как уголовно наказуемое

⁵¹ Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁵² Указ ПВС СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4259.htm (дата обращения: 01.02.2022); Указ ПВС СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4269.htm (дата обращения: 01.02.2022).

преступление в рамках действовавших законов о труде. Но во время Гражданской войны функционировало чрезвычайное трудовое право, согласно которому бегство с завода приравнивалось к дезертирству с фронта. На производственные коллективы фактически проецировались нормы армейской дисциплины и трибунальной юрисдикции. Ничего подобного в СССР, вступившего во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 г., не происходило вплоть до вооруженного нападения Германии. Напротив, эксперименты с переводом персонала отдельных оборонных предприятий на военизированное положение закончились ничем. Этот отрицательный результат вынудил И.В. Сталина пойти по пути нормативно-правового закрепления в индустрии вольнонаемных рабочих и служащих. С началом Великой Отечественной войны труженики ведущих отраслей экономики получили мобилизационный статус, предполагавший их подсудность не только народным судам, но и трибуналам. Именно тогда указ от 26 июня 1940 г. превратился в один из элементов милитаризованной системы социально-трудовых отношений, объективно сравнимой с аналогичными явлениями 1919–1922 гг. Указанный режим действовал в промышленности до полной отмены законодательства военного времени в мае 1948 г. и ее возвращения к гражданским формам занятости.

В то же время период с середины 1940 до середины 1941 г. следует понимать в качестве исходного редукционного перехода к практикам принудительного исполнения договоров о найме на постоянной основе. Этот факт напоминает об исторически предшествовавшей большевикам традиции юридической криминализации самовольных уходов с одного места работы на другое в Российской империи и странах Западной Европы. Совпадение в одной хронологической точке внутреннего социального кризиса и возрастания внешнеполитических угроз привело к возрождению и усилениюrudimentов дореволюционного прошлого, уже хорошо забытого в стране победившего социализма. Тем не менее откат советского государства к архаичным для первой половины XX в. институтам уголовно-правового контроля над рабочим классом имел не только общие, но и специфические признаки, качественно отличавшие его от типологически схожих феноменов старого мира.

Следует остановиться на ключевых моментах, позволяющих понять, как различались одни и те же механизмы внеэкономического принуждения в разных странах в разные эпохи. На Западе и в России периода Нового времени данный способ стимулирования труда использовался благодаря господству законодательно закрепленной сословной иерархии хозяев и слуг. В предвоенном СССР иерархические отношения индустриальных менеджеров и работников также приобрели законченную юридическую форму, но не предполагавшую восстановление традиционных сословий. Указанная специфика Страны Советов заставляет усомниться в наличии здесь очевидных исторических параллелей со статусом крепостных рабочих на мануфактурах Петра I, о которых писали российский историк О.В. Хлевнюк и его американский коллега Р. Дэвис со ссылками на западную историографию. «Второе крепостничество» большевиков распространялось на каждого трудящегося в отдельности, не затрагивая его семью и потомков. После отбывания наказания советский труженик, совершивший самовольный уход с предприятия, в отличие от крепостного, мог сделать самостоятельный выбор в пользу другого работодателя. Эти обстоятельства в некотором смысле сближали правовое положение сталинских рабочих и служащих после 26 июня 1940 г. с наемными слугами Британской империи 1820 – середины 1870-х гг., чья сословная привязка к хозяину носила индивидуальный и условный характер. С той разницей, что пролетарии Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки второй и третьей четверти XIX в. принуждались к выполнению срочных, а не постоянных трудовых контрактов.

Наиболее разительные контрасты между западным и отечественным вариантами раннеиндустриального общества, еще полностью не расставшегося с пережитками традиционализма, дает сравнительный анализ правоприменительных практик репрессивного трудового законодательства. Косвенные расчеты на основе британских данных 1858–1875 гг. показывают, что за нарушение правил найма под судом оказались примерно 170 тыс. работников (по 10 тыс. в год). К тюремному заключению или телесным наказаниям приговорены

17 тыс. (10 %), штрафам – 34 тыс. (20), другим сравнительно мягким санкциям (моральное порицание и т.п.) – 119 тыс. (70 %)⁵³. Советская статистика отражает многократно более жестокие реалии судебно-дисциплинарной политики, проводившейся с настоящим большевистским размахом. Например, только с середины 1940 до середины 1941 г. за прогулы и самовольные уходы с предприятий в СССР было осуждено 3 122,3 тыс. рабочих и служащих⁵⁴. По сведениям за второе полугодие 1940 г. число приговоров об исправительно-трудовых работах и штрафах составляло 1 769,7 тыс. (83,1 %), лишение свободы от двух до четырех месяцев – 321,6 тыс. (16,9 %)⁵⁵. За годичный период масштабы криминализации отклонений от трудовых договоров в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны превосходили абсолютные показатели викторианской Великобритании в 312 раз⁵⁶. Гигантский разрыв в численности подсудного контингента в пользу Страны Советов обусловливался в первую очередь прямой зависимостью судей от партийно-государственного аппарата, немыслимой для британской истории.

Наиболее детально эти колоссальные различия видны при рассмотрении искомой проблематики на уровне региональных промышленных центров англосаксонского Запада и СССР. Так, в 1830-е – первой половине 1840-х гг. в канадском Монреале органы юстиции зафиксировали 298 случаев нарушения контракта со стороны слуг, в том числе полицейские суды – 89, суды еженедельных сессий – 133, суды квартальных сессий – 76. По сведениям полицейских судов за 1838–1842 гг., из 89 чел. аресту подверглись 53 или 59,5 %. Доля арестантов, урегулировавших споры с работодателями, достигла 35,8 %, взятых под стражу до судебного заседания (с последующим освобождением по просьбе хозяев) – 32,1, возвращенных на работу – 15,1, заключенных в тюрьму – 11,3, уволенных – 5,7, освобожденных от уголовного наказания – 3,8 %. По данным судов еженедельных сессий за 1832–1835 и 1838–1843 гг., из 133 чел. обвинительные приговоры получили 83 или 62,4 %. Удельный вес лиц, осужденных к штрафам, равнялся 47 %, возвращению на работу – 42,2, лишению свободы – 16,9, другим наказаниям – 6,0 %⁵⁷. В абсолютных показателях численность работников, подвергнутых штрафным и тюремным санкциям, измерялась примерно шестью десятками человек. К этой цифре следует добавить 91 служащего, отправленного в монреальскую тюрьму за неисполнение служебных обязанностей. В целом за многие годы контингент правонарушителей составил 461 чел.⁵⁸, из которых судебные репрессии затронули не более полутора сотен человек или 32,5 %.

Совсем другое положение складывалось в провинциальных городах СССР в начальный период Второй мировой войны. Например, с 27 июня по 10 сентября 1940 г. районные народные суды Новосибирска рассмотрели 7 423 дела о прогулах и самовольных уходах с предприятий. Из общего количества подсудимых обвинительные приговоры получили 7 024 чел. или 94,6 %, оправдательные – 399 чел. или 5,4 %. Доля рабочих и служащих, осужденных к принудительным работам и штрафам, составляла 76,8 %, в том числе до трех месяцев – 20,2, от трех до шести месяцев – 56,4 %. Процент трудящихся, заключенных в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев, достиг 23,2 %⁵⁹. Очевидно, что приведенная статистика по крупнейшему сибирскому городу технически несопоставима со схожими

⁵³ Подсчитано по: Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement... Р. 48–49.

⁵⁴ В 1940–1956 гг. за прогулы и самовольные уходы с предприятий СССР было осуждено 14 643 тыс. рабочих и служащих, в том числе к исправительно-трудовым работам и штрафам – 11 290 тыс. (77,1 %), тюремному заключению – 3 353 тыс. (22,9 %) (История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. М., 2004. Т. 1. С. 623).

⁵⁵ Папков С.А. Карателльное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 76.

⁵⁶ В 1940–1956 гг. в СССР численность рабочих и служащих, приговоренных к штрафам или тюрьме за трудовые преступления (14,6 млн), превышала британский уровень 1858–1875 гг. (51 тыс.) в 287 раз.

⁵⁷ Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Montreal, 1830–1845 // McGill Law Journal. 2001. Vol. 46. P. 834–835.

⁵⁸ Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law... Р. 790.

⁵⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 55.

канадскими данными XIX в. Но даже условное сравнение этих локальных примеров показывает огромную разницу в интенсивности применения репрессивных трудовых законов.

Специфика силового давления на рабочий класс в совершенно разных конкретно-исторических условиях характеризовалась не только огромными диспропорциональными объемами, но и особенностями функционирования системы судебных наказаний. В Великобритании и Канаде основную массу осужденного заводского персонала составляли лица, самовольно ушедшие от работодателя, в СССР – прогульщики и опоздавшие на смену более чем на 20 минут. Британские и канадские суды стремились в основном морально или под угрозой тюрьмы принудить недобросовестного работника вернуться к прежнему хозяину, советские – перевоспитать его исправительным трудом и вычетами из зарплаты. Специфическая строгость викторианской фемиды проявлялась в использовании телесных санкций и тюремного заключения за неуплату штрафов, ведущего к росту численности и удельного веса репрессированных пролетариев. Особая суровость сталинской юстиции заключалась в применении принудительных работ и материальных взысканий к виновникам прогулов и длительных опозданий, а также лишении свободы львиной доли арестованных по делам о самовольных уходах с производства. Примечательно, что удельный вес таковых среди всех подсудимых по указу от 26 июня 1940 г. (16–17 %) примерно совпадал с зафиксированным процентным максимумом английских трудящихся, приговоренных к тюрьме или порке в конце 1850-х гг. (17 %). В абсолютных же показателях обе категории наиболее жестоко наказанных нарушителей правил найма различались в сотни раз. Даже с поправкой на чрезвычайные обстоятельства предвоенная отечественная модель принуждения к исполнению контрактов на постоянной основе на практике выходила далеко за рамки типологически схожих образцов репрессивной культуры Запада эпохи революционной индустриализации XIX в.

Заключительные положения. В заключение следует отметить, что ответ на дискуссионный вопрос об эндогенной или экзогенной природе поворота к принуждению в СССР 26 июня 1940 г. является неоднозначным. Оценка формально-юридической стороны данного феномена не оставляет сомнений в его принадлежности к глобальному историческому контексту. Внедрение уголовно-правовых норм в трудовое законодательство, начавшееся в позднесредневековой Западной Европе, к середине XIX в. приобрело всемирное значение, по крайней мере в границах англосаксонской цивилизации. В этом смысле Российская империя конца XIX – начала XX в. выступала органичной частью процессов планетарного масштаба, связанных с господством и необратимым кризисом иерархии хозяев и слуг в условиях зарождавшегося индустриального общества. Революция 1917 г. вслед за тенденциями вестернизированного модерна радикально покончила с пережитками архаичного социального порядка. Вместе с тем новая иерархическая структура советских менеджеров и работников с идеократической спецификой широко применяла не только административные, но и судебные санкции против нарушителей производственной дисциплины. За исключением чрезвычайного периода 1919–1922 гг., массовые и порой незаконные репрессии против рабочего класса осуществлялись в русле уголовного и исправительно-трудового права, что было нехарактерно для российского дореволюционного и зарубежного опыта. Но накануне Великой Отечественной войны высшее руководство СССР совершило разворот в сторону возрождения системы принуждения к выполнению гражданских договоров о найме, нетипичной для раннесоветского периода. В частности, ключевое сходство с ее британским вариантом XIX в. заключалось в криминализации несанкционированной мобильности вольнонаемного персонала с предприятий. В отличие от капиталистической России до 1917 г., указанный способ дисциплинирования рабочих в предвоенном сталинском государстве, как и на раннеиндустриальном Западе, опирался на реально действующий правовой функционал. В обеих ситуациях государственное насилие над формирующими индустриальными группами населения носило легитимный характер, поскольку людей судили и наказывали лишь при наличии состава служебного преступления.

В то же время рассматриваемое явление характеризовалось национальными особенностями, присущими СССР начального периода Второй мировой войны. Во-первых, специфические тенденции проявлялись в том, что советские труженики принуждались к исполнению контрактов на постоянной основе. Во-вторых, в «пролетарском» государстве происходило расширительное применение уголовно-правового подхода, распространявшегося на три категории дисциплинарных нарушений (опоздания, прогулы, самовольные уходы). Это обстоятельство позволяет сделать вывод о более высоком уровне криминализации трудовых преступлений, чем во времена действия законов о хозяине и слуге. В-третьих, масштабы и характер правоприменительных практик указа от 26 июня 1940 г. были совершенно беспрецедентны для предшествующей мировой истории судебно-репрессивного принуждения наемных работников к занятости в промышленности, в том числе на уровне региональных индустриальных центров СССР. В данном случае кардинальные отличия страны победившего социализма определялись уникальными внутриполитическими, социально-экономическими и geopolитическими факторами ее развития на рубеже 1930–1940-х гг.

Таким образом, предвоенный законодательный акт об укреплении правопорядка на советском производстве по существу выступал своего рода «реминисценцией» сравнительно архаичной модели трудовых отношений, уходившей глубокими корнями в доиндустриальные реалии традиционного общества. Несомненно, что в эпоху Новейшего времени судебная ответственность за прогулы и самовольные уходы с места работы с точки зрения глобальной истории уже стала очевидным социальным атавизмом. Но в контексте национально-исторического развития России первой половины XX в. уголовно-правовой механизм стимулирования занятости пережил второе рождение и приобрел поистине взрывную динамику, типичную лишь для сталинской версии раннеиндустриальной модернизации. Поэтому проблема его происхождения не имеет однозначного решения, так как в исследованном кейсе внеэкономического принуждения присутствовали оба компонента – внешний (глобальный) и внутренний (локальный). В целом на основании вышеизложенных выводов заявленную исследовательскую гипотезу можно считать объективно доказанной.

Литература

- Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый Хронограф, 2012. 455 с.
- Арсентьев В.М. Принудительный труд в промышленности Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 1. С. 9–21.
- Белоногов Ю.Г. Государство versus плохой труд: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики, 1928–1941 гг. (историко-правовой анализ). Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2023. 280 с.
- Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 286 с.
- Галай Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII веках // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 44–60.
- Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко М.: РОССПЭН, 2004. 726 с.
- Кожурин В.С. Ведущая роль рабочего класса в укреплении трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны // Развитие революционных и трудовых традиций рабочего класса СССР. М., 1985. С. 74–96.
- Конрад С. Что такое глобальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2018. 312 с.

Краг М. Советские законы о труде в период Второй мировой войны (на примере предприятий военной промышленности) // Советский тыл 1941–1945 гг.: повседневная жизнь в годы войны. М.: РОССПЭН, 2019. С. 69–88.

Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 243–285.

Митрофанов В.П. Преступления в тюдоровской Англии (по данным современника) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 3–16.

Папков С.А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

Сомов В.А. Потому что была война... Внешэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.

Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013: сб. статей. СПб.: Норма, 2014. С. 145–149.

Фадж Д., Такер Э., Воско Д. (2002). Правовая концепция занятости: маргинализация работников [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (дата обращения: 01.02.2022).

Хлевнюк О.В. Указ от 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1997. Т. 1. С. 120–172.

Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2005. 215 с.

Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011. 336 с.

Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Montreal, 1830–1845 // McGill Law Journal. 2001. Vol. 46. P. 779–836.

Suresh N., Yuchtmann N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // American Economic Review. Vol. 103, No. 1. P. 44–107.

Van der Linden M. Workers of the World: Essays toward a Global Labor History. Leiden: Brill, 2010.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of the Labor Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow, Novyy Khronograf. 455 p.

Arsent'ev, V.M. (2021). Prinuditel'nyy trud v promyshlennosti Srednego Povolzh'ya v pervoy polovine XIX v. [Forced Labor in the Industry of the Middle Volga Region in the First Half of the 19th Century]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. Vol. 17, No. 1, pp. 9–21.

Belonogov, Yu.G. (2023). *Gosudarstvo versus plokhoy trud: ukreplenie trudovoy distsipliny v industrial'nom sektore sovetskoy ekonomiki, 1928–1941 gg. (istoriko-pravovoy analiz)* [The State Versus Bad Work: Strengthening Labor Discipline in the Industrial Sector of the Soviet Economy, 1928–1941 (Historical and Legal Analysis)]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. 280 p.

- Borisova, L.V. (2006). *Trudovye otnosheniya v sovetskoy Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor Relations in Soviet Russia (1918–1924)]. Moscow, Sobranie. 286 p.
- Fadzh, D., Taker, E., Vosko, D. (2002). *Pravovaya kontseptsiya zanyatosti: marginalizatsiya rabotnikov* [The Legal Concept of Employment: The Marginalization of Workers]. Available at: URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (date of access 01.02.2022).
- Galai, Yu.G. (2011). *Zakonodatel'stvo o prekrashchenii nishchenstva i brodyazhnichestva v Rossii XVII–XVIII vekakh* [Legislation on the Cessation of Begging and Vagrancy in Russia in the 17th–18th Centuries]. In *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*. No. 8, pp. 44–60.
- Gregori, P. (2008). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.
- Khlevnyuk, O.V. (1989). *Ukaz ot 26 iyunya 1940 g.: illyuzii i real'nosti administrirovaniya* [Decree of June 26, 1940: Illusions and Realities of Administration]. In *Kommunist*. No. 9, pp. 86–96.
- Khlevnyuk, O.V., Devis, R.U. (1997). *Razvernutoe nastuplenie sotsializma po vsemu frontu* [The Full-Scale Offensive of Socialism on the Entire Front]. In *Sovetskoe obshchestvo: vozniknovenie, razvitiye, istoricheskiy final*. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Vol. 1, pp. 120–172.
- Konrad, S. (2018). *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is Global History?]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 312 p.
- Kozhurin, V.S. (1985). *Vedushchaya rol' rabochego klassa v ukreplenii trudovoy distsipliny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Leading Role of the Working Class in Strengthening Labor Discipline during the Great Patriotic War]. In *Razvitie revolyutsionnykh i trudovykh traditsiy rabochego klassa SSSR*. Moscow, pp. 74–96.
- Krag, M. (2019). Sovetskie zakony o trude v period Vtoroy mirovoy voyny (na primere predpriyatiy voennoy promyshlennosti) [Soviet Labor Laws During the Second World War (Using the Example of Military Industry Enterprises)]. In *Sovetskiy tyl 1941–1945 gg.: povsednevная zhizn' v gody voyny*. Moscow, ROSSPEN, pp. 69–88.
- Mironov, B.N. (1999). “Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu”: trudovaya etika rossiyskikh rabochikh v poreformennoe vremya [“God Sent Work, But the Devil Took Away the Hunt”: The Work Ethic of Russian Workers in the Post-Reform Period]. In *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow, ROSSPEN, pp. 243–285.
- Mitrofanov, V.P. (2020). *Prestupleniya v tyudorovskoy Anglii (po dannym sovremennika)* [Crimes in Tudor England (According to a Contemporary)]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 3–16.
- Papkov, S.A. (2011). *Karatel'noe pravosudie v SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny (1940–1945)* [Punitive Justice in the USSR During World War II (1940–1945)]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 72–80.
- Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, ROSSPEN. 440 p.
- Pilarczyk, I.C. (2001). The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Montreal, 1830–1845. In *McGill Law Journal*. Vol. 46, pp. 779–836.
- Shtokmar, V.V. (2005). *Istoriya Anglii v srednie veka* [The History of England in the Middle Ages]. St. Peterburg, Aleteiya. 215 p.
- Sokolov, A.K. (2004). *Prinuzhdение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.)* [Forced Labor in Soviet Industry and Its Crisis (Late 1930s-mid-1950s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. Moscow, ROSSPEN, pp. 74–99.
- Somov, V.A. (2008). *Potomu chto byla voyna... Vneekonomicheskie faktory trudovoy motivatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Because There Was a War... Non-Economic Factors of Labor Motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo Volgo-Vyatskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby. 234 p.
- Suresh, N., Yukhtman, N. (2013). Contract Enforcement: Law and the Labour Market in Nineteenth-Century Industrial Britain. In *American Economic Review*. Vol. 103, No. 1, pp. 107–144.

- Tul'chinskiy, G.L. (2014). Revolyutsiya menedzherov po-sovetski [The Revolution of Soviet-Style Managers]. In *Publichnaya politika-2013*. St. Petersburg, Norma, pp. 145–149.
- Van der Linden, M. (2010). Workers of the World: Essays toward a Global Labor History. Leiden, Brill.
- Vert, N., Mironenko, S.V. (2004). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov* [History of Stalin's Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s]. Sobranie dokumentov v 7 tomakh. Vol. 1. Moscow, ROSSPEN. 726 p.
- Yakovenko, I.G. (2011). *Rossiya i repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and Repression: The Repressive Component of Russian Culture]. Moscow, Novyy khronograf. 336 p.

О.Н. Аргунов*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
ЗА «СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЗАКОННОСТЬ»
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-8
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:

Аргунов О.Н. Некоторые аспекты борьбы за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве регионов Центрального Черноземья в первые послевоенные годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 102–111.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-08.pdf>

O.N. Argunov*

**SOME ASPECTS OF THE STRUGGLE FOR
“SOCIALIST LEGALITY” IN AGRICULTURE
IN THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH
REGION IN THE FIRST POST-WAR YEARS**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-8

How to cite:

Argunov O.N. Some Aspects of the Struggle for “Socialist Legality” in Agriculture in the Regions of the Central Black Earth Region in the First Post-War Years // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 102–111.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-08.pdf>]

Abstract. Currently, domestic historiography approaches the understanding of the concept of “socialist legality” through the prism of its understanding in relation to the period of existence of the Soviet state before 1936, while by the post-war stage of the life of the USSR this concept had evolved significantly and began to be understood as the unity of political expediency and socialism. legal consciousness that gave priority to the needs of the state, identifying it with the ruling class. Therefore, the observance of “socialist legality” in the post-war years should be understood as the protection of the interests of the state. In relation to agriculture, this was expressed mainly in the fulfillment of obligations by collective farms and agricultural enterprises to the state and the preservation of state and collective farm property. Speaking about the Central Black Earth region, which included the Voronezh, Kursk and Tambov regions, it should be noted that the problem of observing “socialist legality” is inextricably linked with the issues of overcoming the consequences of military devastation, drought and famine that covered the region in 1946–1947. It was during this period that one could observe an explosive increase in the number of crimes related to the theft of socialist property. The main object of theft on collective farms was grain: it was the theft of bread that accounted for the vast majority of criminal cases opened during this period. However, archival documents record that due to the poor organization of the work of security agencies and prosecutors in the districts, as well as due to the involvement of their workers in additional work, the recording and detection of crimes was at a low level. At the same time, if cases were formed, they tried to investigate them quite thoroughly. Therefore, it can be stated that the work on the struggle for “socialist legality” in the agriculture of the Central Black Earth Region in the post-war years was carried out quite seriously and generally successful, but a full study of this issue is just beginning.

Keywords: post-war time, “socialist legality”, Agriculture, collective farms, the prosecutor’s office, Central Black Earth Region.

* **Олег Николаевич Аргунов**, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, Курск, Россия, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Oleg Nikolaevich Argunov, Candidate of Historical Science, Kursk State Archive, Kursk, Russia, e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящее время отечественная историография подходит к пониманию понятия «социалистическая законность» через призму его осмысливания применительно к периоду существования Советского государства до 1936 г., в то время как к послевоенному этапу жизни СССР данный концепт значительно эволюционировал и стал пониматься как единство политической целесообразности и социалистического правосознания, которые отдавали приоритет потребностям государства, отождествляя его с правящим классом. Поэтому под соблюдением «социалистической законности» в послевоенные годы следует понимать охрану интересов государства. Применительно к сельскому хозяйству это выражалось преимущественно в выполнении обязательств колхозами и сельхозпредприятиями перед государством и сохранении государственной и колхозной собственности. Говоря о Центрально-Черноземном регионе, к которому относились Воронежская, Курская и Тамбовская области, необходимо отметить, что проблема соблюдения «социалистической законности» неразрывно связана с вопросами преодоления последствий военной разрухи, засухи и голода, накрывших регион в 1946–1947 гг. Именно в этот период можно было наблюдать взрывной рост числа преступлений, связанных с расхищением социалистической собственности. Главным объектом краж в колхозах было зерно: именно на хищения хлеба приходилось абсолютное большинство совершенных в этот период уголовных дел. Однако архивные документы фиксируют, что из-за плохой постановки работы органов безопасности и прокуратуры в районах, а также в связи с привлечением их работников к выполнению дополнительных работ фиксация и раскрываемость преступлений находились на низком уровне. В то же время если дела формировались, их старались расследовать довольно тщательно. Поэтому можно констатировать, что работа по борьбе за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве Центрального Черноземья в послевоенные годы велась достаточно серьезная и в целом успешная, однако полноценное изучение данного вопроса только начинается.

Ключевые слова: послевоенное время, «социалистическая законность», сельское хозяйство, колхозы, прокуратура, Центральное Черноземье.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Определяя концепт «социалистическая законность» для обозначенного в заглавии настоящей статьи временного периода, необходимо обратиться к истории его формирования и бытования в повседневной советской юридической практике.

Построение принципиально нового государственного устройства, начавшееся после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., потребовало полного переосмысливания термина «законность». Вместо защиты базовых прав человека советская власть провозгласила построение государства, где правящий класс должен был выстраивать пролетарскую диктатуру в соответствии с собственными интересами. Тем самым на смену правам человека приходила классовая законность, которая определялась «исходя из интересов укрепления его (господствующего класса. – О. А.) руководящего положения в обществе, проведения в жизнь программы преобразований, соответствующих его классовым целям, а вовсе не абстрактными соображениями справедливости»¹. Чтобы показать фундаментальное отличие новой советской «законности» от «законности» буржуазной, в литературе

¹ Солуков А.А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 271.

и повседневности стали использовать эпитеты «социалистическая» или «революционная». В этой связи оговоримся, что в настоящей работе термины «социалистическая законность» и «революционная законность» идентичны, о чем будет сказано ниже.

Как отмечает исследователь А.А. Плотниекс, «концепция социалистической законности, как и общая теория социалистического права в целом, разрабатывалась на конкретно-историческом материале в тесной связи с политико-организационной и теоретической деятельностью Коммунистической партии, направленной на установление в Советском государстве прочного режима законности»². Таким образом, констатируем, что смысловое наполнение настоящего термина практически непрерывно эволюционировало, т.е. смысл данного понятия в конце 1910-х, в 1920-е, 1930-е и тем более в 1940-е гг. был далеко не идентичным. К примеру, как результат практического и теоретического осмысления «революционной законности» применительно ко второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. хотелось бы привести определение советского правоведа С.Н. Орловского, который понимал ее как «соблюдение органами власти, гражданами Союза ССР и другими проживающими на его территории лицами законов Рабоче-Крестьянского Правительства, строжайшее соответствие законам постановлений и распоряжений, издаваемых органами власти, обеспечение применяемым законом прав населения и в особенности трудящихся – в целях сохранения союза рабочего класса с крестьянством и укрепления пролетарского государства»³.

С подобным, скорее практическим пониманием концепта согласно большинство современных исследователей советского права, среди которых можно выделить М.С. Диденко, В.Б. Романовскую, В.А. Рыбакова⁴ и др.

Однако с принятием Конституции СССР 1936 г. концептуально понятие «революционной/социалистической законности» претерпевает серьезные изменения. По сути, Конституция 1936 г. смогла в некоторой степени воплотить на практике с правовой точки зрения соотношение закона (в классическом его понимании) и «революционной целесообразности», сочетав несочетаемое: законность как нечто стабильное и революционную основу как нечто хаотичное и требующее принятия ситуационных решений, которые могли пониматься вопреки закону, но соответствовали целям существования социалистического общества. С этого времени закон стал отождествляться с политической целесообразностью и социалистическим правосознанием⁵.

В подобной трактовке понятие «социалистической/революционной законности» продолжало бытовать как в советской юридической науке, так и в повседневной жизни и в 1940-е гг. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что эпитеты «революционная» и «социалистическая» по отношению к термину законность применялись на практике с одинаковой частотой, о чем свидетельствуют архивные документы, в том числе материалы одного из изучаемых нами регионов⁶. Поэтому небезосновательно мы ставим между ними знак равенства, как уже отмечалось выше.

Теоретических работ, осмысливших бы термин «социалистическая/революционная законность» применительно к послевоенному времени, к сожалению, выявить не удалось. Однако изучение архивных документов позволило с практической, повседневной стороны подойти к данной проблеме в вышеуказанный период применительно к реалиям колхозной

² Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности в общей теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 4. С. 10–19.

³ Цит. по: Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности... С. 19.

⁴ Диденко М.С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. № 3. С. 8–14; Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 18–27; Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12. С. 58–62.

⁵ Ковтун Ю.С. Формальный возврат к признанию значимости права: «революционная законность» Конституции 1936 года // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3. С. 22–26.

⁶ Аргунов О.Н. О фактах нарушения «революционной законности» на начальном этапе военного восстановления сельского хозяйства в Курском регионе в 1943 г. // События и люди в документах курских архивов: сб. стат. Вып. XIII. Курск, 2015. С. 5–11.

центрально-черноземной деревни, что в полной мере отражает принцип историзма как ключевой методологический концепт истории как науки. Так, «революционная законность», по мнению депутатов Боринского райсовета депутатов трудящихся Воронежской области, отразившемуся в решении 21-й сессии от 5 октября 1946 г., заключается в соблюдении «законов Советской власти, направленных на охрану и укрепление советского общественного и государственного строя»; «без точного соблюдения Советских законов, решительной борьбы с их нарушениями невозможно обеспечить движение вперед, нормальное развитие нашей промышленности, сельского хозяйства, государственного аппарата, всей жизни страны»⁷. Главными нарушениями «революционной законности», согласно вышеуказанному документу, можно считать несоблюдение принципов советской демократии, нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выражавшиеся в расхищении и присвоении колхозной (социалистической) собственности (земли, имущества, хлеба, скота и пр.).

Таким образом, на наш взгляд, в первые послевоенные годы (данный период ограничен времененным промежутком с мая 1945 г. (завершение войны) по конец 1947 г., когда страна и регион в целом вышли из кризиса, вызванного засухой 1946 г., что неоднократно обосновывалось в наших работах⁸) применительно к сельскому хозяйству «социалистическую законность» можно рассматривать преимущественно в следующих практических аспектах: выполнение обязательств перед государством и сохранение государственной/колхозной собственности. Безусловно, спектр вопросов, охватываемых понятием «социалистическая законность» в изучаемый период времени, был существенно шире, но в настоящей работе остановимся в основном на последнем как наиболее проблемном.

Проблема массового хищения государственной/колхозной собственности, на наш взгляд, во многом кроется в ее природе: она изначально носит общественный характер и не воспринимается значительной частью населения как чья-то, что отчасти снимает моральные ограничения при совершении противозаконных действий, что неоднократно подчеркивалось многими исследователями⁹. Единственным сдерживающим фактором в этих условиях являлась строгость советских законов и частая несоизмеримость масштабов наказания и преступления¹⁰. Но, на наш взгляд, это была скорее вынужденная мера со стороны государства, обусловленная стремлением упрочнения своих позиций. Однако, как показывает анализ аутентичных архивных материалов, в экстремальных условиях, а именно данный термин наиболее точно описывает положение жителей регионов Центрального Черноземья в условиях послевоенной разрухи и засухи, даже неотвратимость наказаний не останавливало людей идти на преступления, чтобы выжить.

За 1945 г. только в Курской области за нарушения «социалистической законности» были привлечены к уголовной ответственности 855 рядовых колхозников и работников МТС, основная масса (719 чел.) – за хищения колхозной собственности. Наибольшее количество подобных случаев можно было наблюдать в Фатежском (25 случаев), Суджанском (22), Михайловском, Дмитриевском и Уразовском (по 18 случаев) районах. Преимущественно расхищалось зерно при перевозках, самовольной уборке колхозных полей и из-под комбайнов комбайнёрами¹¹. Также к ответственности были привлечены еще 53 человека руководящих работников сельскохозяйственного производства, из которых 51 человек – председатели колхозов¹².

⁷ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1230. Оп. 1. Д. 2. Л. 607–608.

⁸ См., например: Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (дата обращения: 16.04.2024).

⁹ См., например: Безнин М.А., Димони Т.М. Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в Советской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, № 3. С. 655–670.

¹⁰ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020. С. 141–150.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 214.

¹² Там же. Л. 225–226.

Кроме того, по данным от 32 районов за 1945 г. заведено 624 уголовных дела по факту невыработки колхозниками минимума трудодней, предусмотренного совместным Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»¹³.

Стоит отметить, что значительную часть уголовных дел, заведенных в отношении работников сельского хозяйства, составляли материалы о невыполнении государственных поставок сельскохозяйственными артелями. Так, к 1 октября 1945 г. только в Глушковском и Краснояружском районах Курской области план хлебопоставок был выполнен на 79,9 и 72,2 % соответственно. В то же время большая половина районов (36 из 62) план заготовок выполнила менее чем на 48 %, а такие районы, как Свободинский, Октябрьский и Бесединский, – всего лишь на 25–30 %. Из врученных органами Наркомзага колхозам 2 286 обязательств на ту же дату невыполнеными оказались 2 000¹⁴. Несмотря на такое тяжелое состояние с выполнением плана хлебопоставок в области, органы Наркомзага передали в суды только 38 материалов на колхозы девяти районов (и это при том, что по сведениям из этой же докладной записи большинство райпрокуроров оказались мобилизованными райкомами партии в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам¹⁵), из которых судами рассмотрено лишь 8 материалов. При этом решения судов ни в одном случае не исполнены: не привлечено было к уголовной ответственности ни одного саботажника за злостное невыполнение обязательств по сдаче хлеба государству. Такое положение стало возможным благодаря бездействию прокурорских работников в районах, которые, по мнению составителя докладной записи, занимались «покровительством дезорганизаторов трудовой дисциплины в колхозах», что подтверждалось сведениями о волоките при ведении подобных дел. Так, по сообщению прокурора Белгородского района от 1 октября 1945 г., народный суд, вынеся приговоры в отношении 21 колхозника за невыработку минимума трудодней до 29 сентября того же года, ни на одного человека не передал приговоры для исполнения.

Привлечение работников прокуратуры в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам в Курской области, как удалось установить при анализе архивных материалов, было типичным для регионов Центрального Черноземья. К примеру, в связи с решением бюро Воронежского обкома ВКП(б) об усилении хлебозаготовок в регионе областной прокуратурой в ноябре 1945 г. были вызваны в Воронеж прокуроры всех 80 сельских районов с отчетами об участии прокурорских работников в хлебозаготовительной кампании. Удалось установить, что работа районных органов прокуратуры была неудовлетворительной, не отвечающей интересам государства и партии¹⁶. Но данная практика продолжала реализовываться в Центральном Черноземье в течение всего исследуемого нами периода, причем зачастую в ущерб выполнению непосредственных должностных обязанностей прокурорскими работниками.

Как можно видеть, ситуация с расхищением государственной и колхозной собственности, а также с обязательными поставками государству в колхозах Центрального Черноземья в послевоенный период была сложной. Объясняется это, на наш взгляд, преимущественно объективными причинами, среди которых определяющую роль сыграла послевоенная разруха, в условиях которой приходилось вести хозяйство. Однако в 1946–1947 гг. ситуацию усугубила засуха и последовавший за ней широкомасштабный голод, вызвавший значительный рост преступлений, связанных с хищениями и кражами.

В докладной записке прокурора Тамбовской области Г.С. Бахарова от 23 августа 1946 г. первому секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкову отмечалось возросшее количество случаев хищения зерна в системе «Заготзерно». Одной из причин подобного положения, помимо объективных условий засухи, Бахаров видел в том, что в районных отделениях «Заготзерно» на лето 1946 г. работали 15 человек, ранее судимых за кражи и другие

¹³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 215.

¹⁴ Там же. Л. 221–222.

¹⁵ Там же. Д. 2466. Л. 223.

¹⁶ Там же. Д. 2364. Л. 38.

хозяйственные преступления. «Если учесть, что областная контора “Заготзерно” вообще своих работников, допущенных к материальным ценностям, не проверяет и что данные о судимости у них имеются лишь благодаря указанию самих работников, внесенных в анкеты, заполняемые ими при поступлении на работу, то станет ясным неблагополучие с подбором кадров в указанной системе»¹⁷, – констатирует областной прокурор. При этом по сопутствующим данной докладной записке документам можно увидеть, что в предыдущие годы (1944–1945 гг.) количество случаев хищений зерна было значительно меньшим: органам милиции и прокуратуры удалось установить, что за 1944 г. со складов «Заготзерно» было похищено не менее 615,1 ц зерна, в 1945 г. – не менее 4 147,7 ц, а в 1946 г. – не менее 10 403,7 ц¹⁸. Только за 10 месяцев 1946 г., по неполным данным, было выявлено 87 фактов хищения хлеба, задержано 130 человек, из которых 105 были работниками заготовительных пунктов¹⁹.

Более того, на некоторых предприятиях системы образовались «прочные гнезда жуликов и воров государственного хлеба», что стало возможным благодаря отсутствию своевременных мер и адекватной реакции на подобные случаи со стороны областного руководства «Заготзерна». Проверкой личного состава заготовительных пунктов, проведенной Тамбовской областной прокуратурой в начале осени 1946 г., была вскрыта «большая засоренность чуждыми и не внушающими доверия людьми», в результате которой отстраненными от работы оказались 123 человека. Так, к примеру, на тамбовском элеваторе при полном бездействии его директора Боброва действовала целая группа расхитителей социалистической собственности, которую местная прокуратура окрестила «харбинской». Все ее члены – Е.П. Танцырева, Б.П. Танцырев, М.И. Новосельцева, Е.И. Читова – в 1935 г. прибыли в Тамбовскую область из Харбина (Китай), при этом мужья Танцыревой и Новосельцевой, а также отец Читовой в 1936–1937 гг. арестованы и осуждены за контрреволюционную деятельность. Все члены данной группы между собой являлись разной степени родственниками, а поступающий на пункт «Заготзерно» хлеб использовался ими для содержания личных хозяйств: при обысках оперативные работники обнаружили большое количество скота и птицы²⁰. В имеющихся в наших распоряжениях материалах отсутствуют точные сведения об объемах хищений, однако небезосновательно можно констатировать, что масштабы преступления были достаточно серьезными.

Стоит отметить, что данные случаи были не единичными и имели место на всей территории Центрального Черноземья. К примеру, аналогичную картину дает анализ работы прокуратуры Медвенского района Курской области за 1943 – первую половину 1946 г. Так, в 1943 г. в районе к уголовной ответственности были привлечены 129 чел., из которых 40 – за преступления, связанные с расхищением и растратой социалистической собственности, в 1944 г. – соответственно 243 и 84 чел., в 1945 г. – 233 и 121, а за первое полугодие 1946 г. – 204 и 107 чел.²¹ Как мы видим, увеличилось не только количество раскрытых преступлений, но и нарушений «социалистической законности». Аналогичные картины можно было наблюдать также в Бесединском (за пять месяцев 1947 г. райпрокуратура возбудила 72 уголовных дела, из которых 58 связаны с кражами и расхищением социалистической собственности)²², Ленинском²³, Обоянском (только за 1946 г. расследованы 123 крупные и мелкие кражи в колхозах и 27 случаев хищения и разбазаривания социалистической собственности)²⁴, Крупецком²⁵ районах.

¹⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 12–13.

²¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-22. Оп. 1. Д. 499а. Л. 40–41 об.

²² Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 289. Л. 22–22 об.

²³ Там же. Ф. П-160. Оп. 1. Д. 286. Л. 5–7.

²⁴ Там же. Ф. П-53. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–6.

²⁵ Там же. Ф. П-91. Оп. 1. Д. 186. Л. 70–72.

Лавинообразный рост хищений колхозной собственности также имел место и в отдельных районах Воронежской области, как, к примеру, в Грязненском, где только за первый квартал 1947 г. работникам прокуратуры удалось расследовать свыше 50 подобных уголовных дел²⁶.

Экстраполируя данные частные случаи на масштаб Центрального Черноземья, отметим, что объемы хищений и краж в колхозах региона были колоссальные. При этом также необходимо оговориться, что речь идет только о раскрытии преступлениях, подлинное их количество вряд ли удастся когда-либо восстановить. В то же время данная картина была характерна для всего Советского Союза. По данным В.Ф. Зимы, только за осень 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53 369 чел., из них 36 670 чел. приговорены к лишению свободы²⁷. И это без учета людей, привлеченных к ответственности в связи с изданием совместного Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В публикациях, основанных на материалах Курской области, мы уже неоднократно обращались к данному сюжету²⁸. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения по Воронежской и Тамбовской областям позволяют подтвердить уже применительно ко всем регионам Центрального Черноземья обоснованный нами тезис о том, что реализация вышеуказанного акта была направлена в первую очередь на возврат колхозам их земель, захваченных в годы войны, когда сельскохозяйственные артели не могли в полной мере обеспечить обработку всех имеющихся в их распоряжении посевных площадей. Возврат похищенной прочей колхозной собственности (скота, жилых построек, в редких случаях инвентаря и пр.) носил в большей степени формальный характер, так как не оказывал определяющее влияние на дальнейшее развитие отрасли, в отличие от земли.

В основном за хищения и кражи, описанные выше, привлекались рядовые колхозники, члены правлений и председатели колхозов. Однако в изученных архивных материалах встречаются случаи пресечения действий криминальных банд.

Например, в начале января 1947 г. оперативники Беловского райотдела МВД Курской области совместно с работниками прокуратуры смогли задержать шестерых членов банды, колхозников сельхозартели им. РККА села Вишнева того же района. Все они были в возрасте от 21 года до 32 лет и на их счету было три грабежа и шесть квалифицированных краж, в ходе которых было похищено свыше 20 ц зерна, 30 кг сала, 70 кг соли и две овцы из колхозов Вишневского, Забужевского, Макрушинского и Малосолдатского сельсоветов Беловского района²⁹. Подобные случаи нами были выявлены преимущественно в Курской, западных и юго-западных районах Воронежской области. Именно эти территории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны были оккупированы немецко-фашистскими захватчиками, что способствовало приобретению местным населением оружия, с помощью которого и совершались кражи и грабежи. В Тамбовской области сведений о подобного рода бандах нами не выявлено.

Кроме того, стоит выделить расследование дел, связанных с превышением должностных полномочий отдельными лицами. К примеру, в октябре – ноябре 1946 г. прокурором Верхнелюбжского района было инициировано открытие уголовного дела в отношении первого секретаря райкома ВКП(б) того же района В.Т. Шубина, который обвинялся в хищении государственных средств с последующим сокрытием данных преступлений. Из-за действий, как удалось установить следователям, получили различные сроки тюремного заключения директор местного маслозавода Владимира, где он «брал масло как хозяин в неограниченном количестве», продавец магазина Пашкова, у которой Шубин взял товаров на 2 500 руб., но денег не заплатил, а колхозы «Союз рабочих и крестьян» и «Ленинские

²⁶ ГАЛО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–1 об.

²⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов... С. 146.

²⁸ См., например: Аргунов О.Н. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 38–49.

²⁹ ГАОПИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 790. Л. 5.

всходы» и вовсе стали его личной вотчиной, где первый секретарь регулярно брал продукты для личных нужд. Общий объем ущерба, нанесенного хозяйству района Шубиным, оценивается не менее чем в 100 тыс. руб.³⁰ За данные действия В.Т. Шубин был исключен из рядов ВКП(б), однако его дальнейшую судьбу пока установить не удалось.

Стоит отметить, что подобные случаи были не единичными во всех областях Центрального Черноземья: некоторые партийные и государственные руководители районов злоупотребляли своим служебным положением, однако подобные precedents редко доходили до уголовных дел и в подавляющем большинстве случаев носили эпизодический, а не системный характер. Кроме того, подобное поведение представителей руководящих структур практически не вызывало отторжения у рядовых колхозников: основной массой это воспринималось без заметной негативной реакции.

Как показывают данные анализа документов прокуратур Воронежской, Курской и Тамбовской областей, вместе с уходом голода, а ситуация постепенно стабилизировалась в регионе уже в августе 1947 г., произошло снижение количества дел, связанных с хищениями колхозной и государственной собственности в сельском хозяйстве³¹. В связи с чем можно предположить, что все же, несмотря на отсутствие хозяйствского отношения со стороны подавляющего большинства колхозников и руководящих работников к колхозной и государственной собственности, значительная часть населения не стремилась разворовывать ее без особой нужды.

Последний всплеск открытия подобного рода дел можно было наблюдать в Тамбовской области (по Курскому и Воронежскому регионам подобных тенденций нами замечено не было) в период уборочной кампании 1947 г. Так, за период уборки урожая 1947 г. в Тамбовской области прокуратурой дана санкция на привлечение к уголовной ответственности 15 председателей колхозов за различные злоупотребления и преступления. Подавляющее число санкций (13) выдано за хищения хлеба. Как показал анализ документов, преимущественно схема хищения была следующей: зерно оформлялось на госпоставку, вывозилось в ближайший крупный населенный пункт на рынок, где продавалось, а деньги делились между участвовавшими в преступлении лицами. Таким образом, в колхозе «Красная столица» Мичуринского района было украдено свыше 40 ц зерна только в период уборочной кампании, когда преступную схему удалось раскрыть³². Как можно видеть, вышеуказанный тезис об отсутствии стремления рядовыми жителями села что-либо украсть без осознанной необходимости вполне подтверждается.

Вместе с тем еще раз отметим, что приведенные нами сведения – лишь вершина айсберга: большинство случаев краж и хищений колхозной и государственной собственности не расследовалось по причине отсутствия сведений о них в органах внутренних дел и прокуратуры. В этой связи примечательна докладная записка прокурора отдела общего надзора прокуратуры Курской области Смородского от 17 октября 1945 г., в которой отмечалось, что «неудовлетворительная работа райпрокуроров, недостаточное руководство ими и неумение вскрыть нарушения законности представителями облпрокуратуры» стали следствием того, что преступления против «социалистической законности» не только плохо расследовались, но и не вскрывались в большинстве районов региона³³. Данное положение имело место быть в Воронежской и Тамбовской областях, но необходимо констатировать еще один немаловажный факт: подавляющее большинство дел, связанных с нарушением «социалистической законности» в сельском хозяйстве, расследовалось довольно тщательно. К примеру, в 1945 г. в прокуратуру Воронежской области поступило уголовное дело в отношении И.М. Леонова, обвиняемого по статье 58 часть 14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж). Однако спецотделом прокуратуры дело было переквалифицировано по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением): Леонову вменялось в вину,

³⁰ ГАОПИКО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 133. Л. 218–222 об.

³¹ Государственный архив Курской области. Ф. Р-369. Оп. 1. Д. 33. Л. 346–348; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2364. Л. 41; ГАТО. Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 81. Л. 45–58.

³² ГАТО. Ф. Р-3611. Оп. 1. Д. 52. Л. 71–72; Д. 63. Л. 33–33 об.

³³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2466. Л. 220.

что он, будучи председателем колхоза, якобы проводил саботаж хлебопоставок, но из материалов уголовного дела было видно, что он допустил лишь ряд преступных действий должностного порядка, «растранжиривая» колхозные средства, часть из которых присвоил себе. Дело было направлено на доследование: необходимо было установить точную сумму ущерба, а также доказать присвоение и растрату средств, так как по материалам дела эти обвинения являлись необоснованными³⁴. Как итог, И.М. Леонов был осужден по статье 109 УК РСФСР, своей вины он не отрицал.

Подытоживая, необходимо отметить, что вопросы, связанные с борьбой за «социалистическую законность» в сельском хозяйстве послевоенного СССР, еще предстоит осмыслить. Накопленный на настоящий момент историографический опыт изучения данной проблемы, на наш взгляд, еще недостаточен для каких-либо существенных обобщений: не хватает анализа региональной специфики. Однако предпринятая попытка осветить проблематику на материалах Центрального Черноземья показывает, что вопросы соблюдения «социалистической законности» в воронежской, курской и тамбовской деревне были чрезвычайно остры в аспекте расхищения и краж колхозной и государственной собственности. Объясняется это тяжелыми условиями жизни подавляющего большинства сельских жителей в послевоенные годы, вызванными разрухой, засухой и широкомасштабным голодом 1946–1947 гг. Однако проанализированные документы говорят нам, что подобное поведение сельских жителей скорее имело ситуационный характер и в период нормализации условий жизни количество фактов расхищения и краж общественной собственности существенно снижалось. Лишь некоторые руководящие работники, использовавшие свое служебное положение для личного обогащения, асоциальные элементы в стабильных условиях продолжали совершать подобного рода преступления. Однако для создания целостной картины борьбы за «социалистическую законность» в центрально-черноземной деревне предстоит провести еще целый ряд исследований.

Литература

Аргунов О.Н. О фактах нарушения «революционной законности» на начальном этапе военного восстановления сельского хозяйства в курском регионе в 1943 г. // События и люди в документах курских архивов: сб. стат. Вып. XIII / под ред. В.Л. Богданова. Курск: Центр рекламы «Лоцман», 2015. С. 5–11.

Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (дата обращения: 16.04.2024).

Аргунов О.Н. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 38–49.

Безнин М.А., Димони Т.М. Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в советской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, № 3. С. 655–670.

Диденко М.С. Принципы социалистической законности как основание построения системы источников социалистического права // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. № 3. С. 8–14.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. Саратов: Приволжская книжная палата, 2020. 400 с.

Ковтун Ю.С. Формальный возврат к признанию значимости права: «революционная законность» Конституции 1936 года // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 22–26.

Плотниекс А.А. Формирование концепции социалистической законности в общей теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 4. С. 10–19.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 2364. Л. 2.

Романовская В.Б. Становление теории социалистической законности в 20–30-е годы XX века // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 18–27.

Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.

Солуков А.А. Формирование представлений о социалистической законности в отечественной правовой науке // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 271–275.

References

Argunov, O.N. (2015). O faktakh narusheniya “revolyutsionnoy zakonnosti” na nachal’nom etape voennogo vosstanovleniya sel’skogo khozyaystva v Kurskom regione v 1943 g. [On the Facts of Violation of “Revolutionary Legality” at the Initial Stage of the Military Restoration of Agriculture in the Kursk Region in 1943]. In *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kuskikh arkhivov: sbornik statisticheskiy*. Vol. 13, pp. 5–11.

Argunov, O.N. (2016). Sotsial’no-khozyaystvennaya zhizn’ kurskoy derevni v poslevoennyy period. Problema goloda [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-War Period. Famine Problem]. In *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (39). Available at: URL: https://api-mag.kurksu.ru/api/v1/get_pdf/1989 (date of access 16.04.2024).

Argunov, O.N. (2017). Organizatsionno-khozyaystvennoe ukreplenie kolkhozov Kurskoy oblasti posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny [Organizational and Economic Strengthening of Collective Farms in the Kursk Region after the End of the Great Patriotic War]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 2 (22), pp. 38–49.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2023). Ogosudarstvlenie i razgosudarstvlenie sobstvennosti na sredstva proizvodstva v sovetskoy Rossii [Nationalization and Denationalization of Ownership of the Means of Production in Soviet Russia]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoryya*. Vol. 68, No. 3, pp. 655–670.

Didenko, M.S. (2023). Printsipy sotsialisticheskoy zakonnosti kak osnovanie postroeniya sistemy istochnikov sotsialisticheskogo prava [The Principles of Socialist Legality as the Basis for Constructing a System of Sources of Socialist Law]. In *Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo*. No. 3, pp. 8–14.

Kovtun, Yu.S. (2020). Formal’nyy vozvrat k priznaniyu znachimosti prava: “revolyutsionnaya zakonnost” Konstitutsii 1936 goda [A Formal Return to the Recognition of the Importance of Law: The “Revolutionary Legality” of the 1936 Constitution]. In *Vestnik Akademii prava i upravleniya*. No. 3 (60), pp. 22–26.

Plotnieks, A.A. (1980). Formirovanie kontseptsii sotsialisticheskoy zakonnosti v obshchey teorii prava [Formation of the Concept of Socialist Legality in the General Theory of Law]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. No. 4, pp. 10–19.

Romanovskaya, V.B. (2013). Stanovlenie teorii sotsialisticheskoy zakonnosti v 20–30-e gody XX veka [The Formation of the Theory of Socialist Legality in the 20–30s of the 20th Century]. In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost’*. No. 9, pp. 18–27.

Rybakov, V.A. (2017). Revolyutsionnaya zakonnost’: teoreticheskiy aspekt [Revolutionary Legality: Theoretical Aspect]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. No. 12 (156), pp. 58–62.

Solukov, A.A. (2016). Formirovanie predstavleniy o sotsialisticheskoy zakonnosti v otechestvennoy pravovoy nauke [Formation of Ideas about Socialist Legality in Domestic Legal Science]. In *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. No. 3, pp. 271–275.

Zima, V.F. (2020). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and Consequences]. Saratov, Privolzhskaya knizhnaya palata. 400 p.

Л.Н. Мазур*

**ЭКОНОМИКА КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЕФИКАЦИИ:
ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ
И КОРПОРАТИВНЫХ МУЗЕЕВ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-9

УДК 069:338

Выходные данные для цитирования:

Мазур Л.Н. Экономика как объект музеификации: из опыта изучения отраслевых и корпоративных музеев малых городов России // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 112–129. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-09.pdf>

L.N. Mazur*

**ECONOMY AS AN OBJECT OF MUSEUMIFICATION:
FROM THE EXPERIENCE OF STUDYING INDUSTRY
AND CORPORATE MUSEUMS OF SMALL TOWNS IN RUSSIA****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-9

How to cite:

Mazur L.N. Economy as an Object of Museumification: From the Experience of Studying Industry and Corporate Museums of Small Towns in Russia // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 112–129.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-09.pdf>]

Abstract. The article discusses various approaches to the museumification of economic objects – a factory-museum, a museum complex, a museum-reserve, a technology park, an industrial museum. A special place in this series is occupied by corporate museums created within the structure of enterprises and organizations. In addition to commemorative ones, they perform other functions, combining the tasks of preserving the history of the enterprise and presenting the products it produces. The importance of such a museum increases sharply in a small town, emphasizing the role of the city-forming enterprise in the cultural and social life of the locality. The article uses materials obtained during field research conducted in 2021–2023 in several small towns in Russia as part of the project “Museum of a Small Town: Multiple Cultures of Memory (Historical and Sociological Analysis)”, supported by a grant from the Russian Science Foundation. In addition to municipal, school, and folk museums, the research program included the study of enterprise museums. The most complete and interesting material on corporate museums was obtained in the cities of Kachkanar (Sverdlovsk region), Vytegra (Vologda region), Mednogorsk (Orenburg region), Trubchevsk (Bryansk region), Petrovsk-Zabaikalsky (Transbaikal region). It allows us to characterize the main trends in the development and problems of the functioning of enterprise museums, as well as their role in the formation of the urban memorial landscape and the historical and cultural potential of the city.

Keywords: museum, industrial heritage, factory museum, technology park, industry museum, corporate museum, museumification, commemoration.

The article has been received by the editor on 30.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к музеефикации экономических объектов: завод-музей, музейный комплекс, музей-запо-

* **Людмила Николаевна Мазур**, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, e-mail: L.N.Mazur@urfu.ru

Lyudmila Nikolaevna Mazur, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: L.N.Mazur@urfu.ru

** Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

The topic was supported by a grant from the Russian Science Foundation 21-18-00418 “Museum of a Small Town: Multiplicity of Memory Cultures (Historical and Sociological Analysis)”.

ведник, технопарк, отраслевой музей. Особое место в этом ряду занимают корпоративные музеи, создаваемые в структуре предприятий и организаций. Помимо коммеморативных, они выполняют другие функции, сочетая задачи сохранения истории предприятия и презентации той продукции, которую оно производит. Значение такого музея резко возрастает в малом городе, подчеркивая роль градообразующего предприятия в культурной и общественной жизни населенного пункта. В статье использованы материалы, полученные в ходе полевого исследования, проведенного в 2021–2023 гг. в ряде малых городов России в рамках реализации проекта «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)», поддержанного грантом РНФ. Помимо государственных, муниципальных, частных, школьных и общественных (народных) музеев, в программу исследования входило изучение музеев предприятий. Наиболее полный и интересный материал по корпоративным музеям был получен в городах Качканар (Свердловская область), Вытегра (Вологодская область), Медногорск (Оренбургская область), Трубчевск (Брянская область), Петровск-Забайкальский (Забайкальский край). Он позволяет охарактеризовать основные тенденции развития и проблемы функционирования музеев предприятий, а также их роль в формировании городского мемориального ландшафта и историко-культурного потенциала города.

Ключевые слова: музей, индустриальное наследие, завод-музей, технопарк, отраслевой музей, корпоративный музей, музеефикация, коммеморация.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024 г.

Мир музеев чрезвычайно разнообразен. Они тесно интегрированы в культурную сферу общества, сохраняя и экспонируя произведения искусства, исторические свидетельства – документы и артефакты, научные коллекции, мемориальные вещи, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся личностей. Особую категорию среди музеев составляют музейные учреждения, непосредственно связанные с экономической сферой – историей предприятий и организаций (корпоративные музеи) и отдельных отраслей экономики региона или страны в целом (отраслевые музеи). И те и другие представляют собой результат музеефикации экономических объектов. Данное направление в настоящее время рассматривается преимущественно в контексте сохранения индустриального наследия, хотя в реальности корпоративные и отраслевые музеи отличаются многофункциональностью и часто выходят за пределы собственно коммеморативных практик.

Музеефикация памятников индустриального наследия. Индустриальному наследию и проблемам его сохранения, несмотря на молодость данного направления, посвящена достаточно обширная литература. Среди авторов представлены не только музеведы и культурологи¹, но и историки², отражая междисциплинарную специфику и актуальность изучаемой тематики.

¹ Мастеница Е.Н. Музеефикация промышленного наследия: опыт и перспективы // Музей. 2012. № 5. С. 4–11; Мастеница Е.Н. Современный музей в ракурсе корпоративной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 117–123; Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012; Штиглиц М.С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «Индустриальной археологии». СПб., 2003; и др.

² Алексеева Е.В. Индустриальное наследие большого Екатеринбурга: Проблема дифференциации и дефицитов // Диалоги о защите культурных ценностей: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 мая 2022 г.). Екатеринбург, 2022. С. 176–179; Запарий В.В. Индустриальное наследие России: вопросы изучения и сохранения // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: мат-лы Всерос. науч.-практ конф. с междунар. участием (Нижний Тагил, 3–4 декабря 2020 г.). Нижний Тагил, 2020. С. 75–81; Курлаев Е.А. Историческая реконструкция первых уральских заводов // Региональные столицы России – точки опоры и роста: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 г.). Екатеринбург; Пермь, 2023. С. 40–42; и др.

К индустриальному наследию обычно относят промышленные строения и артефакты – инфраструктуру, транспорт, социальные структуры, связанные с производством и обладающие свойством уникальности³.

Движение за сохранение индустриального наследия развернулось в Европе в 1960-е гг. В 1974 г. в Великобритании образован Международный комитет (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (TICCIH)). Комитет координирует национальные организации и выступает за сохранение, изучение, документирование памятников индустриальной истории и археологии, а также реструктуризацию и реабилитацию памятников индустриального наследия⁴. Помимо музеефикации индустриальных объектов, актуальным направлением выступает практическое освоение заброшенных предприятий. Их приспособливают под организацию точек питания, развлечения, искусства, здесь размещаются художественные мастерские и музыкальные студии. Примером использования невостребованных индустриальных зданий является галерея современного искусства Тейт (Tate Modern). Музей был открыт в 2000 г. в помещении бывшей электростанции Bankside Power Station. Турбинный зал используется для демонстрации творчества современных художников⁵.

В 1980-е гг. в процесс музеефикации объектов индустриального наследия включился СССР⁶. Старопромышленные регионы России стали естественными площадками для музейной реконструкции не только истории предприятий, но и технологий. Одним из центров музеефикации памятников индустриального наследия стал Нижний Тагил.

В настоящее время в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО включены Музей истории развития горного производства им. Акинфия Демидова (Змеиногорск), музей-заповедник «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил), Музей золота (Березовский). Этот перечень объектов иллюстрирует разнообразие форм музеефикации промышленных предприятий. Среди них – завод-музей, музейный комплекс, музей-заповедник, технопарк или отраслевой музей. На разработку концепции соответствующего музейного проекта влияет степень сохранности объектов экономики, а также наличие кадровых и финансовых ресурсов, ограничивающих возможности реализации наиболее технологичных вариантов.

В Музейную энциклопедию включено только понятие «завод-музей» – результат музеефикации законсервированного промышленного предприятия⁷. В 1987 г. в России зарегистрирован первый памятник такого рода – Нижнетагильский завод-музей истории уральской металлургии. Музеефикация подобного исторического объекта реализуется относительно редко, и не только потому, что это дорогостоящий проект. Степень сохранности большинства промышленных предприятий обычно недостаточна для придания им статуса памятника историко-культурного наследия.

В этом отношении весьма показательна судьба Петровского металлургического комбината (Петровск-Забайкальский, Забайкальский край), на протяжении нескольких веков выполнявшего функции градообразующего предприятия. Он был построен в 1788–1790 гг., пережил модернизацию в 1930-е гг., а в 2002 г. признан банкротом. В настоящее время завод находится в руинированном состоянии, здания и производственные линии разобраны, сохранилась только память о предприятии, некогда поддерживавшем жизнь города:

«Я помню еще времена, когда горели мартеновские печи. Вот как поют в песне. Цеха большие были. Вообще вся территория завода здесь. Ну здесь много чего было: желеznодо-

³ См.: Мастеница Е.Н. Музеефикация промышленного наследия... С. 4–11.

⁴ См.: Hudson K. World Industrial Archaeology. Cambridge University Press, 1979; Light J.D. Industrial Archaeology // Archaeology. Vol. 1. EOLSS, 2002.

⁵ The World's Leading Sculptor of Space Takes on Tate Modern's Terrifying Turbine Hall // The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/artanddesign/2005/oct/07/art> (дата обращения: 28.02.2024).

⁶ См.: Лахтионова Е.С. Международное движение за сохранение индустриального наследия: история и основные аспекты // Алдамжаровские чтения – 2010 = Алдамжар оқулары – 2010: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Костанай, 2010. С. 186–193.

⁷ Завод-музей // Музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?62> (дата обращения: 12.03.2024).

рожный какой-нибудь, мартеновский, прокатный цех... Получается, мои бабушки и дедушки – все работали там... И здесь, получается, как бы тут жизнь-то сосредоточена... А потом уже, когда завод начал строиться, вот это все. Завод построил. Все дома построенные». (ПЗж44)⁸.

«А вот в старой части города, где, по сути, то наш ну, как сказать < завод >, история города, где и начинается, да, здесь, к сожалению, ситуация такая декаданская. Связано это с тем, что завод естественно рухнул, вот эти руины вот и видишь, несколько километров проезжаешь – они сплошняком одни руины. Естественно, люди это видят. Ну там еще всякие развалины лежат тоже. Дома разваленные. Вот. Люди, естественно, там под [паузу] психологическим [давлением], да, не все, конечно, далеко, но начинают, в общем, злоупотреблять алкоголем прям сильно» (ПЗм27).

В результате памятником заводу с 200-летней историей стали руины (рис. 1).

Рис. 1. Руины Петровского завода. Петровск-Забайкальский. Фото автора из архива проекта. 2023 г.

Помимо завода-музея, встречается такая форма музеификации экономических объектов, как музей-заповедник. Он представляет собой комплекс музейных экспозиций, архитектурных или исторических памятников, расположенных на определенной территории и связанных общей идеей (концепцией). Примером может служить музейный комплекс «Северская домна», находящийся на территории Северского трубного завода (г. Полевской, Свердловская область). Он включает два исторических здания, экспозицию под открытым небом и Спасо-Преображенскую часовню. Основу музейного комплекса составляет домна – памятник уральской промышленной архитектуры середины XIX в.

В качестве наиболее перспективной модели музейного освоения индустриального наследия позиционируется технопарк, структура которого может включать гидротехнические сооружения, историческую промышленную и жилую застройку, музейную экспозицию⁹. В 2011 г. в Нижнем Тагиле был учрежден эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод», в состав которого вошли несколько объектов: городской историко-краеведческий, «старый» город, музей-завод, поселок «Ключи» (жилая застройка XIX–XX вв.), ландшафтный комплекс «Лисья гора», «Северная Гальянка» – этнографический музей, Меднорудянский карьер, Городской пруд и др. (рис. 2).

⁸ Здесь и далее приведены цитаты жителей городов, в скобках указан шифр информанта, который включает указание на название города, пол и возраст (женщина 44 года). ПЗ – Петровск-Забайкальский; Тр – Трубчевск, КЧ – Качканар; МД – Медногорск.

⁹ См.: Матвеева Л.Д., Котова Т.П., Лебедев А.И., Хисамутдинова А.Ф. Проблемы музеификации индустриального наследия Южного Урала // Сервис plus. 2018. № 2. С. 24–35.

Рис. 2. Мастер-план «Эко-индустриального технопарка». Проект «Реновация старого Демидовского завода». Концепция и мастер-план [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: https://museum-n.ru/content/industrial/index.php?SECTION_ID=48#TriMasPlam (дата обращения: 12.03.2024)

Особым объектом музеефикации выступают технологические процессы (нематериальное индустриальное наследие) – это может быть добыча золота или переработки руды (Музей золота в Березовском¹⁰), изготовление предметов народных промыслов, в том числе связанных с восстановлением утраченных технологий. Так, например, в Нижнем Тагиле в 1991 г. был образован Музей истории подносного промысла, где представлена история уникальной росписи по металлу, а также жизнь и творчество художников Худояровых¹¹. Характерной чертой таких музеев является использование интерактивных технологий: в частности, в Музее истории подносного промысла проводятся мастер-классы, на которых посетители имеют возможность расписать свой поднос, используя технологию «кистевого» трафарета.

Здания бывших заводов нередко становятся местом для размещения выставок современного искусства. Так, например, здание фабрики-кухни в Самаре (часть бывшего завода им. Масленникова), которое сверху имеет проекцию в форме серпа и молота, стало филиалом Государственного центра современного искусства¹². В Екатеринбурге в выставочных целях используются площади Монетного двора, реконструированного в 1973 г.

В целом музеефикация индустриального наследия выступает основным трендом сохранения экономических объектов прошлого.

Отраслевые музеи. Отраслевые музеи выполняют прежде всего просветительские функции, рассказывая об истории становления отраслей экономики в страновом или региональном масштабе, а также об их современном состоянии и перспективах развития. Отраслевые музеи представлены достаточно широкой номенклатурой промышленных, сельскохозяйственных музеев, музеев транспорта, связи, строительства, военной техники, авиации и космонавтики¹³.

Происхождение отраслевых музеев специалисты датируют XVIII в., соотнося их с появлением первых коллекций промышленных артефактов и их демонстрацией. Так, например, в Институте инженеров путей сообщения в 1813 г. была организована

¹⁰ Музей золота в Березовском (Свердловская область) был открыт в 1970 г. URL: <https://uole-museum.ru/museums/muzej-zolota/> (дата обращения: 18.03.2024).

¹¹ См.: Дмитриев А.В., Максяшин А.С. Тагильская роза. История «лакирного дела» на Урале. Екатеринбург, 2000.

¹² См.: Кузовенкова Ю.А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5–6. С. 6–16.

¹³ См.: Сапанжса О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 3–12.

выставка чертежей и моделей различной техники и инженерных сооружений¹⁴. В настоящее время сеть музеев ОАО «РЖД» включает около 260 подразделений, из них три музея в Санкт-Петербурге – Центральный музей железнодорожного транспорта, Центральный музей Октябрьской железной дороги и Музей железнодорожной техники им. В.В. Чубарова на Варшавском вокзале. В Москве, кроме Музея железнодорожной техники на Рижском вокзале, находится Музей истории Московской железной дороги. Выставочные площадки железнодорожной техники имеются при крупных железнодорожных узлах – в Калининграде, Екатеринбурге, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Челябинске¹⁵. Традиционные формы музеификации активно дополняются инновационными проектами, которые позволяют «приобщиться» к истории железных дорог – совершив путешествие на ретропоезде, посетить ретровокзал. Например, на станции Шувакиш Свердловской железной дороги реконструировано типовое здание вокзала с буфетом, кассой, кабинетом начальника станции и посадочная платформа Уральской горнозаводской железной дороги начала XX в.¹⁶

Более традиционный вариант отраслевого музея представляет собой Музей истории рыбной промышленности Азово-Черноморского бассейна в Севастополе. Он был открыт в 1972 г. в ДК рыбаков. Музейная экспозиция знакомит посетителей с рыболовством в древнем Херсонесе и Балаклаве, рыбным промыслом в дореволюционном Севастополе, с рыбаками, получившими правительственные награды. Разделы экспозиции, сохранившиеся с советского времени, дополняет диорама «Водный мир» со звуками моря и новые выставки «Китобойная флотилия», «Путь к океану», которые рассказывают о первой научной промышленной экспедиции¹⁷.

Нередко отраслевой музей вырастает из коллекций, собранных собственниками предприятий. Так, например, на территории Переславского комбината художественных товаров был образован Отраслевой канцелярский музей И. Зайцева (рис. 3). Комбинат производит канцелярские товары, которые стали первыми экспонатами музея – пластиковые папки и файлы, папки-регистраторы, архивные короба. Они пополнились канцелярскими и художественными товарами второй половины XIX и XX вв., среди которых карандаши и точилки, степлеры и дыроколы, ластики и пресс-бювары, бумага и тетради (с промокашками) XIX в.

Рис. 3. Вывеска отраслевого канцелярского музея. Фото с сайта музея.

Отраслевой канцелярский музей И. Зайцева [Электронный ресурс].

URL: <https://ofisomaniya.ru/articles/otraslevoy-kantselyarskiy-muzey-i-zaytseva/> (дата обращения: 22.03.2024)

Динамика числа отраслевых музеев в России весьма показательна и характеризуется резким ростом их численности в постсоветский период: в 1914 г. в Российской империи насчитывался 21 отраслевой музей¹⁸; в СССР в 1935 г. имелось 56, в 1939 г. – 55, в 1950 г. – 47, в 1970 г. – 32, в 1988 г. – 50 музейных учреждений соответствующего профиля¹⁹.

¹⁴ См.: Пуликова И.В. Отраслевые корпоративные музеи России // Россия и современный мир. 2010. № 3.

¹⁵ Музей железных дорог России. URL: <https://rzd-museum.ru/museum/about-us> (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁶ Ретропоезд «Уральский экспресс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd.ru/ru/10420/page/103290?id=19647> (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁷ Музей истории рыбной промышленности Азово-Черноморского бассейна в Севастополе [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aebw4ab.xn--p1ai/muzej/> (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁸ К ним относились музеи промышленности, транспорта, сельского хозяйства и экономики.

¹⁹ Составлено по: Культурное строительство СССР: стат. сб. М.; Л., 1940. С. 178–180; Культурное строительство СССР. М., 1936. С. 198–203; Народное образование и культура в СССР: стат. сб. М., 1989. С. 352–354. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/26588> (дата обращения: 10.04.2024).

В РФ в 2000 г. насчитывалось 170 музеев, в 2010 г. – 154, в 2018 г. – 163 музея²⁰. Почти трехкратный рост численности отраслевых музеев за последние 30 лет непосредственно связан с процессами становления корпоративной культуры укрупненных экономических структур, включенных в государственный сектор экономики, и, конечно, с развитием туристских дестинаций, ориентированных на освоение индустриального наследия.

Можно выделить два основных варианта эволюции отраслевых музеев:

1) от корпоративного музея к отраслевому. Такова, например, история Тульского государственного музея оружия, основу которого составили коллекции Тульского оружейного завода²¹. В 1873 г. музей был учрежден как подразделение при заводе. В 1924 г. он получил статус государственного оружейного музея;

2) создание комплексного музея отрасли по инициативе федеральных либо региональных управлеченческих структур и финансируемых ими. К их числу можно отнести Музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского (г. Калуга), открытый в 1967 г. С 1982 г. Калужский музей космонавтики осуществляет научно-методическое руководство и координацию деятельности музеев космического профиля страны²².

Музеи истории предприятий (корпоративные). Наиболее типичным примером музеификации экономических объектов выступают музеи предприятий, организованные непосредственно при работающих фабриках и заводах. Особенностью музеев данной категории является сочетание задач сохранения истории предприятий с характеристикой состояния современного производства, где посетитель может познакомиться с продукцией предприятия, полученными наградами и дипломами. В зависимости от уникальности используемых технологий акценты могут смещаться в сторону презентации технологических процессов.

Корпоративные музеи в массовом порядке появляются в позднесоветский период. Среди них есть музеи трудовой и боевой славы; музеи истории предприятий промышленности, сельского хозяйства и электроэнергетики с демонстрацией используемых в них технологий; музеи, созданные по типу краеведческих (история завода в истории края); мемориальные музеи, где можно познакомиться с биографией строителей завода и героев труда.

К первой категории можно отнести Музей трудовой славы и воинской доблести АО «ПО “Севмаш”» (г. Северодвинск, Архангельская область), основанный в 1968 г. Экспозиции содержат визуальный ряд, отражающий этапы строительства завода, его реконструкции начиная с 1936 по 1984 г. Украшением экспозиции является макет порта, воссозданный по архивным материалам (рис. 4). В зале судостроения выставлены макеты кораблей и подводных лодок, построенных на предприятии.

Вторая группа музеев представлена Музеем гидроэнергетики. В 2005 г. в Угличе (Ярославская область) был открыт Учебно-производственный информационный центр гидроэнергетики (УПИЦ), в структуре которого значится Музей гидроэнергетики, охотно посещаемый многочисленными туристами. Он рассказывает об истории строительства Угличской ГЭС, а также развитии гидроэнергетики в России и в мире (рис. 5).

Большой популярностью у посетителей пользуются музеи кондитерских фабрик, организующие посещение цехов по производству шоколада, конфет и т.д.²³

Краеведческий компонент представлен в экспозиции Музейно-выставочного центра Омутинского металлургического завода (г. Омутинск, Кировская область), открытого в 1973 г. к 200-летию завода. Экспозиция музея включает, помимо истории предприятия и

²⁰ Россия в цифрах. 2020: краткий стат. справочник. М., 2020. С. 167.

²¹ История Тульского государственного музея оружия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museum-arms.ru/about/history/> (дата обращения: 12.03.2024).

²² Государственный музей истории космонавтики имени К.Э. Циолковского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/institutes/38157/gosudarstvennyi-muzei-istorii-kosmonavtiki-imeni-k-e-ciolkovskogo> (дата обращения: 22.03.2024).

²³ См.: Пуликова И.В. Отраслевые корпоративные музеи России...

образцов выпускаемой продукции, этнографический отдел, где выставлены старинные предметы городского быта, есть также раздел по истории города²⁴.

Рис. 4. Музей трудовой славы и воинской доблести АО «ПО «Севмаш» (г. Северодвинск).
Фото с сайта музея. URL: <https://corporate-museum.ru/project/cd3d08a4/> (дата обращения:
18.03.2024).

Рис. 5. Музей гидроэнергетики в г. Углич. Макет ГЭС. Фото автора из архива проекта

²⁴ Музейно-выставочный центр Омутинского металлургического завода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.komandirovka.ru/sights/omutninsk/museumno-vyistavochnyiy-tsentr/> (дата обращения: 18.03.2024).

Мемориальные музеи, как правило, входят в структуру корпоративного или отраслевого музея. Так, например, Музей космонавтики включает Мемориальный дом-музей академика С.П. Королева, открытый в 1975 г. Он расположен в доме, где жил Королев с 1959 по 1966 г. Сохранилась обстановка рабочего кабинета, личные вещи, документы, письма, фотографии, мебель, предметы быта, произведения изобразительного искусства, научно-техническая и художественная библиотека²⁵.

Разновидностью корпоративных музеев являются музеи сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов, агрохолдингов). К их числу относится Музей истории СПК Агрофирмы «Лучники» (Беларусь). Он был открыт в 2008 г. в Центре культуры с. Лучники. Экспозиции музея отражают основные этапы развития края и включают следующие разделы: «Из глубины столетий» (XVI – начало XX в.), «На повороте истории» (1905–1940 гг.), «Военное лихолетье» (1941–1945 гг.), «Мирный труд» (1944–2008 гг.). В музее, помимо традиционной экспозиции, с использованием подлинных предметов реконструированы интерьеры «Крестьянской избы», «Сельского Совета 20-х годов XX века», «Кабинета председателя 70-х годов ХХ века» (рис. 6).

Рис. 6. Музей истории СПК Агрофирмы «Лучники». Кабинет председателя колхоза.
Фото с сайта музея [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/museums/5706/> (дата обращения: 12.03.2024)

Аналогичную концепцию реализует Музей истории совхоза Ф.Э. Дзержинского (Республика Крым). Он был создан в 1972 г., в настоящее время музей занимает пять комнат, где расположены экспозиции из истории совхоза, а также диорама села²⁶.

Более сложный вариант музеификации истории сельскохозяйственного предприятия и технологий аграрного производства можно наблюдать в Музее защищенного грунта ЗАО «Агрофирма Белая Дача» г. Котельники (Московская область), образованного в 1985 г. В экспозиции музея получили освещение две основные темы: 1) история овощеводства защищенного грунта в России, внедрение и использование новых технологий при выращивании овощных культур в защищенном грунте; 2) история агрофирмы «Белая Дача»²⁷.

Музеи предприятий и учреждений относятся чаще всего к так называемой скрытой сети музейных учреждений, поскольку они не всегда открыты для посещения и часто ориентиро-

²⁵ Мемориальный дом-музей академика С.П. Королева [Электронный ресурс]. URL: <https://kosmo-museum.ru/mdmk> (дата обращения: 12.03.2024).

²⁶ Музей истории совхоза им. Ф.Э. Дзержинского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/institutes/25722/muzei-istorii-sovkhoza-im-f-e-dzerzhinskogo> (дата обращения: 13.03.2024).

²⁷ Музей защищенного грунта ЗАО «Агрофирма Белая Дача» [Электронный ресурс]. URL: <https://kotelniki.info/spravochnik/obrazovanie/uchrezhdeniya-kulturyi/muzej-zashchishennogo-grunta-zao-%C2%ABagrofirma-belyaya-dacha%C2%BB.html> (дата обращения: 13.03.2024).

ваны на внутренние задачи организаций. Отличаются и концепции их создания: настоящее/будущее или прошлое; презентация или коммеморация. Предприятия с «длинной» историей гордятся своим прошлым и нацелены на его сохранение и презентацию в более широком плане. В этом случае заводской музей нередко приобретает статус публичного учреждения, дополняя культурную среду города.

Корпоративные и отраслевые музеи малого города. Особое значение корпоративные музеи приобретают в малом городе²⁸, внося разнообразие в его историко-культурный ландшафт. Многие из них относятся к категории моногородов, экономика и повседневная жизнь которых зависят от состояния и перспектив градообразующего предприятия и в значительной степени от его истории.

В рамках исследовательского проекта «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» была создана БД «Музей малого города», а также проведены полевые исследования в 12 городах РФ²⁹. Корпоративные/ведомственные музеи составили в БД 3,7 % (таблица). Это неполная информация, в реальности их намного больше, но в силу неопределенности своего статуса они не всегда имеют регистрацию и представлены в электронных ресурсах – основном источнике создания БД. Однако описание 41 музея из БД дает возможность получить представление об их видовом разнообразии, функциях и особенностях работы.

Таблица

Распределение музеев малых городов РФ по профилю и времени основания

Профиль музеев	Время основания					Итого, ед./%
	XVIII – начало XX в.	1918–1920-е гг.	1930–1950-е гг.	1960-е – 1991 гг.	1992–2022 гг.	
Краеведческие, историко-краеведческие	23	54	34	269	117	497/44,4
Исторические	4	10	5	79	123	221/19,7
Фольклорно-тематические	0	0	0	4	98	102/9,1
Мемориальные	3	2	8	35	28	76/6,8
Художественные	2	7	2	23	39	73/6,5
Корпоративные/отраслевые	2	0	1	18	20	41/3,7
Естественнонаучные	1	1	0	8	22	32/2,9
Историко-архитектурные ансамбли	5	8	1	11	6	31/2,7
Народных промыслов и ремесел	0	0	0	1	17	18/1,6
Истории науки и техники	0	1	0	6	11	18/1,6

²⁸ Малый город – городское поселение с населением до 50 тыс. чел. См. подробнее: Мазур Л.Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши. Екатеринбург, 2022. С. 20–50.

²⁹ См. подробнее: Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00418/> (дата обращения: 12.03.2024).

Окончание табл.

Профиль музеев	Время основания					Итого, ед./%
	XVIII – начало XX в.	1918–1920-е гг.	1930–1950-е гг.	1960-е – 1991 гг.	1992–2022 гг.	
Литературные	1	1	1	1	4	8/0,7
Истории спорта	0	0	1	1	1	3/0,3
Всего, ед./%	41/3,7	84/7,5	53/4,7	456/40,7	486/43,4	1120/100,0

Источник: БД «Музеи малого города РФ».

В большинстве случаев музей градообразующего предприятия имеет статус структурного подразделения и ориентирован на внутренние нужды и задачи предприятия. Примером такого музея может служить музейная комната АО «Монолит» (г. Трубчевск Брянской области). Завод начал выпуск продукции в 1966 г. Первый музей был создан еще в 1980-е гг., но представлял собой фактически неоформленное пространство с демонстрацией видов выпускаемой продукции. В 2015 г. была проведена реновация музейной комнаты, создана современная экспозиция с визуальным рядом, отражающим основные этапы строительства и развития завода. В экспозиции наряду с фотографиями разных лет были использованы предметы – выпускаемая продукция, бытовая техника, награды и переходящие знамена. В совокупности визуальный и предметный ряд формирует достаточно полное представление об истории, достижениях предприятия, а главное – о людях, работниках и руководителях завода (рис. 7).

Рис. 7. Музей АО «Монолит», г. Трубчевск (Брянская область). Фото автора из архива проекта. 2023 г.

Задачи заводского музея были сформулированы информантом следующим образом:

«Ну, в первую очередь, предприятие довольно-таки с историей... Вот. И оно как бы, во-первых, является производителем ну довольно-таки уникальной продукции. Вот и пришлось сделать, чтобы память была и о том, чем мы занимаемся, и о том, чем мы занимались, и о руководителях предприятия, которые внесли свой вклад в развитие этого завода». (TrM36).

«...Мы его и делали для того, <...>, чтобы сохранить какую-то историю здесь вот и для того, чтобы <...>, когда приезжают иностранные делегации, мы могли их не водить по производству, потому что это не совсем корректно...». (TrM36).

Музей завода используется для проведения различных торжественных мероприятий: сюда приводят тех, кто оформился на работу. Интересен опыт музея в решении вопросов

профориентации. В частности, предприятие участвует в общероссийском Дне свободных турникетов:

«это когда на любое предприятие... люди приходят с преподавателем и мы рассказываем такую историю, потому что историю нужно знать. <...>, возможно, что ребята, которые приходят, да, и открывают для себя такое предприятие и в будущем некоторые могут сюда прийти <...>. В принципе у нас с кадрами проблем нет никаких» (ТрМ36).

Таким образом, можно выделить четыре основные задачи, которые решает заводской (корпоративный) музей: 1) сохранение памяти; 2) формирование корпоративной культуры; 3) «визитка» предприятия с демонстрацией возможным покупателям производимой продукции (эта функция особенно важна для предприятий с ограниченным режимом доступа); 4) профориентация учащихся школ и техникумов.

Аналогичные функции выполняет музей Горно-обогатительного комбината (информационно-выставочный зал) г. Качканара (Свердловская область). Впервые вопрос о создании музея был поднят в 1980-е гг. Он размещался на первом этаже Дворца культуры завода, но недолго – в 1990-е гг. музей был закрыт. Директор музея вспоминает:

«Музей уничтожался варварски. Была экспозиция, вот фабрика в разрезе из пенопласта сделана ... фабрика, ее топорами рубили и выбрасывали. Художники просили, дайте нам хотя бы неделю. Мы это демонтируем и куда-нибудь складируем. Нет, вот экстренно срочно. Ну тот период, когда знаете вот, люди которые не понимали, что происходит и историю свою не понимали и к чему это приведет. Это 90-е годы. Да, и этот музей был разрушен. А потом совет ветеранов обратился к руководству комбината уже Евразовскому, что давайте все-таки музей создавать. Ведь пройдет время, мы не найдем того, что находим сегодня» (КЧм67).

Современная музейная экспозиция была открыта в 2013 г. и размещается в здании отдела кадров предприятия³⁰. Музей хорошо оснащен техникой: на мониторах можно наблюдать производственный процесс добычи, перевозки, дробления и обогащения руды. Музейная экспозиция, спроектированная на основе современных интерактивных музейных технологий, размещена в четырех залах. Первый зал – исторический. В нем показана история геологической разведки горы Качканар, открытие крупнейшего на Урале месторождения железа, титана и ванадия. Второй зал – технологический. Здесь демонстрируются коллекции минералов, уникальные макеты горного оборудования. Третий зал содержит экспозицию о современном состоянии производства и структуре предприятия (ЕВРАЗ КГОКа), продукции, вырабатываемой из качканарских агломерата и окатышей. Четвертый зал – выставочный. В музее хранятся коллекции произведений местных литераторов и художников.

Основная целевая аудитория музея – учащиеся школ города, студенты технических сузов и вузов, работники и ветераны комбината, гости города:

«Потому что эти вот промышленные музеи – это примерно то же самое, что архитектура. Вот. Это те деяния, это те мысли, это те инженерные находки, да, они... должны быть сосредоточены. Ну и потом, надо же... надо же показывать. Вот приходит человек на комбинат. Он весь комбинат не увидит. Он придет к себе там на мельницы и будет вот эту мельницу крутить все время. ... молодые специалисты должны сюда приходить. Школьники, чтобы они сориентировались, вот как вы говорите, кто кем мечтал. Мало кто мечтает стать, допустим там, бурильщиком скважины или агломератчиком. Они зачастую и названия такого не знают, надо показать. Надо показать красоту этой работы и ту перспективность их, в чем она состоит и что они могут» (КЧм67).

«Или вот эти службы социальной помощи, они привозят сюда ветеранов, инвалидов. Вы знаете, они приезжают в таком тяжелом состоянии, морально-нравственном состоянии. Их потихонечку-потихонечку начинаешь так в чувство приводить, что-то показывать, рассказывать и так далее, и потом они как-то так душою оживают вот, видят, что

³⁰ Информационно-выставочный центр ЕВРАЗ КГОК. URL: <https://corporate-museum.ru/project/a0e1d50d/> (дата обращения: 12.03.2024).

все не зря, что впереди что-то может быть, и что-то интересное, и что не все так мрачно, как казалось» (КЧм67).

В городе есть также Качканарский историко-краеведческий музей, который открыт в 1991 г. Экспозиции музея рассказывают об истории города, природе края, здесь проводятся выставки местных художников, фотографов, мастеров народного и декоративно-прикладного творчества. Музей ГОКа и города дополняют друг друга, формируя более объемный и сложный образ места как «города юности», крупнейшего центра добычи и переработки агломерата, природной зоны.

Еще один объект, исследованный в рамках проекта, – музей Медногорского медно-серного комбината (ММСК), размещенного в Медногорске Оренбургской области. Он имеет многолетнюю историю и создавался при активном участии работников предприятия:

«..люди сами приносили. Музей создавался, объявлялся какой-то там и люди приносили. У кого что дома было» (МДж46).

Экспозиции, представленные в музейном комплексе, отражают различные периоды становления и работы комбината начиная с 1920-х гг. Фотографии и музейные раритеты повествуют о том, когда были открыты месторождения медного колчедана, как строился Блявинский рудник и добывалась руда. Есть экспозиция о репрессированных:

«в годы репрессий весь руководящий состав комбината был обвинен во вредительстве. Это более 20 человек. И в [19]37 году они были расстреляны в Зауральской роще. Правда, в 57 году люди были реабилитированы» (МДж46).

Особое внимание при формировании экспозиции заводского музея было уделено людям – руководителям, ветеранам, передовикам производства:

«Этот зал у нас называется залом трудовой славы. Здесь у нас освещены годы нашего предприятия с 1947 года по 1999. На стенде освещены основные события и достижения тех лет. Вот здесь, кстати, еще вот там стенд стоит с продукцией нашего предприятия».

На вопрос – для чего нужен музей – прозвучали ответы:

- Для сохранения истории какой-то, для будущих потомков...
- Школьников возили сюда...
- У нас ветераны любят это место посещать...

– По крайней мере, когда я на комбинат устраивалась, процедура трудоустройства тоже в себя включала первым делом посещение музея. Приходил новый человек и прежде чем пройти на свое рабочее место, он проходил по залам, какая богатая история предприятия, что сейчас, глядя на эти стенды, происходит» (МДж46).

При всей значимости корпоративного музея существует целый ряд проблем, которые переносят их в зону «невидимости» или «мерцания»: во-первых, проблемы с финансированием и кадрами. Довольно часто встречается ситуация, когда работа в заводском музее достается в «нагрузку» к основным обязанностям сотрудника предприятия, что непосредственно влияет на режим работы музея. Проблемой может быть качество экскурсионного обслуживания, обновление экспозиций, состояние сохранности фондов. Во-вторых, недостаток помещений: в некоторых случаях под музей отводятся неприспособленные комнаты или же музей не имеет постоянных площадей.

В последнем случае показательна история музея завода «Уралэлектро» (Медногорск) – бывшего Тульского оружейного завода, эвакуированного в Медногорск в годы Великой Отечественной войны. Музей был создан в 1970-е гг. и размещался в Доме культуры завода:

«Музей был у нас в Доме культуры. Дом культуры принадлежал заводу. Сегодня Дом культуры заводу не принадлежит, и нам сказали: убрайтесь, забирайте все свое <...>. А мы уже тут, выделили вот эту комнату. У нас тоже тут площади ограничены, вот, в инженерном корпусе, это у нас. А сейчас на четвертом этаже, там мы освободили побольше, ну такой весь зал вместе с этим. Надо туда перевести» (МДм71).

Музей комплектовался преимущественно образцами производства, наградами за спортивные и производственные достижения, т.е. в основном выполнял функцию «хранилища»:

«до 2009 года мы поддерживали музей... Новые изделия появлялись, мы всегда сюда поставляли. Кто приезжал к нам, спортивные достижения – ну вся работа, которая велась, она все время отражалась в музее» (МДм71).

Экспозиция музея не обновлялась много лет. Музейный работник ушел на пенсию в 2005 г. и музей фактически прекратил свое существование:

«Был такой Петухов Станислав Иваныч, который все тут делал: фотографии и все это... Бывший председатель совета директоров говорил: надо бы продолжить музейное дело. Я говорю: ну, выделяйте деньги и все, будем искать человека, который продолжит. Да, ушел у нас музейный работник на заслуженный отдых. Сейчас найти надо работника» (МДм71).

На траектории развития моногородов оказывали влияние разные факторы: если Качканарский ГОК и Медногорский медно-серный комбинат сохранили и увеличили свой производственный потенциал, то, например, в Петровске-Забайкальском память о металлургическом заводе поддерживают только стела, расположенная недалеко от входа в Парк Победы, и руины, использовать которые для целей мемориации не позволяет право частной собственности.

В городе работает два музея – краеведческий и Музей декабристов. Краеведческий музей был открыт в 2011 г., в нем есть разделы природы, археологии, этнографии с реконструкцией крестьянской избы, промыслов и ремесел, Великой Отечественной войны. Работает фотовыставка «Родные просторы». Экспозиция, рассказывающая об истории Петровского металлургического завода, отсутствует. Осознание необходимости его мемориации прослеживается в интервью с жителями города, но не как насущная потребность. Так, на вопрос, какой музей еще нужен городу, звучит ответ:

«Знаете как, у нас мог бы быть музей... Мог быть железной дороги музей, мог быть металлургического завода. Кстати сказать, музей елочной игрушки, у меня есть личная коллекция игрушек» (ПЗж62).

Память о заводе в городе преимущественно хранят школьные музеи, в фондах которых можно найти фотографии, альбомы с портретами знатных людей завода, памятные юбилейные значки и подарки (рис. 8). Большинство экспонатов создано руками школьников. Правда, условия работы и сохранность экспозиций школьных музеев оставляют желать лучшего. Из интервью с руководителем музея гимназии г. Петровска-Забайкальского:

«В 2005-м 19 октября было открытие нашего музея. Он находился в комнате, был специальный класс выделен, объемное такое помещение, в котором какие-то экспонаты всякие подручные все были сделаны с помощью наших художников, и открытие прошло вот именно в 2005 году. Так, ну со временем нас начали потихоньку вытеснять. Почему? Потому что не хватало помещений для обучения, дальше нас перевели пять лет назад в маленькую, вот в эту старшую гимназию. В том здании у нас было довольно-таки такое помещение хорошее... И наконец-то, вот сюда нас задвинули просто-напросто, вот в эту маленькую каморочку...» (ПЗж71).

Сохранение истории завода воспринимается руководителем школьного музея как одно из направлений краеведческой работы в контексте патриотического воспитания:

«Основная направленность, конечно, это краеведческая работа... исследовательская работа. ...Кроме декабристов, пишем о своих ветеранах, о ветеранах Отечественной войны, то есть по семейным реликвиям ребята пишут работы...» (ПЗж71).

Несколько другая ситуация характерна для малых городов, расположенных на туристических маршрутах. Здесь наращивание музейного потенциала рассматривается как стратегическая цель, способствуя появлению новых музеев, в том числе экономического профиля. Так, например, в Вытегре (Вологодская область), расположенной на пути следования туристических теплоходов, в 1982 г. в здании гидроэлектростанции был открыт музей «Водные пути Севера». Из воспоминаний директора музея:

«В свое время, когда я пришла работать в этот музей, зашла в “Водные пути севера”, посмотрела и подумала: а что здесь смотреть-то можно? Но экспозиция там была

восемьдесят первого года... Мне хотелось показать еще использование этого водного пути [за] весь период истории, потому что раньше у нас начиналось только со строительства Мариинской водной системы, а вот предыстория – она вообще упоминалась» (ВтЖ47).

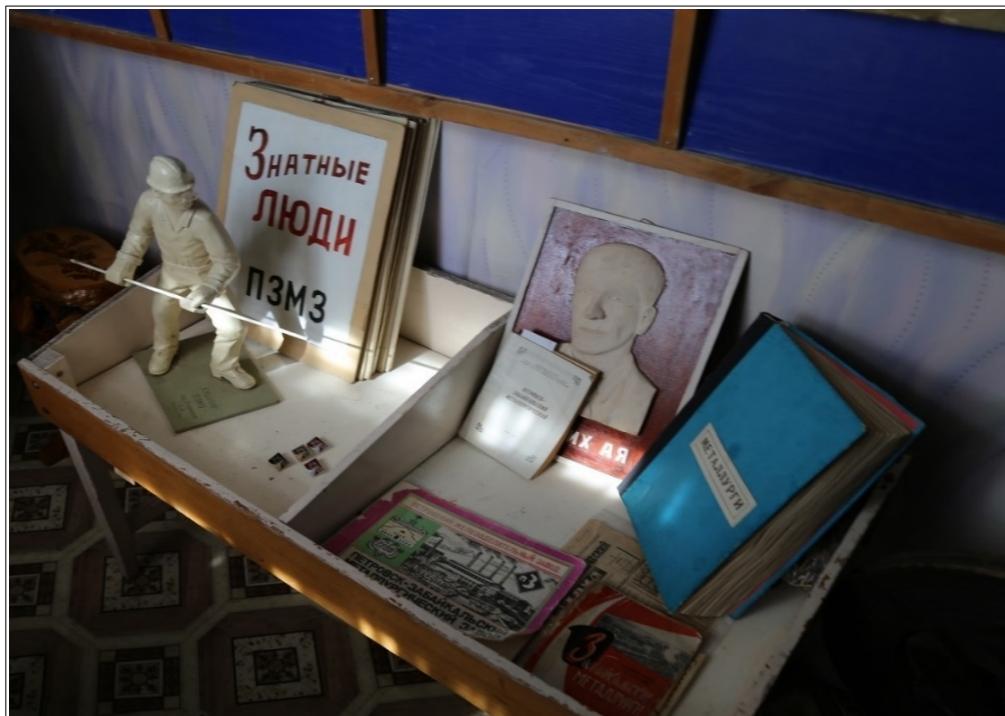

Рис. 8. Музей гимназии № 1 г. Петровска-Забайкальского.
Фото автора из архива проекта. 2023 г.

В современной экспозиции представлены макеты деревянных шлюзов Мариинской водной системы XIX в. и современных бетонных сооружений Волго-Балта, можно увидеть прохождение судов по старому и обновленному путям. Внимание туристов привлекают диорамы «Строительство шлюза в 1799 году», «Бурлаки на Мариинском канале», модели судов и земснарядов, фотографии и подлинные документы, картины художников Б. Шкваркова и В. Ветрогонского, повествующие о строительстве и буднях Волго-Балтийского канала.

Выходы. Представленный обзор отраслевых и корпоративных музеев, обследованных, в том числе, с использованием социологических методов (наблюдение и интервью), позволяет составить достаточно полное представление об их видовом разнообразии, особенностях создания и функционирования.

С учетом объекта музеификации музеи экономического профиля подразделяются на отраслевые и корпоративные. Данная классификация имеет свою историю, использовалась еще в советский период и неидеальна. Ее недостатком является частое пересечение объектов музеификации: корпоративный музей нередко рассматривал историю предприятия в контексте развития «своей» отрасли производства.

Музеи предприятий встречаются наиболее часто. Точно оценить их количество в музейной сети региона или страны затруднительно, так как они далеко не всегда имеют регистрацию и самостоятельный статус. Очевидна их роль как инструмента продвижения на рынок продукции предприятий, а также как эффективного средства формирования корпоративной культуры. В малом городе музеи предприятий включаются в историко-культурный и мемориальный ландшафт, придавая образу города новые черты.

Жизненный цикл корпоративного музея, как правило, непродолжительный и зависит от целого ряда факторов – финансовых, кадровых, материально-технических (в том числе от наличия необходимых помещений), но прежде всего – от состояния и перспектив развития предприятия. Исключение составляют действующие предприятия с «длинной» историей. Так, например, происхождение Музея хрусталя неразрывно связано с историей Дятьковского

хрустального завода (г. Дятьково, Брянская область). Год основания завода (1790) считается и годом основания музея, поскольку сохранились свидетельства о создании при заводе «образцовой» комнаты. В настоящее время музей хранит уникальные предметы декоративного искусства, подарки известным персонам, изделия из хрусталя, цветного и бесцветного стекла, изготовленные различными методами, авторские коллекции произведений художников советского периода³¹. В 1976 г. музей получил статус государственного и в настоящее время располагается в отдельном здании и ежедневно открыт для посещения. Смена статуса является необходимым условием перехода музея из зоны «мерцания» к стабильному развитию.

Несмотря на нестабильность сети корпоративных музеев, можно говорить о ее положительной динамике, что непосредственно связано с осознанием ценности индустриального наследия и необходимости его музеификации на корпоративном, региональном и отраслевом уровнях. Следует подчеркнуть многофункциональность музеев экономического профиля, реализующих, помимо коммеморативных и просветительских задач, воспитательные и маркетинговые функции. Эта особенность влияет на потребность постоянного обновления экспозиций, отражающей современное состояние и перспективы развития предприятия. Схожие процессы и проблемы свойственны также отраслевым музеям с поправками на ведомственные масштабы.

Литература

Алексеева Е.В. Индустриальное наследие большого Екатеринбурга: Проблема дифференциации и дефиниций // Диалоги о защите культурных ценностей: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 мая 2022 г.). Екатеринбург: Уральский государственный архитектурно-художественный университет, 2022. С. 176–179.

Дмитриев А.В., Максяшин А.С. Тагильская роза. История «лакированного дела» на Урале. Екатеринбург: Старт, 2000. 140 с.

Запарий В.В. Индустриальное наследие России: вопросы изучения и сохранения // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Нижний Тагил, 3–4 декабря 2020 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. С. 75–81.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Кузовенкова Ю.А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5–6. С. 6–16.

Курлаев Е.А. Историческая реконструкция первых уральских заводов // Региональные столицы России – точки опоры и роста: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, Пермь, 20–22 сентября 2023 г.). Екатеринбург; Пермь: Альфа, 2023. С. 40–42.

Лахтионова Е.С. Международное движение за сохранение индустриального наследия: история и основные аспекты // Алдамжаровские чтения – 2010 = Алдамжар окулары – 2010: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Костанай: КСТУ им. академика З. Алдамжар, 2010. С. 186–193.

Мазур Л.Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 20–50.

Мастеница Е.Н. Музеефикация промышленного наследия: опыт и перспективы // Музей. 2012. № 5. С. 4–11.

Мастеница Е.Н. Современный музей в ракурсе корпоративной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 117–123.

³¹ Музей дятьковского хрусталя [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80ajfjlб5aijeew0l.xn--p1ai/> (дата обращения: 23.05.2024).

Матвеева Л.Д., Котова Т.П., Лебедев А.И., Хисамутдинова А.Ф. Проблемы музееификации индустриального наследия Южного Урала // Сервис plus. 2018. Т. 12, № 2. С. 24–35.

Пуликова И.В. Отраслевые корпоративные музеи России // Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 217–221.

Сапанжса О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 3–12.

Штиглиц М.С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «Индустриальной археологии». СПб.: Черное и белое, 2003. 280 с.

Hudson K. World Industrial Archaeology. Cambridge University Press, 1979. 499 p.

Light J.D. Industrial Archaeology // Archaeology. Vol. 1. EOLSS, 2002. 522 p.

Zhang S. Conservation and Adaptive Reuse of Industrial Heritage in Shanghai // Front. Archit. Civ. Eng. China. 2007. № 1 (4). P. 481–490.

References

Alekseeva, E.V. (2022). Industrial'noe nasledie bol'shogo Ekaterinburga: Problema differentsiatii i definitsiy [Industrial Heritage of Greater Yekaterinburg: The Problem of Differentiation and Definitions]. In *Dialogi o zashchite kul'turnykh tsennostey: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 19–20 maya 2022 goda)*. Yekaterinburg, pp. 176–179.

Dmitriev, A.V., Maksyashin, A.S. (2000). *Tagil'skaya roza. Istorya "lakirnogo dela" na Urale* [Tagil Rose. History of the “Lacquer Making” in the Urals]. Yekaterinburg, Start. 140 p.

Hudson, K. (1979). *World Industrial Archaeology*. Cambridge University Press. 499 p.

Kaulen, M.E. (2012). *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museumification of the Historical and Cultural Heritage of Russia]. Moscow, Eterna. 432 p.

Kuzovenkova, Yu.A. (2015). Paradigmy muzeefikatsii industrial'nogo naslediya [Paradigms of Museumification of Industrial Heritage]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 5–6, pp. 6–16.

Kurlaev, E.A. (2023). Istoricheskaya rekonstruktsiya pervykh ural'skikh zavodov [Historical Reconstruction of the First Ural Factories]. In *Regional'nye stolitsy Rossii – tochki opory i rosta*. Yekaterinburg, Perm', pp. 40–42.

Lahtionova, E.S. (2010). Mezhdunarodnoe dvizhenie za sokhranenie industrial'nogo naslediya: istoriya i osnovnye aspekty [International Movement for the Preservation of Industrial Heritage: History and Main Aspects]. In *Aldamzharovskie chteniya – 2010 = Aldamzhar okulary – 2010*. Kostanay, pp. 186–193.

Light, J.D. (2002). Industrial Archaeology. In *Archaeology*. Vol. 1, EOLSS. 522 p.

Mazur, L.N. (2022). Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniya istoriko-kul'turnogo landshafta [Small Towns of Russia: Features of the Formation of the Historical and Cultural Landscape]. In *Memorativnye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi*. Yekaterinburg, pp. 20–50.

Mastenitsa, E.N. (2012). Muzeefikatsiya promyshlennogo naslediya: opyt i perspektivy [Museumification of Industrial Heritage: Experience and Prospects]. In *Muzey*. No. 5, pp. 4–11.

Mastenitsa, E.N. (2012). Sovremennyj muzey v rakurse korporativnoy kul'tury [Contemporary Museum from the Perspective of Corporate Culture]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 3, pp. 117–123.

Matveeva, L.D., Kotova, T.P., Lebedev, A.I., Khisamutdinova, A.F. (2018). Problemy muzeefikatsii industrial'nogo naslediya Yuzhnogo Urala [Problems of Museumification of the Industrial Heritage of the Southern Urals]. In *Servis plus*. Vol. 12, No. 2, pp. 24–35.

Pulikova, I.V. (2010). Otraslevye korporativnye muzei Rossii [Industry-Specific Corporate Museums of Russia]. In *Rossiya v sovremenном mire*. No. 3, pp. 217–221.

Sapanzha, O.S. (2012). Klassifikatsiya muzeev i morfologiya muzeynosti: struktura i dinamika [Classification of Museums and Morphology of Museum Identity: Structure and Dynamics]. In *Voprosy muzeologii*. No. 1, pp. 3–12.

- Shtiglits, M.S. (2003). *Promyshlennaya arkhitektura Peterburga v sfere “Industrial’noy arkheologii”* [Industrial Architecture of St. Petersburg in the Field of “Industrial Archeology”]. St. Petersburg, Chernoe i beloe. 280 p.
- (2005). The world’s Leading Sculptor of Space Takes on Tate Modern’s Terrifying Turbine Hall. In *The Guardian*. 07.10.2005. Available at: URL: <http://www.theguardian.com/artanddesign/2005/oct/07/art> (accessed 28.02.2024).
- Zapariy, V.V. (2020). Industrial’noe nasledie Rossii: voprosy izucheniya i sokhraneniya [Industrial Heritage of Russia: Issues of Study and Preservation]. In *Industrial’noe nasledie kak resurs dlya razvitiya. Varianty strategiy*. 300+. Nizhniy Tagil, pp. 75–81.
- Zhang, S. (2007). Conservation and Adaptive Reuse of Industrial Heritage in Shanghai. In *Front. Archit. Civ. Eng. China*. No. 1 (4), pp. 481–490.

В.А. Саблин
С.А. Лебедев
С.В. Тимошина*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-10
УДК 94:636(470.12)"18/19"

ЭПИЗООТИИ И РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*Выходные данные для цитирования:
Саблин В.А., Лебедев С.А., Тимошина С.В. Эпизоотии и развитие животноводства в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 130–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-10.pdf>*

V.A. Sablin
S.A. Lebedev
S.V. Timoshina*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-10

EPIZOOTICS AND THE DEVELOPMENT OF CATTLE BREEDING IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

*How to cite:
Sablin V.A., Lebedev S.A., Timoshina S.V. Epizootics and the Development of Cattle Breeding in the Vologda Province in the Late 19th – Early 20th Centuries // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 130–137.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-10.pdf>]*

Abstract. The most important task of the veterinary service of any country is to create a system of preventive measures to prevent epizootics and combat their spread, which not only harmed the livestock segment of the economy, but also posed a danger to public health. Of great interest is the study of the impact of the spread of livestock diseases and measures to combat them on the development of cattle breeding in the regional dimension, in particular, on the materials of the Vologda province as a region with rich experience in the development of meat and dairy farming. The paper analyzes the most dangerous and widespread epizootics in the Vologda province in the late 19th – early 20th centuries, the factors of their spread, measures taken to combat them, as well as the impact of animal diseases on the development of cattle breeding in the region. The most common and dangerous diseases of livestock during the study period include anthrax, rabies, myth, and parasitic diseases. As a rule, the number of detected cases of the disease during the year did not exceed 1 % of the total number of livestock in the province. Among the main factors of the spread of diseases, transport routes (river and railway), cattle herd distillation, the use of weakened livestock in the farm, the import of sick animals and animal products to the territory of the province, the presence of old cattle burial grounds, improper burial of fallen animals are highlighted. The period of spring and summer was the most dangerous in terms of the spread of diseases. Vaccination, isolation and slaughter of sick animals, sanitary supervision of imported cattle and fairs were measures to combat the spread of livestock diseases. The fight against the

* **Василий Анатольевич Саблин**, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, e-mail: sablin@inbox.ru

Vasily Anatolievich Sablin, Doctor of Historical Sciences,, Vologda State University, Vologda, Russia, e-mail: sablin@inbox.ru

Сергей Александрович Лебедев, аспирант, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, e-mail: lebedeva@vogu35.ru

Sergey Aleksandrovich Lebedev, Postgraduate Student, Vologda State University, Vologda, Russia, e-mail: lebedeva@vogu35.ru

Светлана Валентиновна Тимошина, кандидат ветеринарных наук, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, e-mail: timoshina68@mail.ru

Svetlana Valentinovna Timoshina, Candidate of Veterinary Sciences, Vologda State University, Vologda, Russia, e-mail: timoshina68@mail.ru

** Исследование проведено в рамках проекта № 23-28-00860 «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках», поддержанного Российским научным фондом.

The study was conducted within the framework of project No. 23-28-00860 “Autochthonous Factors of the Creation of the Vologda Dairy Brand in Retrospect of the Development of Animal Husbandry in the European North of Russia in the 20th–21th Centuries”, supported by the Russian Science Foundation.

spread of epizootics was hampered by the concealment of diseased livestock by peasants, the small number of veterinary staff, the presence of stationary sources of diseases, and the inability to diagnose diseased cattle before death.

Keywords: epizootics, diseases of cattle, history of cattle breeding, anthrax, rabies, Vologda province.

The article has been received by the editor on 29.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Важнейшей задачей ветеринарной службы любой страны является создание системы профилактических мер по предотвращению эпизоотий и борьбы с их распространением, не только наносивших вред животноводческому сегменту экономики, но и представлявших опасность здоровью населения. Большой интерес представляет изучение влияния распространения заболеваний скота и мер борьбы с ними на развитие скотоводства в региональном измерении, в частности на материалах Вологодской губернии как края с богатым опытом развития мясомолочного животноводства. В работе проанализированы наиболее опасные и распространенные эпизоотии на территории Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в., факторы их распространения, меры, предпринимаемые для борьбы с ними, а также влияние болезней животных на развитие скотоводства в регионе. К наиболее распространенным и опасным заболеваниям скота в исследуемый период относятся сибирская язва, бешенство, мыт, паразитарные заболевания. К общей численности скота в губернии число выявленных случаев заболевания в течение года не превышало, как правило, 1 %. Среди основных факторов распространения заболеваний выделены транспортные пути (речные и железнодорожные), гуртовая перегонка скота, использование ослабевшего скота в хозяйстве, завоз больных животных и продуктов животного происхождения на территорию губернии, наличие старых скотомогильников, неправильное захоронение павших животных. Период весны и лета являлся самым опасным с точки зрения распространения болезней. Мерами борьбы с распространением болезней скота были прививки, изоляция и убой заболевших животных, санитарный надзор за ввозившимся скотом и ярмарками. Мешали борьбе с распространением эпизоотий сокрытие крестьянами заболевшего скота, малая численность ветеринарного персонала, наличие стационарных источников болезней, невозможность постановки диагноза заболевшему скоту до падежа.

Ключевые слова: эпизоотия, болезни скота, история скотоводства, сибирская язва, бешенство, Вологодская губерния.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024 г.

Историография вопроса охватывает достаточно обширный спектр становления и развития ветеринарного дела в России и опыта борьбы с эпизоотиями. Значительных успехов достигло изучение специальных профилактических мер, в частности вакцинации¹. Однако крайне важные проблемы становления системы общей профилактики заболеваний скота пока еще в должной мере не разработаны, поэтому освещаются лишь фрагментарно

¹ Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Ч. I. Краткое введение в вакцинологию // Российский ветеринарный журнал. 2018. № 1. С. 19–21; Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Ч. II. Оспа и сибирская язва // Российский ветеринарный журнал. 2018. № 6. С. 12–14; Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Ч. III. Бешенство и туберкулез // Российский ветеринарный журнал. 2019. № 2. С. 25–28.

в контексте прикладных исследований. Определенные успехи достигнуты в изучении ветеринарии в отдельных регионах России².

Отметим, что изучение данной проблематики применительно к Вологодскому региону начато сравнительно недавно³. Между тем Вологодская губерния была крупным аграрным регионом, пересеченным «перегонными» трактами, речными и железнодорожными путями. Основным направлением развития экономики на рубеже веков являлось сельское хозяйство, в значительной степени ориентированное на молочное скотоводство. Представляется актуальной задачей выявить наиболее распространенные эпизоотии, определить факторы их распространения, а также изучить влияние болезней животных на функционирование скотоводства региона.

Основные источники, касающиеся проблем развития ветеринарной службы и распространения заболеваний скота на территории Вологодской губернии в XIX – начале XX в., находятся в фондах Вологодского губернского правления и губернской земской управы Государственного архива Вологодской области. Они содержат большое количество ветеринарных отчетов (выполненных как в «свободном» рукописном виде, так и в табличных формах), писем и записок ветеринарных врачей, решений земских органов, отчетов (представлявшихся как в территориальном, так и типологическом и хронологическом «разрезах»).

Данные источников позволяют судить о распространении наиболее массовых и опасных эпизоотий на территории региона. Чаще всего упоминаются сибирская язва (поражавшая крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней), бешенство, ящур, туберкулез, чесотка, лишай, сап, мыт.

Согласно сведениям годового ветеринарного отчета за 1891 г., в Вологодской губернии заболело 610 сельскохозяйственных животных в 57 населенных пунктах, выздоровело 307 голов, пало 303 головы⁴. Из них: лошадей – 75 (выздоровело 43, пало 32); крупного рогатого скота (КРС) – 333 головы (выздоровело 262, пало 71), овец – 202 (выздоровело 2, пало 200). Порядка 7,0 % от общей численности заболеваний пришлось на сибирскую язву (летальность составляла более 93,0 %, встречалась она с конца апреля по конец июля и распространялась в Грязовецком, Вологодском и Тотемском уездах, поражала лошадей, крупный рогатый скот и овец). В последующие годы она отмечалась здесь неоднократно, что говорило о стационарном неблагополучии данной территории.

В 1898 г. сибирская язва была зарегистрирована в Грязовецком и Кадниковском уездах. В Грязовецком уезде в пяти деревнях, где было отмечено заболевание из 205 лошадей, 684 голов КРС и 466 голов мелкого рогатого скота, заболело 3 лошади, 17 голов КРС и 1 голова мелкого рогатого скота⁵. В Кадниковском уезде из 135 лошадей и 169 голов КРС сибирской язвой заболело 12 лошадей и 21 голова КРС (5 и 19 голов пали). В этом же уезде наблюдался мыт лошадей (заболело 18 голов)⁶. Отдельно выделялись «рассадники болезней», т.е. их известные стационарные очаги. В деревне Семигородней Грязовецкого уезда упоминается заболеваемость 17 голов КРС туберкулезом, из-за чего животные были забиты⁷.

В 1899 г. сибирская язва была отмечена в Вологодском, Кадниковском, Грязовецком, Тотемском, Великоустюжском и Вельском уездах (болезнь затронула лошадей, КРС,

² Кривонос Р.А., Сергеева А.А., Калошкина И.М. История ветеринарной службы Кубани // Ветеринария Кубани. 2019. № 6. С. 4–9; Скворцов В.Н. Становление и развитие земской ветеринарии на Белгородчине. Белгород, 2015.

³ Кукушкин В.Л. Развитие земской ветеринарии в Вологодской губернии в 1870–1890-х гг. // Окружающая среда и здоровье: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2011. С. 67–71; Овчинникова Н.А., Саблин В.А., Тимошина С.В. Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. (по документам Государственного архива Вологодской области) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сер.: История и филология. 2023. № 3. С. 104–111.

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 661. Л. 23.

⁵ Там же. Д. 1336. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 7 об.

⁷ Там же. Л. 6 об.

свиней)⁸, что подтверждает стационарность очагов и наличие возбудителей в селениях. Ситуация с заболеваемостью продолжает оставаться неблагополучной и далее. В 1903 г. сибирская язва отмечена в городе Вологде, в Вологодском, Кадниковском, Грязовецком, Тотемском, Великоустюжском уездах. Заболело всего 968 животных, из них пало 597⁹ (летальность – 61,6 %).

Распространенными заболеваниями в конце XIX в. были чесотка (в Вельском, Никольском и Кадниковском уездах суммарно заболело 85 голов скота в 1891 г.) и «паршевидная экзема» (распространилась в Кадниковском уезде в период с июня по сентябрь 1891 г., где заболело 278 голов КРС, из которых пало 26). Значительная заболеваемость и смертность в данном случае объяснялись слабостью и молодым возрастом заболевших телят. Большой проблемой стала «печеночно-глистная инвазия» овец, которая фиксировалась в трех селениях Никольского уезда и закончилась падежом всех 184 заболевших голов¹⁰.

За 1903 г. во всей губернии в целом заболело 1 109 животных разных видов. Одной из наиболее опасных и распространенных болезней было бешенство (от которого пало или из-за которого было убито в общей сложности 98 животных) «печеночно-глистная инвазия» овец (256 заболело, 143 пали), мыт лошадей (забито 793 головы), чесотка (забито 157 лошадей) и лишай (заболело 516 голов КРС, пало 9)¹¹. Наибольшее распространение эти болезни получили в Вологодском, Кадниковом, Тотемском, Грязовецком, Сольвычегодском уездах.

Заболеваемость скота не была стабильной: за 1905 г. заболело 2 177 животных разных видов, из них более 69,0 % пришлось на лошадей (1 508 голов). «Ведомость о повальных болезнях скота в Вологодской губернии за 1905 год» отразила весьма высокую заболеваемость животных сибирской язвой. Из 451 заболевшего животного 10 приходилось на Грязовецкий уезд, 350 голов – на Вологодский, 16 – на Кадниковский, 38 – на Никольский и 37 – на Сольвычегодский уезды¹². Также встречались мыт, «инфлюэнца», чесотка, катаральная горячка, глистные инвазии, туберкулез, актиномикоз, дизентерия.

Количественные показатели заболевших и павших животных не могут точно отразить ситуацию в уездах без учета общего поголовья скота. В описываемый период в ветеринарной отчетности еще не было принято отражать коэффициенты заболеваемости в процентном расчете на поголовье. Поэтому был проведен дополнительный анализ заболеваемости в процентном отношении, данные которого подтвердили основные выводы.

Заболеваемость в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском, Сольвычегодском уездах была высока как среди лошадей (0,51, 0,71, 0,82 и 0,88 % соответственно), так и среди поголовья КРС (0,03, 0,12, 0,40, 0,10 %) с высокой достоверной корреляционной связью между ними ($r > 0,999$). Заболеваемость лошадей в расчете на поголовье в Тотемском, Усть-Сысольском и Яренском уездах составила 0,01, 0,04 и 0,04 %, заболеваемость КРС – 0,0, 0,04 и 0,0 % соответственно, также с высокой корреляционной связью ($r > 0,999$). Вероятно, мониторинг данных по заболеваемости и их анализ и были предпосылкой для усиления ветеринарно-санитарного контроля в губернии.

В 1910 г. отдельной проблемой отмечалось распространение абортов у крупного рогатого скота, что объясняли плохим кормлением коров¹³. С точки зрения современных ветеринарных знаний можно предположить высокую вероятность распространения бруцеллеза КРС, но в силу малоизученности и невозможности постановки диагноза в начале XX в. он не мог быть обнаружен.

В 1910 г. при общем поголовье скота в губернии в 282 296 лошадей, 642 477 голов КРС, 437 333 овец и 61 044 свиней заболеваемость характеризовалась как невысокая: мыт на 1 357 головах, чесотка у 363, бешенство у 152 животных, сибирская язва у 73 голов, рожа свиней у 62 голов. Сравнительно низкую заболеваемость объясняли тем, что из губернии

⁸ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1336. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 1647. Л. 20.

¹⁰ Там же. Д. 661. Л. 24 об.

¹¹ Там же. Д. 1647. Л. 20 об., 21, 21 об., 26.

¹² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5493. Л. 162, 178.

¹³ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2619. Л. 280.

скот в большей степени вывозился, нежели ввозился, что снижало риск заноса возбудителей из других губерний. Из повальных болезней животных в течение 1910 г. в губернии наблюдались сибирская язва, бешенство, рожа свиней, ящур, «инфлюэнца», мыт, чесотка, стригущий лишай, которыми переболели 2 636 животных¹⁴. Все болезни имели стационарные очаги, кроме ящура, завезенного из Санкт-Петербурга.

Начиная с 1911 г. в губернии предпринимаются попытки обобщения данных о распространении эпизоотий за предшествующие несколько лет (1909–1911 гг.). Так, в Вологодском уезде общее поголовье сельскохозяйственных животных в 1909 г. составило 92 948 лошадей и 113 276 голов КРС, среди наиболее опасных и значимых (и общих для человека и животных) заболеваний выделялись сибирская язва и бешенство¹⁵, которыми в 1910 г. заболело по 14 животных того и другого вида, в 1911 г. 61 и 8 животных соответственно. Из распространенных заболеваний в отчете отражены пироплазмоз у 15 голов, «инфлюэнца» у 7, ящур у 17, злокачественная катаральная горячка у 6, столбняк у 6 голов и т.д.¹⁶

В аналогичном трехлетнем отчете за 1909–1911 гг. по Грязовецкому уезду¹⁷ сначала суммируются повальные болезни (мыт, бешенство, повальные выкидыши, чума и др.) в количестве 268 за 1909 г., 321 за 1910 г., 61 за 1911 г., затем в общем количестве паразитарные (чесотка, лишай, парша, глистные и др. – 865, 741 и 642 головы по годам).

Трехлетний отчет за 1909–1911 гг. по Кадниковскому уезду показывает сохранявшуюся неблагополучную ситуацию¹⁸ – мытом болели за три года 676 животных. Бешенство отмечалось в 38 случаях, сибирская язва диагностировалась у 99 и 172 животных в 1909 и 1911 гг. соответственно (данные о ней в 1910 г. отсутствуют). Были распространены «печеночно-глистная инвазия», чесотка лошадей, чесотка крупного рогатого скота, злокачественная катаральная горячка, стригущий лишай.

В Тотемском уезде по данным за 1909, 1910 и 1911 гг.¹⁹ бешенство отмечалось у 63, 14 и 8 животных, сибирская язва – 29, 8 и 14, мыт – 250, 180 и 44, чесотка – 6, 10 и 11 животных.

В Вельском уезде в 1909, 1910 и 1911 гг. бешенство диагностировали у 32, 49 и 1 животного, сибирскую язву отметили только в 1911 г. (13 голов). Широкое распространение получил мыт (290, 313 и 89 голов), злокачественная катаральная горячка крупного рогатого скота (20, 22 и 14 голов). Были отмечены чесотка, стригущий лишай, парша, глистные инвазии. Впервые отражены данные о чуме и холере домашней птицы (по 5 заболевших голов)²⁰.

В Никольском уезде заболеваемость животных в течение 1909, 1910 и 1911 гг. заметно увеличилась к концу периода: заболело бешенством соответственно в динамике 9, 14 и 82 животных, сибирской язвой – 2, 0 и 63 животных, ящуром (отмечен только в 1911 г.) – 52 головы скота, стригущим лишаем – 44, 4 и 589 голов. Увеличение опасных заболеваний за 1909, 1910 и 1911 гг. отмечалось и в Усть-Сысольском уезде – 176, 39 и 472 головы скота²¹.

Стремление к более аналитическому виду отчетов по ветеринарному делу и эпизоотическому состоянию выразилось в попытке предоставления отчетов за пятилетний период с одновременным уточнением данных по заболеваемости животных. Так, заболеваемость сибирской язвой и бешенством за период 1912–1916 гг., согласно докладам о состоянии ветеринарного дела Вологодского, Грязовецкого и Яренского земств, выглядела следующим образом (таблица).

¹⁴ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2619. Л. 282.

¹⁵ Там же. Д. 2845. Л. 176.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 180–184

¹⁸ Там же. Л. 186–191 об.

¹⁹ Там же. Л. 193–196.

²⁰ Там же. Л. 199.

²¹ Там же. Л. 204, 220.

Таблица

Заболеваемость животных сибирской язвой и бешенством
в Вологодской губернии в 1912–1916 гг.

Уезд	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	Всего
Заболело сибирской язвой, голов						
Вологодский	33	32	51	4	0	120
Яренский			16			16
Грязовецкий	0	2	4	19	0	25
Заболело бешенством, голов						
Вологодский	5	5	6	9	2	27
Яренский			106			106
Грязовецкий	0	7	4	9	1	21

Источник: ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3488.

Как видно из представленных данных, заболеваемость скота оставалась динамичной, однако в отдельные годы бешенство или сибирская язва могли не встречаться вовсе.

Анализ основных факторов возникновения и характера распространения болезней позволяет говорить о сезонном характере заболеваний. Содержание скота зимой в стойлах снижало до минимума риск передачи бешенства от диких и зараженных животных, а также сводило на нет риск инфицирования сибирской язвой при кормлении и выпасе. Резкий рост заболеваемости скота отмечался в весенне-летний период²².

К распространению эпизоотий могла приводить хозяйственная деятельность человека, а именно – гуртовый перегон скота, завоз заболевшего скота на территорию губернии по железной дороге, использование тягловых лошадей на речных путях и при строительстве железных дорог, отмечались случаи снятия шкур с павшего скота, завоз в губернию зараженных кож с ярмарок²³.

Факторами, вызывавшими распространение сибирской язвы, также служили наличие старых скотомогильников, существовавших без должного надзора, ненадлежащее захоронение павших животных (например, вблизи дорог, лугов и выгонов, в оврагах), сокрытие крестьянами заболевших животных (во избежание забоя всего скота), поение скота из зараженных колодцев и др.²⁴

В качестве профилактических мер по распространению болезней проводились осмотры и наблюдения за животными, продаваемыми на ярмарках, как, например, в 1901 г. на Красноборской ярмарке в Сольвычегодском уезде²⁵. Мерами борьбы с распространением заболеваний были обязательная уборка и закапывание трупов (в том числе бесхозных), наличие в нужном объеме дезинфицирующих средств, материальная компенсация крестьянину за вынужденный забой скота (без чего у населения может появиться желание скрыть болезнь). Стارались не допускать продажу кормов и продуктов животного происхождения из зараженных местностей, организовать отдельное от здорового скота содержание заподозренного в заболевании или больного скота²⁶.

²² ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2014. Л. 1–2; Д. 1647. Л. 227, 230; Ф. 14. Оп. 1. Д. 5671. Л. 31.

²³ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1647. Л. 3–5, 28; Д. 2619. Л. 292.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 231. Л. 17; Ф. 50. Оп. 1. Д. 374. Л. 55.

²⁵ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1416. Л. 30 об.

²⁶ Там же. Л. 43–44.

В 1910 г. в 89 пунктах губернии у 152 животных было диагностировано бешенство. Пострадали от укусов бродячих собак 59 человек²⁷. В Никольском уезде одной из примитивных форм борьбы с распространением бешенства в 1910 г. стал отлов и уничтожение бродячих собак как разносчиков болезни²⁸. Однако население оказалось не подготовлено к эпизоотии и мало знало о симптоматике заболевания. Обязательные инструкции на этот счет не были выработаны²⁹. Неслучайно ветеринарный врач Ф. Богословский, характеризуя ситуацию в Вельском уезде (где была отмечена вспышка бешенства), отмечал: «Никаких мероприятий по распространению ветеринарных знаний не существует, если не считать даваемого врачом устно и письменно разъяснения вопросов по ветеринарии и животноводству», «существуют в уезде сельскохозяйственные общества, но никакой деятельности на пользу ветеринарии и соприкасающейся оной не проявляют»³⁰.

Другой не менее важной проблемой в борьбе с эпизоотиями являлся недостаток ветеринарных работников и зачастую низкий уровень их подготовки. Нередко неверно поставленный диагноз приводил к серьезным последствиям. Так, по данным от 16 июля 1914 г., ошибка в определении причин падежа животных, допущенная ветеринарным фельдшером в Вельском уезде, привела к тому, что крестьянам с павших от сибирской язвы животных перед их захоронением разрешили снять шкуры. В результате споры сибирской язвы были разнесены на большое расстояние и эпизоотия получила дальнейшее развитие.

Из данного эпизода были извлечены определенные уроки. В частности, в качестве мер предупреждения подобных ситуаций настоятельно рекомендовалось немедленное оповещение властей, полиции, ветеринарной службы и срочный выезд ветеринарного врача для установления точного диагноза³¹. При этом в обязательном порядке следовало составить акт с подробным описанием клинического проявления болезни, общей заболеваемости, падежа, течения болезни и т.д.

Помимо выявления источников распространения эпизоотий, велась также работа и по локализации самих эпидемий. На рубеже XIX–XX вв. одной из важных мер противодействия распространению эпизоотий станет вакцинация скота³².

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. эпизоотии оказывали существенное влияние на развитие сельского хозяйства Вологодской губернии. Сибирская язва, бешенство и ряд других заболеваний представляли опасность как непосредственно для скота, так и для человека. В условиях недостатка ветеринарных врачей и фельдшеров, слабого распространения ветеринарных знаний борьба с эпизоотиями была непростой задачей.

Наличие скрытых и неправильно выполненных захоронений павших животных, использование продуктов животноводства, полученных от больного скота, отсутствие контроля за бродячими животными, применение ослабленных лошадей в качестве тяглового скота при строительстве железных дорог и на речных путях приводили к распространению опасных заболеваний как «изнутри» губернии, так и способствовали их «завозу» на территорию региона.

Наименьшее распространение эпизоотии получили в «окраинных» уездах, не имевших разветвленной дорожной сети, которая могла бы использоваться для гуртовой перегонки скота, железных дорог и речных путей. «Центральные» уезды Вологодской губернии, где численность стада была наибольшей, куда привозили скот с ярмарок, где вследствие развития транспортных путей было наибольшее поголовье рабочего скота, наоборот, оказывались наиболее неблагополучными с точки зрения распространения эпизоотий.

²⁷ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2619. Л. 295.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 282 об.

³⁰ Там же. Л. 21.

³¹ Там же. Д. 2991. Л. 131.

³² Там же. Д. 1336. Л. 9 об.

Литература

Кривонос Р.А., Сергеева А.А., Калошкина И.М. История ветеринарной службы Кубани // Ветеринария Кубани. 2019. № 6. С. 4–9.

Кукушкин В.Л. Развитие земской ветеринарии в Вологодской губернии в 1870–1890-х гг. // Окружающая среда и здоровье: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2011. С. 67–71.

Овчинникова Н.А., Саблин В.А., Тимошина С.В. Организация ветеринарного дела в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. (по документам Государственного архива Вологодской области) // Известия Кomi научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сер.: История и филология. 2023. № 3 (61). С. 104–111.

Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Часть I. Краткое введение в вакцинологию // Российский ветеринарный журнал. 2018. № 1. С. 19–21.

Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Часть II. Оспа и сибирская язва // Российский ветеринарный журнал. 2018. № 6. С. 12–14.

Сидорчук А.А. История создания вакцин и вакцинации. Часть III. Бешенство и туберкулез // Российский ветеринарный журнал. 2019. № 2. С. 25–28.

Скворцов В.Н. Становление и развитие земской ветеринарии на Белгородчине. Белгород: Политеппа, 2015. 197 с.

References

Krivenos, R.A., Sergeeva, A.A., Kaloshkina, I.M. (2019). Istoriya veterinarnoy sluzhby Kubani [The History of the Kuban Veterinary Service]. In *Veterinariya Kubani*. No. 6, pp. 4–9.

Kukushkin, V.L. (2011). Razvitie zemskoy veterinarii v Vologodskoy gubernii v 1870–1890-kh gg. [The Development of Zemstvo Veterinary Medicine in Vologda Province in the 1870s–1890s]. In *Okruzhayushchaya sreda i zdorov'e: sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Penza, pp. 67–71.

Ovchinnikova, N.A., Sablin, V.A., Timoshina, S.V. (2023). Organizatsiya veterinarnogo dela v Vologodskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Vologodskoy oblasti) [Organization of Veterinary Service in the Vologda Province in the Late 19th – Early 20th Centuries (According to the Documents of the State Archive of the Vologda Region)]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya: Istorija i filologija*. No. 3, pp. 104–111.

Sidorchuk, A.A. (2018). Istoriya sozdaniya vaktsin i vaktsinatsii. Chast' I. Kratkoe vvedenie v vaktsinologiyu [The History of Vaccine Creation and Vaccination. Part I. A Brief Introduction to Vaccinology]. In *Rossiyskiy veterinarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 19–21.

Sidorchuk, A.A. (2018). Istoriya sozdaniya vaktsin i vaktsinatsii. Chast' II. Ospa i sibirskaya yazva [The History of Vaccine Creation and Vaccination. Part II. Smallpox and Anthrax]. In *Rossiyskiy veterinarnyy zhurnal*. No. 6, pp. 12–14.

Sidorchuk, A.A. (2019). Istoriya sozdaniya vaktsin i vaktsinatsii. Chast' III. Beshenstvo i tuberkulez [The History of Vaccine Creation and Vaccination. Part III. Rabies and Tuberculosis]. In *Rossiyskiy veterinarnyy zhurnal*. No. 2, pp. 25–28.

Skvortsov, V.N. (2015). *Stanovlenie i razvitiye zemskoy veterinarii na Belgorodchine* [Formation and Development of Zemstvo Veterinary Medicine in Belgorod Region]. Belgorod, Politerra. 197 p.

В.В. Кондрашин*

МАХНОВЩИНА**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-11

УДК 94(477)"1918/1921"

Выходные данные для цитирования:

Кондрашин В.В. Махновщина // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 138–150. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-11.pdf>

V.V. Kondrashin*

МАХНОВШЧИНА**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-11

How to cite:

Kondrashin V.V. Makhnovshchina// Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 138–150.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-11.pdf>]

Abstract. This article attempts to systematize the knowledge available in historiography on the history of the peasant movement in Ukraine during the Civil War, known as the Makhnovshchina. The emphasis is placed on the most important aspects of the problem, which allow us to better understand the phenomenon of Makhnovshchina in the context of the all-Russian peasant insurgency in the period under review. In particular, the article examines the controversial issue in historiography about the degree of influence of anarchists on the Makhnovshchina. Based on an analysis of numerous and reliable sources, it is concluded that this influence was undoubtedly, first of all, due to the commitment to the ideas of anarchism by Makhno himself and the participation in the Makhnovshchina of a significant number of anarchists. But the movement itself, from the moment of its inception until the very end, remained peasant, arising on its own soil, as a negative reaction of the peasantry to the anti-peasant policy of the Bolsheviks in Ukraine: surplus appropriation, abuse of the Cheka, establishment of state farms, etc. Makhnovshchina was not a counter-revolutionary and “gangster movement”, as Bolshevik propaganda claimed. The Makhnovists advocated “free councils”, people’s self-government, and against the forcible imposition from above in Ukraine of emergency organs of Soviet power: the Cheka, revolutionary committees, etc. The main difference between the Makhnovshchina and other peasant insurgent movements in Russia during the Civil War was the creation of a combat-ready, regular peasant army on wheels (carts). In alliance with the Red Army, she heroically fought against the Whites, as well as the Petliurists. All Bolshevik accusations against Makhno and his units of betrayal and treason are not confirmed by the sources studied by the authors of the article. The conflict between the Makhnovists and the Soviet government was determined by Makhno’s reluctance to implement the policy of “war communism” in the territory of Ukraine controlled by his army, as well as to submit to the emergency authorities created there without the participation of the local population.

Keywords: Civil war, peasant insurgency, Makhnovshchina, anarchists, N.I. Makhno, Ukraine, Novorossiya.

The article has been received by the editor on 25.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Виктор Викторович Кондрашин**, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vikont37@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории Российской академии наук по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

The article was prepared as part of the project of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences for writing a multivolume academic work “History of Russia”. Published for testing purposes.

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка систематизации имеющихся в историографии знаний по истории крестьянского движения на Украине в годы Гражданской войны, известного как махновщина. Делается акцент на наиболее важные аспекты проблемы, позволяющие лучше понять феномен махновщины в контексте общероссийского крестьянского повстанческого движения в рассматриваемый период. В частности, в статье рассматривается дискуссионный в историографии вопрос о степени влияния на махновщину анархистов. На основе анализа многочисленных и достоверных источников делается вывод о том, что это влияние, несомненно, было прежде всего из-за приверженности к идеям анархизма самого Махно и участия в махновщине значительного числа анархистов. Но само движение с момента его зарождения и до самого конца оставалось при этом крестьянским, возникшим на собственной почве как негативная реакция крестьянства на антикрестьянскую политику большевиков на Украине: продразверстку, злоупотребления ЧК, насаждение совхозов и т.д. Махновщина не была контрреволюционным и «бандитским движением», как утверждала пропаганда большевиков. Махновцы выступали за «вольные советы», народное самоуправление, против насильственного насаждения сверху на Украине чрезвычайных органов советской власти: ЧК, ревкомов и т.п. Главное отличие махновщины от других крестьянских повстанческих движений в России в годы Гражданской войны – создание боеспособной, по типу регулярной, крестьянской армии. В союзе с Красной армией она героически сражалась против белых, а также петлюровцев. Все обвинения большевиков в адрес Махно и его частей в предательстве и измене не подтверждаются источниками. Конфликт между махновцами и советской властью обусловливался нежеланием Махно проводить на подконтрольной его армии территории Украины политику «военного коммунизма», а также подчиняться создаваемым там без участия местного населения чрезвычайным органам власти. Махновщина была частью обще-крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское повстанческое движение, махновщина, анархисты, Н.И. Махно, Украина, Новороссия.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024 г.

В 1918–1921 гг. территория юга Украины оказалась охвачена массовым крестьянским повстанческим движением – махновщиной, названной современниками и историками по имени ее руководителя Нестора Ивановича Махно. О Махно и махновском движении существует обширная историография. Из последних работ на эту тему следует выделить раздел коллективной монографии «История Новороссии», посвященный повстанческому движению на юге Украины в годы Гражданской войны, в том числе махновщине¹. Исследователи единодушны во мнении, что махновщина – это особый феномен Гражданской войны, одна из самых интересных и дискуссионных ее страниц. В историографии признается вклад Махно в срыв летнего наступления Деникина на Москву, а также в разгром Брангеля в Крыму. В то же время остается спорным вопрос о степени влияния на махновщину анархистов: можно ли считать ее чисто анархистским движением или это крестьянское движение, в котором анархисты приняли активное участие в силу приверженности Махно и руководства Повстанческой армии идеям анархизма².

В настоящей статье дается ответ на этот вопрос и предпринимается попытка систематизации имеющихся в историографии знаний на указанную тему с акцентом на ее наиболее важные аспекты, позволяющие лучше понять феномен махновщины в контексте общероссийского крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны.

¹ История Новороссии. М., 2017. С. 488–510.

² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 5–7.

Центром махновского движения были Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии, являвшиеся цитаделью крупного помещичьего и частного землевладения. Его распространение было обусловлено тем, что здесь, в южных степных районах, оказалось сосредоточено товарное зерновое производство. Это была житница Украины и Российской империи. В силу этого на данной территории помещичьему хозяйству принадлежал больший процент земли, нежели в других районах Украины. Если в целом по всей Украине у помещиков находилось 20 % всех земель сельскохозяйственного назначения и еще 15 % – у государства (удельные земли), церкви и городских поселений, то в Екатеринославской губернии частновладельческие земли составляли 50,4 % всей площади земли, в Таврической губернии – 52,5 %, в Херсонской губернии – 51,5 %. Накануне 1917 г. средняя площадь крестьянских земельных наделов в данном регионе Украины составляла 6 десятин, к которым присоединялось еще полдесятины, взятой в аренду. При этом зажиточные дворы владели от 6 до 12 десятин и составляли к общей массе крестьянских хозяйств 12,2 %. Середняцкие хозяйства владели от 3 до 6 десятин и составляли 30 %. Остальные 57 % дворов имели во владении всего лишь 3 или 4 десятины. Кроме того, сотни тысяч крестьянских семей вообще не имели земли и были преимущественно беспосевными. Засилье крупного помещичьего землевладения тормозило развитие крестьянских хозяйств и создавало почву для активного крестьянского протеста. Следует отметить, что накануне революционных потрясений 1917 г. в селениях юга Украины количество бедняцких элементов было большим по сравнению с лесостепными районами. Это наложило особый отпечаток на крестьянское повстанчество в регионе в годы Гражданской войны. С одной стороны, как и в других районах Украины и России, здесь крестьянская беднота, особенно молодые семьи, наиболее нуждающиеся в земле, стали активной силой аграрно-крестьянской революции 1917 г., направленной против помещиков и частных землевладельцев. А с другой стороны, происходивший накануне 1917 г. отток крестьянской бедноты на предприятия угольной и металлургической промышленности Донбасса сформировал особые отношения будущих очагов крестьянского повстанчества с его рабочим населением³.

К началу XX в. указанная территория являлась наиболее промышленно развитым регионом Украины. Например, в Екатеринославской губернии было сконцентрировано большинство предприятий угольной и металлургической промышленности империи⁴. Костяк ее рабочего класса составляли выходцы из селений данной и соседних губерний. Подавляющее большинство из них не потеряло связи с деревней. Поэтому махновцы выступали защитником интересов не только крестьян, но и рабочих. При этом многие рабочие приняли в махновском движении активное участие, занимая нередко руководящие должности в повстанческих отрядах. Например, в штабе махновской армии рабочий В.Ф. Белащ занимал должность начальника штаба, рабочий-металлист А.В. Чубенко – адъютанта Махно, металлист П.А. Аршинов – руководителя Военно-революционного совета. Сам Батько Махно был бывшим рабочим-столяром. Особая связь крестьянского повстанчества с промышленным населением Донбасса, влияние на него и крестьян в целом рабочих-отходников, значительный процент бедняцкого и безземельного слоя крестьян в деревнях юга Украины обусловили восприятие его руководством идей большевизма и анархизма⁵.

Этому способствовал и национальный состав населения региона. Исторически он заселялся разными народами. Поэтому, по сравнению с другими регионами Украины, на юге Украины был велик процент неукраинского населения, особенно в городах Донбасса, где процент русских иногда превышал 50 %. В Тавриде и Херсоне украинцы насчитывали около 50 %. Среди неукраинцев в районе махновщины больше половины (59 %) составляли представители двух народов – русских и евреев. Если в других областях Украины еврей олицетворял собой ненавистного крестьянину разорителя-перекупщика, то в ее степных губерниях

³ История Новороссии... С. 488–489.

⁴ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевиках, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997. С. 27.

⁵ История Новороссии... С. 489.

евреи, как и украинцы, в поте лица своего работали на земле, и отношение к ним было вполне свойским⁶. Поэтому характерной чертой махновского движения в годы Гражданской войны станет неприятие идей украинского национализма, слабый элемент антисемитизма и борьба с его проявлениями на уровне командования повстанческой армии Махно, а также участие в повстанчестве представителей всех народов, проживающих на данной территории.

В 1917 г. свержение самодержавия стало сигналом для начала на юге Украины массового крестьянского движения, направленного против помещичьего и частного землевладения. Органами крестьянского движения стали крестьянские комитеты, созданные в массовом порядке по инициативе сельских обществ и при участии представителей левых партий (эсеров, социал-демократов, анархистов). Именно в это время заявляет о себе как о лидере крестьянского движения Н.И. Махно. После освобождения из царской тюрьмы, где он отбывал наказание за участие в революционном движении в качестве активиста и боевика партии анархистов, он возвращается в родное село Гуляй-Поле и возглавляет волостной крестьянский комитет⁷. Само махновское движение началось год спустя, в 1918 г., в условиях оккупации Украины австро-немецкими войсками как реакция крестьян на политику оккупантов, грабивших украинскую деревню, а также режим гетмана Скоропадского, попытавшегося пересмотреть итоги крестьянской революции 1917 г. Именно в это время на волне массового крестьянского движения в Гуляй-Польском районе Александровского уезда Екатеринославской губернии начинает действовать партизанский отряд под командованием Н.И. Махно, анархиста, одного из организаторов советской власти в Гуляй-Поле в 1917 г. За бой в Дибровском лесу близ с. Большая Михайловка, в котором Махно проявил себя как талантливый командир и спас отряд от разгрома австрийцев, он получает от своих боевых товарищей почетное звание «Батько»⁸.

К приходу большевиков на Украину Махно командует многотысячной крестьянской армией и является авторитетным вождем повстанцев. В декабре 1918 г. он заключает с большевиками военно-политический союз против петлюровцев и участвует в боях за Екатеринослав. В начале 1919 г. повстанческие отряды Махно вливаются в Красную армию в качестве независимой бригады II Украинской армии⁹.

На подконтрольной повстанцам территории Александровского уезда Екатеринославской губернии, прежде всего в Гуляй-Польском районе, Махно попытался реализовать программу крестьянской социальной революции. Ее суть состояла в создании общества, основанного на идее народного самоуправления. Советы признавались наиболее приемлемой его формой. Но это была советская власть, отличная от той, что действовала в большевистской России и насаждалась коммунистами на Украине. Главное ее отличие состояло в принципах формирования и деятельности советов.

Это были «вольные советы» («безвластные»), избираемые всем трудовым населением, а не назначаемые сверху. «Только сами крестьяне и рабочие могут освободить себя и построить себе свободную справедливую жизнь», – заявлял Махно¹⁰. Поэтому лозунгом махновского движения стал лозунг борьбы за «подлинный советский строй», «вольные трудовые советы», свободно избираемые крестьянами и рабочими без диктата какой бы то ни было партии. Для достижения этой цели махновцы считали необходимым созвы Всеукраинского съезда Советов, который должен был решить все проблемы трудового народа. Это требование неоднократно выдвигал Махно Советскому правительству Украины¹¹.

В земельном вопросе махновцы последовательно проводили лозунг крестьянской революции об уравнительном перераспределении земли и свободном на ней хозяйствовании.

⁶ Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. Ленинград, б/д. С. 7, 17, 26, 28.

⁷ Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине (1917-й – начало 1920-х годов). Вып. 1. Запорожье, 2010. С. 87–88.

⁸ Аришинов П.А. История махновского движения (1918–1921 гг.). М., 1995. С. 58–59.

⁹ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине... С. 96.

¹⁰ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 229–230.

¹¹ Там же. С. 70, 72, 229–230.

Его реализация была закреплена в резолюции II районного съезда повстанцев и крестьян Александровского уезда Екатеринославской губернии, состоявшегося в г. Александровске в феврале 1919 г.¹² На контролируемой махновцами территории созывались съезды советов, волостные и сельские сходы, издавалась газета «Путь к свободе»¹³. В докладной записке командующего армиями Украинского фронта В.А. Антонова-Овсеенко председателю СНК УССР Х.Г. Раковскому и наркомвоену Н.И. Подвойскому от 2 мая 1919 г. указывалось: «организационная работа в районе заметна, налаживаются детские коммуны, школы, Гуляй-Поле – один из самых культурных центров Малороссии»¹⁴.

Несомненно влияние на махновское движение анархистов и их идей. Например, идея анархизма о народном самоуправлении получила широкую поддержку повстанцев, поскольку она совпадала с крестьянским представлением о «народной власти». Анархисты руководили культурно-просветительной комиссией Революционной Повстанческой армии, издавали махновские газеты, были членами Военно-революционного совета (В.М. Волин), штаба махновской армии (В.Ф. Белаш), командовали ее отрядами (Т.Я. Вдовчинко, П.В. Веретельников, П. Гавриленко, Л.Н. Задов (Зиньковский), А. Калашников, С.Н. Каретников, Е.А. Карпенко, В.В. Куриленко, И.Е. Лютый, А.С. Марченко, Е. Тарановский, Г. Траян, Л. Христовой, А.В. Чубенко, Ф. Щусь). Они самоотверженно сражались в рядах Повстанческой армии, многие погибли в бою или стали жертвами большевистских репрессий¹⁵.

Но махновщина не была чисто анархистским движением. Она возникла на собственной почве и развивалась как самостоятельное крестьянское движение, хорошо осознавшее свои цели, вобравшее в себя те элементы анархизма, которые способствовали их достижению. Об этом свидетельствовали и сами анархисты, участвовавшие в махновском движении или связанные с ним. Например, П.А. Аршинов (Марин) в своей «Истории махновского движения» отметил: «Махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархистских организаций»¹⁶. В резолюции экстренного совещания активных работников анархистской конфедерации «Набат» (март 1920 г.) было заявлено, что махновская армия – это «не анархистская армия» и «нельзя смешивать махновское движение с анархистским движением, нельзя подменять одно другим»¹⁷. Сам Махно нередко без колебаний шел на конфликт с анархистами. Например, он чуть не застрелил известную анархистку Марусю Никифорову за ее попытку самовольно распорядиться денежными средствами повстанцев. В другом случае он встал на сторону контрразведки Повстанческой армии в ее конфликте с Военно-революционным Советом, возглавляемым анархистами¹⁸.

«Крестьянский анархизм» махновцев, как и самого махновского движения, – это результат прежде всего субъективного фактора, личности Н.И. Махно – убежденного анархо-коммуниста, собравшего под свои знамена анархистов из разных уголков Украины и России.

Приверженность Махно и его ближайшего окружения идеям анархизма повлияла на характер крестьянского движения, которое они возглавили. В Повстанческой армии наряду с украинцами, составлявшими большинство, воевали русские, евреи, приазовские греки-колонисты и другие народности¹⁹. И это неслучайно. Махно, как анархист-антигосударственнику, были чужды националистические идеи петлюровцев о самостийной

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 581. Л. 39–40.

¹³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 92–93, 247–250, 862.

¹⁴ Там же. С. 129.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 274. Л. 39–39 об.; Ф. 76. Оп. 3. Д. 109. Л. 10, 12.

¹⁶ Аршинов П. История махновского движения... С. 225.

¹⁷ Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 т. М., 1999. Т. 2. 1917–1935. С. 388–389.

¹⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 279, 755.

¹⁹ Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине... С. 9–10; Чоп В.М. Участь приазовських греків-колоністів у махновському русі (1918–1921 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2007. Вип. XXI. С. 189–196; Штирбул А.О. Махно, махновщина і Сибір // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XVII. С. 133–140.

Украине. Махновцы не только не шли на союз с ними, но и воевали против них²⁰. Будучи анархистом-интернационалистом, Махно беспощадно пресекал все факты антисемитизма среди повстанцев. Для защиты от погромов он раздавал еврейскому населению оружие²¹. Антисемитизм атамана Григорьева, поднявшего мятеж против большевиков в мае 1919 г., стал одной из причин, по которой Махно не поддержал его²².

Феномен махновщины – это особая военная организация крестьянского движения в виде «Революционно-Повстанческой армии Украины имени батьки Махно». Подобной армии не было создано ни в одном из эпицентров крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны. Именно вооруженная мощь махновцев заставила считаться с ними большевиков и трижды заключать военный союз. Она же позволяла им проводить социальный эксперимент с «вольными советами» на подконтрольной территории, не пускать туда продотряды, ЧК, ревкомы и другие административные органы большевистской власти²³.

По своей структуре Повстанческая армия Махно напоминала Красную армию с ее штабами, революционными военными советами, полками, взводами, разведкой, пулеметными ротами, артиллерией, делопроизводством и т.п. Ее отличие состояло в добровольном принципе комплектации и выборности командного состава исключительно по боевым заслугам. В отрядах Махно поддерживалась дисциплина, командованием принимались меры, чтобы свести к минимуму негативные издержки войны – грабежи мирного населения, пьянство, дезертирство и т.д. Махно лично расстреливал мародеров и грабителей²⁴. В занимаемых махновцами городах и селениях для решения насущных проблем армии и жителей создавались военные комендатуры²⁵. Военные успехи махновцев во многом определялись качественным составом Повстанческой армии. Ее костяк составляли участники Первой мировой войны,unter-офицеры²⁶.

Но главная отличительная черта армии Махно – ее военная тактика. Махновцы два года воевали с регулярными частями Красной армии и белогвардейцами благодаря созданной ими «армии на колесах» – легендарным тачанкам – одного из символов Гражданской войны. Полученная мобильность позволяла наносить внезапные удары и ускользать от врага. Это была тактика «таборитов», но возрожденная в новых условиях при наличии нового оружия – пулемета. Для степной Украины тачанки стали наиболее эффективным средством ведения маневренной партизанской войны. И в этой войне Махно проявил себя выдающимся военачальником, снискав не только народную славу, но и получив признание врагов²⁷. Например, А.И. Деникин в своих мемуарах назвал Махно «отважным», «очень популярным разбойником» и «талантливым партизаном»²⁸.

Началом драматического противостояния махновского движения и большевиков стали события лета 1919 г. К этому времени отряды Махно в соответствии с заключенным с советской властью Украины соглашением воевали с белыми в составе 3-й бригады 1-й Заднепровской дивизии Украинской Красной армии. Командовал бригадой Махно²⁹. Он был ярым противником белого движения, считая, что оно несет угрозу крестьянским интересам: реставрацию помещичьего землевладения, власть бывших чиновников, помещиков и буржуазии. «Горе Деникину», «Смерть деникинцам! Где бы они ни находились» – таковы были выдвинутые им лозунги для Повстанческой армии в 1919 г.³⁰ Махно ни разу не пошел

²⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 936. Оп. 3. Д. 13. Л. 50.

²¹ Чоп В. Єврейське питання в історії махновського руху // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2000. Вип. XII. С. 49–49.

²² Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине... С. 45.

²³ РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 114. Л. 1–5.

²⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 223–224, 276, 758.

²⁵ Там же. С. 280–282.

²⁶ Кондрашин В.В. Повстанческая армия Махно: мифы и реальность // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015. С. 367–378.

²⁷ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 173. Л. 14.

²⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. V. С. 134.

²⁹ РГВА. Ф. 103. Оп. 1 Д. 50. Л. 11.

³⁰ Там же. Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 65–65 об.

на союз с белыми против Красной армии: в мае 1919 г. он отказался от подобного предложения генерала А.Г. Шкуро, в июле 1920 г. по этой же причине повесил двух эмиссаров Врангеля³¹. О ненависти Махно к белым свидетельствует и такой факт, как его участие в расправе над атаманом Григорьевым за то, что тот, наряду с еврейскими погромами, «не держал фронт» против Деникина и даже искал союза с белым генералом³².

В сложной обстановке, создавшейся на юге Украины весной 1919 г., бригада Махно удерживала деникинский фронт в несколько сот километров. Махновцы воевали не хуже других частей Красной армии, а в ряде операций даже лучше. Например, за взятие Мариуполя в апреле 1919 г. Махно и командир 8-го полка махновской бригады В.В. Куриленко были представлены к высшей награде РСФСР – ордену Красного Знамени. Именно бригада Махно вела ожесточенные бои с белоказачьим корпусом Шкуро, одним из лучших деникинских соединений, и несла большие потери из-за недостатка патронов и слабого подкрепления со стороны соседних частей³³. У советского командования не было сомнений в стойкости махновцев и верности союзническому долгу Махно. 2 мая 1919 г. командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко в докладной записке председателю СНК УССР Х.Г. Раковскому и наркомвоену Н.И. Подвойскому заявил: «Махно против нас не выступит»³⁴.

Ситуация изменилась, когда Махно поддержал решение исполнкома военно-революционного совета Гуляй-Польского района от 31 мая 1919 г. о созыве экстренного съезда крестьянских, рабочих и повстанческих советов 72 волостей для обсуждения ситуации, сложившейся в связи с наступлением «белогвардейских банд»³⁵. Желание махновцев обсудить вопрос о том, как противостоять деникинскому наступлению, было расценено руководством большевиков как призыв к восстанию с целью свержения советской власти. Л.Д. Троцкий в статье «Махновщина» от 2 июня 1919 г. назвал армию Махно «худшим видом партизанщины», а контролируемую повстанцами территорию «анаархо-кулацким развратом», с которым следовало покончить «твердо» и «раз навсегда, чтобы никому больше неповадно было»³⁶. Одновременно на Махно свалили все неудачи советских войск на Украине и Южном фронте³⁷. Тот же Троцкий назвал махновскую бригаду сосредоточением «элементов разложения, распада, возмущения, гниения», виновником «последних неудач»³⁸.

Подобные заявления и действия большевиков по отношению к Махно объяснялись их опасением, что в условиях временных неудач на фронте «легендарный Батька» может перейти на сторону врага, как это случилось с бывшим комбригом Н.А. Григорьевым, поднявшим в мае 1919 г. в тылу Красной армии мятеж под лозунгами «Власть Советам народа Украины без коммунистов!», «Свободная торговля хлебом!» и т.п. Опираясь на поддержку крестьян, недовольных продразверсткой, атаман Григорьев взял под контроль значительную часть территории Херсонской и Екатеринославской губерний³⁹.

Кроме того, Махно срывал продразверстку и создание чрезвычайных органов советской власти (ЧК и ревкомов) в Гуляй-Польском районе, провоцируя тем самым крестьян близлежащих уездов к неповиновению. Именно это обстоятельство вызвало наибольший протест Л.Д. Троцкого, который в упомянутой статье «Махновщина» задался вопросом: мыслимо ли допускать на территории Советской республики «существование вооруженных банд, которые объединяются вокруг атаманов и батек, не признают воли рабочего класса»⁴⁰?

³¹ РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 444. Л. 9–9 об.; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 525. Л. 70.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 525. Л. 71. Нестор Иванович Махно: Воспоминания и документы. Киев, 1991. С. 153.

³³ РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 114. Л. 75; Д. 396. Л. 17–18.

³⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 130.

³⁵ Аршинов П. История махновского движения... С. 117–119.

³⁶ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1924. Т. 2. Кн. 1. С. 189–191.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 5. Л. 86.

³⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция... С. 193, 201–202.

³⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 860.

⁴⁰ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция... С. 189–191.

В телеграмме В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Л.Б. Каменеву, Г.Е. Зиновьеву от 8 июня 1919 г. Махно категорически отверг обвинения в заговоре и пособничестве атаману Григорьеву и напомнил большевистской верхушке, что «революцией завоеванным правом рабочих и крестьян» является право «созывать самим съезды для обсуждения вопросов как общего, так и частного характера». В этой же телеграмме он заявил о своем уходе с должности комбрига⁴¹. Тем не менее Махно остался на боевых позициях до 19 июня 1919 г., пока не узнал о расстреле Чрезвычайным трибуналом восьми членов своего штаба. После этого он формирует отряд и уходит на правый берег Днепра, чтобы вести борьбу с большевиками. Начинается самый героический период в истории махновщины, когда махновцы воевали на два фронта – с советской властью и белыми, и добивались при этом успехов.

Летом 1919 г. Махно создает новую Повстанческую армию, которая в начале октября, прорвавшись в тыл белых, возвращается в родные районы и берет под свой контроль огромную территорию, в том числе города Екатеринослав, Александровск, Бердянск, Мариуполь и др. Махновцы захватывают коммуникации, питающие деникинскую армию, ее склады и вооружение, облегчая тем самым Красной армии разгром врага на Южном фронте и срыв наступления Деникина на Москву.⁴² Данный факт отражен в мемуарах генералов А.И. Деникина и А.Г. Шкуро⁴³. В частности, А.И. Деникин, анализируя обстановку в тыловых губерниях Украины осенью 1919 г. во время наступления своей армии на Москву, вспоминает о неожиданном поражении от Махно двух полков генерала Я.А. Слащева и о том, что в результате успешных действий повстанцев пришлось, «невзирая на серьезное положение фронта», «снимать с него части и использовать все резервы». «Эти восстания, принявшие такие широкие размеры, расстроили наш тыл и ослабили наш фронт в наиболее трудное для него время», – заключил Деникин⁴⁴.

Еще одной яркой страницей в истории махновщины было участие Повстанческой армии в разгроме Русской армии барона Врангеля в Крыму в ноябре 1920 г. В последний раз пойдя на союз с большевиками в рамках белой угрозы, махновцы вновь продемонстрировали воинскую доблесть в рядах направленного в Крым корпуса Каретникова. Вместе с отрядами М.В. Фрунзе махновцы форсировали Сиваш, в составе 2-й конной армии Ф.К. Миронова сыграли решающую роль в разгроме белой конницы генерала И.Г. Барбовича, умело использовав шквальный пулеметный огонь махновских тачанок⁴⁵. Но их заслуги не были оценены. Обвинив в грабежах ослабленную кровопролитными боями Повстанческую армию, к тому же охваченную эпидемией тифа, было решено ее разоружить и уничтожить. Причиной стал отказ Махно подчиниться приказам советской власти⁴⁶.

Противостояние махновцев с большевиками – наиболее трагический период в истории махновщины. В 1919–1921 гг. она стала частью общекрестьянского повстанческого движения против «военно-коммунистической политики» советской власти: насаждения совхозов и коммун, принудительной продовольственной разверстки и т.п. На Украине ситуация усугубилась тяготами разорительной фронтовой Гражданской войны и недородами 1920–1921 гг., поставившими крестьянские хозяйства на грань выживания⁴⁷.

Действия махновцев против большевиков сводились к захвату и разгрому продовольственных складов и раздаче их содержимого крестьянам, уничтожению советских учреждений и хранящейся там документации, срыву продразверстки и других реквизиций советской власти, наказанию наиболее провинившихся перед крестьянами представителей

⁴¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 93. Л. 91–104.

⁴² Там же. Ф. 3966. Оп. 1. Д. 138. Л. 184–184 об.; Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 235.

⁴³ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С. 233–234.

⁴⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 235.

⁴⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 383. С. 524–527, 532–534, 536, 541–542; Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.: Документы и материалы. М., 1997. С. 582–583.

⁴⁶ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 38. Л. 9–9 об.; Фрунзе С.В. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 427–429.

⁴⁷ Турченко Г.Ф. Голод 1921–1923 рр. як засіб державного терору радянської влади на півдні України // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2012. Вип. XXXII С. 206–209; Хмель И.В. Аграрные преобразования на Украине 1917–1920 гг. Киев, 1990. С. 14, 15, 108–109, 111, 142, 153, 154.

власти. Наиболее успешными эти действия были летом 1920 г., когда махновцы провели три рейда по Левобережной Украине общей протяженностью 1400 верст⁴⁸. Причиной такого успеха было отвлечение основных сил Красной армии на Польский фронт. Об этом говорилось, например, в письме председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского В.И. Ленину 26 июня 1920 г.⁴⁹ Кроме того, в 1919–1920 гг. большевики еще не выработали эффективной тактики борьбы с махновской «армией на колесах».

Наряду с махновцами на юге Украины в 1920 г. на почве крестьянского недовольства продразверсткой действовали и другие повстанцы. Например, летом 1920 г. в Лисичанском районе Донецкой губернии оперировал отряд Шаповалова, который взаимодействовал с Махно, а также с отрядами Терезова и Маруси-анаархистки. Там же действовал отряд Кучума. В октябре 1920 г. севернее Луганска шли кровопролитные бои карателей с повстанцами, в ходе которых 300 «бандитов» было убито, сожжено 200 дворов⁵⁰. В феврале 1920 г. вооруженное восстание крестьян произошло в с. Дунаевка Мелитопольского уезда Таврической губернии. На Херсонщине, в Херсоно-Николаевской губернии, в 1920 г. наиболее активно повстанческое движение развивалось в Александровском уезде, где настроение населения было «петлюровским». В Елисаветградском уезде произошло восстание под руководством Клепача с участием 1 000 крестьян⁵¹. Осенью 1920 г. атаман Блакитный (К. Степной) руководил повстанческим движением, охватившим всю Херсонщину и часть Екатеринославщины. Было неспокойно и в Одесской губернии, где в мае 1920 г. Одесским ЧК была раскрыта подпольная петлюровская организация, имевшая цель поднять «кулацкое» восстание в Одессе и в Одесском уезде и перейти на сторону Тютюнико. Летом 1920 г. в Тираспольском уезде, в районе Захарьевской волости, действовала «банда» до 300 человек, руководимая немцами-колонистами. Противостояние повстанцев и власти было кровавым. Только по официальным данным, на Украине в 1920 г. в ходе продразверстки от рук повстанцев погибло 1700 продовольственных работников⁵².

С конца 1920 г. начинается последний этап в истории махновщины – жестокая и бескомпромиссная война с большевистским государством. В ее основе лежало недовольство крестьян продовольственной политикой советской власти. Это самая трагическая страница в истории повстанчества. В 1921 г. на Украине, так же как и в российских регионах, наступает голод как результат предшествующего недорода и продразверстки. Он еще более усиливается к концу года из-за повторной засухи и еще более сильного, чем в 1920 г., недорода и достигает кульминации зимой 1922 г. В голодающих губерниях юга Украины в 1921–1922 гг. погибло от голода от 1,5 до 2 млн чел. Только по официальным данным, в Донецкой губернии число голодающих достигало 475 900 чел., из них 75 тыс. детей, в Одесском уезде – 140 тыс. чел., из них 50 тыс. детей. Население питалось падалью, суррогатами хлеба, кошками, собаками, фиксировалось случаи людоедства⁵³.

Несмотря на недород и голод, в 1921 г. Советское правительство Украины, так же как и других советских республик, не остановило продразверстку, а пыталось ее выполнять. Ставилась цель собрать максимально возможное в тех условиях количество хлеба. Для этого следовало дозаготовить 54 млн пудов долга 1920 г. Между тем урожай 1921 г. составил в Донецкой губернии 15 % от довоенного, в Николаевской – 10 %, в Екатеринославской – менее 8 %. Если до революции в южных губерниях Украины собиралось в среднем до 400 млн пудов зерна, то в 1921 г. урожай оценивался в 39 млн пудов⁵⁴. В этих условиях продразверстка проходила крайне сложно. Планы срывались, несмотря на активные действия продорганов и комнезамов. Например, в мае 1921 г. в Дебальцевском уезде Донецкой

⁴⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 359–367.

⁴⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 75. Л. 33.

⁵⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 2000. Т. 1. С. 342.

⁵¹ Там же. С. 330–331, 345.

⁵² История Новороссии... С. 507.

⁵³ Там же. С. 508.

⁵⁴ Турченко Г.Ф. Голод 1921–1923 pp. ... С. 206–209.

губернии вместо запланированных в месяц 2 млн пудов было заготовлено меньше полумиллиона⁵⁵.

Выполнение продразверстки в голодящей деревне привело к активизации крестьянского повстанческого движения. В 1921–1922 гг. на завершающем этапе оно представляло собой действия многочисленных, как правило, незначительных по численности отрядов, действовавших в районах проживания повстанцев или прилегающих к ним. Исключение составляли отряды Махно, использующие тактику длинных рейдов.

В 1921 г. против Махно были брошены лучшие мобильные отряды ВНУС, ЧК и Красной армии. Ликвидация махновщины, так же как и антоновщины, оказалась на особом контроле у большевистского руководства. Например, 6 февраля 1921 г. В.И. Ленин направил телеграмму заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому, в которой выразил недовольство отсутствием результата в борьбе с Махно: «Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов. Закажите мне краткий доклад Главкома (с краткой схемой размещения банд и войск) о том, что делается. Как используется вполне надежная конница? – бронепоезда? (Рационально ли они размещены? Не курсируют ли зря, отнимая хлеб?) – броневики? – аэропланы? Как и сколько их используется? И хлеб, и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома изо всех сил»⁵⁶. Еще в одной своей записке неустановленному адресату Ленин вновь сокрушался по поводу того, что «Политикой мы заняты, а Махно окружить не сумели»⁵⁷.

До середины марта 1921 г. махновцы, уходя от преследователей, сделали два огромных рейда по Украине, прошли через Курскую и Воронежскую губернию, Донскую область. Общая протяженность маршрута составила 3000 верст. В этот период еще раз проявился талант Н.И. Махно как мастера маневренной партизанской войны. Изумляли темпы движения его отряда – до 75 верст в день!⁵⁸ В конечном счете, мобилизовав все силы, создав многократное преимущество в лице мобильных, хорошо вооруженных отрядов, большевики нанесли Махно тяжелое поражение, вынудив его уйти за границу в конце августа 1921 г.⁵⁹ По данным ОГПУ, в начале 1921 г. на Украине, наряду с махновскими отрядами, действовало около ста «банд» общей численностью около 10 000 чел. Повстанцы воевали под лозунгами борьбы с продразверсткой и властью большевиков⁶⁰. В 1921 г. в Донецкой губернии действовали отряды Е.Ф. Белаша-Дацюка, Волоха, Говришкина, Гавриша, Гиденко, Гайворожского, Романа, Зайцева, Шнипко, Сыроватского, Каменюка, Донченко, Щердинского, Куницына (Куницы), Балкова, Ковалева, Лодырта, П. Петренко (Платонова), Погорелова, Филиппова, главари некоторых из них вели переговоры о сдаче. Повстанцы совершали налеты на поезда, рудники, убивали совработников, расхищали уголь. Особенно сильно повстанчество было развито в Юзовском и восточной части Гришинского уезда, а также в Екатерининской волости Таганрогского уезда. 21 марта 1922 г. в 27 верстах южнее Рыбницы, в дер. Журы, при сборе продналога произошло восстание крестьян, которое было подавлено войсками. В начале июня 1922 г. в Славянском уезде оперировали «банды» Квашенко и Сыроватского. В Одесской губернии в конце 1921 г. – начале 1922 г. в районе Белдурновского леса действовали отряды Солтыса и Заболотного. Летом 1922 г. на территории губернии активизировалась повстанцы под командованием Загороднего и

⁵⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 442.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: 5 изд.е. Т. 52. С. 67.

⁵⁷ Ленинский сборник. XXXVII. С. 274.

⁵⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 567.

⁵⁹ РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 241. Л. 77.

⁶⁰ Стегній П. Передумови, рушійні сили і характер селянського повстанського руху в УРСР у 1921 році // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: Диво, 2000. Вип. XII. С. 81–91.

Железняка. Во время боя у них было захвачено красное знамя с надписью «5-й Всеукраинский Совет С. Д. работников и селян червоноармейских депутатов»⁶¹.

1921–1922 гг. – кровавый период в истории повстанчества крестьян юга Украины. Насилие порождало насилие. Известны факты жестоких расправ повстанцев над коммунистами, советскими и продовольственными работниками. Но не менее жестокими были карательные органы. Вот лишь один эпизод из бюллетеня секретно-информационного отдела СНК УССР от 2 июля 1921 г.: «Еще в мае [...] применялись крутые меры по отношению к крестьянам, укрывающим бандитов. По заявлению Казимирчука, на местах проводилась карательная политика: “Нам приходилось созывать сход, выбирать 5 кулаков или 5 подозрительных личностей и на всем сходе рубить их шашками. Такие меры действовали на крестьян и заставляли их выявлять бандитов”»⁶². По оценке историков, в боях с карательными войсками советской власти от рук карателей погибло до 200 тыс. крестьян юга Украины⁶³.

С лета 1921 г. руководство Советской Украины, постоянно получая поддержку из Москвы, мобилизует значительные воинские силы для «ликвидации бандитизма», создав многократное преимущество в лице мобильных, опытных, прекрасно вооруженных отрядов Красной армии, внутренних войск и ЧК. Они наносят повстанцам тяжелые поражения. Одновременно властью широко применяется амнистия к главарям «банд». Например, в Одесской губернии, начиная с весны и до осени 1921 г., в Балтском районе в связи с объявлением амнистии происходила «усиленная явка бандитов». В сводках ВУЧК сообщалось, что после переговоров «добровольно явились бывший председатель повстанческой рады, главарь банды Кошевой, петлюровский деятель Яков Малый и девять бандитов»⁶⁴.

После ухода Махно за кордон махновское движение стало постепенно угасать, как и все крестьянское повстанчество на Украине, под ударами превосходящих сил карателей. Оно теряло свою социальную базу из-за усталости крестьян от Гражданской войны, постигшего Украину голода, а также отказа советской власти от политики «военного коммунизма», недовольство которой и лежало в основе крестьянского протesta.

Литература

Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 т. / сост., авт. предисл., введ. и comment. В.В Кривенький. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2. 1917–1935. 590 с.

Аришинов П. История махновского движения (1918–1921). Берлин: Издательство Группы русских эмигрантов в Германии, 1923. 258 с.

Аришинов П.А. История махновского движения (1918–1921 гг.). М., 1995. 258 с.

Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевиках, национал-социализмах и крестьянских движениях. М.: АИРО-XX, 1997. 199 с.

История Новороссии. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин: Медный всадник, 1926. Т. V. 367 с.

Деятели и события крестьянского повстанческого движения в Украине (1917-й – начало 1920-х годов) / сост. А. Капустян, В. Ткаченко. Вып. 1. Запорожье, 2010. 136 с.

Кондрашин В.В. Повстанческая армия Махно: мифы и реальность // «Атаманщина» и «партизанская» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 367–378.

Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. Ленинград, б/д. 288 с.

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / сост. В. Данилов и др. М.: РОССПЭН, 2006. 997 с.

⁶¹ История Новороссии. М., 2017. С. 509.

⁶² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине... С. 647.

⁶³ Турченко Г.Ф. Голод 1921–1923 пр. ... С. 206–209.

⁶⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 434, 446, 523.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД / отв. ред. В. Данилов, сост. Л. Борисова и др. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 861 с.

Стегній П. Передумови, рушійні сили і характер селянського повстанського руху в УРСР у 1921 році // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: Диво, 2000. Вип. XII. С. 81–91.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М.: Высший военный революционный совет, 1924. Т. 2. Кн. 1. 476 с.

Турченко Г.Ф. Голод 1921–1923 рр. як засіб державного терору радянської влади на півдні України // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2012. Вип. XXXII. С. 206–209.

Філіпп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.: Документы и материалы / сост. В. Данилов и др. М.: МФД, 1997. 787 с.

Фрунзе М.В. Избранные произведения: в 2 т. М.: Воениздат, 1957. Т. 1. 472 с.

Хмель И.В. Аграрные преобразования на Украине 1917–1920 гг. Киев: Наук. думка, 1990. 237 с.

Чоп В. Єврейське питання в історії махновського руху // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2000. Вип. XII. С. 49–49.

Чоп В.М. Участь приазовських греків-колоністів у махновському русі (1918–1921 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2007. Вип. XXI. С. 189–196.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1961. 288 с.

Штирбул А.О. Махно, махновщина і Сибір // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVII. С. 133–140.

References

Volobuev, O.V., Kriven'kiy, V.V., Sorokin, A.K., Shelohaev, V.V. (Eds.). (1999). *Anarkhisty: Dokumenty i materialy. 1883–1935 gg.: v 2 t. T. 2. 1917–1935* [Anarchists: Documents and Materials. 1883–1935: In 2 volumes. Vol. 2. 1917–1935]. Moscow, ROSSPEN. 590 p.

Arshinov, P. (1923). *Istoriya makhnovskogo dvizheniya (1918–1921)* [History of the Makhnovist Movement (1918–1921)]. Berlin, Izdatel'stvo Gruppy russkikh emigrantov v Germanii. 258 p.

Arshinov, P. (1995). *Istoriya makhnovskogo dvizheniya (1918–1921)* [History of the Makhnovist Movement (1918–1921)]. Moscow. 258 p.

Chop, V.M. (2007). Uchast' pryazov's'kykh khrekiv-kolonistiv v makhnovs'komy Rusi (1918–1921 gg.) [The Participation of the Azov Greek Colonists in the Makhnov Movement (1918–1921)]. In *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu. Zapozhzhya*. Vol. XXI, pp. 189–196.

Chop, V. (2000). Yevreys'kie pytannya v istorii makhnovs'koho rukhu [The Jewish Question in the History of the Makhnov Movement]. In *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu. Zapozhzhya*. Vol. XII, pp. 49–49.

Denikin, A.I. (1926). *Ocherki russkoy smuty. T. V* [Essays on Rusian Troubles. Vol. 5]. Berlin, Mednyy vsadnik. 367 p.

Danilov, V., Shanin, T. (Eds.). (1997). *Filipp Mironov. Tikhyy Don v 1917–1921 gg.: Dokumenty i materialy* [Philipp Mironov. Quiet Don in 1917–1921: Documents and Materials]. Moscow, MFD. 787 p.

Frunze, M.V. (1957). *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1* [Selected Works: In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Voenizdat. 472 p.

Kapustyan, A., Tkachenko, V. (Eds.). (2010). *Deyateli i sobytiya krest'yanskogo povstanscheskogo dvizheniya v Ukraine (1917-y – nachalo 1920-kh godov)* [Figures and Events of the Peasant Insurgency in Ukraine (1917 – Early 1920s)]. Zaporozhye. Iss. 1. 136 p.

Gratsiozi, A. (1997). *Bol'sheviki i krest'yane na Ukraine, 1918–1919 gody. Ocherk o bol'shevikkakh, natsional-sotsializmakh i krest'yanskikh dvizheniyakh* [Essay on the Bolsheviks, National Socialisms and Peasant Movements]. Moscow, AIRO-XX. 199 p.

- Zaharov, V.N. (2017). *Istoriya Novorossii* [History of Novorossiya]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initiativ. 864 p.
- Khmel', I.V. (1990). *Agrarnye preobrazovaniya na Ukraine 1917–1920 gg.* [Agrarian transformations in Ukraine 1917–1920]. Kiev, Naukova dumka. 237 p.
- Kondrashin, V.V. (2015). Povstancheskaya armiya Makhno: mify i real'nost' "Atamanshhina" i "partizanshhina" [Makhno's Rebel Army: Myths and Reality]. In "Atamanshhina" i "partizanshhina" v Grazhdanskoy voynе: ideologiya, voennoe uchastie, kadry. Moscow, AIRO-XXI, pp. 367–378.
- Kubanin, M. *Makhnovshchina. Krest'yanskoe dvizhenie v stepnoy Ukraine v gody grazhdanskoy voyny* [Makhnovshchina. Peasant Movement in Steppe Ukraine During the Civil War]. Leningrad. 288 p.
- Danilov, V., Shanin, T. (Eds.). (2006). *Nestor Makhno. Krest'yanskoe dvizhenie na Ukraine. 1918–1921: Dokumenty i materialy* [Nestor Makhno. Peasant Movement in Ukraine. 1918–1921: Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 997 p.
- Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. T. 1* [Soviet Village Through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. Vol. 1]. Moscow, ROSSPEN. 861 p.
- Stehniy, P. (2000). Peredumovy, rushiyni syly i kharakter selyans'koho povstans'koho rukhu v URSR u 1921 rotsi [Change your Mind, Destroy the Character of the Rural Insurrectionary Movement in the Ukrainian Socialist Republic in 1921]. In *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu*. Zaporizhzhya, Dyvo. Vol. XII, pp. 81–91.
- Shkuro, A.G. (1961). *Zapiski belogo partizana* [Notes of a White Partisan]. Buenos-Ayres, Seyatel'. 288 p.
- Shtyrbul, A.O. (2009). Makhno, makhnovshchina i Sybir [Makhno, Makhnovshchina and Siberia]. In *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu*. Zaporizhzhya. Vol. XXVII, pp. 133–140.
- Trotskiy, L.D. (1924). *Kak vooruzhalas' revolyutsiya* [How the Revolution Armed Itself]. Vol. 2. Book. 1. Moscow, Supreme Military Revolutionary Council. 476 p.
- Turchenko, H.F. (2012). Holod 1921–1923 rr. yak zasib derzhavnoho terroru radyans'koy vladys na pivdni Ukrayiny [Famine 1921–1923 how to Succumb to the Sovereign Terror of the Radyansky Government in the Beer Gardens of Ukraine]. In *Naukovi pratsi istorychnoho fakul'tetu Zaporiz'koho derzhavnoho universytetu*. Zaporizhzhya, ZNU. Vol. XXXII, pp. 206–209.

Г.У. Орынбаева*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-12
УДК 94:338(574)"193"

КАЗАХСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ АУЛ В 1930-Е ГОДЫ

Выходные данные для цитирования:

Орынбаева Г.У. Казахский колхозный аул в 1930-е годы // Исторический курьер. 2024, № 4 (36). С. 151–162. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-12.pdf>

G.U. Orynbayeva*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-12

KAZAKH COLLECTIVE FARM VILLAGE IN THE 1930S

How to cite:

Orynbayeva G.U. Kazakh Collective Farm Village in the 1930s // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 151–162.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-12.pdf>]

Abstract. Unlike the majority of modern studies devoted to the history of the Kazakh aul in the 1930s, this article deals mainly with organizational, economic and socio-cultural aspects of collectivization rather than political ones. The aim of the paper is to reconstruct the process of collective farming in the Kazakh aul. Kazakh collective farm aul in its development experienced the same difficulties as other rural communities in different parts of the Soviet Union in the conditions of forced collectivization. At the same time, Kazakh collective farms had special features in their formation: it was collective farm construction in the region of nomadic and semi-nomadic livestock breeding, transition from nomadism to sedentarization, food collapse in the early 1930s. The economic and cultural turning point led to changes in the everyday life of the Kazakh aul population. The Soviet authorities planted previously unknown agricultural crops among yesterday's nomads, thus trying to eliminate both the traditional way of economic management, perceived as backwardness, and food difficulties. The life of the Kazakh aul was undergoing transformational changes of socio-cultural plan: the role of women in society was changing, young people were moving away from traditionalism, elements of official Soviet, urban and neighboring agricultural cultures were gradually introduced into everyday life. The collective farm system, which was contrary to peasant psychology, did not prove its effectiveness – in an attempt to gain some economic stability, collective farmers had to resort to breaking the laws.

Keywords: kazakh aul, collectivization, collective farm, common economy, labor organization, the cultural revolution.

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В отличие от большинства современных исследований, посвященных истории казахского аула в 1930-е гг., данная статья рассматривает в основном организационно-экономические и социокультурные аспекты коллективизации, нежели политические. Цель работы – реконструкция процесса становления колхозного строя в казахском ауле. Казахский колхозный аул в своем развитии испытал те же трудности, что и другие сельские общности в разных уголках Советского Союза в условиях насилиственной коллективизации. В то же время казахские колхозы имели особенности в своем становлении: это колхозное строительство в регионе бытования кочевого и полукочевого животноводства, переход от кочевничества к оседлости, продовольственный коллапс начала 1930-х гг. Хозяйственный и культурный перелом привел к изменениям бытовой жизни казахского аульного

* Гульмира Усенбаевна Орынбаева, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: orinbaevag@mail.ru

Gulmira Usenbaevna Orynbayeva, Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of the History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: orinbaevag@mail.ru

населения. Советская власть насаждала прежде неведомые сельскохозяйственные культуры среди вчерашних кочевников, пытаясь таким образом ликвидировать как традиционный способ хозяйствования, воспринимавшийся как отсталость, так и продовольственные затруднения. В жизни казахского аула происходили трансформационные изменения социокультурного плана: менялась роль женщины в обществе, молодежь отходила от традиционализма, в быт постепенно входили элементы официальной советской, городской и соседних земледельческих культур. Противоречащая крестьянской психологии колхозная система не проявила свою эффективность, – пытаясь обрести хоть какую-то экономическую стабильность, колхозники вынужденно прибегали к нарушению законов.

Ключевые слова: казахский аул, коллективизация, колхоз, общественное хозяйство, организация труда, культурная революция.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Как в советский, так и в постсоветский период историки преимущественно акцентировали внимание на политических аспектах истории коллективизации, бесспорно заслуживающих особого внимания. Теме становления колхозов в Казахстане посвящено немалое количество замечательных работ: А.Б. Турсунбаева, Ф.И. Колодина, Г.Ф. Дашихейгера, К.Н. Нурпеисова, В.П. Данилова, Ж.Б. Абылхожина, И. Огайон и других авторов¹. На современном этапе историографии главным образом исследуется начальный период коллективизации (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), итогом которого стали продовольственный коллапс и гуманитарная катастрофа. Вместе с тем большой теоретический интерес для исследовательского осмысления представляет изучение социально-экономических вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства: организации труда в колхозах, тактики работы с сельским населением советской власти, сделавшей ставку на применявшиеся революционные стратегии, модернизаторской деятельности большевистского режима в деревне в целом.

При множестве схожих черт с процессом коллективизации в деревнях, аулах и кишлаках в любом другом уголке Советского Союза казахский колхозный аул в то же время имел особенности в своем становлении и развитии. К ним прежде всего относится бытование кочевого и полукочевого скотоводства, складывание родовых и моноэтнических колхозов в условиях полиэтнического общества, переход от кочевничества к оседлости.

Накануне перехода к массовой коллективизации около половины казахского населения продолжало вести кочевое и, в большей степени, полукочевое хозяйство². В конце 1920-х – начале 1930-х гг., одновременно с коллективизацией сельского хозяйства и оседанием (седентаризацией) скотоводческих хозяйств в Казахстане, стала осуществляться так называемая социалистическая реконструкция хозяйственной и культурно-бытовой жизни³. К организации колхозов государство приступило неподготовленным, без каких-либо разработанных планов относительно специализации этих хозяйств нового типа, организации труда в них, способов оплаты и т.д. На начальном этапе, вплоть до конца 1933 г., в районах

¹ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) в Казахстане в годы первой и второй пятилеток // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 2; Дашихейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата, 1985. Т. 1; Огайон И. Седентаризация казахов при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1940 гг.). Алматы, 2009; Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты. Алматы, 2022; и др.

² Дашихейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 23.

³ Донич А.Н. Проблема нового казацкого аула. Кзыл-Орда, 1928. С. 4.

проживания казахского населения в сфере коллективизации создалось положение, близкое к хаотичному. Этот период истории советского Казахстана на сегодняшний день достаточно хорошо изучен. Форсированное колхозное строительство сопровождалось как активными, так и пассивными протестами – вооруженными выступлениями (басмачество в советской историографии), откочевками за пределы республики, а также глубоким продовольственным кризисом, приведшим к массовому голоду в ряде регионов. В колхозах господствовала инициатива отдельных активистов, порядок жизни и труда устанавливался стихийно. Где-то первое время коллективная хозяйственная деятельность никак не могла наладиться и попросту замирала⁴.

Исходя из разнообразия условий на территории республики, были установлены конкретные для каждой группы районов формы кооперативно-колхозных объединений. В зерновых и хлопковых районах основной формой колхозов стала сельскохозяйственная артель. Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. обязывал членов артели обобществлять рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, товарно-продуктивный скот, семенные запасы, кормовые средства и хозяйственные постройки в размерах, необходимых для общественного хозяйства. Не подлежали обобществлению жилые постройки членов артели, свиньи и овцы в районах непромышленного мелкого скотоводства, домашняя птица, а также одна корова и мелкий инвентарь. Полевые наделы полностью обобществлялись, в личном пользовании оставались лишь приусадебные земли, огороды, сады и т.п.⁵

В животноводческих регионах Казахстана основными формами кооперативного объединения стали ТОЗы и ТОЖи. В районах с полукочевым животноводством получили распространение товарищества по совместной обработке земли и косьбе, в кочевых районах – малсеркитки (*малсеріктіктер*, т.е. «товарищества по животноводству»)⁶. В ТОЗах, кроме процессов труда, обобществлялись сенокосные угодья (естественные и поливные), водные источники и сооружения, колодцы, ирригационная сеть, пахотные земли, орудия производства, рабочий скот в пределах, необходимых для проведения общественных работ. В товариществах на территории кочевых районов (мелиоративных, коневодческих, овцеводческих, машинных, по заготовке кормов и т.д.) организовались общественные выпасы скота, заготовка кормов и т.д. На членские взносы и другие сборы приобретались машины, породный скот, строились животноводческие помещения⁷.

В принятом 17 сентября 1932 г. постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) в животноводческих районах Казахстана «в виде исключения» разрешалось в индивидуальном пользовании казаха иметь «до 100 голов овец, 8–10 голов [крупного] рогатого скота, 3–5 верблюдов и 8–10 табунных лошадей на хозяйство»⁸.

Первые колхозы организовывались по национальному признаку, так как проживание национальностей обычно было раздельным. Казахские колхозы создавались по «родовому» признаку, поскольку землепользование у казахов традиционно носило родовой характер. В представлении казаха земля, на которой он проживал, была больше не собственностью, а «атақоныс» – местом, где жили его предки, освященным родовыми, семейными традициями⁹.

Государство было заинтересовано в переводе всех колхозов на устав сельхозартели, которая имела более высокий уровень обобществления собственности ее членов. Последние

⁴ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 78; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 284.

⁵ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 74–75.

⁶ Дашилейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 195.

⁷ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана... С. 75.

⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Конец 1930–1933. С. 483–484.

⁹ Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 122; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 205.

ТОЗы и малсерктиki сохранились в 1939 г. лишь в животноводческих районах Гурьевской, Западно-Казахстанской, Кзыл-Ординской и Алма-Атинской областей¹⁰.

Несмотря на большую территорию Казахстана, различия в климатических условиях и хозяйствовании населения в процессе создания первых колхозных казахских поселений имелись много общего. Большинство колхозных селений возникло в первые годы коллективизации (1929–1935 гг.). Колхозный аул в большинстве случаев основывали на месте старой зимовки или на территории усадьбы бая. Немало колхозных аулов было основано на землях, возвращенных казахам из фонда Переселенческого управления. Иногда казахские семьи подселялись в переселенческие села. Некоторые старые зимовки в последующем использовались для отгонного животноводства¹¹. Возникало немало крупных оседлых поселений, прежде всего в южных и юго-восточных областях, делались первые шаги в их благоустройстве¹². Зачастую в этих «точках оседания» не было даже воды¹³. Одну из таких точек оседания – культпунктов А.М. Брискин описывает следующим образом: «Четыре каменных домика под железной крышей одиноко стоят среди глухой безбрежной степи, ни кустика, ни дерева»¹⁴.

Первое время часть казахского населения продолжала жить в юртах¹⁵. Кроме юрт, основным жилищем у оседавших казахов были землянки, полуzemлянки и саманные дома-лачуги. Строительство жилья было возложено на само оседающее население¹⁶. Нередко оседающие семьи жили в полуразрушенных землянках, без окон и дверей, в шалаши, по несколько семей в одном помещении, что усугубляло их положение и приводило к увеличению смертности¹⁷. Строительство новых домов, предназначенных для оседающего населения, оставалось лишь в планах. Одной из причин тому был дефицит, а иногда и полное отсутствие строительных материалов¹⁸.

Колхозам с самого начала предстояло влезать в огромные долги. По предложению казахстанского Госплана, основное бремя по переводу на оседлость ложилось на само население¹⁹. В коллективные хозяйства передавался конфискованный у байства и кулачества так называемый «мертвый» инвентарь: сенокосилки, молотилки, жнейки и т.д., которого было явно недостаточно. Колхозам также передавалось 30–40 % скота, изъятого у раскулаченных. Кроме того, в распоряжение совхозов поступал ценный племенной скот, если он имелся в наличии у репрессированных «эксплуататоров»: производители и матки рысистых пород лошадей, быки-бугаи, тонкорунные овцы²⁰.

В животноводческих районах первые казахские колхозы обычно были «карликовыми», поэтому в дальнейшем производилось их укрупнение, включая так называемое «кустование». Укрупненные колхозы объединяли территории, на которой проживали две-три родовые группы²¹. Внутри колхозов, объединявших несколько родов, не редкостью была борьба за руководство в колхозе, приводившая к различным формам неповиновения²². Советская власть, как известно, не упускала из виду «проблему» племенной солидарности бывших

¹⁰ Дашилайгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 198.

¹¹ Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. С. 70–71.

¹² Дашилайгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 204.

¹³ Брискин (Восточный) А. Степи казакские. Очерки степного Казахстана. Кзыл-Орда, 1929. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Дашилайгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 204.

¹⁶ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула... С. 76; Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 72; Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 95; Альжаптарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. С. 95.

¹⁷ Альжаптарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века... С. 126.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Киндер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане. М., 2018. С. 159.

²⁰ Государственный архив Атырауской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

²¹ Турсынбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 206.

²² Дүйшемалиев Т.Д. Особенности проведения коллективизации сельского хозяйства в Киргизии // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алматы, 1990. С. 131.

кочевников и в целях искоренения «родовых» форм и институтов пыталась превратить так называемые «родовые» колхозы в смешанные – «межродовые» и многонациональные²³.

С лета 1930 г. в колхозах сложилась форма оплаты труда по трудодням, которыми измерялись затраты труда колхозников в общественном хозяйстве и их долевое участие в распределемых доходах. К началу Великой Отечественной войны, в соответствии с инструкцией Наркомата земледелия СССР, за каждые 100 л надоенного молока начислялось 1,8 трудодня, за выращивание телят до 15–20-дневного возраста и за подготовку коровы к отелу – 8, за подготовку нетелей к отелу – 7 трудодней и т.д.²⁴ В доходы колхозов, подлежащие распределению, включались все натуральные и денежные поступления от земледелия, животноводства, птицеводства, пчеловодства, подсобных предприятий и заработка колхоза на стороне (извоз и т.п.)²⁵. Работать колхозникам приходилось фактически от зари до зари, деньгами плата почти не производилась. Расплачивались натурой – пшеницей, просом, горохом, т.е. тем, что выращивали в колхозе. При этом трудодни-«палочки» полностью отоваривались только в урожайные годы.

Дети в сельской местности с ранних лет начинали трудиться наравне со взрослыми: доярками, скотниками, пахарями, пастухами, поварами, работали на сборе урожая зерна, хлопка и т.д.²⁶ Кроме того, в колхозы и совхозы направлялись беспризорные подростки, которые в те годы наводняли города и железнодорожные станции: «Часть же их, которая не может быть детдомами освоена, а также и все беспризорные и безнадзорные переростки должны быть трудоустроены и мало того – твердо закреплены на предприятиях, совхозах и колхозах»²⁷.

Постепенно, по мере накопления опыта, в передовых сельхозартелях стали создаваться постоянные бригады. Для достижения наибольшей эффективности труда между бригадами организовывалось социалистическое соревнование²⁸. В качестве поощрения производилось премирование, в основном дефицитными товарами. Но самой распространенной мотивацией было, конечно же, суровое наказание за нарушения трудовой дисциплины.

Еще с дореволюционных времен в сознании царского чиновничества укрепилось представление о кочевом скотоводстве как отсталом способе хозяйствования и, соответственно, необходимости заменить его оседлым земледелием. Наследуя подобные представления, большевики также не брали в расчет природно-климатические особенности Казахстана, малопригодного для эффективного растениеводства. Уже на рубеже 1920–1930-х гг. земледелие начинает продвигаться в недостаточно благоприятные для его ведения условия²⁹. Партийными органами в казахские колхозы для передачи полеводческого опыта направлялись бригады инструкторов из колхозов с русско-украинским населением³⁰. Русские колхозы обязывались оказывать казахским колхозам помочь семенами, сельскохозяйственными машинами и инвентарем³¹. На бывших территориях бытования кочевого и полукочевого животноводства с каждым годом происходило все большее увеличение посевных площадей³².

В составе посевных культур колхозов, кроме проса и пшеницы, встречались также рожь, овес, ячмень, подсолнух, кукуруза, травы (преимущественно люцерна), сорго, соя, кунжут и др. Расширялись посевные площади хлопка, табака. С начала коллективизации в республике началось внедрение товарного овощеводства, картофелеводства, промышленного свеклосеяния. В казахских колхозах Центрального Казахстана встречались даже

²³ Дашилайгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 210.

²⁴ Государственный архив Костанайской области. Ф. 72. Оп. 6. Д. 106. Л. 78.

²⁵ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 293, 296.

²⁶ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангелдинский район.

²⁷ Государственный архив Карагандинской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

²⁸ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 285.

²⁹ Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области... С. 61.

³⁰ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 188; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 182.

³¹ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 184, 188.

³² Там же. С. 202.

бахчевые культуры – дыни и арбузы. Получали распространение посевы картофеля и на индивидуальных приусадебных участках колхозников животноводческих районов Южно-Казахстанской, Алма-Атинской, Западно-Казахстанской, Кзыл-Ординской, Актюбинской и Гурьевской областей.

Наряду с этим власти обязывали увеличивать в Казахстане площади посадок садов, винограда и ягод. В Южно-Казахстанской, Алма-Атинской и Джамбульской областях создавались специализированные садово-виноградные совхозы, т.е. садоводство и виноградарство приобретали промышленный характер. Кроме того, сады разбивались в центральных и северо-восточных областях Казахстана³³. Таким образом, Казахстан по замыслам большевиков превращался в край продуктивного развитого земледелия вместо «отсталого» подвижного животноводства.

Однако символично, что уже в предвоенные годы и во время войны было решено произвести расширение посевов привычного для казахов проса, отличающегося, как известно, высокой засухоустойчивостью³⁴. То есть от экспериментов с сельхозкультурами власти вернулись к прежним, традиционным для степняков видам злаковых, выращивание которых издревле практиковалось в аридных зонах.

В 1933 г. в журнале «Большевик Казахстана» утверждалось, что «кочевья как формы хозяйствования, за редкими исключениями, уже нет», потому животноводство уже не может и не должно возвратиться к старой тебеневочной форме хозяйства³⁵. Однако несколькими годами позже, после того как И.В. Сталиным была поставлена задача – превратить Казахстан в основную животноводческую базу на востоке страны³⁶, вековые скотоводческие навыки казахов стали представлять интерес. Поэтому пастухи-казахи в животноводческих хозяйствах стали пользоваться признанным авторитетом³⁷.

Для улучшения овцеводства Казахстана в 1924–1940 гг. в овцеводческие совхозы завозились импортные бараны и овцы пород рамбулье, прекос, вюртемберг, аргентинский меринос и др. Также производилось межпородное скрещивание грубошерстных овец с тонкорунными баранами³⁸. Еще до революции местные власти пытались наладить ветеринарную помощь, в годы же советской модернизации в республике в плановом порядке создавалась широкая сеть ветеринарно-зоотехнических учреждений³⁹. С конца 1930-х гг. в хозяйствах с преимущественно казахским населением начинается внедрение птицеводства и свиноводства⁴⁰. Н.А. Скворцов, назначенный в 1938 г. партийный руководитель республики, на республиканском совещании передовиков животноводства предлагал покончить с «“антисвинской” традицией» в Казахстане⁴¹.

Советская власть в качестве одной из важнейших своих задач ставила полное техническое перевооружение колхозного хозяйства бывших кочевников. Этот процесс начался уже с момента проведения планового оседания. В 1929 г. еще значительное число колхозов по районам, прилегающим к Турксибу, не имело таких сложных по тем временам машин, как сеялки, жнейки, молотилки, сенокосилки. В районы оседания в 1930–1931 гг. завозился почвообрабатывающий, уборочный, сеноуборочный и транспортный инвентарь. Причем весь инвентарь был распределен по оседающим колхозам. Однако хозяйства все же крайне недостаточно были обеспечены необходимыми орудиями: плугами, сеялками, уборочными машинами, теми же молотилками и сенокосилками⁴². В 1934 г. механическая тяга составляла более

³³ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет. Алма-Ата, 1957. С. 104, 113, 119, 125; Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 93.

³⁴ Государственный архив Костанайской области. Ф. 72. Оп. 6. Д. 1. Л. 106; Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата, 1971. С. 118.

³⁵ Большевик Казахстана. 1933. № 7. С. 68.

³⁶ Постановления IV Пленума ЦК КП(б) Казахстана. 24–27 февраля 1938 г. Алма-Ата, 1938. С. 44.

³⁷ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула... С. 81.

³⁸ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет... С. 137.

³⁹ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана... С. 110.

⁴⁰ Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 72.

⁴¹ Большевик Казахстана. 1939. № 10. С. 19.

⁴² Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула... С. 86–87.

одной трети всей тяги в сельском хозяйстве Казахстана. В кочевых и полукочевых районах республики к этому времени простейшие сельскохозяйственные орудия – сохи, косули и сабаны – были полностью вытеснены сложным сельскохозяйственным инвентарем⁴³.

Пропагандисты нового социалистического образа жизни писали, что «огромнейшая» разница в техническом перевооружении труда бывших кочевников в оседающих колхозах по сравнению с техникой прошлого кочевого хозяйства стала заметна самим колхозникам-казахам. «Кочевник переходит от единственной сохи прямо к сложному и весьма разнообразному инвентарю. Набор инвентаря сейчас в колхозе оседающих казахов включает такой ряд сельскохозяйственных орудий и машин: плуги, железные бороны (большей частью зиг-заг), сеялки, жнейки, лобогрейки, молотилки, сортировки, триера, веялки, сенокосилки, конные грабли, культиваторы, окучники, сепараторы, соломорезки, железные фургоны и др. Колхозники сами отмечают эту разницу и с гордостью говорят, что о том сложном инвентаре, которым они сейчас пользуются, они и представления не имели каких-нибудь 2–3 года назад»⁴⁴.

К началу первой пятилетки относится история организации в Казахстане первых машинно-тракторных станций (МТС). Одновременно с организацией МТС создавались и машинно-сенокосные станции (МСС), преимущественно в животноводческих районах с оседлым казахским населением⁴⁵.

Овладение навыками работы с сельскохозяйственной машинной техникой, конечно, сказывалось на общем культурном уровне казахов – недавних кочевников. Знакомство с машинами, их устройством и работой, как писали советские авторы, «повышало умственное развитие» казаха-колхозника, обогащало его знаниями⁴⁶. По их же замечаниям, освоение машинной техники казахам, недавним кочевникам, давалось нелегко: они обнаруживали неумение в обращении и с простыми орудиями, такими как плуг, не говоря уже о более сложных механизмах. И неумелое пользование казахами сельскохозяйственными орудиями и машинами часто вело к поломкам инвентаря и быстрому его изнашиванию. Однако скорее всего такая ситуация с овладением машинной техникой существовала на первых порах повсеместно, не только в среде казахов, и связана она была как со сложностями в освоении невиданных прежде механизмов, так и с нежеланием вкладываться в насиливо навязанное сверху общественное производство.

Отсутствие же сенокошения у казахов-кочевников в условиях круглогодичной табегневки скота новая власть также связывала с хозяйственной отсталостью и отсутствием машин для сенокошения. Органы власти на местах культивировали массовый переход бывших кочевников к повсеместному сенокошению, снабжая их сенокосилками, жнейками, лобогрейками, конными граблями⁴⁷.

В 1930-х гг. в качестве уборочной машины впервые зарекомендовал себя комбайн. Как указывают архивные документы, старики сутками ходили по полям, «чтобы посмотреть, как работает сия диковинная машина»⁴⁸. Однако основной уборочной машиной для всего края в этот период оставалась лобогрейка – механическая машина на конной тяге, ею убиралось до 90 % урожая⁴⁹.

В первые десятилетия существования колхозов большое развитие в них получило колесный транспорт – пароконные и одноконные брички, которые в колхозе были распределены по бригадам и фермам. Вьючные перевозки на верблюдах и лошадях постепенно стали исчезать. Лишь чабаны во время перегона скота использовали перевозку вьюком для транспортировки походного имущества. Повсеместно использовалась верховая езда,

⁴³ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 197.

⁴⁴ Сластиухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казакского аула... С. 88.

⁴⁵ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет... С. 40–41.

⁴⁶ Сластиухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казакского аула... С. 88–89.

⁴⁷ Там же. С. 90–95.

⁴⁸ Государственный архив Костанайской области. Ф. 1П-105. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁴⁹ Большевик Казахстана. 1935. № 6. С. 3.

а также живое тягло⁵⁰. Снабжение хозяйств как тракторными, так и конными сеялками тоже производилось недостаточно, и, судя по официальным источникам, продолжал сохраняться посев путем разбрасывания семян по полю вручную⁵¹.

В казахском ауле, как и в селе, сложился новый класс колхозного крестьянства. Практически все казахское сельское население вошло в колхозы, частью работало в совхозах, МТС. После победы в ауле колхозного строя в нем выросли социальные группы, связанные с новыми профессиями: медицинские работники, зоотехники, агрономы, работники торговли, бухгалтеры, учителя, заведующие фермами и многие другие. Значительную долю составляли казахи среди работников МТС и совхозов. Вместе с тем оставались традиционные профессии гуртоправов, чабанов, табунщиков. Примерно до 100 тыс. казахских кочевых и полукочевых хозяйств в 1930-е гг. были привлечены к работам на строительстве промышленных объектов в Казахской Республике, Западной Сибири, Поволжье, в республиках Средней Азии⁵².

Советские историки в своих работах писали, что с образованием колхозного крестьянства в его сознании и психологии произошли глубокие изменения. При этом якобы «приверженность к частной собственности сменилась приверженностью к социалистической собственности»⁵³. Однако, судя по высказываниям секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова (1938–1945 гг.), частнособственная психология у советских крестьян никак не была изжита. В своем выступлении он приводит факт: в одном из районов был допущен большой отход колхозного животноводства, и при этом скот, находящийся в личном пользовании, почти не пострадал⁵⁴.

В качестве стратегии выживания крестьяне в голодные годы прибегали к хищениям государственно-общественной собственности. Власти усматривали в мелких кражах тайный умысел врагов колхозного строя. Мелкие кражи с полей, ферм, скотных дворов, складов, хранилищ колхозов и совхозов были очень широко распространены, о чем имеется бесчисленное множество свидетельств архивной судебно-следственной документации, а также воспоминаний и семейных преданий. О выносах с зерновых полей поведали автору информаторы из Костанайской области, которые, будучи детьми, пряча колоски и пригоршню зерен в карманах на свой страх и риск, приносили эту добычу домой. В рыболовецких колхозах по дороге от водоемов к аулу колхозники незаметно, пока не видят бригадиры или другие ответственные лица, с телеги сбрасывали рыбу на землю. Затем кто-нибудь из родственников вслед за телегой ходил, подбирал и забирал рыбу домой⁵⁵. По словам наших информаторов – жителей Актюбинской, Костанайской и Туркестанской областей, во многом жизнь колхозников зависела от личных качеств бригадиров и объездчиков полей.

В производстве сельскохозяйственной продукции страны относительно большое место занимали приусадебные участки. Значительная часть продукции личных подсобных хозяйств потреблялась самими колхозниками, рабочими и служащими совхозов. Другая часть продавалась на колхозном рынке, главным образом городскому населению. Как в 1937 г. с возмущением отмечал тогдашний руководитель Казахстана Л.И. Мирзоян, колхозники, получая 50–60 коп. на трудодень, «все крутятся вокруг личных посевов огородных и зерновых культур, вокруг скота, вокруг разбухшего, разросшегося своего товарного хозяйства, а на обобществленную работу в колхоз выходит только один человек»⁵⁶.

В аулах и селах, кроме раскулачивания и коллективизации, была организована еще одна общегосударственная кампания, известная как «культурная революция». В каждом ауле открывались клубы, библиотеки, красные юрты, музеи, дома культуры, которые

⁵⁰ Культура и быт казахского колхозного аула... С. 77, 78.

⁵¹ Постановления IV Пленума ЦК КП(б) Казахстана... С. 8, 11.

⁵² Там же. С. 208–209.

⁵³ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана... С. 94.

⁵⁴ Большевик Казахстана. 1941. № 7. С. 20–21.

⁵⁵ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангельдинский и Джангильдинский районы.

⁵⁶ Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Алматы, 2001. С. 215.

проводили агитационную и культурно-просветительскую работу⁵⁷. В оседлых аулах местные органы управления повсеместно обязывались открывать медицинские пункты, работники которых также проводили пропаганду гигиены.

В предвоенный период в казахских жилищах стали появляться сепараторы, керогаз, патефоны, радио, готовые швейные изделия. Однако вышеназванные блага цивилизации приходили либо в дома новой сельской элиты, в которую входило колхозно-совхозное руководство, либо обзаводились ими те, кто по долгу службы выезжал в город. В обиход бывшие кочевники также стали включать новые слова: трактор, комбайн, МТС, велосипед, клуб, библиотека, картофель, капуста и др.⁵⁸ В быт населения республики также было введено кино: кинопередвижки демонстрировали в селах дублированные на казахский язык фильмы.

Аульные школы в большинстве своем были не пригодны для организации учебного процесса. Развитию народного образования препятствовали малонаселенность аулов и сел, их удаленность и разбросанность, бездорожье, слабая связь с административными и культурными центрами. По словам Ф. Сластухина: «Причина низкого охвата учебой та, что многие колхозники живут в своих землянках, разбросанных на 30 км»⁵⁹. Для решения проблемы организовывались школы-интернаты, общежития и пансионаты при крупных средних школах. В 1935 г. власти организовали кампанию по ликвидации неграмотности, в первую очередь среди колхозников, которая, однако, реального успеха не имела⁶⁰.

Одним из новшеств в Казахстане было появление детских садов и яслей. Повсюду в сельской местности государство пыталось на полную мощь задействовать женщин в сельскохозяйственном производстве. При этом, как подчеркивал этнограф М. Гаврилов, наряду с тяжелым физическим трудом в общественном хозяйстве женщины продолжали одновременно выполнять многочисленные и трудоемкие домашние работы⁶¹.

Под влиянием насаждаемого нового образа жизни и мировоззрения среди сельского населения, в основном молодежи, наблюдается тенденция в сторону отказа от соблюдения старых обычаев. Многие обычаи продолжали сохраняться, но поскольку открытое следование им пресекалось властью, то они уже не могли исполняться публично. Из общественной жизни религия перешла в частную, семейную.

Если рассматривать состояние материальной культуры: поселения, жилища, одежды, пищи после коллективизации в казахском колхозном ауле, то нужно заметить, что многие из элементов традиционной культуры некоторое время продолжали существовать без изменений. Причинами их сохранения в 1930-е гг., несмотря на политico-культурные мероприятия государства, были неразвитость промышленного производства и товарный дефицит. В то же время происходили некоторые изменения в одежде, связанные главным образом с влиянием городской культуры⁶². Как отмечал Ф.И. Голощекин, руководивший республикой в 1925–1933 гг., внедрение земледелия, птицеводства и других направлений сельского хозяйства в районах исконного животноводства способствовало «изменению структуры питания казакского населения»⁶³. В художественной культуре стали встречаться новые орнаменты – русско-украинские, а также рожденные советской действительностью изображения пятиконечной звезды, серпа и молота, самолета и т.д.⁶⁴

Таким образом, в животноводческих колхозах установилась определенная система организации общественной жизни, сложился новый распорядок трудовой деятельности. Под

⁵⁷ Большевик Казахстана. 1942. № 24. С. 15.

⁵⁸ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангельдинский и Джангильдинский районы; Омаров М.Е. Переход казахского кочевого и полукочевого аула к оседлому образу жизни (20–30-е гг. XX в.): дис.... канд ист. наук. М., 1982. С. 192, 199.

⁵⁹ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула... С. 76.

⁶⁰ Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. Алма-Ата, 1987. С. 54–55.

⁶¹ Гаврилов М. Быт казаков-колхозников Шаульдерского района Южноказахстанской области // Советское краеведение. 1935. № 10. С. 110.

⁶² Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX века. Алма-Ата, 1964. С. 169.

⁶³ Голощекин Ф.И. О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана. Алма-Ата; М., 1932. С. 20.

⁶⁴ Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана... С. 187; Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Джангильдинский район.

воздействием модернаторской политики советского государства в быт казахского аула вошли новые виды сельскохозяйственного труда. В то же время в казахских колхозах некоторое время в неизменном виде сохранялись традиционные способы хозяйственной деятельности и народная культура. Колхозно-совхозная система не стала по-настоящему прибыльной, рентабельной и привлекательной для сельского населения советской страны, в том числе и для жителей казахских колхозных аулов. Вчерашние кочевники вынужденно адаптировались к требованиям новой власти, к навязанному новому укладу жизни. Жители теперь уже колхозного аула придерживались модели поведения, которая сложилась в соответствии с видением отношений с властными структурами, а также со временем выработали разнообразные способы поставить колхозы на службу собственным интересам.

Литература

Альжапарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. 157 с.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография. С. 5–104.

Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.

Гаврилов М. Быт казаков-колхозников Шаульдерского района Южноказахстанской области // Советское краеведение. 1935. № 10. С. 109–112.

Голощекин Ф.И. О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана. Алма-Ата; М.: Партиздат. Казакстанское отд-ние, 1932. 40 с.

Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.

Донич А.Н. Проблема нового казацкого аула. Кзыл-Орда: Издание Госплана КССР, 1928. 28 с.

Дуйшемалиев Т.Д. Особенности проведения коллективизации сельского хозяйства в Киргизии // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 127–134.

Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография. С. 105–189.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX века. Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.

Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) в Казахстане в годы первой и второй пятилеток // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. Т. 2. История. С. 134–227.

Культура и быт казахского колхозного аула / отв. ред. А.Х. Маргулан, В.В. Востров. Алма-Ата: Наука, 1967. 304 с.

Левон Мирзоян в Казахстане. Сб. документов и материалов (1933–1938) / отв. ред. Л.Д. Дегитаева. Алматы: Қазақстан, 2001. 368 с.

Огайон И. Седентаризация казахов при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1940 гг.). Алматы: Санат, 2009. 365 с.

Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / Ж.Б. Абылхожин, Н.А. Алимбай, Л.Р. Турганбаева и др. Алматы: LEM, 2022. 455 с.

Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казацкого аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 68–97.

Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1987. 88 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3: Конец 1930–1933. 1006 с.

Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1957. 326 с.

Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. 256 с.

References

Abylhozhin, Zh.B. et al. (2022). *Ocherki po istorii traditsionnoy struktury kazahov v pervye sovetskie desyatiliya: sotsial'no-ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Socio-Economic and Socio-Cultural Aspects]. Almaty, LEM. 455 p.

Alzhapparova, B.K. (2009). *Traditsionnoe khozyaystvo kazakhov v pervoy treti XX veka: transformatsiya i krushenie (po materialam Tsentralnogo Kazakhstana)* [The Traditional Economy of the Kazakhs in the First Third of the XX Century: Transformation and Collapse (Based on the Materials of Central Kazakhstan)], Dr. hist. sci. diss. Almaty. 157 p.

Dakhshleyger, G.F. (1966). Iz opyta istorii osedaniya kazakhskikh kochevykh i polukochevykh khozyaystv (do massovoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva) [From the Experience of the History of the Settlement of Kazakh Nomadic and Semi-Nomadic Farms (Before Mass Collectivization of Agriculture)]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 4, pp. 3–23.

Dakhshleyger, G.F., Nurpeisov, K. (1985). *Istoriya krestyanstva Sovetskogo Kazakhstana* [History of the Peasantry of Soviet Kazakhstan]. Almaty, Nauka. Vol. 1. 247 p.

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2000). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 tomah* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vols]. Vol. 3: 1930–1933. Moscow, ROSSPEN. 1006 p.

Degitaeva, L.D. (Ed.). (2001). *Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938)* [Levon Mirzoyan in Kazakhstan. Collection of Documents and Materials (1933–1938)]. Almaty, Kazakhstan. 368 p.

Donich, A.N. (1928). *Problema novogo kazakskogo aula* [The Problem of the New Kazakh Village]. Kzyl-Orda, Izdaniye Gosplana KSSR. 28 p.

Duyshemaliev, T.D. (1990). Osobennosti provedeniya kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v Kirgizii [Features of the Collectivization of Agriculture in Kyrgyzstan]. In *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v respublikakh Sredney Azii i Kazakhstane: opyt i problemy*. Almaty, Gylym, pp. 127–134.

Gavrilov, M. (1935). *Byt kazakov-kolkhoznikov Shaul'derskogo rayona Yuzhnokazakstanskoy oblasti* [Life of Kazakh Collective Farmers of the Shauldersky District of the South Kazakhstan Region]. In *Sovetskoe kraevedenie*. No. 10, pp. 109–112.

Goloshchekin, F.I. (1932). *O sel'skom khozyaystve i, v chastnosti, zhivotnovodstve Kazakhstana* [About Agriculture and, in Particular, Livestock Farming in Kazakhstan]. Almaty, Moscow, Partizdat, Kazakstanskoe otdelenie. 40 p.

Kindler, R. (2017). *Stalinskie kochevniki. Vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads. Power and Famine in Kazakhstan]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 382 p.

Kolodin, F.I. (1956). Tovarishchestva po sovmestnoy obrabotke zemli (TOZy) v Kazakhstane v gody pervoy i vtoroy pyatiletok [Partnerships for Joint Cultivation of Land (TOZ) in Kazakhstan during the First and Second Five-Year Plans]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. Almaty, AN KazSSR. Vol. 2, pp. 134–227.

- Margulan, A.H., Vostrov, V.V. (Eds.). (1967). *Kultura i byt kazakhskogo kolkhoznogo aula* [Culture and Life of the Kazakh Collective Farm Village]. Almaty, Nauka. 304 p.
- Ohayon, I. (2009). *Sedentarizatsiya kazakov pri Staline. Kollektivizatsiya i sotsial'nye izmeneniya (1928–1940 gg.)* [Sedentarization of the Kazakhs under Stalin. Collectivization and Social Change (1928–1940)]. Almaty, Sanat. 365 p.
- Slastukhin, F. (1933). *Sotsialisticheskaya perestroyka kochevogo kazakskogo aula* [Socialist Restructuring of the Nomadic Kazakh Village]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 1, pp. 68–97.
- Tursunbaev, A.B. (1957). *Pobeda kolkhoznogo stroya v Kazakhstane* [The Victory of the Collective Farm System in Kazakhstan]. Almaty, Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatelstvo. 326 p.
- Tursunbaev, A.B. (1960). *Kolkhoznoe krestyanstvo Kazakhstana* [Collective Farm Peasantry of Kazakhstan]. Almaty, Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatelstvo. 256 p.
- Vostrov, V.V. (1956). Kazakhi Dzhanybekskogo rayona Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti (Istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Kazakhs of Dzhanybek District of West Kazakhstan Region (Historical and Ethnographic Essay)]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. Almaty, AN KazSSR. Vol. 3, pp. 5–104.
- Vostrov, V.V., Zakharova, I.V. (1989). *Kazakhskoe narodnoe zhilishche* [Kazakh Folk Dwelling]. Almaty, Nauka. 181 p.
- Zakharova, I.V. (1956). Material'naya kul'tura kazahov-kolhoznikov Yugo-Vostochnogo Kazahstana (Po materialam Alma-Atinskoy i Dzhambul'skoy oblastey) [Material Culture of Kazakh Collective Farmers of South-Eastern Kazakhstan (Based on the Materials of Alma-Ata and Dzhambul Regions)]. In *Trudy Instituta istorii, arkeologii i etnografii*. Almaty, Izdatel'stvo AN KazSSR. Vol. 3, pp. 105–189.

С.В. Шарапов*

**«...НУ, БРАТ ВАСЯ, МНЕ ПРИХОДИТСЯ ЗДЕСЬ ПОГИБАТЬ,
В СИБИРИ»: ГОЛОД В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940-Е ГОДЫ****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-13
УДК 94:338.43(571.14)"1940/1947"

Выходные данные для цитирования:

Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»:

голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы //

Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL:

<http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf>

S.V. Sharapov*

**“...WELL, BROTHER VASYA, I HAVE TO DIE HERE,
IN SIBERIA”: FAMINE IN RURAL AREAS
OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN THE 1940S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-13

How to cite:

Sharapov S.V. “...Well, Brother Vasya, I Have to Die Here, in Siberia”: Famine in Rural Areas of the Novosibirsk Region in the 1940s // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 163–176. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf>]

Abstract. The phenomenon of local famine, which had its own causality, dynamics and chronology in the 1940s, remains an understudied topic in modern historiography. This article analyzes the factors that repeatedly caused in the rural areas of the Novosibirsk Oblast the food crisis. Famine was connected, firstly, with the strengthening of mobilization pressure on the collective farm village, which began on the eve of the war and continued after its completion. Secondly, it was due to the shortcomings of the state's agrarian policy, which was not responsive to the local conditions of agricultural production. The economic system created by the Bolsheviks did not possess its own mechanisms for timely response to local food shortages. Informing about the famine went exclusively through political channels. Without the involvement of the authorities, it was impossible to solve the problem of access to food on the ground. The authorities themselves reacted belatedly, their assistance was insufficient and was accompanied by numerous costs, including corruption. The state deliberately blocked the information channels that could have signaled food difficulties. District authorities were prohibited from collecting information on actual yields on collective farms and to compile bread and fodder balances. Rural residents were the most vulnerable category of the population from the point of view of food security. The authorities not only did not provide collective farmers with any guarantees of survival, but also tried to block individual peasant tactics to escape from hunger, fighting for strict compliance with the statute of the agricultural association.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, peasantry, collective farms, famine, Siberia.

*The article has been received by the editor on 23.04.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

* Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005). The work was carried out on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries. Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Ccontext” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. Феномен локального голода, имевшего в 1940-е гг. свою собственную причинность, динамику и хронологию, остается малоизученной темой в современной историографии. В данной статье проводится анализ факторов, которые неоднократно приводили к возникновению в сельской местности Новосибирской области кризисной продовольственной ситуации. Уязвимость перед голodom была связана, во-первых, с усилением мобилизационного нажима на колхозную деревню, начавшимся накануне войны и продолжавшимся после ее завершения. Во-вторых, с изъянами аграрной политики государства, которая была мало восприимчива к локальным условиям сельскохозяйственного производства. Созданная большевиками экономическая система не обладала собственными механизмами своевременного реагирования на очаговую нехватку продовольствия. Информирование о голоде шло исключительно по политическим каналам. Без участия власти разрешить проблему доступа к продовольствию на местах было невозможно. Сама же власть реагировала запоздало, помочь ее была недостаточной и сопровождалась многочисленными, в том числе коррупционными издержками. Государство сознательно блокировало информационные каналы, которые могли бы сигнализировать о продовольственных затруднениях. Районным властям запрещалось собирать информацию о фактической урожайности в колхозах и составлять хлебофоружные балансы. Сельские жители были наименее защищенной перед голodom категорией населения. Власть не только не предоставляла колхозникам никаких гарантий выживания, но и пыталась заблокировать реализацию индивидуальных крестьянских тактик самозащиты от голода, ведя борьбу за строгое соблюдение устава сельхозартели.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, крестьянство, колхозы, голод, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024 г.

Введение. Последний массовый голод в советской истории пришелся на послевоенные годы. Продовольственная катастрофа 1946/1947 г. унесла жизни, по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн чел. Этой трагедией, к сожалению, не исчерпывается история советского голода 1940-х гг. Локальные его проявления имели свою собственную географию и хронологию. В ряде мест фиксируется серийность «бесхлебных» лет, не укладывающаяся в хронологические рамки 1946/1947 г. Наиболее раннее в отечественной историографии упоминание о фактах голода в сельской местности СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны принадлежит М.А. Вылцану и В.В. Кондрашину¹. Позднее А.В. Шалак на примере Восточной Сибири показал, что продовольственную проблему 1940-х гг. необходимо рассматривать в широком временном контексте: по отдельным районам ситуация резко обострилась уже к концу 1942 г. и трудности в снабжении населения хлебом отмечались до 1948 г.² Относительно недавно стали появляться и другие региональные исследования, посвященные голоду, сопровождавшему военное лихолетье³. В Западной Сибири первая его вспышка в злополучное десятилетие фиксируется по историческим источникам в Новосибирской области и Алтайском крае перед войной, на рубеже 1940–1941 гг.

¹ Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 51–52, 65–66.

² Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск, 2010. С. 127.

³ Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 63–67; Никитина С.Е. Глубокий тыл в Великую Отечественную войну: голод в Якутии (1941–1945 гг.) // Молодой ученый. 2015. № 17-1 (97). С. 30–34; Матлин М.Г. Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. Ижевск, 2017. С. 177–192.

Нет сомнений в том, что голод 1940/1941 г. в Западной Сибири был также связан с фактором военной угрозы. По мере того как политическое руководство проникалось тревогой в связи с нараставшим кризисом в международных отношениях, экономическая система испытывала первый шок от усиливающегося мобилизационного нажима. Сплошной характер мобилизационного натиска приводил к возникновению уязвимых с точки зрения продовольственной безопасности мест, в наибольшей степени подверженных угрозе голода. Комплекс факторов, в силу действия которых в ряде районов Новосибирской области неоднократно в 1940-е гг. воспроизводилась ситуация острой нехватки пропитания, и станет предметом рассмотрения в данной статье.

Предвоенный голод. В 1940 г. государство повысило натуральное налогообложение колхозной деревни, введя так называемый погектарный принцип обязательных поставок зерна. Отныне единицей обложения становился каждый гектар закрепленного за колхозом земельного фонда без учета его освоения посевами. Позже данный принцип был распространен и на заготовки животноводческой продукции. Их объемы зависели теперь не от поголовья стада, а от площади приписанных к колхозу угодий (включая пастбища и луга).

Мера, которая была призвана пристимулировать максимальное хозяйственное использование доступных земельных фондов, в действительности разрушила экономику многоzemельных колхозов, страдавших от нехватки рабочих рук и получавших оторванные от производственных возможностей заготовительные задания. Новосибирская область оказалась абсолютно неподготовленной к внедрению погектарного принципа. Из-за отсутствия точных данных областной земельный отдел (облЗО) ошибочно включил в облагаемый фонд колхозов 518 тыс. га целинных и залежных земель, на которые в 1940 г. распространялись обязательные зернопоставки⁴. В таких условиях достаточно было вмешательства любого природного фактора, негативно влиявшего на урожайность, чтобы поставить колхозы на грань выживания.

Таким природным фактором стала засуха, поразившая летом 1940 г. ряд районов Новосибирской области. Амбарная урожайность зерновых доходила местами до 1–2,5 ц/га. В результате сверхнормированного изъятия зерна колхозы остались без семенного материала, фуражи и хлеба для раздачи на трудодни.

Зимой 1940/1941 г. в связи с отсутствием запасов хлеба в колхозах крестьяне вынуждены были забивать личный скот. В Доволенском районе с 1 января 1940 г. по 1 января 1941 г. количество крупного рогатого скота (КРС) в личных приусадебных хозяйствах (ЛПХ) сократилось с 13 253 до 8 892 голов, а свиней с 6 315 до 421 головы⁵. Данная мера не могла разрешить надвигавшийся продовольственный кризис, и весной 1941 г. высшее руководство страны стало получать по линии НКВД первые сигналы о вспышках голода в регионе.

8 марта 1941 г. на имя Л.П. Берии была направлена докладная записка от начальника управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведева. В ней сообщалось о продовольственных затруднениях в 12 районах области. Не меньшую тревогу у автора записи вызывало состояние животноводства: острая нехватка кормов, распространение эпизоотий спровоцировали массовый падеж колхозного скота⁶. По мере поступления информации с мест география голода расширялась. 22 марта 1941 г. областная прокуратура информировала первого секретаря обкома Г.Н. Пуговкина о том, что напряженное положение с хлебом и фуражом выявлено уже в 15 районах области⁷.

В сельской местности бушевала постоянная спутница голода в Сибири – септическая ангин – болезнь, которая вызывалась употреблением в пищу перезимовавшего в поле зерна. Проверка, проведенная только в трех районах области летом 1941 г., выявила 175 заболевших в Сузунском районе (из них 75 умерло), 127 в Кожевниковском районе (из них 47 умерло) и 3 в Маслянинском районе (из них 1 умер)⁸.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 99.

⁶ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 28–32.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 65.

⁸ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 19. Л. 146.

О распространении голода косвенно свидетельствовали материалы перлюстрации писем органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6 % всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. В период с 1 января по 10 июня 1941 г. было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голодах в колхозной деревне, а также о тяжелом продовольственном положении в самом Новосибирске⁹. Имеющиеся в распоряжении архивные документы не позволяют даже приблизительно оценить масштабы смертности от голода в 1940/1941 г., однако письма рисуют весьма мрачную картину жизни в охваченной бедствием местности: «...Первым долгом сообщаю, что пришла в Каменку, кое-как доплелась. Витя помер на месте в Утянке, а Галина умерла дорогой – оба с голода, осталась одна. Нина, я чуть живая. Прошу, пошлите посылку скорее, помираем с голоду»¹⁰; «...У нас уже с голоду умирают и пухнут, ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»¹¹; «...Условия очень плохие, все голодные. Молодежь ходит печальная от голода. В столовой едят баланду без хлеба. Доходит дело до того, что человек человека ненавидит»¹².

Судя по имеющимся данным, голод охватывал целые колхозы. В сельхозартели «Красная грива» из 118 семей запасы хлеба имелись только у 7. В колхозе имени Коминтерна из 125 семей продовольствие имели 10. Крестьяне вынуждены были питаться падалью. Наиболее уязвимыми перед голодом оказывались многодетные семьи. Например, колхозный конюх Михаил Г., имея жену и пятерых детей, выработал в 1940 г. 600 трудодней. Артельного заработка не хватило для выживания, поэтому семья длительное время питалась падалью: «Хлеб, который я получил на трудодни, 240 кг, давно уже съеден семьей, – рассказывал он работникам НКВД, – а того хлеба, который выдается по линии сельпо, для всей семьи в 7 человек не хватает, поэтому я вынужден питаться трупами павших животных. Ко мне, как к специалисту по снятию шкур, многие приносят снимать с павших животных, ягнят и телят, шкуру. Я, сняв шкуру, отдаю хозяину, а мясо беру себе и ем»¹³.

Вследствие острой нехватки продовольствия разваливалась трудовая дисциплина. В колхозе «Третий Коминтерн» Коченевского района из 270 трудоспособных перестали выходить на работу 150 человек. В колхозе «Путь Ленина» того же района из 90 работников продолжали трудиться только 40. Крестьяне самовольно бежали в города или другие районы. Из колхоза им. Калинина Ордынского района выехало 39 человек, из колхоза им. Ленина – 16 семей. Дети из-за отсутствия хлеба бросали учебу¹⁴.

В связи с критической продовольственной ситуацией в июне 1941 г. в Западную Сибирь был командирован секретарь и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. По всей видимости, Андреев, отправляясь в поездку, получил личные указания от И.В. Сталина провести работу совместно с местными органами НКГБ/НКВД по линии выявления «антисоветского элемента», на активность которого следовало списать возникший кризис. Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Западной Сибири: «...Действительно подтвердилось Ваше предположение (выделено нами. – С. Ш.) о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»¹⁵.

В интерпретации Андреева голод был вызван совокупностью двух факторов: засухи и политического саботажа. Переобложение колхозов обязательными поставками (включение в облагаемую земельную площадь залежей и перелогов), массовый падеж скота были объявлены результатом «контреволюционной» деятельности работников облЗО. Под контролем А.А. Андреева были проведены первые аресты. Во «вредительстве» обвинены начальник

⁹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 67.

¹⁰ Там же. Л. 68.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 70.

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 100.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 37. Л. 13.

управления животноводством облЗО Ю.Н. Голощапов, начальник управления землеустройства К.Н. Вьюков и его работники Б.И. Агроскин и Н.И. Лукьянов¹⁶.

Региональное политическое руководство по оценке секретаря ЦК проявило слепоту к деятельности «контрреволюционеров-вредителей», которые искусственно создавали тяжелое экономическое положение в сельской местности. Итогом поездки стали кадровые перестановки (сняты с должностей первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заместитель председателя облисполкома Ф.Д. Кузнецов¹⁷). Кроме того, была организована продовольственная помощь для тех районов и колхозов, которые оказались в затруднительном положении, а на будущий год снижены нормы обязательных поставок зерна (при этом залежи и перелоги так и не были выведены из-под обложения)¹⁸.

Характерно, что экономические причины продовольственной уязвимости голодавших районов и колхозов мало интересовали эмиссара Центра. Политическая система оказалась крайне неотзывчивой на те локальные угрозы, которые повлек за собой погектарный принцип, отрывавший заготовительную политику от производственных возможностей колхозов. Первые результаты его внедрения должны были удовлетворить высшее политическое руководство: в 1940 г. по стране удалось заготовить рекордные объемы зерна¹⁹. В этом отношении локальные кризисы не могли поколебать уверенности в эффективности нововведений.

Сама по себе экономическая система, как оказалось, была не способна вовремя учесть и копировать локальные нехватки продовольствия. Информирование о голоде, которое шло через политические каналы (партийную вертикаль, НКВД или прокуратуру), имело запоздалый характер. Внимание власти было привлечено в тот момент, когда голод уже забирал свои жертвы. Системе явно недоставало способностей предотвращать локальные гуманистические кризисы, которые во многом являлись следствием проводимой государством политики.

Голод военного времени. Из 15 районов, переживавших продовольственный кризис накануне войны, 9 находились на территории Барабинской степи Новосибирской области. Их положение оставалось столь же бедственным и в дальнейшем. В докладной записке о выполнении плана хлебозаготовок 1941/1942 г., направленной на имя А.А. Андреева, первый секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин вновь сообщал о критическом положении в колхозах Барабинской степи. Колхозники здесь получили в среднем по 300–500 г зерна на трудодень, включая хлеб, распределявшийся на общественное питание во время уборки и поступивший в порядке продовольственной помощи в 1941 г. Уже к февралю 1942 г. многие семьи израсходовали запасы зерна и оказались на грани голодной гибели. Из Северного и Убинского районов вновь поступали сообщения об употреблении в пищу падали²⁰.

Ранние заморозки, наступившие уже в августе 1941 г., привели к гибели не менее 20 % всех яровых посевов колхозов Барабинской низменности (а в некоторых районах процент доходил до 30–40). В ряде районов северной части степи с большим удельным весом посевов озимой ржи значительная их часть погибла от выпревания и длительного затопления весенними водами²¹.

Обком ВКП(б) сообщал о своей неспособности покрыть нехватку продовольствия за счет отпускаемых области хлебных фондов. С началом войны контингент населения, находившийся на продовольственном снабжении, вырос на 550 тыс. чел. (за счет эвакуированных и занятых в строительных батальонах). При этом хлебные фонды сокращались:

¹⁶ Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 81–88.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 11; ГАНО. Ф. П. 4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11, 18, 19.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.

¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 2.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 8–9.

²¹ Там же. Л. 11.

в феврале 1942 г. было отпущено 35,5 тыс. т муки (для сравнения – в августе 1941 г., не имея дополнительного населения на содержании, область получила 42,0 тыс. т).²²

Зимой 1942 – весной 1943 г. из-за общего снижения валовых сборов зерновых масштабы голода в сельской местности значительно расширились. В апреле 1943 г. областное управление НКВД докладывало об острый продовольственных затруднениях в 23 районах области (из них 15 располагались в Барабинской низменности). Ситуация описывалась следующим образом: «Значительное число колхозных семейств не имеют продуктов питания, в результате доходят до истощения, употребляют в пищу трупное мясо павших животных, находятся в состоянии опухания от недоедания. Имеют место факты смертности от истощения». С зимы 1942 по апрель 1943 г. по области зарегистрировано около 300 фактов употребления в пищу падали. Умерло от истощения около 50 чел. Опухло от недоедания более 500 чел.²³

Как и накануне войны, в состоянии голода пребывали целые колхозы. В колхозе им. Демьяна Бедного Северного района из-за разваленного хозяйства и чрезмерного натурального налогообложения колхозники на протяжении трех лет не получали хлеб на трудодни. В марте 1943 г. в 48 семьях колхоза были зарегистрированы случаи опухания от голода²⁴. В колхозе «Красный путоловец» Пихтовского района из 37 семей колхозников только пять располагали незначительным количеством овощей для питания, остальные 32 семьи питались различными отходами и падалью²⁵. В колхозе «Труд и оборона» Куйбышевского района из 108 хозяйств не были обеспечены продовольствием 40²⁶.

Голод был по наименее защищенной части сельского населения – многодетным семьям, отправившим мужчин-кормильцев на фронт. Оставшиеся в хозяйстве женщины неправлялись с тем, чтобы одновременно работать в колхозе, вести ЛПХ и заниматься воспитанием детей. На 1 апреля 1943 г. в Северном районе 301 семья военнослужащих (1 054 чел.) испытывала нехватку хлеба, в Каргатском районе таких семей насчитывалось 1 612. В Пихтовском районе из 1 017 семей военнослужащих, состоящих на учете в отделе государственного обеспечения райисполкома, 268 семей находились в тяжелых материально-бытовых условиях. Из них 59 семей (279 чел.), по данным районного отделения НКВД, находились в «болезненном состоянии» от недоедания²⁷.

Голод в сельской местности имел выраженную пространственную локализацию. В области выделялись районы, которые с начала 1940-х гг. стали постоянными очагами бедствия. Речь идет прежде всего о территории Барабинской низменности, где ежегодно фиксировались случаи недоедания, опухания от голода, употребления в пищу падали и голодных смертей. Ее продовольственная уязвимость была прямым следствием аграрной политики государства. Исторически сельское хозяйство Барабинской степи имело животноводческую специализацию. Местность изобиловала водоемами: пресными и солеными озерами, реками и болотами. В ходе масштабных мелиоративных работ конца XIX – начала XX в. сформировались обширные земельные угодья, которые было выгодно использовать под пастбища. Бараба стала центром сибирского маслоделия, продукция которого поставлялась и на внешние рынки (в 1909–1913 гг. объемы поставок из Сибири животного масла составляли 16 % мирового экспорта²⁸). После революции животноводческая специализация сохранялась. В 1925–1929 гг. Барабинский округ давал ежегодно 9 тыс. т масла (23 % всех заготовок по Сибирскому краю)²⁹.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 230. Л. 10.

²³ Там же. Оп. 34. Д. 171. Л. 293, 310.

²⁴ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 48.

²⁵ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 305.

²⁶ Там же. Л. 308.

²⁷ Там же. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 47 об.

²⁸ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 457.

²⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 153.

Осушительная система, созданная еще до революции, при большевиках постепенно приходила в упадок. Как следствие, местность страдала от частых затоплений вследствие разлива многочисленных водоемов и подъема грунтовых вод. От этого гибли урожаи, сокращались кормовые угодья. В целом характер почвенного покрова, состоящего из легкого чернозема, подзола и солонцеватых земель с исключительно малым содержанием гумуса, легко выпахиваемого и быстро распыляемого, делал малопродуктивным производство зерна³⁰. Однако в 1930-е гг. вопреки исторически сложившейся специализации государство ориентировало районы Барабинской степи на форсированный рост зернового производства. Посевные площади с 1928 по 1942 г. возросли с 409 до 1 027,8 тыс. га с резким увеличением удельного веса зерновых³¹. Вопреки здравому смыслу колхозы принуждены были растрачивать большую часть труда на производство хлеба в ущерб экономически выгодному животноводческому направлению хозяйства.

Аграрная политика государства не учитывала локальные различия в условиях ведения сельского хозяйства, возникавшие в рамках одного региона. В Барабинской степи переход к погектарному принципу обложения обернулся разрушительными для многоземельных колхозов заготовительными планами. Усилившийся мобилизационный натиск приводил к быстрому обнищанию крестьянства. Еще в 1937 г. в Барабинской группе районов более трети колхозов выдавали на трудодень свыше 5 кг зерна. В 1942 г. не осталось ни одного колхоза с выдачей хлеба, превышающей 2 кг на трудодень, а количество артелей, выдававших до 1 кг, возросло до 97,6 % от общего количества³². Катастрофическими были последствия для барабинского животноводства: сокращение кормовых угодий из-за повторного заболачивания, чрезмерные объемы мясопоставок, отвлечение рабочей силы на полеводство, вынужденная сдача мяса в счет выполнения хлебозаготовительных планов приводили к стремительному сокращению поголовья стада. По районам Барабинской степи с 1 января 1940 г. по 1 декабря 1943 г. поголовье КРС в колхозах сократилось на 207,4 тыс. голов, овец – на 151,8 тыс., лошадей – на 74,3 тыс. голов³³. В результате власть так и не смогла воспользоваться преимуществами столь специфической в сельскохозяйственном отношении зоны, но, напротив, усугубила ее недостатки, превратив в очаг постоянных вспышек голода.

Голод военного времени, помимо географической, имел и социальную локализацию. Уязвимыми перед ним оказывались прибывшие контингенты населения, к приему которых Новосибирская область оказалась не готова. Речь идет не только о депортированных на спецпоселение, но и об эвакуированных из прифронтовых регионов. Новосибирская область, по сравнению с другими регионами Западной Сибири, приняла наибольшую часть эвакуированных. В январе 1943 г. здесь находилось 504 25 чел., из которых 193 052 были расселены в сельской местности³⁴. Та часть контингента, которая осела в крупных городах и была прикреплена к эвакуированным предприятиям, испытывала меньшие трудности. В сельской же местности ощущались постоянные перебои в снабжении хлебом, а обзаведению собственным хозяйством препятствовало недостаточное выделение подъемных средств. Большинство из эвакуированных (31 %) прибыли из Ленинградской области³⁵. Люди, спасавшиеся от ужасов блокады, и на новом месте сталкивались с реальной опасностью голодной смерти. Ленинградцы жаловались на перебои в снабжении, используя все возможные каналы. Весной 1943 г. в редакцию газеты «Советская Сибирь» ежедневно поступало 2–3 письма из районов области от эвакуированных с жалобами на нерегулярное выделение пайков. Например, в коллективном письме ленинградцев, расселенных в Здвинском районе, обстановка с продовольственным снабжением описывалась следующим

³⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 160.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 248.

³³ Там же. Л. 156.

³⁴ Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2015. № 2. С. 39.

³⁵ Там же. С. 40.

образом: «Наше положение ужасное, ни овощей, ни картофеля не имеем. Из сельпо получаем только один хлеб по 400 граммов на работника и по 300 – на иждивенца, и то не каждый день. С 10 по 25 ноября получили только 50 процентов этой нормы, а в декабре в выдаче хлеба совсем отказали. Председатель сельсовета объясняет это несвоевременным получением нарядов на хлеб, а руководители районных организаций ссылаются на военное положение и предупреждают, что будет еще хуже. У многих из нас от голода появились отеки»³⁶. Ленинградец Лебедев из с. Торобеево Пышкино-Троицкого района писал: «Я приехал сюда, чтобы спасти двух маленьких детей от смерти, но сижу здесь голодом. В январе моей семьи не давали совершенно хлеба 21, 22, 23 числа. С 5 февраля вот уже пять дней не дают хлеб. Дети сидят голодом. Даже в блокированном Ленинграде не было случаев, чтобы лишали пайка. Если нас нельзя снабдить хлебом, то пусть отвезут обратно в Ленинград, иначе мы подохнем с голода»³⁷.

В числе наименее защищенных слоев населения находились спецпоселенцы – как расселенные в Новосибирской области до войны, так и прибывшие в числе депортированного контингента (из Республики Немцев Поволжья, Калмыкии, прибалтийских республик, Западной Украины и Белоруссии). На почве крайне тяжелых материально-бытовых условий среди ссыльнопоселенцев Нарымского округа возрастила смертность. По сообщению начальника Пудинского районного отделения НКВД, «в Шерстобитовской и Н[ижне]-Тавангинской комендатурах от недоедания в январе месяце 1943 года умерло 5 чел. ссыльнопоселенцев. Семьи ссыльнопоселенцев <...>, имеющие в своем составе малолетних детей, находятся на грани смерти»³⁸. В артелях «Переселенец» и «Верный путь» Пихтовского района за первые 20 дней февраля 1943 г. умерли от голода 18 чел. За один день вымерла вся семья Д., состоявшая из матери и двух детей³⁹.

С января по июль 1944 г. в Новосибирскую область прибыло на спецпоселение 6 513 семей (19 248 чел.) калмыков⁴⁰. Большая часть выделяемых для них продовольственных фондов не доходила до адресатов и расходовалась на местах бесконтрольно. Например, в Чистоозерном районе из выделенных 112 ц зерна калмыки получили только 42. В результате большинство из них неделями не получали никаких продуктов питания⁴¹. Фиксировалась высокая смертность на почве недоедания: в колхозе «Труженик» Купинского района из 46 вселенных калмыков умерло к середине июля 1944 г. 8 чел., в колхозе «Пятилетка Ильича» из 43 вселенных умерло 18 чел., в колхозе «Красный пролетарий» из 61 чел. погиб 21⁴².

Сельские жители во время войны оказались наименее защищенной категорией населения. Испытывая мобилизационный нажим, крестьянство не получало от государства никаких гарантий выживания. Голод свирепствовал в тех районах, где сложившиеся условия ведения сельского хозяйства не соответствовали тяжести заготовительной политики, мало чувствительной к такого рода локальным различиям. Признаки относительной стабилизации продовольственного положения наблюдаются только в 1944–1945 гг., когда нагрузка натурального налогообложения на регион ослабла. Однако эта стабилизация не коснулась контингента спецпоселенцев, среди которых и на завершающем этапе войны голод продолжал уносить жизни.

Послевоенный голод. Виды на урожай 1946 г. в Новосибирской области внушали оптимизм. Биологическая (на корню) урожайность зерновых составляла в колхозах 8,7 ц/га по сравнению с 5,2 ц/га в 1945 г. и 6,2 ц/га в 1944 г.⁴³ Новосибирская область в перспективе могла предоставить правительству необходимые хлебные ресурсы, которые должны были

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 99–100.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 171. Л. 137.

³⁹ Там же. Л. 306.

⁴⁰ Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сб. документов. Новосибирск, 2018. С. 4.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Там же. С. 49.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 11. Д. 25. Л. 79.

частично компенсировать нехватку зерна в западных регионах страны, пострадавших от сильнейшей засухи. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июля 1946 г. увеличивало первоначально принятый 26 июня план обязательных поставок зерна колхозами на 32,77 тыс. т⁴⁴. В октябре хлебозаготовительные планы по области были дополнительно пересмотрены в сторону повышения⁴⁵.

Трудности начались в августе 1946 г., когда необходимо было приступить к уборке хлебов. Последний месяц лета отметился аномально дождливой погодой, которая затягивала уборочную кампанию. В ряде районов (и здесь снова выделяется Барабинская степь) из-за подъема грунтовых вод урожай был затоплен⁴⁶. К концу августа план косовицы зерновых по области был выполнен лишь на 17,5 %. Важнейший для уборочной кампании месяц был упущен. Для сравнения, в 1945 г. к этому же сроку было скошено 52,7 % зерновых⁴⁷. Как следствие, значительно возросли потери, которые дополнительно умножались по причине отсутствия в колхозах сушилок. Область была абсолютно не подготовлена к уборке урожая в аномально дождливых условиях. Например, на весь Купинский район в колхозах имелось всего три готовых к эксплуатации сушилки⁴⁸.

В октябре 1946 г. в Новосибирскую область прибыл секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков с целью активизировать затухающие темпы хлебозаготовок. Присутствие посланника политического Центра должно было воспрепятствовать переходу кампании в ту фазу, когда местные власти ослабляют давление на колхозы ввиду необходимости сохранить продовольственный и семенной резерв. Такой стиль руководства был объявлен «порочным». Как указывалось в одном из постановлений обкома, районные руководители и уполномоченные «считают неприятным для себя делом заставлять колхозы выполнять закон о хлебозаготовках, и поэтому, для формы отсиживаясь в колхозах, своей бездеятельностью прикрывают жульнические и саботажнические действия руководителей колхозов, не желающих выполнять план хлебозаготовок»⁴⁹. Подогреваемая Г.М. Маленковым сверхактивность заготовителей грозила катастрофическими последствиями для продовольственного состояния колхозов. Как и во время войны, власть проявляла сознательную слепоту к тому, какое количество зерна останется в колхозах после опустошительной заготовительной кампании. Еще 6 декабря 1942 г. правительство запретило собирать на местах данные о фактическом намолоте урожая в колхозах⁵⁰. На деле это означало запрет местным властям действовать с оглядкой на колхозные хлебоффужные балансы. Хлеб изымался без учета остатка, необходимого колхозам для выживания.

В 1946/1947 г. по области было заготовлено 21 491 тыс. пудов хлеба. Первоначальный план хлебозаготовок от 26 июня выполнен на 102,3 %. Для выполнения повышенного задания не хватило 2 761 тыс. пудов⁵¹. Чрезмерное изъятие хлеба вновь спровоцировало голод в сельской местности, прежде всего в тех районах, которые и ранее были перед ним уязвимыми. В Здвинском районе все три месяца лета лили проливные дожди. В пяти сельсоветах 90 % посевов огородных культур (картофель и овощи) погибли от наводнения. Колхозники получили 120–150 г зерна на трудодень, которые быстро закончились⁵². В аналогичном положении оказался Доволенский район, где только три колхоза выдали свыше 500 г зерна на трудодень⁵³. Первый секретарь Маслянинского райкома оповещал областное руководство о том, что ситуация в ряде колхозов настолько напряженная, что колхозники пытаются одной мякиной и куколем, а район не в состоянии изыскать ресурсы,

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 926. Л. 53.

⁴⁵ Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск, 2013. С. 62–63.

⁴⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 955. Л. 221.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 247.

⁴⁹ Там же. Д. 933. Л. 170.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 263.

⁵¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 960. Л. 154.

⁵² Там же. Оп. 34. Д. 252. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 8.

чтобы оказать необходимую помощь⁵⁴. В Убинском районе 1 118 семей находились в бедственном положении, не имея продовольствия⁵⁵.

На фоне разворачивавшегося в стране продовольственного кризиса государство приняло решение сократить контингент лиц, находившихся на продовольственном снабжении. Сфера распределения карточек и талонов отличалась высокой коррумпированностью, что и стало поводом для ее ревизии в целях экономии хлеба. В результате проверки в сентябре–октябре 1946 г. в Новосибирской области действительно оказалось, что карточки выдаются и отовариваются бесконтрольно. Заведующие райторготделами, председатели совхозов завышали контингент, находящийся на пайковом снабжении⁵⁶. В Венгеровском районе талоны на получение хлеба превратились в своего рода «валюту». Этими талонами расплачивались за аренду амбаров у колхозников, произведенные работы и услуги. Председатель сельпо Туруновского сельсовета Королевич за эксплуатацию колхозных амбаров принял на государственное снабжение хлебом 12 семей, а чтобы скрыть этот факт, в списках на раздачу хлебных талонов указывал вымышленные фамилии несуществующих работников⁵⁷. Проверка показала, что основная масса нарушений в части «разбазаривания» хлебных фондов имела место в сельской местности. Такое положение объяснялось чрезвычайно плохой постановкой контроля за правильным расходованием хлебных талонов со стороны райторготделов, сведению их функций к механическому утверждению списков на выдачу хлеба, представляемых сельсоветами, предприятиями и учреждениями⁵⁸.

В итоге государство пошло на резкое сокращение контингента, находившегося на продовольственном снабжении. Неудивительно, что оно происходило в большей степени за счет сельского населения. На октябрь 1946 г. для сельской местности Новосибирской области был установлен лимит в количестве 65 тыс. чел. по сравнению с 506 тыс. чел. в сентябре того же года⁵⁹.

Большинство совхозных рабочих оказались лишенными продовольственных карточек. Находившиеся в зоне подъема грунтовых вод совхозы Барабинского союзмоллеста столкнулись с тяжелейшей продовольственной ситуацией. Хлебными карточками был обеспечен лишь каждый десятый или каждый двенадцатый из совхозных работников⁶⁰. Большая часть урожая картофеля и других овощей погибла из-за проливных дождей. Семьи, вовсе не имевшие личных хозяйств, были обречены на голод. В большом количестве регистрировались случаи опухания от недоедания (2 347 взрослых и 215 детей) и желудочных заболеваний. Имелись случаи голодных смертей среди взрослых рабочих и престарелых.

Одновременно государство вело кампанию по борьбе против нарушений колхозного устава. В Новосибирской области она началась еще в 1943 г. после издания 20 октября постановления ЦК ВКП(б) «О фактах разбазаривания общественного имущества в колхозах Новосибирской области». В 1946 г. кампания приобрела общесоюзный характер в связи с принятием постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Ее цель – упрочение дисциплины в колхозах, борьба с неправильным распределением трудодней, незаконным захватом артельной земли под ЛПХ, расхищениями колхозной собственности. Активность местных властей в этом направлении должна была поставить пределы крестьянским практикам использования колхозных ресурсов в личных целях. Тем самым власть наращивала усилия, чтобы заблокировать индивидуальные тактики спасения от голода через самовольное присвоение земли или продукции. Крестьянство обрекалось на голод, учитывая, что легальных колхозных заработков не хватало для сведения концов с концами.

⁵⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 960. Л. 89.

⁵⁵ Там же. Л. 107.

⁵⁶ Там же. Д. 208. Л. 82.

⁵⁷ Там же. Л. 83.

⁵⁸ Там же. Л. 121.

⁵⁹ Там же. Л. 124.

⁶⁰ Там же. Л. 195.

Несмотря на то, что региональная власть оказывала продовольственную помощь бедствовавшим районам, она была запоздалой и недостаточной. Например, руководство Убинского района сообщало, что в январе–феврале 1947 г. району выделено 1 600 ц картофеля и 300 ц овощей. Однако в наличии оказалось только 777 ц картофеля, остальной либо скнил, либо был уже ранее отгружен по нарядам, а облпотребсоюз имел неправильную информацию об остатках⁶¹. Секретарь Маслянинского райкома сообщал, что небольшое количество хлеба, отпущенное облисполкомом, позволяло несколько недель поддерживать остронуждающиеся семьи. Но к концу марта источники продовольственной помощи иссякли⁶². В июне 1947 г. Совет Министров СССР дал распоряжение Новосибирскому областному отделу торговли выделить районам 500 т зерна для организации общественного питания в колхозах⁶³.

Урожай 1947 г. не смог разрешить продовольственного кризиса. Районы Барабинской степи вновь оказались в зоне затопления из-за подъема грунтовых вод. Доходило до того, что местным властям приходилось переселять население в менее пострадавшие от наводнения колхозы. Почти все посевы в Барабе были подвергнуты заморозкам и дали ничтожно низкий урожай⁶⁴. Голод в сельской местности продолжался зимой 1947/1948 г. 11 декабря 1947 г. первый секретарь Доволенского райкома писал секретарю обкома ВКП(б) М.В. Кулагину: «Вынужден довести до Вашего сведения и сведения членов бюро Обкома ВКП(б) о тяжелом положении с обеспечением колхозников продуктами питания. Создалось настолько тяжелое положение, что я [его] считаю, в полном смысле слова, чрезвычайно тяжелым положением»⁶⁵.

Гораздо более красноречиво о голоде писали в декабре 1947 г. в письмах родственникам сами колхозники. Жительница деревни Сарабалык Доволенского района сообщала: «Жизнь наша незавидная, едут из Сарабалык, не хотят пропасть, жить нам плохо стало. Ни хлеба, ни картошки, и разъезжаются люди, куда глаза глядят. Хлеб не родился, на трудодни нисколько не получим. Колхозы совсем не кормят, общего питания не было все лето и в хлебоуборочную также не кормили, а сейчас здесь не при чем жить совсем»⁶⁶. Школьница из дер. Морозовка Венгеровского района писала своему родственнику: «Живем очень плохо, совсем с голоду умираем. Приезжай домой скорее, а то ты нас не захватишь, все умрем. Все мы голодные и босые. Я училась в третьем классе, а теперь не учусь, и Маруся тоже бросила»⁶⁷. Колхозник артели им. Кагановича писал: «Сейчас продаем все. Хлеба не купишь, картошка 70 рублей пуд. К весне замрем с голоду. Жить тяжело. Жить мне на свете невесело, так что я жить не намерен. Я думаю погибнуть. Семья у нас разбитый корабль – семья душ. Если можно, то помогай, аль нельзя – то будем с голоду умирать»⁶⁸. Из письма жителя деревни Знаменка Татарского района: «Хлеб доели, сегодня переключаемся на остатки картофеля и брюквы. Тошно смотреть на маленьких, которым негде достать, не могут и заработать негде. Вера уезжает, потому что кормиться нечем. Скоро и я побегу, не знаю только куда. Здоровье мое сильно слабое. Видимо, наша такая судьба. Жалко только Валю и Галю, они еще очень малы»⁶⁹. Продовольственная ситуация в Новосибирской области стабилизировалась только к 1949 г.

Заключение. Усиление мобилизационного давления на колхозную деревню, начавшееся в 1940 г., происходило в условиях экономической системы, которая была крайне неэффективна в разрешении локальных продовольственных кризисов. Фактически она не предусмат-

⁶¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 252. Л. 107.

⁶² Там же. Л. 89.

⁶³ Лапердин В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. С. 108.

⁶⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 409. Л. 23.

⁶⁵ Там же. Оп. 34. Д. 249. Л. 152.

⁶⁶ Там же. Л. 105.

⁶⁷ Там же. Л. 144.

⁶⁸ Там же. Л. 146.

⁶⁹ Там же. Л. 148.

ривала никаких собственных (экономических) механизмов превентивного реагирования на угрозы продовольственной безопасности (к примеру, в рыночной экономике таким механизмом мог быть рост цен на продовольственные товары, который провоцировал приток продукции из других регионов). В функционировавшей в 1940-е гг. экономической системе любая локальная нехватка продовольствия могла быть разрешена только вмешательством политической власти. Последняя реагировала запоздало, безадресно, с многочисленными, в том числе коррупционными издержками (не поддается подсчету количество зерна, расхищенного или испорченного во время его переброски по товаропроводящей сети). Зачастую власть предпочитала закрывать глаза на экономические причины голода, укладывая их в привычную политическую схему последствий «вредительской» деятельности «врагов» советского режима. Власть сама же блокировала возможные каналы информирования о продовольственных угрозах, запрещая в годы войны и после нее собирать данные о фактической урожайности в колхозах, составлять районные хлебоффуражные балансы. Большие усилия она прикладывала к тому, чтобы затруднить реализацию индивидуальных крестьянских тактик самозащиты от голода: повышая обязательный минимум трудодней (фактически запирая крестьянский труд в колхозах, которые не в состоянии были обеспечить работникам минимальных потребностей), борясь с нарушениями устава сельхозартелей (преграждая колхозникам возможность использования колхозных полей под личные нужды и затрудняя участие колхозов в теневом секторе экономики). Сила действия двух разнонаправленных тенденций, сверхнормированного изъятия продовольствия у колхозов и борьбы за колхозную дисциплину сама по себе создавала угрозу продовольственной безопасности.

Проводимая государством аграрная политика была крайне нечувствительна к локальным различиям в условиях ведения сельского хозяйства. Навязанная всему региону зерновая специализация негативно сказывалась на тех районах, где полеводство по природно-климатическим условиям было обречено быть малопродуктивным. Погектарный заготовительный принцип не учитывал ни плодородия закрепленных за артелями земельных площадей, ни обеспеченности колхозов рабочей силой для их продуктивного использования. Недостаток гибкости в аграрной политике на фоне усиления мобилизационного давления приводил к возникновению уязвимых для голода мест, где неоднократно воспроизводилась ситуация острой нехватки продовольствия.

Проведенный анализ заставляет вновь обратить внимание на структуру социального неравенства в советском государстве. Сельское население было наименее защищенным перед угрозой голода. Власть не предоставляла колхозникам никаких гарантий выживания, а усиление мобилизационного давления само по себе несло угрозу крестьянству. Даже в случае послевоенного голода, которого из-за катастрофической засухи в западных регионах вряд ли можно было избежать, следует учитывать, что отбор его жертв во многом зависел от принципов политической и экономической системы. Сельские жители по-прежнему оставались той категорией населения, которую государство готово было в случае необходимости принести в жертву ради выживания городов.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сборник документов / сост. О.В. Выдрин, И.В. Самарин. Новосибирск, 2018. 197 с.

Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2013. С. 57–65.

Лапердин В.Б. Развитие населения Западной Сибири в послевоенные годы (1946–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 228 с.

Матлин М.Г. Голод 1941–1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. Ижевск: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 177–92.

Никитина С.Е. Глубокий тыл в Великую Отечественную войну: голод в Якутии (1941–1945 гг.) // Молодой ученый. 2015. № 17-1 (97). С. 30–34.

Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (155). С. 38–41.

Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1–2. С. 63–67.

Шалак А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. С. 122–133.

Шарапов С.В. Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 1. С. 81–88.

References

- Il'inyh, V.A., Kavcevich, O.K. (Eds.). (2011). *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.* [Agrarian Policy of the Soviet State and Siberian Agriculture in the 1930s]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.
- Il'inykh, V.A. (2013). Khlebozagotovitel'naya kampaniya 1946 g. v Novosibirskoy oblasti [Grain Procurement Campaign of 1946 in the Novosibirsk Region]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2013*. Irkutsk, pp. 57–65.
- Khisamutdinova, R.R. (2014). Golod v ural'skoy derevne v gody Velikoy Otechestvennoy voynы [Famine in the Ural Village During the Great Patriotic War]. In *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 12, pp. 63–67.
- Laperdin, V.B. (2013). *Razvitie naseleniya Zapadnoy Sibiri v poslevoennye gody (1946–1950 gg.)* [Population Development in Western Siberia in the Postwar Years (1946–1950)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 228 p.
- Matlin, M.G. (2017). Golod 1941–1947 gg. v ustnykh rasskazakh sel'skogo naseleniya Ul'yanovskogo Povolzh'ya [The Famine of 1941–1947 in Oral Stories of the Rural Population of the Ulyanovsk Volga Region]. In *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetskom prostranstve*. Izhevsk, Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 177–192.
- Nikitina, S.E. (2015). Glubokiy tyl v Velikuyu Otechestvennuyu voynu: golod v Yakutii (1941–1945 gg.) [Deep Rear in the Great Patriotic War: Famine in Yakutia (1941–1945)]. In *Molodoy uchenyy*. No. 17-1 (97), pp. 30–34.
- Shalak, A.V. (2010). Golod v 1940-e gg.: otsenka masshtabov i sotsial'naya geografiya (na primere Vostochnoy Sibiri) [Famine in the 1940s: Scale Estimation and Social Geography (On the Example of Eastern Siberia)]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2010*. Irkutsk, pp. 122–133.
- Sharapov, S.V. (2021). Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti i Altayskogo kraja nakanune Velikoy Otechestvennoy voynы: ekonomicheskiy i sotsial'no-politicheskiy aspekty [Agriculture of the Novosibirsk Oblast and Altai Krai on the Eve of the Great Patriotic War: Economic and Socio-Political Aspects]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 1, pp. 81–88.

Snegireva, L.I. (2015). Sostav naseleniya, evakuirovannogo v Zapadno-Sibirskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Composition of the Population Evacuated to the West Siberian Rear During the Great Patriotic War]. In *Vestnik TGPU*. No. 2 (155), pp. 38–41.

Vydrina, O.V., Samarin, I.V. (Eds.). (2018). *Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoy zemle: rasselenie i obustroystvo. Dekabr' 1943–1946 gg.* [Deported Kalmyks on the Novosibirsk Land: Settlement and Settlement. December 1943–1946]. Novosibirsk. 197 p.

Vyltsan, M.A., Kondrashin, V.V. (2004). Patriotizm krest'yanstva [Patriotism of the Peasantry]. In *Vojna i obshchestvo, 1941–1945*. Moscow. Vol. 2, pp. 50–77.

Р.В. Павлюкевич*

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 1953–1964 ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-14
 УДК 94:636(571.51)"1953/1964"

Выходные данные для цитирования:
 Павлюкевич Р.В. Динамика развития животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 годах // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 177–189.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-14.pdf>

R.V. Pavlyukevich*

DYNAMICS OF LIVESTOCK BREEDING DEVELOPMENT IN KRASNOYARSK KRAI IN 1953–1964

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-14

How to cite:
 Pavlyukevich R.V. Dynamics of Livestock Breeding Development in Krasnoyarsk Krai in 1953–1964 // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 177–189.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-14.pdf>*]*

Abstract. The relevance of the article is conditioned by the necessity to revise the historical experience of past attempts of transformations in the field of agriculture in the conditions of increasing geopolitical uncertainty and the need to strengthen the product sovereignty of the Russian Federation. The scientific novelty of the study is due to the relative understudy of this topic in modern historiography and the introduction of new previously unused sources. During the period of N.S. Khrushchev's leadership of the country, a huge number of various transformations were carried out, including in the field of animal husbandry. In the second half of the twentieth century, in the conditions of a sharp intensive growth of the urban population and reduction of the rural population, the threat of food supply to cities was created. Against the background of gradual dying out of the previously existing agrarian system in the whole country, and Krasnoyarsk Krai was searching for new ways of agricultural development, capable of "overtaking and overtaking America in meat and milk production". As of 1953 the cattle breeding in Krasnoyarsk region was relatively underdeveloped. Gradually there were attempts to solve the existing problems in the industry, the number of herds was growing. Nevertheless, the existing problems in the industry could not be solved completely. The development was mainly extensive, the production of livestock products did not keep pace with the growth of population needs, and the industry itself remained deeply unprofitable.

Keywords: livestock breeding, reforms of N.S. Khrushchev, agriculture, planned management, Krasnoyarsk Krai.

*The article has been received by the editor on 24.04.2024.
 Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью пересмотра исторического опыта прошлых попыток преобразований в области сельского хозяйства в условиях нарастания геополитической неопределенности и необходимости укрепления продовольственного суверенитета Российской Федерации. Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью данной темы на материалах Красноярского края и введением в научный оборот новых, ранее не используемых архивных источников и документов. В рамках периода руководства страной Н.С. Хрущевым было проведено большое количество разнообразных преобразований, в том числе и в област-

* Руслан Витальевич Павлюкевич, кандидат исторических наук, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: autocrator@yandex.ru

Ruslan Vital'evich Pavlyukevich, Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: autocrator@yandex.ru

ти животноводства. Во второй половине XX в. в условиях резкого интенсивного роста городского населения и сокращения численности сельского создавалась угроза снабжения городов продуктами питания. На фоне постепенного отмирания существовавшего ранее аграрного строя в рамках всей страны и Красноярского края происходил поиск новых путей развития сельского хозяйства, способного «обогнать и перегнать Америку по производству мяса и молока». Животноводство Красноярского края на 1953 г. было относительно слабо развито. Осуществлялись попытки решения существующих в отрасли проблем, происходил рост численности стада. Тем не менее решить существующие в отрасли проблемы полностью не удалось. Развитие происходило в основном экстенсивно, производство продукции животноводства не спасало за ростом потребностей населения, а сама отрасль оставалась глубоко убыточной.

Ключевые слова: животноводство, реформы Н.С. Хрущева, сельское хозяйство, плановое управление, Красноярский край.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024 г.

Введение. В 1950-х гг. происходил устойчивый интенсивный рост городского населения при сокращении численности сельского. Это в свою очередь в рамках имевшегося на тот момент аграрного строя в перспективе создавало опасность дефицита продуктов питания, а соответственно и роста недовольства населения, реальность которого показали события новочеркасского расстрела. Тем более советское государство, ставившее перед собой цель построения подлинно социалистического, а затем и коммунистического государства, было обязано обеспечить все население продуктами питания в полной мере, это был вопрос идеологического характера. Что подтверждалось и самим Н.С. Хрущевым, выдвинувшим знаменитый лозунг о необходимости для советского сельского хозяйства догнать и перегнать США по производству мяса и молока. Все это требовало особого внимания к развитию животноводства.

Одной из дополнительных проблем в вопросе обеспечения страны продуктами животноводства выступали относительно малые сроки годности ее продукции, что в условиях гигантских размеров страны, отдаленности многих населенных пунктов и слабой развитости логистики требовало развития базы животноводства в отдаленных регионах. Так, Красноярский край в силу своего расположения, размеров и расстояния между отдельными районами снабжать продукцией животноводства из соседних регионов было затруднительно.

Целью статьи выступает исследование динамики развития животноводства Красноярского края в период 1953–1964 гг. После смерти И.В. Сталина существовавший аграрный строй себя исчерпал. Начались поиски новых путей управления и развития, связанные с реформами Н.С. Хрущева и завершившиеся его отставкой в 1964 г.

Методологической концепцией исследования выступает теория модернизации, а также концепция смены аграрного строя В.А. Ильиных, которая рассматривает период 1953–1964 гг. как переходный между аграрным строем сталинского этапа и аграрным строем позднего СССР. Характерной особенностью сталинской модели аграрного строя, как отмечает новосибирский историк, выступало внеэкономическое принуждение, применяемое в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализация системы налогообложения деревни¹. После смерти И.В. Сталина начинается переходный этап, связанный с отказом от особенностей прежних аграрных отношений. Итогом развития сельского хозяйства хрущевского периода становится складывание новой модели аграрного строя, характерными чертами которой выступало укрупнение производственных структур (особенно

¹ Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 160.

в Сибири), индустриализация сельскохозяйственного производства, труда и системы оплаты².

Источниками исследования выступают материалы Красноярской плановой комиссии и Красноярской статистической комиссии, содержащиеся в коллекциях Государственного архива Красноярского края. Данные материалы позволяют рассмотреть процессы развития животноводства в указанные хронологические рамки.

Среди трудов, посвященных рассматриваемой проблеме, в первую очередь следует назвать труды сектора аграрной и демографической истории Института истории СО РАН и монографию «Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. Выбор путей и методов модернизации». В работе рассмотрены как базовые, так и альтернативные концепции развития сельского хозяйства региона. В главе 5 монографии рассматриваются предпосылки хрущевских преобразований и выбранные пути развития в этот период³. Более предметно развитие сельского хозяйства в данный период проанализировано в первой главе другой монографии «Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.». В ней авторы повторяют идею о переходности периода, отмечая, что развитие животноводства испытывало те же кризисные явления, что и сельское хозяйство в целом⁴. Проблемы складывания, смены и особенностей аграрного строя отражены в уже упомянутых работах В.А. Ильиных⁵. Разработка развития сельского хозяйства в годы Н.С. Хрущева отражена и в отдельных работах представителей новосибирской школы, в первую очередь С.Н. Андреенкова. В его монографии «Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг.» рассматриваются мероприятия в области сельского хозяйства, в том числе по повышению производства продукции животноводства⁶. В другой его работе «Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов» рассматривается поиск путей улучшения работы существовавшей системы, в том числе и животноводства⁷. Последствия преобразований на развитие молочного животноводства Кемеровской области отражены в статье Д.С. Орлова⁸. Животноводческая проблематика на материалах Красноярского края в конце 1940 – начале 1950-х гг. затрагивается лишь в работе Е.А. Борисенко⁹.

Состояние животноводства на начало периода. По состоянию на 1953 г. животноводство Красноярского края находилось на крайне низкой стадии индустриализации. В крае было представлено разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей и птицы, кроме того, на севере края имело место традиционное оленеводство, но оно представляло собой особенный случай и поэтому не будет рассмотрено в рамках данной статьи.

Самым распространенным видом скота в крае были овцы, на них приходилось 52 % от общего стада. Овцы были неприхотливы и требовали в первую очередь обширных пастбищ, к тому же овцеводство – традиционное занятие для Хакасии, входившей в состав Красноярского края. Вторая по численности группа – крупный рогатый скот (КРС), на долю которого приходилось около четверти от общего стада. Доли свиней и лошадей в общем

² Ильиних В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 628.

³ Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX в.: Выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 75–81.

⁴ Орлов Д.С., Ильиних В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018. С. 10–34.

⁵ Ильиних В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 160; Ильиних В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке... С. 628.

⁶ Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007. С. 154–168.

⁷ Андреенков С.Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 109–120. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf> (дата обращения: 20.04.2024 г.).

⁸ Орлов Д.С. К истории молочного животноводства в Кемеровской области в 1970-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 172–182.

⁹ Борисенко Е.А. Основные направления и результаты работы колхозов Красноярского края по выполнению трехлетнего плана развития общественного животноводства в послевоенные годы (1949–1951) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 3. С. 122–135.

стаде скота в Красноярском крае были примерно равны, составляя около 11–12 %. В Западной Сибири пропорции в целом схожие: овцы – 40,9 %, КРС – 33,8 %, свиньи – 15,3 %¹⁰.

Соотношение удельного веса обобществленного и личного животноводства зависело от вида скота. Так, наибольшая доля обобществленного скота приходилась на свиней (73,3 % колхозы, 13,6 % совхозы и только 13,1 % у населения) и мелкий рогатый скот (68,4 % колхозы, 19,3 % совхозы и 12,3 % в личной собственности). 49,4 % КРС находилось в личной собственности колхозников, рабочих и служащих Красноярского края, на долю колхозов и совхозов приходилось 38,6 и 12 % соответственно. Данное соотношение было связано с тем, что КРС, и особенно коровы, являлись основой благосостояния человека и источником продуктов питания для семьи. Поэтому население стремилось к тому, чтобы иметь их в своих хозяйствах. Это касалось даже городского населения: так, 44,6 тыс. коров, или 12 % от всего их количества, разводилось в городах Красноярского края (по состоянию на 1955 г.)¹¹.

В развитии животноводства имелось множество проблем. В период с 1951 по 1954 г. наблюдался относительно медленный темп роста поголовья скота. Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС рекомендовал довести удельный вес коров среди поголовья КРС до 50–60 %. Рекомендуемыми показателями могли похвастаться не более 5 % сельхозартелей из 1201, а у 93,3 % колхозов удельный вес коров составлял менее 40 %. При этом плановые органы отмечали, что в сельском хозяйстве края работа по выращиванию телок и сохранению нетелей велась плохо. В результате падежа и нерационального использования в 27 районах Красноярского края в 1954 г. было допущено сокращение поголовья коров.

Среди имевшихся проблем, кроме высокого падежа, следует назвать нехватку кормов. В 1954 г. обеспечение скота кормами осуществлялось значительно хуже, чем в 1953 г. (грубыми – на 75,9 %, сочными – на 64,3 %). Лишь 12 районов края смогли лучше обеспечить свой скот¹². При этом корм бросался скоту буквально под ноги, не обеспечивалась работа по сооружению кормушек. Все это в совокупности привело к плохой организации зимовки скота, низкому уровню ухода и кормления в период с 1 октября по 1 февраля 1954 г., что вызвало высокий падеж (2,2 % – поголовья КРС, 9,1 % – свиней, 2,1 % – овец)¹³.

Еще одной проблемой была нехватка качественных помещений для размещения скота. Обеспеченность ими по лошадям составляла 72,7 %, свиньям – 86,7, КРС – 93,3, овцам – 95,6 %. Общая обеспеченность помещениями достигла уровня 70–88 %¹⁴. Но эти показатели являлись во многом ложными. Многие из подобных помещений представляли собой банальную крышу, стоявшую на столбах и не имевшую стен, защищавших бы скот от непогоды. Зимой скот замерзал, весной тонул. Так, в колхозе «Сталинский путь» Большегородского района животные содержались в помещениях, подлежащих сносу, при том что, согласно документам, их ремонт проводился ежегодно, подобная ситуация складывалась во множестве других колхозов и совхозов края.

Большинство животноводческих ферм были не укомплектованы квалифицированным кадрами по уходу за животными, а в отдельных колхозах допускалась, выражаясь языком эпохи, «обезличенность в этих вопросах»¹⁵. В реальности уход возлагался на случайных людей, которые часто менялись.

В этих условиях животноводство Красноярского края представляло собой отсталую, относительно слабую отрасль сельского хозяйства, от которой ожидали способность прокормить растущее городское население. Основными задачами, вставшими перед плановыми органами управления и местным сельским хозяйством, стало добиться перелома в этой ситуации и обеспечить рост продукции животноводства.

¹⁰ Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири... С. 13.

¹¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 1861. Л. 38.

¹² Там же. Д. 4127. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 306. Л. 31.

Меры по развитию животноводства Красноярского края в 1953–1964 гг.

Уже в первой половине 1950-х гг. были подготовлены планы развития животноводства. Пленум ЦК КПСС, проведенный в январе 1955 г., утвердил развернутую программу развития отрасли, поставив задачу полностью удовлетворить потребности населения в продукции животноводства. Производство мяса предполагалось увеличить за счет улучшения организации нагула и откорма скота, интенсивного свиноводства и птицеводства. Условиями успеха реализации данных планов представлялось создание крупных птицеферм, птицеводческих хозяйств при колхозах, укрепление кормовой базы за счет кукурузы, повышение механизации труда и строительства новых современных животноводческих помещений¹⁶. Местные власти в основном повторили данные задания, делая дополнительный акцент на создании специализированных животноводческих хозяйств близ городов и рабочих поселков. Впрочем, этот момент был особенно актуален для огромного по территории Красноярского края, чьи поселения достаточно далеко разбросаны друг от друга.

Как уже говорилось выше, 1954 г. стал проблемным для отрасли. Руководство края, анализируя ситуацию, рекомендовало организовать серию проверок в колхозах и совхозах Красноярского края, организовать постоянную охрану кормов и срочно обеспечить кормушками скот. Предлагалось, чтобы колхозники и рабочие совхозов «одалживали» корм для общественного скота.

С 1 октября 1953 по 1 марта 1954 г. в колхозах Красноярского края поголовье КРС сократилось на 8,2 % (на 5 865 голов). Специалисты МТС плохо работали с колхозами. По отдельным районам фиксировалась высокая выбраковка коров, скот не подготавливается к случной кампании. Местное руководство видело проблему в том, что проводилась выбраковка качественного скота с целью выполнения плановых заданий, продажи, обеспечения колхозников мясом. Сталкиваясь с подобной практикой, крайпланом Красноярского края было рекомендовано прекратить практику выбраковки без участия специалистов МТС¹⁷.

Механизация работ в совхозах оставалась на низком уровне. Механическое доение практиковалось только в 20 совхозах. Имелось 99 доильных аппаратов, из которых работало только 52, электрострижка использовалась в 88,8 % совхозов. Одновременно с этим за год произошло снижение надоев на корову с 2 492 до 2 149 кг на корову и настрига шерсти с 3,6 до 3,3 кг¹⁸.

В последующем 1955 г. качественных изменений в работе сельского хозяйства так и не произошло. Вновь главной проблемой развития животноводства Красноярского края называлась нехватка кормов, но плановые органы управления со ссылкой на центральные власти уже видели из нее выход. В 1955 г. впервые было рекомендовано организовать в летнее время подкормку скота кукурузной зеленой массой, что стало следствием кукурузной кампании Н.С. Хрущева¹⁹.

Несмотря на рекомендацию, план заготовки грубых кормов за 1955 г. был выполнен только на 51,7 %, а в последующем 1956 г. и того хуже – на 39,6 %²⁰. Одновременно сложной оставалась проблема с обеспечением скота помещениями. В условиях поставленной задачи стабильного роста поголовья скота и перевода животноводства на индустриальные рельсы строительство помещений даже близко не отвечало этому. Так, план строительства коровников в 1955 г. удалось выполнить только на 46,7 %. В следующем году ситуация ненамного улучшилась (72,4 %). По свинарникам в эти годы были достигнуты следующие показатели выполнения плана – 47,7 и 88,9 %, по овчарням – 21,6 и 70,7 %, по птичникам – 20,1 % и 52,3 % соответственно²¹. Сельхозпредприятия Красноярского края не обладали достаточной собственной базой для их сооружения, а строительные организации зачастую

¹⁶ Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. М., 1958. Т. 4. С. 340–360.

¹⁷ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 4127. Л. 13.

¹⁸ Там же. Д. 1860. Л. 45.

¹⁹ Там же. Д. 1861. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 22–23.

²¹ Там же. Л. 25.

обслуживали их по остаточному принципу, так как параллельно этому шла новая волна индустриальной модернизации Красноярского края со строительством новых объектов промышленности и городского жилья.

Одну из проблем для развития местного сельского хозяйства руководство видело в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), что отражало общесоюзную тенденцию. Краевыми властями отмечались нарушения устава сельхозартелей, связанные с превышением нормативов содержания поголовья скота в ЛПХ. Нарушения были зафиксированы в 4 195 хозяйствах по КРС, в 2 273 – по коровам, в 1 878 – по овцам и в 3 317 – по свиньям²².

В целом к 1956 г. доля общественного скота в крае снизилась, а доля скота в личной собственности, наоборот, выросла²³, что не устраивало краевое руководство. Личный скот для большинства колхозников и рабочих совхозов был в приоритете над общественным. К 1958 г. по сравнению с 1953 г. поголовье скота у населения сельской и городской местности увеличилось по КРС на 27,8 %, по коровам на 17,1 %, по свиньям в 2,3 раза²⁴.

В целом к 1957 г. из хозяйств социалистического сектора лучшую работу по животноводству показывали совхозы. Так, с 1 октября 1953 г. по 1 октября 1956 г. поголовье КРС в госхозах Красноярского края увеличилось на 13,6 тыс. голов (на 14,1 %), коров – на 8,8 тыс. голов (на 27,8 %), свиней – на 21,4 тыс. голов (на 40,5 %), овец – на 17,7 тыс. голов (на 15 %)²⁵. Наиболее заметный рост показало свинопоголовье. Данный вид скота долгое время не был особенно распространён в Красноярском крае. Свинья, в отличие от крупного и мелкого рогатого скота, не требовала большого количества пастбищ, но зато нуждалась в специальных помещениях и оборудовании. В условиях традиционного сельского хозяйства свиноводство было второстепенным, но с началом индустриализации сельского хозяйства в Красноярском крае оно превращалось в одно из самых перспективных направлений решения продовольственного вопроса населения городов. Местное руководство, понимая это, активно поощряло его развитие.

Тем не менее, несмотря на существующие проблемы, с 1953 по 1958 г. численность скота по всем категориям хозяйств увеличилась, темпы роста обобществленного поголовья при этом были ниже, чем личного поголовья²⁶. В крае оставался низкий уровень выхода молодняка при высоком уровне неоправданного расхода его на внутриколхозные нужды, включая продажу мяса на рынке. Главной проблемой оставался высокий падеж из-за нерешенности кормовой проблемы, в том числе из-за нехватки помещений для качественного хранения кормов в зимний период времени. Слабо была организована система искусственного осеменения ветеринарными службами, отсутствовала племенная работа. Фиксировалась высокая текучесть кадров, особенно свинарек²⁷. При этом продуктивность местных хозяйств оставалась низкой, план поставок по всем показателям, за исключением молока, был провален²⁸. Фактически экстенсивный рост стада не сопровождался повышением качества работы со скотом, а соответственно и выходом продукта.

Анализируя ситуацию, краевой совет депутатов в 1959 г. резюмировал, что во многих колхозах и совхозах Красноярского края еще недостаточно используются имеющиеся внутренние резервы хозяйства и слабо мобилизуют тружеников сельского хозяйства²⁹. Имеющийся уровень развития сельского хозяйства продолжал оставаться низким, отмечалось слабое развитие свиноводства и птицеводства. Неудовлетворительной была признана работа по укреплению кормовой базы, не уделялось должное внимание выращиванию кукурузы, однолетних и многолетних трав. Это в свою очередь приводило к низкой продуктив-

²² ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 1861. Л. 35.

²³ Там же. Л. 38.

²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 1994. Л. 203.

²⁵ Там же. Д. 1892. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 1994. Л. 206.

²⁷ Там же. Л. 207–208.

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1893. Л. 22.

²⁹ Там же. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 347. Л. 3.

ности скота и к высокому падежу³⁰. В официальных документах вновь указывалось, что массовое выращивание кукурузы станет выходом из проблемы. При этом колхозы обвинялись в недостаточном внимании к ней. Так, в 1957 г. урожай зеленой массы кукурузы в среднем составлял 54 ц/га, в 1958 г. – 60 ц/га, что было недостаточно³¹. Несмотря на то, что данная культура плохо возделывалась в Сибири, ставка на нее продолжала быть актуальной для местных властей.

В то же время власти искали новые пути и возможности развития животноводства. Усиливается работа по специализации хозяйств: так, например, колхозы подтаежной зоны активно переводили на животноводство и звероводство³². Увеличение поголовья скота осуществлялось в основном за счет общественного фонда. В колхозах и совхозах края план выхода скота в 1960 г. был в целом выполнен по всем категориям, кроме овец. В животноводстве края стали внедряться прогрессивные методы содержания скота: широко применялся подсосный метод выращивания телят, внедрялся крупногрупповой метод содержания свиней при сухом откорме. Это начинало давать эффект, производство мяса в живом весе всех видов скота увеличилось на 16,6 %, яиц – на 54,4, шерсти – на 5, молока на 2 %³³. Низкие темпы прироста производства молока были связаны с низкими темпами увеличения поголовья коров.

В 1960 г. вновь допускалась сдача легковесного и репродуктивного скота в ущерб интересам развития хозяйств³⁴. Закупка скота у населения сократилась, но удельный вес в общем поголовье продолжал оставаться относительно высоким – до 27 %. Кормовой вопрос продолжал оставаться больным: за сезон грубых кормов было заготовлено меньше, чем за зиму 1959–1960 гг. Обеспеченность ими составляла всего 79,5 %, ставка на кукурузу не смогла себя в полной мере оправдать из-за плохих ее урожаев³⁵.

В 1960 г. в связи с идущими процессами преобразования колхозов в совхозы, а также укрупнения колхозов, в Красноярском крае остался только 551 колхоз. По состоянию на 1 января 1961 г. из 493 сельхозартелей не имело свиноводческих ферм 5, овцеводческих – 106, птицеводческих – 30 хозяйств.

В 36 % колхозов поголовье КРС варьировало между 300–599 головами, 23 % приходились на колхозы, обладающие 600–999 головами, и, наконец, замыкали тройку лидеров колхозы, обладающие стадами в 100–299 голов, в 2 % колхозах было менее 100 голов КРС, при этом был единственный колхоз, обладавший стадом в более чем 3 000 голов (колхоз им. Ленина Алтайского района).

Ситуация с коровами в колхозах более характерна. У большей части сельхозартелей (56 %) содержалось от 100 до 299 голов. При этом 5 % колхозов располагали стадами в 500 и более коров. В свиноводстве преобладали колхозы, обладающие стадами в 200–499 и 500–999 голов (37 и 34 % соответственно). Что касается овец и коз, то в большинстве своем колхозы либо вообще не имели их в своем хозяйстве (22 %), либо их численность была в пределах 499 голов (31 %), при этом только пять колхозов в крае содержали свыше 10 000 голов: «Путь коммунизма», колхоз им. Ленина Алтайского района, «Заветы Ильича» Аскизского района, «Путь Ильича» Шушенского района и «40 лет Октября» Усть-Абаканского района. В целом можно отметить, что большинство крупных животноводческих хозяйств находилось на юге Красноярского края. Численность поголовья в хозяйствах могла бы быть выше, как отмечали местные эксперты крайплана и крайстата, если бы не низкая яловость, большой отход молодняка, особенно высокий среди поросят³⁶.

³⁰ ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 347. Л. 3.

³¹ Там же. Л. 48.

³² Там же. Д. 357. Л. 29.

³³ Там же. Д. 359. Л. 21.

³⁴ Там же. Л. 23–24.

³⁵ Там же. Л. 25.

³⁶ Там же. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 3638. Л. 8.

Как отмечал председатель крайплана, в 1960 г. многие руководители колхозов и совхозов ослабили руководство молочным скотоводством³⁷. В ряде районов края вновь была зафиксирована высокая немотивированная выбраковка коров. Она позволяла, с одной стороны, ряду колхозов выполнить плановые задания по мясу досрочно, но наносила урон по качеству поголовья и нарушала долгосрочные планы увеличения доли коров в стаде КРС. Крайпланставил задачу довести к концу 1961 г. численность коров в крае до 250 тыс. голов, поэтому требовал прекращения практики забоя «малопродуктивных коров»³⁸.

Вновь отмечался положительный опыт использования крупных птицеферм и фабрик, дававших в краткие сроки отличные результаты со снижением себестоимости. Крайплан предлагал продолжать их создание по всему краю вблизи от городов и рабочих поселений³⁹.

За 1960 г. в крае проведена значительная работа по обеспечению скота типовыми помещениями. За год построено 498 арочных коровников. Кроме того, в 1961 г. ожидалась поставка не менее 750 комплектов арочных скотных дворов, а также организация производства доильных станций и машин для приготовления кормов, что должно было подстегнуть механизацию процессов в животноводстве⁴⁰.

В 1961 г. поголовье скота по всем видам вновь увеличилось. Лучших результатов по росту КРС, свиней и коров добились колхозы и совхозы Ачинского, Богословского, Козульского, Манского и Уярского районов. Производство мяса и птицы выросло на 5,7 %, яиц – на 19, шерсти – на 12, молока – на 8 %. Колхозы и совхозы Хакасской автономной области, Березовского, Балахтинского, Богословского, Иланского, Назаровского, Новоселовского и Уярского районов смогли увеличить производство мяса на 15–35 %, молока – на 15–21 %. Благодаря механизации труда выросла его производительность. В 1961 г. также зафиксировано сокращение падежа скота⁴¹.

Во многих районах Красноярского края работали школы передового опыта, в которых за один 1961 г. прошло обучение 628 свинарек, доярок, птичников и пастухов⁴². В этом году на курсах и семинарах обучались директора, управлявшие отделениями и фермами, главные агрономы и экономисты совхозов, агрономы-семеноводы, бригадиры, бухгалтера, зооветспециалисты и др. (всего более 2 000 чел.)⁴³. В крае организовывались одногодичные и полугодовые курсы по подготовке руководящих кадров сельского хозяйства.

В последующие годы колхозам и совхозам Красноярского края предстояло резко увеличить производство и заготовку продукции животноводства. Особое значение имело увеличение производства молока в пригородных зонах. Необходимо было добиться увеличения удельного веса свинины до 50 %. Было намечено создание дополнительных 100 свиноферм, требовалось дальнейшее углубление специализации животноводческих хозяйств⁴⁴.

В 1962 г. поголовье скота по всем категориям хозяйств Красноярского края по сравнению с 1961 г. выросло. Численность КРС увеличилась на 95 тыс. голов, в том числе коров на 30,6 тыс., свиней на 67,1 тыс., овец и коз на 65,5 тыс. голов. Наращивание поголовья было обеспечено за счет общественного сектора хозяйства, удельный вес которого составил в стаде КРС 65 %, овец – 81, свиней – 62 %⁴⁵.

Производство продуктов животноводства увеличилось за счет колхозов, совхозов и прочих государственных хозяйств. Производство продукции от населения по сравнению с 1961 г. сократилось по мясу на 12,3 тыс. т, молока на 6,1 тыс. т и яиц на 6,7 млн шт. В производстве яиц высокий удельный вес занимали создаваемые государством специализированные хозяйства в лице двух птицеферм, 20 птицесовхозов, 12 крупных птицеферм

³⁷ ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 370. Л. 99.

³⁸ Там же. Л. 100–101.

³⁹ Там же. Л. 102.

⁴⁰ Там же. Л. 107–108.

⁴¹ Там же. Д. 372. Л. 26–29.

⁴² Там же. Л. 26–29.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Д. 386. Л. 19.

в крупных совхозах и 21 в колхозах края. Данные хозяйства в совокупности смогли произвести 41,4 млн шт. яиц, что составило 37,5 % от общего производства⁴⁶.

Государственный план закупок продукции животноводства был выполнен по скоту и птице на 101,3 %, молоку – на 92, яиц – на 105,1, шерсти – на 106,2 %. При этом качество сдаваемого КРС продолжало оставаться невысоким, в то время как качество мяса свиней и птицы улучшилось⁴⁷. В то же время животноводство Красноярского края оставалось глубоко убыточным (табл. 1).

Убыточность животноводства в крае постоянно росла и составляла в 1963 г. уже четверть от себестоимости продукции⁴⁸, несмотря на постепенный рост государственных закупочных цен, темпы наращивания которых не поспевали за удорожанием производства в условиях модернизации.

Таблица 1

Убытки совхозов по животноводству (тыс. руб.)

Год	Всего	Молоко	Свинина	Говядина
1958	7 108	1 463	3 255	3 016
1959	11 572	3 054	4 304	5 014
1960	20 763	5 707	7 095	7 130
1961	21 776	11 774	9 835	4 550
1962	36 460	20 426	12 564	5 625
1963	46 781	21 207	15 761	10 433

Источник: ГААК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 4850. Л. 28.

Плохо велась работа по специализации совхозов, особенно пригородных, призванных обеспечивать Красноярск и другие промышленные центры края продуктами питания. Совхозы получали высокую себестоимость и большие убытки. Себестоимость в 1963 г. 1 ц молока по сравнению с 1961 г. выросла на 6,4 %, говядины – на 8,3, шерсти – на 26 %⁴⁹.

1964 г. стал тяжелым для местного сельского хозяйства, во многом из-за холодной весны, приведшей к срыву сроков работ⁵⁰. Произошло сокращение поголовья свиней, овец и коз. Данное сокращение в основном было связано с сокращением численности скота у населения. Увеличился падеж скота, наибольшие показатели которого были допущены в колхозах и совхозах Ачинского, Казачинского, Курагинского, Минусинского и Шарыповских управлений⁵¹.

По колхозам и совхозам края убой молока на одну корову составил 1 844 кг, что на 206 кг больше предыдущего года. Яйценоскость на одну курицу увеличилась на 24 яйца в год. По состоянию на 1 января 1965 г. механизированная подача воды была обеспечена по фермам КРС на 58,4 %, уровень механического доения коров уже составлял 67 %. Была продолжена работа по дальнейшей специализации хозяйств на производство свинины и птицы. Так, в Назаровском совхозе проведена работа по специализации свиноводства, что позволило увеличить численность свиней на 17,5 % (на 2 979 голов). Всего в крае действовало 53 крупных свиноводческих хозяйства с поголовьем свиней в 193,3 тыс. голов⁵².

Кормовая проблема так и не была решена до конца, все так же план заготовок корма не выполнялся полностью. За 1964 г. план заготовок сена выполнен на 57,1 %, сеносilage –

⁴⁶ ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 370. Л. 21.

⁴⁷ Там же. Л. 23–24.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 4850. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 402. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Д. 429. Л. 8.

⁵¹ Там же. Л. 12–13.

⁵² Там же. Л. 15.

на 55,9 %, что, конечно же, было лучше, чем раньше, но все так же не позволяло говорить об окончательном решении данного вопроса⁵³.

План закупок скота и птицы был выполнен на 108,1 %, молока – на 102, яиц – на 103,8, шерсти – на 100 %. Качество сдаваемого скота значительно улучшилось. Доля неупитанного скота составляла 25,5 % против 26,8 % в 1963 г. по КРС и 5,9 % против 9,1 % по свиньям⁵⁴.

Выводы. В целом в рассматриваемые годы шел поиск новых путей развития животноводства для обеспечения продовольственной безопасности населения Красноярского края. Происходит отказ от сталинских принципов управления сельским хозяйством вместе с процессами укрупнения хозяйств и их индустриализацией. При этом данные процессы наталкивались на нехватку профессиональных кадров, недостаточное количество приспособленных помещений, медленную механизацию труда, и, конечно же, ключевой проблемой выступала кормовая. В условиях экстенсивного роста поголовья стад возможности заготовки для них кормов не поспевали за потребностями. Это вело к высокому падежу скота, сдаче государству легковесного скота. На протяжении 11 лет велась работа по решению данных проблем. Расширились масштабы строительства животноводческих помещений. Кормовую проблему пытались решить за счет кукурузы и поиска других источников. Многие из вышеуказанных проблем за рассматриваемые годы так и не были до конца решены, в то же время предпринимаемые усилия давали определенный эффект.

Таблица 2

Сводная таблица по численности скота в Красноярском крае в 1940–1964 гг. (тыс. голов)

Год	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
1940	800,6	381,9	342,5	1 660,6	364,2
1945	678,4	357,6	150,1	966,2	181,4
1950	799,6	355,3	286,4	1 299	241
1953	806,9	356,9	387,5	1 825,4	302,2
1954	799,6	369,3	453,9	1 873,7	293,7
1955	937,6	410,9	777,9	1 912,1	280,1
1956	1 020,4	438,1	864,9	1 983,8	267,5
1957	882,6	406,8	623,5	1 637,7	244,6
1958	947,7	430,9	572,7	1 609,4	220,2
1959	991,3	452	614,9	1 609,4	220,2
1960	1 032	462,8	750,1	1 878	187,9
1961	1 040,5	470,1	780,5	1 908,8	167,8
1962	1 116,9	490,8	839,5	1 985,6	148,8
1963	1 211,4	521,3	906,4	2 050,9	131,7
1964	1 197,3	528,5	684,8	1 884	131,7

Источники: ГАКК. Ф. Р. 1300. Оп. 2. Д. 1861. Л. 11; Д. 1862. Л. 47; Д. 1994. Л. 173; Д. 3638. Л. 1; Д. 4187. Л. 28.

В целом, подытоживая развитие животноводства в Красноярском крае в период с 1953 по 1964 г., начнем с анализа изменения динамики общей численности стад в крае в рассматриваемый период. Как и в отправной точке, наибольший удельный вес среди категорий скота

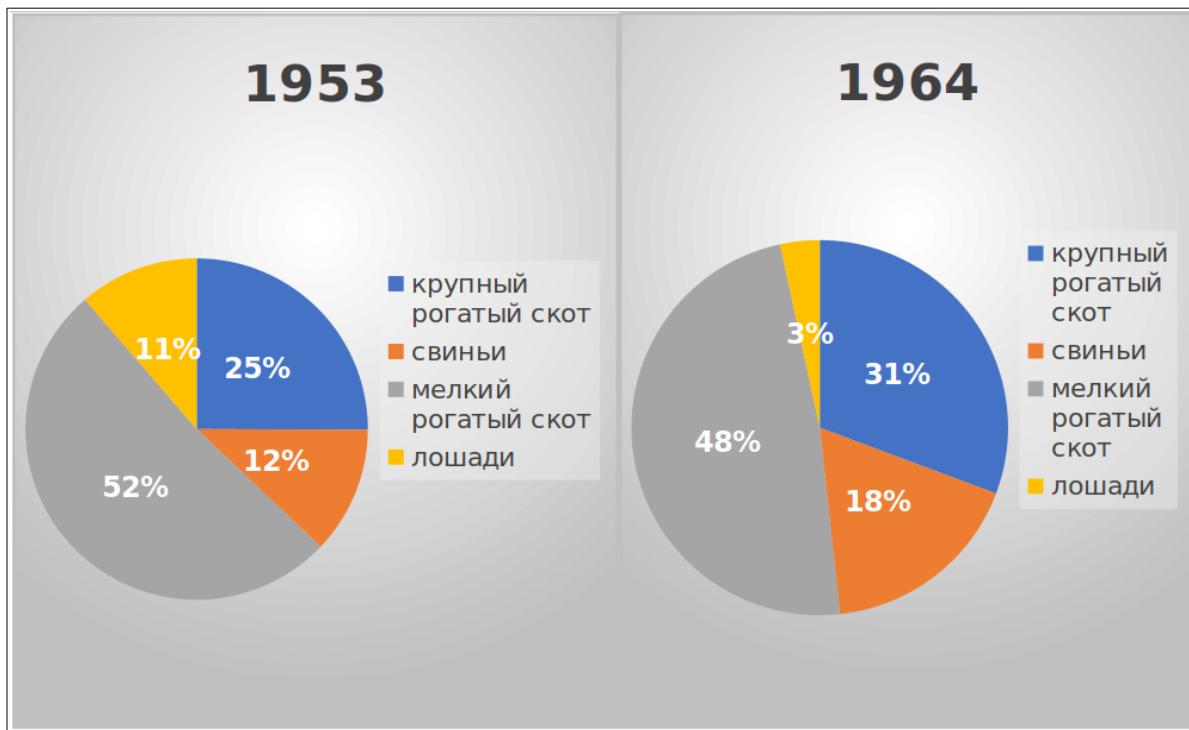
⁵³ ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 402. Л. 16.

⁵⁴ Там же. Л. 17.

в Красноярском крае занимал мелкий рогатый скот, преимущественно овцы. В то же время за 11 рассматриваемых лет произошло сокращение их доли с 52 до 48 % в общем стаде (см. диаграмму). Для южных районов края и Хакасии овцеводство оставалось традиционным приоритетным хозяйством. Тем не менее в новых условиях при сокращении численности рабочих рук в селе стремление интенсифицировать значение овцеводства сокращалось. В целом же поголовье овец и коз в Красноярском крае в рассматриваемые годы было нестабильно, оно то росло, то падало в пределах 4–7 %, и в итоге в 1964 г. численность овец выросла по сравнению с 1953 г. лишь на 3,2 % (см. табл. 2).

Диаграмма

Структура поголовья скота в Красноярском крае в 1953 и 1964 гг.

Источник: ГАКК Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 1861. Л. 11; Д. 1862. Л. 47; Д. 1994. Л 173; Д. 3638. Л. 1; Д. 4187. Л. 28.

На фоне сокращения доли мелкого рогатого скота в крае происходит рост значения КРС, чья доля выросла на 6 % (с 25 до 31 % от общего поголовья) (табл. 3). В реальных цифрах поголовье данного рода скота выросло на 48,4 %. КРС был основой животноводческого хозяйства большей части Красноярского края. Молочные фермы снабжали продукцией горожан, да и для ЛПХ наличие коровы было символом достатка. Доля коров в общем поголовье КРС, несмотря на все предпринимаемые усилия, в целом практически не изменилась (44,2 и 44,1 % соответственно).

На 6 % вырос удельный вес свиней. В натуральном выражении их численность в крае увеличилась на 297,3 тыс. голов (на 76 %). Свиньи рассматривались руководством страны как оптимальный путь решения вопроса обеспечения населения мясом и мясопродуктами. В крае появлялись специализированные свиноводческие хозяйства, обеспеченные типовыми помещениями и оборудованием, что позволяло дать больший прирост продукции, чем крупный или мелкий рогатый скот.

Наконец, роль лошадей в Красноярском крае стремительно сокращалась. Их численность в регионе снизилась на 56,4 %. Это было естественно в условиях того, что лошадь переставала быть основной гужевой силой. Государство осуществляло целенаправленную политику, направленную на сокращение их стада.

В то же время рост поголовья скота не обязательно означал улучшение работы в области решения продовольственной проблемы. Важно, как это сказалось на производстве продукции животноводства.

Таблица 3

Динамика производства продукции животноводства в Красноярском крае в 1953–1964 гг.

Год	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Яиц, млн шт.	Шерсть, т
1953	81,9	506,8	211,8	3 563
1958	90	728,7	286,9	3 794
1959	102	781	310	4 680
1960	112	798,7	328,1	4 916
1961	115,4	812,5	360,4	5 248
1962	122,7	841,9	376,7	5 595
1963	130,4	837,8	385,4	5 521
1964	160,1	895,6	380,5	5 471

Источники: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 5511. Л. 4; Д. 9076. Л. 2, 4, 8, 10.

В целом в рассматриваемые годы производство продукции животноводства выросло. Производство мяса в крае увеличилось на 95,4 %, молока – на 76,7, яиц – на 79,6, шерсти – на 53,5 % (см. табл. 3). В то же время решить существующие проблемы в животноводстве не удалось. Животноводческие хозяйства продолжали оставаться убыточными.

Литература

Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2007. 212 с.

Андреенков С.Н. Совхозно-колхозная система в первой половине 1960-х годов: проблемы развития и антикризисные рекомендации ученых-экономистов // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 109–120. [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).

Борисенко Е.А. Основные направления и результаты работы колхозов Красноярского края по выполнению трехлетнего плана развития общественного животноводства в послевоенные годы (1949–1951) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 3. С. 122–135.

Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 620–630.

Ильиных В.А. Статистика животноводства в Сибири в 1920-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 207–220.

Орлов Д.С. К истории молочного животноводства в Кемеровской области в 1970-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 172–182.

Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX в.: Выбор путей и методов модернизации / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

References

Andreenkov, S.N. (2007). *Agrarnye preobrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v 1953–1964 gg.* [Agrarian Transformations in Western Siberia in 1953–1964]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (NGU). 212 p.

Andreenkov, S.N. (2021). Sovhozno-kolhoznaya sistema v pervoy polovine 1960-kh godov: problemy razvitiya i antikrizisnye rekomendatsii uchenykh-ekonomistov [State and Collective Farm System in the First Half of the 1960s: Development Problems and Anti-Crisis Recommendations of Scientific Economists]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4 (18), pp. 109–120. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf> (date of access 20.04.2024).

Borisenko, E.A. (2018). Osnovnye napravleniya i rezul'taty raboty kolkhozov Krasnoyarskogo kraya po vypolneniyu trekhletnogo plana razvitiya obshchestvennogo zhivotnovodstva v poslevoennye gody (1949–1951) [The Main Directions and Results of the Work of Collective Farms of the Krasnoyarsk Region on the Implementation of the Three-Year Plan for the Development of Public Animal Husbandry in the Postwar Years (1949–1951)]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. No. 3, pp. 122–135.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Tax and Taxation of the Siberian Village. The End of 1920s – the Beginning of 1950s]. Novosibirsk, GUP RPO SO RAASKhN. 167 p.

Il'inykh, V.A. (2012). Agrarnyy stroy Sibiri v XX veke: etapy transformatsii [Agrarian System of Siberia in the 20th Century: Stages of Transformation]. In *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. No. 1, pp. 620–630.

Il'inykh, V.A. (2022). Statistika zhivotnovodstva v Sibiri v 1920-e gg. [Animal Husbandry Statistics in Siberia in the 1920s]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal*. No. 2, pp. 207–220.

Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N., Rynkov, V.M. et al. (2015). *Proekty preobrazovaniy agrarnogo stroya Sibiri v XX v.: Vybor putey i metodov modernizatsii* [Projects of Transformation of Siberia's Agrarian System in the 20th Century: Choice of Ways and Methods of Modernization]. Novosibirsk, Sibprint. 298 p.

Orlov, D.S. (2023). K istorii molochnogo zhivotnovodstva v Kemerovskoy oblasti v 1970-e gg. [To the History of Dairy Cattle Breeding in the Kemerovo Region in the 1970s]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 172–182.

Orlov, D.S., Il'inykh, V.A., Andreenkov, S.N. (2018). *Sel'skoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1960-kh – 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaya i otrraslevaya struktura* [Agriculture of Western Siberia in the Second Half of the 1960s – 1980s: Dynamics, Organisational, Production and Sectoral Structure]. Novosibirsk, Sibprint. 304 p.

С.Н. Андреенков*

ПРЕДПОСЫЛКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В СССР**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-15
УДК 94:631.1(57)"1954/1960"

Выходные данные для цитирования:

Андреенков С.Н. Предпосылки, результаты и значение освоения целинных и залежных земель в СССР // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 190–203.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-15.pdf>

S.N. Andreenkov*

PREREQUISITES, RESULTS AND SIGNIFICANCE OF THE DEVELOPMENT OF VIRGIN AND FALLOW LANDS IN THE USSR**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-15

How to cite:

Andreenkov S.N. Prerequisites, Results and Significance of the Development of Virgin and Fallow Lands in the USSR // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 190–203.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-15.pdf>]

Abstract. The development of virgin and fallow lands in the steppe regions of the Kazakh SSR, the Urals and Siberia, which began in 1954, was one of the largest economic and political campaigns among those carried out in the USSR after the Great Patriotic War. Comprehension of the prerequisites, course, results and significance of the virgin lands epic in the context of the current discussions on these issues remains an urgent task for researchers. The interest of the state, the community of scientists and history buffs to the peculiarities of the implementation of the virgin lands program of 1954 and the problems of historiography of the subject is intensified in connection with the 70th anniversary of the event. In the eyes of post-Soviet scientists, and especially those of them who look at the virgin lands from the height of seven decades, the results of the campaign are much more contradictory than in the eyes of its first researchers. At present, a large amount of data has been introduced into the scientific turnover, significantly detailing the methods of carrying out and the effectiveness of the development of virgin and fallow lands. The author's analysis of the structure of grain resources of the Soviet state in the middle of the 20th century became an important direction of concrete-historical study of the topic. Of particular interest are the report notes of the Minister of Grain Products of the RSFSR N.E. Proshunin, who reported on the extremely low quality of grain supplied to the state and the resulting threat of disruption of the normal supply of grain products to the population. This article introduces a note by N.E. Proshunin that reveals the problems of receiving and storing grain collected from the fields in virgin regions. According to the document, due to the lack of storage facilities, the practice of storing grain crops in the open air – in barns organized by collective and state farms – was widespread. The work on prevention of grain losses was poorly organized here, as a result of which the bread harvested from the fields was spoiled and plundered by farm workers on a mass scale. Deterioration of its consumer properties, first of all, negatively affected the food supply of the urban population. In this connection, we conclude that the contribution of the virgin lands campaign to the improvement of citizens' well-being turned out to be significant, but still not as significant as it was expected and officially reported.

* Сергей Николаевич Андреенков, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Sergey Nikolaevich Andreenkov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, geopolitical контекст» (FWZM-2024-0005).

The work was carried out on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries. Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: agriculture, grain problem, development of virgin and fallow lands, virgin program of 1954, N.S. Khrushchev, Kazakh SSR, Siberia.

The article has been received by the editor on 23.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Начавшее в 1954 г. освоение целинных и залежных земель в степных районах Казахской ССР, Урала и Сибири было одной из самых крупных хозяйствственно-политических кампаний из числа тех, что осуществлялись в СССР после завершения Великой Отечественной войны. Осмысление предпосылок, хода, результатов и значения целинной эпопеи в контексте развернувшихся в настоящее время дискуссий по данной проблеме остается актуальной задачей. В глазах постсоветских ученых и тем более тех из них, кто взирает на целину с высоты семи десятилетий, результаты кампании являются куда более противоречивыми, чем в глазах ее первых исследователей. В настоящее время публикуется большой объем данных, существенно детализирующих методы проведения и результативность освоения целинных и залежных земель. Важным направлением конкретно-исторического изучения темы стал проводимый автором анализ структуры зерновых ресурсов советского государства в середине XX в. Особый интерес представляют докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР Н.Э. Прошунина, информировавшие о чрезвычайно низком качестве поступающего государству зерна и обусловленной этим угрозе срыва нормального снабжения населения хлебопродуктами. В качестве приложения к настоящей статье в научный оборот вводится докладная записка Н.Э. Прошунина, раскрывающая проблемы приемки и хранения собранного с полей зерна в целинных регионах. Согласно документу, из-за нехватки складских помещений широкое распространение получила практика размещения урожая зерновых культур под открытым небом – в буртах, организованных колхозами и совхозами. Работа по предотвращению потерь зерна была организована крайне плохо, в результате чего собранный с полей хлеб портился и расхищался работниками хозяйств в массовом порядке. Ухудшение его потребительских свойств в первую очередь негативно отражалось на продовольственном обеспечении городского населения. Сделан вывод о том, что вклад целинной кампании в повышение благосостояния граждан оказался весомым, но все же не столь значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось.

Ключевые слова: сельское хозяйство, зерновая проблема, освоение целинных и залежных земель, целинная программа 1954 г., Н.С. Хрущев, Казахская ССР, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024 г.

Введение. Хрущевская оттепель – период существенных и неоднозначных перемен в жизни советского государства и общества. Весьма противоречивые тенденции наблюдались в развитии аграрного сектора народного хозяйства страны: шире использовались экономические методы управления сельхозпредприятиями и в то же время проводились административно-мобилизационные мероприятия для решения важных хозяйственных задач. Самым масштабным из них по праву можно считать начавшееся в 1954 г. освоение целинных и залежных земель в восточных регионах СССР (целина). Сегодня внимание к кампании усиливается в связи с ее 70-летним юбилеем.

В настоящей статье анализируются причины, особенности подготовки, результаты, историческое значение реализации целинной программы 1954 г., а также отражение этой

проблематики в отечественных исследованиях. В научный оборот вводится документ, позволяющий конкретизировать специфику проведения целинной кампании.

Предпосылки целинной кампании. До начала перестройки вопрос о мотивах освоения новых земель решался довольно просто. О целине говорили как о закономерном и необходимом начинании КПСС, соответствовавшем замыслам В.И. Ленина, которое стало большим общенародным делом¹. Хотя высказывались и более реалистичные версии. Так, в 1972 г. историк В.П. Данилов назвал целинную кампанию чрезвычайной мерой, намекая на то, что в первой половине 1950-х гг. ситуация в сельском хозяйстве оставалась крайне тяжелой². В современной историографии темы эта точка зрения превалирует³.

Планы освоить на востоке СССР значительные массивы целинных и залежных земель для расширения зернового поля вошли в повестку дня «коллективного руководства» страны осенью 1953 г. в связи с очередным обострением зерновой проблемы. 1953 г. оказался третьим подряд неурожайным годом, государственные запасы хлеба быстро таяли, и новый голод казался и руководству страны, и ее гражданам вполне реальной перспективой. Согласно нашим исследованиям, попытки расширить посевы зерновых культур за счет распашки целинных и залежных земель на востоке СССР для предотвращения или преодоления дефицита продовольствия предпринимались и раньше (целинные программы 1940 г. и 1946 г.). Планы освоения целины, разработанные Министерством сельского хозяйства СССР в декабре 1953 г., также представляли собой программу по преодолению надвигавшегося зернового дефицита, не предусматривавшую проведение каких-либо масштабных организационно-производственных преобразований и учитывавшую риски ведения земледелия в засушливой степной зоне⁴.

Однако идеи, изложенные в записке Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «Пути решения зерновой проблемы»⁵ от 22 января 1954 г., представляли собой нечто большее, чем просто набор антикризисных мер. Глава партии предложил крупный преобразовательный проект, предусматривавший масштабное совхозное строительство на новых землях. Фактически речь шла о возобновлении совхозизации 1930-х гг., начатой И.В. Сталиным и им же остановленной из-за неудовлетворительных производственных результатов этого мероприятия⁶. Неудачная практика подъема целины в 1930-е гг. и скептическое отношение И.В. Сталина к совхозам стали для «сталиниста» Г.М. Маленкова и других членов будущей «антипартийной группы» основанием сомневаться в целесообразности хрущевской целинной программы. Кроме того, настораживало то, что, в отличие от целинных программ 1940 г., 1946 г. и 1953 г., целинный проект 1954 г. представлял собой масштабное мобилизационное хозяйственно-политическое мероприятие со сжатыми сроками реализации, которое не учитывало интересы старопахотных районов, вынужденных отдавать свои ресурсы целинным регионам. Не предусматривало оно и применение почвозащитных технологий, препятствующих быстрому истощению почвы. При этом сама идея воспользоваться земельными богатствами страны для ослабления остроты зерновой проблемы сомнений не вызывала. Целина в краткосрочной перспективе могла предоставить руководству страны некоторый ресурс

¹ См., например.: Куликов В.И. Место и роль освоения целинных земель в увеличении производства зерна в СССР // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 3–16.

² Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. 1946–1970 гг. М., 1972. С. 19–20.

³ См., например: Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х гг.) // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123; Андреенков С.Н. Натиск на целину (Программа освоения целинных и залежных земель) // Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 200–229; и др.

⁴ Андреенков С.Н. Натиск на целину...

⁵ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1: Сентябрь 1953 года – январь 1955 года. С. 85–100.

⁶ Наиболее значимый вклад в исследование первого советского опыта освоения новых земель внес И.Е. Зеленин (Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (Конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–69).

времени для того, чтобы подготовиться к переводу аграрного сектора экономики страны на рельсы интенсивного развития.

Ход, результаты и значение целинной эпопеи. Рекомендации Н.С. Хрущева легли в основание решений знаменитого «целинного» февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. Утвержденная им программа распашки целины и залежей в степных районах Казахской ССР, Урала и Сибири (в 1954–1955 гг. предполагалось поднять 13 млн га пустующих земель) стала активно реализовываться. Желание участвовать в ее осуществлении выразило большое количество советских граждан, в первую очередь молодежь. В первые три года кампании на целину по комсомольским путевкам приехали 350 тыс. чел.⁷ Первоцелинники совершили немало трудовых подвигов.

Объемы распашки целинных и залежных земель стали нарастать как снежный ком. Кампания в итоге продлилась до конца десятилетия. В 1954–1960 гг. в степных и лесостепных районах востока СССР подняли 41,8 млн га пустовавших земельных массивов. Более половины этой площади (25,4 млн га) было распахано в Казахской ССР. На Сибирь приходилась четверть всех освоенных в рамках кампании земель (10,3 млн га), на Урал и другие регионы – около 15 % (6,1 млн га). Объемы производства зерна значительно увеличились. В Западной Сибири за первые пять лет они выросли относительно предшествующего периода в 2,2 раза, в Восточной Сибири – в 1,5 раза, в Казахской ССР – в 3,5 раза⁸. Повысилась урожайность полей: в 1949–1953 г. в Западной Сибири в среднегодовом исчислении с каждого гектара собирали 6,9 ц зерна, в 1954–1958 гг. – 10,5 ц⁹.

Благодаря целинной кампании в восточных регионах СССР развернулось масштабное совхозное строительство. В 1954–1955 гг. на новых землях было организовано 425 зерновых совхозов, из них 337 – в Казахской ССР и 88 – в РСФСР. В хозяйствах целинных районов стало больше механизаторских кадров, увеличился парк сельскохозяйственных машин. Сельхозартели, осваивавшие новые земли, из-за высоких закупочных цен на зерно получали большие денежные доходы. В 1954 г. в Омской области количество колхозов-миллионеров выросло в 5,5 раза. Работники целинных колхозов в течение нескольких лет являлись самыми состоятельными колхозниками в стране. В 1954 г. в Алтайском крае стоимость труда дня в денежном выражении была выше, чем в 1953 г., в 3,8 раза (5,42 руб. против 1,39 руб. соответственно)¹⁰.

Однако впечатляющими результаты целинной кампании оказались только в краткосрочной перспективе. В среднесрочной «натиск на целину» обернулся кризисом земледелия, обусловленным истощением естественного почвенного плодородия. Урожайность зерновых оказалась ниже прогнозируемых значений. Вместо планируемых 14–15 ц/га удалось получить только 7,2 ц/га. Убыточной оказалась значительная часть совхозов. Целинники, устав от тяжелого труда и бытовой неустроенности (обещанное им жилье строилось крайне медленно), уезжали из районов освоения новых земель на прежние места проживания. Все это негативно отражалось на производстве зерна. В 1961–1965 гг. в Западной Сибири среднегодовые валовые сборы зерна были ниже уровня 1956–1960 гг. на 35 %, но все же на 60 % выше показателей 1949–1953 гг.¹¹

Оценивая результаты целинной кампании в долгосрочной перспективе, нельзя не отметить ее положительное влияние на развитие народного хозяйства Казахской ССР. В истории республики целина – более значимое событие, чем в истории Сибири и других регионов, осваивавших новые земли. Благодаря ей в Казахской ССР существенно увеличились посевные площади зерновых культур, расширилась сеть сельхозпредприятий, ускорилась инду-

⁷ Ульянов Л.Н. Освоение сибирской целины и ее влияние на развитие края // Хозяйственное развитие Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1979 г. Новосибирск, 1979. С. 61–62.

⁸ Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 г. в Сибири и Казахстане: динамика производства зерна // Крестьянство и нововведение. 2022. № 3. С. 95, 98, 101.

⁹ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 214.

¹⁰ Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. С. 67, 147, 241.

¹¹ Андреенков С.Н. «Целинный проект»... С. 101.

стриализация края. Республика превратилась в крупнейшего в СССР производителя продовольственного зерна. Хотя современные казахстанские исследователи, отмечая позитивное влияние целины на экономику, видят и ее негативное воздействие на социокультурную сферу. Кампания, по их мнению, привела к размытию национальной идентичности казахов и конфликтам на почве нерешенных бытовых вопросов¹².

В Сибири экономическое наследие целинной эпопеи оказалось скромнее, чем в Казахской ССР. С середины 1960-х гг. посевы зерновых здесь стали сокращаться, в их структуре уменьшалась доля пшеницы и увеличивался удельный вес «серых хлебов», используемых по большей части в кормопроизводстве. При этом валовые сборы хлебов возрастили, что свидетельствовало о больших возможностях интенсивного хозяйствования.

В публикациях, выходивших в свет во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., целина считалась вполне успешным мероприятием, хотя упомянутые выше негативные явления не замалчивались, но и намеренно не педалировались. На первый план, как правило, ставились ошибки в агротехнике земледелия, допущенные в связи с проявлениями волонтеризма в практике руководства сельским хозяйством. Речь, в частности, шла о массовой распашке малоплодородных земель, кампании против травополья и чистых паров и по насаждению пропашных севооборотов¹³.

В годы перестройки критика в адрес политики КПСС существенно ужесточилась. Популярной оказалась точка зрения экономиста И.В. Русинова, назвавшего целину провальной волонтеристской сверхпрограммой Н.С. Хрущева. Не обеспеченный ни производственной, ни социальной инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек значительные ресурсы от укрепления зернового хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной зоне, и привел к росту общих потерь урожая зерновых. И.В. Русинов неставил под сомнение подвиг целинников, но отмечал, что героизм часто бывает следствием экстремальных условий, и на целине они создавались искусственно¹⁴.

В постсоветский период выводы И.В. Русинова стали для многих историков методологическим основанием для анализа причин, хода, итогов и исторического значения освоения целины. В 1990–2000-е гг. превалировало мнение, согласно которому целинная программа Н.С. Хрущева противоречила курсу на интенсификацию сельского хозяйства, принятому сентябрьскимplenумом ЦК КПСС 1953 г. Н.С. Хрущев волевым решением заблокировал путь планомерного развития отрасли через повышение качественных показателей. Потенциал экстенсивного развития был быстро исчерпан, поэтому в начале 1960-х гг. пришлось вернуться к решениям сентябрьского пленума 1953 г.¹⁵ Эта точка зрения имеет своих сторонников и в настоящее время¹⁶.

В 2000-е гг. концепция И.В. Русинова была оспорена рядом авторов. Так, В.А. Шестаков пришел к выводу, что отход от аграрной программы 1953 г. обусловливался объективными причинами: невозможностью реализовать ее в сложившихся условиях и острой необходимостью получить хлеб немедленно и без больших затрат. Кроме того, по мнению автора, целина стала критическим поворотом в развитии сельского хозяйства, переходом от изъятия средств из аграрного сектора к вливанию их в него¹⁷.

О целинной кампании как о необходимом, выгодном и исторически оправданном мероприятии говорил и алтайский историк-публицист В.И. Казанцев. По его мнению, целин-

¹² См., например: Абдирайымова А.С., Жаркынбаева Р.С., Сарсенбаев А.Б. Социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане // Oriental Studies. 2022. № 2. С. 214–227.

¹³ См.: Куликов В.И. Место и роль освоения целинных земель...; Ульянов Л.Н. Освоение сибирской целины...; и др.

¹⁴ Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 40–41.

¹⁵ См., например: Зеленин И.Е. Целинная эпопея...; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 86–89.

¹⁶ См., например: Томилин В.Н. Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущева // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 25. Калининград, 2019. С. 228–337.

¹⁷ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 230, 232.

ная кампания, несмотря на «темные мазки», «принесла ощутимую выгоду всему советскому обществу, создала базу для дальнейшего роста материального и духовного уровня нашего народа. Люди, задумавшие и осуществившие этот поистине исторический подвиг, заслуживают самой большой благодарности новых поколений»¹⁸.

Критиком концепции И.В. Русинова является В.В. Науhaцкий, по мнению которого в 1954 г. экстенсивные пути подъема производства зерна не были исчерпаны и в условиях нехватки средств для перехода к интенсификации и обострения зерновой проблемы воспользоваться плодородными неосвоенными землями имело большой смысл. И именно исчерпание потенциала целины в начале 1960-х гг. указало на необходимость проведения полноценной интенсификации. Кроме того, в целинной программе не были просчитаны возможные риски, не предусматривались блокировки негативных сценариев, о которых говорили учёные. В стране не было (и не могло быть) сколько-нибудь независимого экспертного сообщества, а доминировавшая в обществе вождистская политическая культура формировала условия для волонтеризма в аграрной политике¹⁹.

Современные направления конкретно-исторического изучения темы. В постсоветское время в научный оборот введен большой объем конкретно-исторической информации, детализирующей методы проведения и результативность целинной кампании. В 1990–2000-е гг. активизировалось изучение вопросов влияния целины на развитие сельского хозяйства различных регионов, функционирование механизма привлечения рабочей силы, бытовое обустройство новоселов, экологию, агротехнику и землепользование на целине. Предметом исследования стали такие слабо изученные темы, как роль печати в проведении кампании, количественные и качественные характеристики производства зерна²⁰.

Анализ структуры зерновых ресурсов государства в середине XX в. входит в сферу научных интересов автора настоящей статьи. Мы пришли к выводу о том, что распаханные земли оказались настолько большими по площади, что сил и средств для возделывания их в соответствии с правилами интенсивного хозяйствования явно не хватало. Целинные регионы, как и старопахотные, не располагали достаточными ресурсами для строительства новых и модернизации действующих объектов инфраструктуры зернового хозяйства, что привело к понижению качества зерна, его общим потерям.

Данные утверждения основываются на документах, выявленных в Российском государственном архиве новейшей истории, хранящем фонды центральных органов КПСС за 1952–1991 гг. Особый интерес представляют докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР Н.Э. Прошунина, сообщавшие о чрезвычайно низком качестве поступающего государству зерна (сортного, поврежденного паразитами, порванного, влажного, с низким содержанием клейковины, с посторонними запахами и пр.), обусловленном распространением на полях вредоносной флоры и фауны, неблагоприятными погодными условиями, несовершенством уборочной и транспортной техники, отсутствием достаточного количества зерноскладов и элеваторов, человеческим фактором. Документы свидетельствуют о том, что в середине 1950-х гг. под угрозой срыва оказалось нормальное снабжение населения хлебопродуктами и мероприятия по закладке зерна в государственный резерв, в семенные фонды и экспортные партии. Вклад целинной кампании в повышение благосостояния граждан оказался весомым, но все же не столь значительным, как ожидалось и как о нем официально сообщалось. Нега-

¹⁸ Казанцев В.И. Кому была выгодна целина?.. (размышления современника с калькулятором в руках) // Деревня моя... Барнаул, 2006. С. 90.

¹⁹ Науhaцкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д., 2018. С. 57, 142.

²⁰ Алейников М.В. Сельское хозяйство Алтайского края в период освоения целинных и залежных земель (конец 1953–1964 гг.). Бийск, 2005; Пахомова Е.В. О механизме привлечения рабочей силы в районы освоения целинных и залежных земель // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. ст.. Оренбург, 2006. С. 301–308; Игнатович А.И. Уроки целины: опыт борьбы с ветровой эрозией и засухой в Кулундинской степи: монография. Барнаул, 2009; Кузнецов В.В. Роль печати и в организации освоения целинных и залежных земель на Алтае. Барнаул, 2005; Андреенков С.Н. Качественные показатели зернового производства РСФСР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 95–97; и др.

тивные явления в зерновом хозяйстве появились практически с самого начала эпопеи. Решить продовольственную проблему не удалось не только из-за снижения количества производимого хлеба, но и низких качественных характеристик зерновых ресурсов²¹.

Две докладные записки Н.Э. Прошунина от 14 февраля 1957 г. и от 4 декабря 1958 г. опубликованы нами ранее²². В документальном приложении к настоящей статье вводится в научный оборот еще одна записка Н.Э. Прошунина, направленная 4 марта 1957 г. в адрес секретаря ЦК КПСС Н.И. Беляева²³, в которой раскрывается проблема приемки и хранения собранного с полей зерна в целинных регионах. Значение этого вопроса для оценки эффективности кампании нельзя переоценить. От уровня организации работы по приемке и хранению урожая зерновых напрямую зависели качественные параметры зернового фонда страны и решение продовольственного вопроса в целом.

В документе сообщается о том, что в районах освоения новых земель из-за нехватки складских помещений линейных хлебоприемных пунктов Министерства хлебопродуктов РСФСР широкое распространение получила практика размещения урожая зерновых культур под открытым небом – в буртах, организованных колхозами и совхозами. В 1956 г. в РСФСР действовало более 16 тыс. подобного рода глубинных хлебоприемных пунктов, в том числе в районах Урала и Сибири – 12,5 тыс. Временные пункты приняли на себя соответственно 34 и 47 % хлеба, собранного на указанных территориях. В буртах работа по предотвращению потерь зерна была организована крайне плохо.

Н.Э. Прошунин выступил с предложением признать зерно, для которого не нашлось места на складах Министерства хлебопродуктов РСФСР, уже зачисленным на линейные пункты, а также возложить всю полноту ответственности за его количественную и качественную сохранность на директоров совхозов и председателей колхозов. В совхозах зернохранилища должно было строить Министерство совхозов РСФСР. Колхозы же должны были их создавать за счет собственных сил и средств и затем сдавать Министерству хлебопродуктов РСФСР в аренду. Для организации складов сельхозартелям предлагалось выделение дополнительного кредита.

Рекомендации Н.Э. Прошунина носили чрезвычайный характер, преследовали цель хоть как-то сохранить урожай, полученный в результате значительных усилий большого количества людей. Пополнение продовольственных фондов необходимыми объемами качественного зерна являлось важнейшей задачей государства. Но кардинально улучшить ситуацию с сохранностью зерна предложения министра были не в состоянии. Прогресс в этом деле могло обеспечить строительство достаточного количества современных складов и элеваторов в сжатые сроки. Но в сложившихся условиях быстро этот вопрос не решался. В предложенной министром системе приемки и складирования урожая оставалось немало возможностей не только для его порчи, но и для массовых хищений. И преступное присвоение зерна приобрело массовый характер. В 1960 г. в 16 регионах РСФСР за подобное правонарушение понесли наказание 2 тыс. чел. Органы МВД, по неполным данным, изъяли у преступников 1,8 тыс. т украденного зерна. В некоторых областях и краях число хищений выросло. В их ряду оказался Алтайский край. Здесь были выявлены преступные группы, активными участниками которых являлись должностные лица и специалисты сельского хозяйства. Зерно расхищалось ими при транспортировке, из временных и постоянных хранилищ²⁴.

Заключение. Таким образом, по вопросам о причинах, результатах и значении кампаний по освоению целинных и залежных земель высказываются разные мнения. Дискуссии о роли целины в истории нашей страны являются признаком нормальной научной жизни

²¹ Андреенков С.Н. Качественные показатели зернового производства РСФСР...

²² См.: Андреенков С.Н. Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 188–197. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

²³ Н.И. Беляев также занимал должность заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

²⁴ Андреенков С.Н. Качественные показатели зернового производства РСФСР... С. 191.

и стимулируют ученых к продолжению изысканий. В глазах постсоветских ученых и тем более тех из них, кто взирает на целину с высоты семи десятилетий, результаты кампании являются куда более противоречивыми, чем в глазах ее первых исследователей.

Неоднозначность целины можно свести к следующим утверждениям. Благодаря реализации целинной программы 1954 г. навсегда ушел в прошлое голод. Ускорились модернизацоные процессы в деревне: расширился технический парк хозяйств, все большее количество селян вовлекалось в механизированные работы. В то же время качественные показатели производственного процесса росли медленно. Низкими темпами развивалась инфраструктура зернового хозяйства, из-за чего значительными оказались количественные и качественные потери зерна. Ухудшение его потребительских свойств в первую очередь негативно отражалось на продовольственном обеспечении городского населения, получавшего печенный хлеб через государственную и кооперативную торговлю.

Массовые хищения зерна в колхозах и совхозах имели противоречивые последствия. С одной стороны, расширение практики незаконного присвоения общественного продукта, являвшегося родовой чертой крестьянского сознания, препятствовало преодолению архаичного в поведении селян и социальному прогрессу в деревне. С другой стороны, переток части зерна в личные хозяйства колхозников и рабочих совхозов в сложившихся условиях был не самым худшим вариантом его использования. Во всяком случае он был лучше, чем перспективы гниения урожая в буртах.

Публикация осуществляется в соответствии с существующими правилами. Дописанный публикатором фрагмент приводится в квадратных скобках. Воспроизводятся авторские подчеркивания. Рукописный текст набран курсивом. Ссылка на содержательный комментарий набрана полужирным шрифтом.

* * *

**Докладная записка министра хлебопродуктов РСФСР Н.Э. Прошунина
секретарю ЦК КПСС Н.И. Беляеву об организации приемки и хранения зерна
в колхозах и совхозах целинных районов**

г. Москва

4 марта 1957 г.

Секретарю ЦК КПСС
товарищу Беляеву Н.И.

Выполняя Ваше поручение, докладываю предложения об изменении порядка организации приемки в совхозах и колхозах зерна, зачисляемого в государственные ресурсы, но не вывезенного еще на линейные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР.

При разработке этого вопроса, нами были учтены также и предложения, внесенные Алтайским крайисполкомом и Крайкомом КПСС.

В результате широкой организации в 1956 году временного бунтового¹ хранения хлеба в колхозах и совхозах, и особенно в районах целинных земель, совхозам, колхозам и государству в целом была облегчена уборка урожая; государство было избавлено от необходимости переброски в хлебные районы страны большого количества автомобилей, а колхозы и совхозы в результате этого получили возможность в решающий период уборки урожая сосредоточить все свое внимание и силы на косовице и обмолоте хлебов.

Для приема хлеба от совхозов и колхозов Российской Федерации было организовано более 16 000 временных глубинных пунктов, на которые поступило свыше 34 % всего заготовленного зерна.

Из этого количества в районах Урала и Сибири на 12 500 временных глубинных пунктах было принято 47,2 % всего хлеба, поступившего в указанных районах.

Следует признать, что при значительном облегчении, полученном совхозами и колхозами в результате бунтового хранения хлеба, в организации и проведении этой работы имели место и существенные недостатки.

Хлеб, сдаваемый на временные глубинные пункты, складывался в бунты в подавляющей своей части на неподготовленных площадках, на голой земле; принималось зерно без взвешивания, счетом машин или по обмеру. Имели место факты хранения хлеба в бунтах сравнительно небольшими партиями, разбросанными по фермам, бригадам и токам совхозов или колхозов, что затрудняло контроль за сохранностью этого зерна.

На временные глубинные пункты поступило свыше 80 % влажного и сырого зерна и большое количество дефектного зерна. Из-за недостатка зерноочистительных машин и зерносушилок это зерно не могло быть своевременно очищено и просушенено, в результате чего нестойкое к хранению зерно подвергалось самосогреванию и даже порче.

В то же время в колхозах и совхозах не были использованы в должной мере зерноочистительные машины, а также сушилки, которых насчитывается 56 тыс. штук с месячной производительностью 33 млн тонн (в плановых единицах).

Опыт 1956 года показал, что для правильного размещения и обеспечения сохранности той части хлеба, которая не может быть в период уборки урожая вывезена и сдана совхозами и колхозами на линейные приемные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР, необходимо, наряду с максимальным использованием имеющейся в совхозах и колхозах глубинных районов технической базы ее дополнительное оснащение и четкое определение ответственности за хлеб до сдачи его на государственные склады.

Организация в совхозах постоянных приемных пунктов, как это предлагает Алтайский крайисполком и крайком КПСС, не может быть признана государственно целесообразной и хозяйствственно оправданной.

Это привело бы к организации на территории совхозов, параллельно с существующим хозяйством, еще одного хозяйства Министерства хлебопродуктов со своими зернохранилищами, зерносушилками и другой технической базой, жилым фондом и кадрами, что неизбежно вызовет излишние затраты государственных средств, приведет к распылению техники и кадров, ослабит ответственность за сохранность хлеба.

Предварительные подсчеты показывают, что для создания одного нового приемного пункта Министерства хлебопродуктов РСФСР в совхозах потребуются капиталовложения в среднем в сумме до 1,5 млн рублей; расходы по содержанию аппарата приемного пункта превысят 120,0 тысяч рублей в год.

В целях упорядочения приемки и хранения в совхозах и колхозах той части государственных хлебных ресурсов, которая не может быть в период уборки вывезена на линейные приемные пункты, обеспечения сохранности хлеба, рационального использования для этого имеющихся в совхозах и колхозах зернохранилищ, зерноочистительных машин и зерносушилок, а также кадров, и максимального сокращения денежных и материальных затрат, – считаю необходимым:

По совхозам

1. Изменить действовавший в 1956 году порядок приема и зачисления в государственные ресурсы той части зерна, которая не может быть в период уборки урожая вывезена и сдана совхозами непосредственно на линейные приемные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР.

2. Предоставить право Министерству хлебопродуктов РСФСР, при соблюдении совхозами соответствующих условий, зачислять в государственные ресурсы зерно совхозов, не ввезенное еще на линейные приемные пункты.

3. Установить следующий порядок оформления и зачисления в государственные ресурсы зерна совхозов, не вывезенного на линейные приемные пункты:

а) совхоз предъявляет линейному приемному пункту Министерства хлебопродуктов РСФСР подготовленные к зачислению в государственные ресурсы партии хлеба, хранящиеся в зернохранилищах или в должным образом завершенных бунтах на площадках с твердым покрытием;

б) линейный приемный пункт Министерства хлебопродуктов РСФСР через своего представителя при совхозе устанавливает наличие и определяет качество зерна, предъявляемого совхозом к зачислению в государственные ресурсы;

в) зачисление зерна в государственные ресурсы производится на основании подписанного директором совхоза акта о предъявлении к зачислению в ресурсы государства зерна совхоза;

[г)] наличие и качество хлеба, указанные в акте, подтверждаются представителем линейного приемного пункта Министерства хлебопродуктов РСФСР при совхозе, права и обязанности которого определяются специальным Положением.

4. Возложить на директора совхоза всю полноту ответственности за количественную и качественную сохранность хлеба, зачисленного в государственные ресурсы, а также за своевременный ввоз и сдачу его совхозом на линейный приемный пункт Министерства хлебопродуктов РСФСР.

5. Установить, что сроки ввоза из совхозов на линейные приемные пункты зерна, зачисленного в государственные ресурсы, определяются Советом Министров РСФСР по представлению Министерства хлебопродуктов РСФСР и Министерства совхозов РСФСР.

6. Госбанку СССР осуществлять кредитование совхозов под наличие хлебопродуктов на основании составленного по утвержденной форме акта о предъявлении к зачислению в ресурсы государства зерна. Министерство хлебопродуктов РСФСР оплачивает совхозу стоимость хлеба по мере вывоза и сдачи его на линейный приемный пункт.

7. Министерству хлебопродуктов РСФСР обеспечивать совхозы необходимой документацией и через своего представителя при совхозе оказывать совхозам помошь в организации контроля за хранением и своевременной вывозкой на линейные приемные пункты зерна, зачисленного в государственные ресурсы.

8. Министерству совхозов РСФСР для размещения хлеба, который не может быть своевременно вывезен и сдан на линейный приемный пункт и обеспечения его сохранности, необходимо осуществить в совхозах в кратчайший срок дополнительное строительство зернохранилищ, бунтовых площадок с твердым покрытием и оснастив их необходимыми средствами механизации.

Поручить Госплану РСФСР и Министерству совхозов РСФСР в двухдекадный срок подготовить и представить на рассмотрение Совета Министров РСФСР предложения о необходимых для этого Министерству совхозов РСФСР капиталовложениях, материалах и оборудовании.

По колхозам

В целях обеспечения своевременного проведения уборочных работ в колхозах и оказания им помощи в быстрой сдаче хлеба государству, признать необходимым:

1. Областным, краевым, республиканским организациям Министерства хлебопродуктов РСФСР совместно с областными, краевыми исполнкомами и Советами Министров автономных республик решать вопрос об организации постоянных приемных пунктов Министерства хлебопродуктов РСФСР при крупных колхозах и производить на этих пунктах приемку той части хлеба, которая не может быть в период уборки урожая вывезена и сдана колхозами непосредственно на линейные приемные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР.

2. Установить, что при организации указанных приемных пунктов, колхозы, с учетом количества хлеба, которое не может быть в период уборки урожая вывезено и сдано на линейные приемные пункты, должны подготавливать, а в необходимых случаях строить на средства колхозов и предоставлять в пользование приемным пунктам Министерства хлебопродуктов РСФСР при колхозах потребное количество зернохранилищ, площадок с твердым покрытием для хранения хлеба, зерносушилок и средств механизации.

3. Установить, что колхозы выделяют приемным пунктам при колхозах рабочую силу, необходимую для обеспечения приемки, хранения, сушки, подработки, погрузки и разгрузки зерна.

4. Установить, что заведующий приемным пунктом Министерства хлебопродуктов РСФСР при колхозе назначается директором линейного приемного пункта по представлению правления колхоза.

5. Возложить на председателя колхоза ответственность за количественную и качественную сохранность хлеба, сданного на приемный пункт при колхозе, впредь до вывоза и сдачи этого хлеба на линейный приемный пункт Министерства хлебопродуктов РСФСР, а также за своевременный вывоз хлеба.

6. Установить, что Министерство хлебопродуктов РСФСР уплачивает колхозу арендную плату за пользование зернохранилищами, площадками с твердым покрытием, зерносушилками и средствами механизации, предоставляемыми приемному пункту при колхозе; оплачивает колхозникам, привлеченным для оказания помощи приемному пункту, за выполненные работы с хлебом по действующим расценкам.

7. Условия организации пунктов Министерства хлебопродуктов РСФСР при колхозах, а так же взаимоотношения между приемными пунктами и колхозами определяются заключенными сторонами договорами.

8. Поручить Госплану РСФСР совместно с Министерством сельского хозяйства РСФСР и хлебопродуктов РСФСР в двухдекадный срок внести на рассмотрение в Совет Министров РСФСР предложения о размерах и порядке кредитования колхозов для строительства зернохранилищ, площадок с тверди покрытием, зерносушилок и оплаты средств механизации, а также об обеспечении колхозов необходимыми для осуществления этого фондируемыми материалами и оборудованием.

Учитывая, что основная масса хлеба, сдаваемого государству колхозами и совхозами, как и в настоящее время, будет поступать на линейные пункты Министерства хлебопродуктов РСФСР, техническая оснащенность которых резко отстает от техники, применяемой в сельскохозяйственном производстве, и возросших объемов поступления хлеба, считаю необходимым наряду с проведением указанных мероприятий по совхозам и колхозам, рассмотреть вопрос о дополнительном оснащении техникой линейных приемных пунктов Министерства хлебопродуктов РСФСР.

Министр хлебопродуктов РСФСР

Н. Прошуний

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 166. Л. 11–15. Подлинник. Машинопись.
Подпись – автограф. В правом верхнем углу Л. 11 рукописная помета [заведующему сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС по РСФСР] т[оварищу]
Мыларчикову [В.П.] Прошу Вас рассмотреть и внести предложения.
Подпись – автограф Н.И. Беляева 6/III [1957 г.]

Комментарий

1. Бунт – простейший тип хранилища сельскохозяйственной продукции, представляющий собой валообразную кучу, в данном случае зерна, размещенную на поверхности земли. В настоящее время для обозначения подобного рода склада под открытым небом чаще применяется термин «бурт». Его мы и используем в аналитической части публикации.

Литература

Абдирайымова А.С., Жаркынбаева Р.С., Сарсенбаев А.Б. Социально-экономические и политические аспекты освоения целинных и залежных земель в Казахстане // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 2. С. 214–227.

Алейников М.В. Сельское хозяйство Алтайского края в период освоения целинных и залежных земель (конец 1953–1964 гг.). Бийск: РИО БПГУ, 2005. 153 с.

Андреенков С.Н. Качественные показатели зернового производства РСФСР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 95–97.

Андреенков С.Н. Натиск на целину (Программа освоения целинных и залежных земель) // Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Новосибирск: Сибпринт, 2015. С. 200–229.

Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

Андреенков С.Н. Качественные характеристики зерновых ресурсов РСФСР во второй половине 1950-х годов (докладные записки министра хлебопродуктов РСФСР в ЦК КПСС) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 188–197. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).

Андреенков С.Н. «Целинный проект» 1954 г. в Сибири и Казахстане: динамика производства зерна // Крестьяноведение. 2022. Т. 7, № 3. 89–105.

Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. 1946–1970 гг.: сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 15–32.

Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х гг.) // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН, 2001. 305 с.

Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–69.

Игнатович А.И. Уроки целины: опыт борьбы с ветровой эрозией и засухой в Кулундинской степи. Барнаул, 2009. 465 с.

Казанцев В.И. Кому была выгодна целина?.. (размышления современника с калькулятором в руках) // Деревня моя....: ист.-публ. сб. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2006. С. 70–90.

Кузнецов В.В. Роль печати и в организации освоения целинных и залежных земель на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 167 с.

Куликов В.И. Место и роль освоения целинных земель в увеличении производства зерна в СССР // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 3–16.

Науhaцкий В.В. Целинная кампания Н.С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2018. 144 с.

Пахомова Е.В. О механизме привлечения рабочей силы в районы освоения целинных и залежных земель // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 301–308.

Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.

Томилин В.Н. Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущева // Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 25. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 228–337.

Ульянов Л.Н. Освоение сибирской целины и ее влияние на развитие края // Хозяйственное развитие Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Бахрушинские чтения 1979 г.: сб. научных трудов. Новосибирск, 1979. С. 59–69.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: Речи и документы. Т. 1: Сентябрь 1953 года – январь 1955 года. М.: Госполитиздат, 1962. 495 с.

Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006. 296 с.

References

- Abdirayymova, A.S., Zharkynbaeva, R.S., Sarsenbaev, A.B. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie aspekty osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' v Kazakhstane [Socio-Economic and Political Aspects of the Development of Virgin and Fallow Lands in Kazakhstan]. In *Oriental Studies*. Vol. 15, No. 2, pp. 214–227.
- Aleynikov, M.V. (2005). *Sel'skoe khozyaystvo Altayskogo kraja v period osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel'* (konets 1953–1964 gg.). [Agriculture of Altai Region during the Development of Virgin and Fallow Lands (The End of 1953–1964)]. Biysk, RIO BPGU. 153 p.
- Andreenkov, S.N. (2005). Kachestvennye pokazateli zernovogo proizvodstva RSFSR v kontse 1950-kh – nachale 1960-kh gg. [Qualitative Indicators of Grain Production in the RSFSR in the Late 1950s and Early 1960s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 95–97.
- Andreenkov, S.N. (2015). Natisk na tselinu (Programma osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel') [The Onslaught on the Virgin Lands (Program for the Development of Virgin and Fallow Lands)]. In *Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya Sibiri v XX v.: vybor putey i metodov modernizatsii*. Novosibirsk, Sibprint, pp. 200–229.
- Andreenkov, S.N. (2016). *Kolkhozno-sovkhoznaya sistema v Sibiri v 1946–1964 gg.: Funktsionirovanie i reformirovanie* [Kolkhoz-Sovkhoz System in Siberia in 1946–1964: Functioning and Reforming]. Novosibirsk, Sibprint. 256 p.
- Andreenkov, S.N. (2020). Kachestvennye kharakteristiki zernovykh resursov RSFSR vo vtoroy polovine 1950-kh godov (dokladnye zapiski ministra khleboproduktov RSFSR v TSK KPSS) [Qualitative Characteristics of Grain Resources of the RSFSR in the Second Half of the 1950s (Report Notes of the Minister of Grain Products of the RSFSR to the Central Committee of the CPSU)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 3, pp. 188–197. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-18.pdf> (date of access 17.04.2024).
- Andreenkov, S.N. (2022). “Tselinnyy proekt” 1954 g. v Sibiri i Kazakhstane: dinamika proizvodstva zerna [The 1954 “Virgin Project” in Siberia and Kazakhstan: Dynamics of Grain Production]. In *Krest'yanovedenie*. Vol. 7, No. 3, pp. 89–105.
- Danilov, V.P. (1972). Problemy istorii sovetskoy derevni v 1946–1970 gg. (Ocherk istoriografii) [Problems of the History of the Soviet Village in 1946–1970 (An Outline of Historiography)]. In *Razvitiye sel'skogo khozyaystva SSSR v poslevoennye gody. 1946–1970 gg.: sbornik statey*. Moscow, Nauka, pp. 15–32.
- Ignatovich, A.I. (2009). *Uroki tseliny: opyt bor'by s vetrovoy eroziei i zasukhoy v Kulundinskoy stepi: monografiya* [Lessons of the Virgin Lands: Experience of Wind Erosion and Drought Control in the Kulunda Steppe]. Barnaul. 465 p.
- Kazantsev, V.I. (2006). Komu byla vygodna tselina?.. (razmyshleniya sovremennika s kal'kulyatorom v rukakh) [Who Benefited from the Virgin Land? (Reflections of a Contemporary with a Calculator in His Hands)]. In *Derevnya moy...: istoricheski-publitsisticheskiy sbornik*. Barnaul, Izdatel'stvo AGAU, pp. 70–90.
- Khrushchev, N.S. (1962). *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitiye sel'skogo khozyaystva: Rechi i dokumenty. Vol. 1: Sentyabr' 1953 goda – yanvar' 1955 goda* [Construction of Communism in the USSR and the Development of Agriculture: Speeches and Documents. Vol. 1: September 1953 – January 1955]. Moscow, Gospolitizdat. 495 p.
- Kulikov, V.I. (1978). *Istoricheskiy opyt osvoeniya tselinnykh zemel'* [Historical Experience of the Development of Virgin Lands]. Moscow, Mysl'. 253 p.
- Kuznetsov, V.V. (2005). *Rol' pechati i v organizatsii osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' na Altai* [The Role of the Press in Organizing the Development of Virgin and Fallow Lands in Altai]. Barnaul, Izdatel'stvo AltGTU. 167 p.
- Naukhatskiy, V.V. (2018). *Tselinnaya kampaniya N.S. Khrushcheva: razmyshleniya o diskussionnykh voprosakh istoriografii* [Khrushchev's Virgin Campaign: Reflections on the Debatable Issues of Historiography]. Rostov-on-Don, Izdatel'sko-poligraficheskiy kompleks Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH). 144 p.

- Pakhomova, E.V. (2006). O mekhanizme privlecheniya rabochey sily v rayony osvoeniya tselinnykh i zalezhnykh zemel' [On the Mechanism of Attracting Labor Force to the Areas of Virgin and Fallow Lands Development]. In *Agrarnoe razvitiye i prodrovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v XVIII–XX vv.* Orenburg, Izdatel'stvo OGPU, pp. 301–308.
- Rusinov, I.V. (1988). Agrarnaya politika KPSS v 50-e – pervoy polovine 60-kh gg.: opyt i uroki [Agrarian Policy of the Communist Party of the Soviet Union in the 1950s and the First Half of the 1960s: Experience and Lessons]. In *Voprosy istorii KPSS.* No. 9, pp. 35–49.
- Shestakov, V.A. (2006). *Sotsial'no-ekonomiceskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov* [Socio-Economic Policies of the Soviet State in the 1950s and Mid-1960s]. Moscow, Nauka. 296 p.
- Tomilin, V.N. (2019). Popytki resheniya prodrovol'stvennoy problemy v SSSR v period politicheskogo liderstva N.S. Khrushcheva [Attempts to Solve the Food Problem in the USSR During the Political Leadership of Khrushchev]. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii: mezhvuzovskiy tematicheskiy sbornik nauchnykh trudov.* Vol. 25. Kaliningrad, Izdatel'stvo BFU imeni I. Kanta, pp. 228–337.
- Ul'yanov, L.N. (1979). Osvoenie sibirskoy tseliny i ee vliyanie na razvitiye kraja [Development of the Siberian Virgin Lands and Its Impact on the Development of the Region]. In *Khozyaystvennoe razvitiye Sibiri i rost ee narodonaseleniya (XVIII–XX vv.). Bakhrushinskie chteniya 1979 g.* Novosibirsk, pp. 59–69.
- Zelenin, I.E. (1996). *Pervaya sovetskaya programma massovogo osvoeniya tselinnykh zemel'* (Konets 20-kh – 30-e gg.) [The First Soviet Program for the Mass Development of Virgin Lands (Late 1920s–30s)]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 2, pp. 55–69.
- Zelenin, I.E. (1998). Tselinnaya Epopeya: Razrabotka, Prinyatie i Osushchestvlenie Pervoy Khrushchevskoy "sverkhprogrammy" (Sentyabr' 1953 – Nachalo 60-kh gg.) [The Virgin Epic: The Development, Adoption, and Implementation of Khrushchev's First "Super-Program" (September 1953 – Early 1960s)]. In *Voprosy istorii.* No. 1, pp. 114–123.
- Zelenin, I.E. (2001). *Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaystvo* [Khrushchev's Agrarian Policy and Agriculture]. Moscow, IRI RAN. 305 p.

А.А. Плясуля*

ОБСЛЕДОВАНИЕ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ СОВХОЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1931 ГОДА: ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-16
УДК 94:338.43(571.17)"1965/1970"

Выходные данные для цитирования:

Плясуля А.А. Обследование животноводческих совхозов Западной Сибири в конце 1931 года: выводы и предложения // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 204–220. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-16.pdf>

A.A. Plyasulya*

SURVEY OF LIVESTOCK STATE FARMS OF WESTERN SIBERIA AT THE AND OF 1931: CONCLUSIONS AND PROPOSALS

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-16

How to cite:

Plyasulya A.A. Survey of Livestock State Farms of Western Siberia at the and of 1931: Conclusions and Proposals // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 204–220. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-16.pdf>]

Abstract. The report of the commission of the Central Committee and the CCC of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), prepared on the results of the survey of livestock state farms of the West Siberian region at the end of December 1931, is introduced into the scientific circulation. This source contains a list of shortcomings and problems identified in their activities, as well as proposals to local party, state authorities and land organs to improve the activities of farms. The report note stated that the plan of herd staffing in cattle-breeding farms of the region was not fulfilled. One of the main reasons for lagging behind the planned indicators was a significant loss of livestock, especially young stock. The above-normative herd wastage was also a consequence of low fodder availability of animals. Despite the difficult situation with fodder, its use was extremely carelessly and wastefully. The plan for the construction of cattle yards for 1931 was not fulfilled by any trust. The state farms did not observe elementary rules of livestock care. The cost of production significantly exceeded sales prices. The set of proposals of the Commission of the Central Committee and the CCC of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) combined economic and administrative measures. It was proposed that a number of state farm directors be removed from their jobs, reprimanded, and brought to criminal or party responsibility. A survey of the socio-economic situation of state farms was also conducted in other regions of the country. The generalization of the obtained materials served as a basis for adjusting the policy of the Soviet state in the sphere of state farm construction.

Keywords: agrarian policy of the soviet state, state farm construction, livestock state farms, Commission of the Central Committee and the CCC of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks), Western Siberia.

*The article has been received by the editor on 08.03.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

Аннотация. В научный оборот вводится докладная записка комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), подготовленная по итогам обследования животноводческих совхозов Западно-Сибирского края в конце декабря 1931 г. В данном источнике зафиксированы выводы и предложения по результатам обследования.

* **Антон Александрович Плясуля**, кандидат исторических наук, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Россия, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com

Anton Aleksandrovich Plyasulya, Candidate of Historical Sciences, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russia, e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com

рован перечень выявленных в их деятельности недостатков и проблем, а также изложены предложения местным партийным, государственным и земельным органам по улучшению деятельности хозяйств. В докладной записке констатировалось, что план комплектования стада в животноводческих совхозах края не выполнен. Одной из основных причин отставания от плановых показателей являлся значительный падеж скота, особенно молодняка. Сверхнормативный отход стада являлся, в том числе, следствием низкой кормообеспеченности животных. Несмотря на трудное положение с кормами, их расходование происходило крайне небрежно и расточительно. План по строительству скотных дворов на 1931 г. не был выполнен ни по одному тресту. В совхозах не соблюдались элементарные правила ухода за скотом. Себестоимость производимой продукции существенно превышала сбытовые цены. Комплекс предложений комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б) сочетал в себе меры экономического и административного характера. Предлагалось снять с работы, объявить выговоры, привлечь к уголовной или партийной ответственности ряд директоров совхозов. Обследование социально-экономического положения совхозов было проведено и в других регионах страны. Обобщение полученных материалов послужило основой для корректировки политики советского государства в сфере совхозного строительства.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, совхозное строительство, животноводческие совхозы, комиссия ЦК и ЦКК ВКП(б), Западная Сибирь.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024 г.

По мнению ведущего российского исследователя аграрной истории СССР В.А. Ильиных, составной частью разработанной программы социалистической реконструкции сельского хозяйства страны являлось совхозное строительство. Превосходящим колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда совхозам надлежало стать «локомотивами» аграрной экономики. Совхозное производство планировалось развивать опережающими темпами. Объединяемые в крупные специализированные тресты совхозы должны были занимать все более высокий удельный вес в аграрном секторе экономики, заняв в перспективе место ведущей организационно-производственной формы сельского хозяйства¹.

Переломным в совхозном строительстве стал XV съезд ВКП(б), который поставил задачу создания значительного количества новых крупных специализированных совхозов. В первую очередь разворачивалось строительство новых зерновых совхозов, которые должны были способствовать разрешению обострившейся зерновой проблемы. В конце 1929 г. в связи с ухудшением снабжения городского населения мясопродуктами был предпринят ряд мер по организации крупных специализированных животноводческих совхозов².

Начавшаяся в 1930 г. форсированная коллективизация привела к активизации совхозного строительства, в связи с чем происходила перманентная эскалация его плановых показателей. Программы строительства новых совхозов в Западной Сибири, наращивания в них посевных площадей и поголовья скота постоянно менялись в сторону увеличения. Нарашивалась доля государственного сектора аграрной экономики в валовом производстве сельскохозяйственной продукции.

В 1929 г. поголовье крупного рогатого скота (КРС) в госхозах Сибирского края составляло 4,4 тыс. голов (0,1 % от общего поголовья), в том числе коров – 2 тыс. (0,1 %), свиней –

¹ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 41.

² Плясул А.А. Совхозы Западной Сибири в 1928–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2023. С. 15.

2 тыс. (0,1 %), овец – 143,9 тыс. голов (1,1 %)³. Согласно данным переписи скота, на 1 февраля 1932 г. в Западно-Сибирском крае⁴ численность КРС в совхозах всех систем составляла 416,5 тыс. голов (15,2 % от общего поголовья), коров – 196,1 тыс. (12,8 %), овец – 419 тыс. (13,1 %), свиней – 69,9 тыс. голов (14,2 %)⁵. Большая часть скота была сосредоточена в хозяйствах, входящих в животноводческие тресты. По состоянию на осень 1931 г. в Западно-Сибирский краевой Скотоводтрест входило 24 совхоза, в Молочно-масляный трест – 24 (в том числе 15 функционирующих и 9 формируемых), в Свиноводтрест – 20, в Овцеводтрест – 14 хозяйств⁶.

Однако реализуемая в начале 1930-х гг. программа расширенного совхозного строительства не оправдала возлагаемых на нее надежд. Совхозы систематически не выполняли возлагаемые на них задания по производству и заготовкам сельхозпродуктов. Урожайность пашни и продуктивность скота были низкими. От значительно более механизированных совхозов ожидали более высоких показателей, чем от колхозов. Однако специализированные государственные хозяйства, призванные демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, либо ненамного опережали колхозы, либо отставали от них. При этом себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в сельхозартелях. Государство тратило значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. Низкая рентабельность совхозного производства обусловливалась высокими производственными издержками в сочетании с крайне низкими сдаточными ценами на произведенную сельхозпродукцию. Фактически совхозы были убыточными. Однако их убытки компенсировались государственными дотациями⁷.

В конце осени 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение организовать проверку хозяйственной деятельности животноводческих совхозов. 1 декабря был утвержден список бригад, командируемых в регионы. Одна из этих бригад (комиссий ЦК и ЦКК ВКП(б)) направлялась в Западно-Сибирский край. В ее состав входило 6 человек⁸. Возглавил комиссию М.С. Голенко, который являлся членом коллегии Наркомата земледелия СССР.

По итогам проведенного обследования животноводческих совхозов Западной Сибири в конце декабря 1931 г. была составлена докладная записка в форме «выводов и предложений» комиссии. 23 декабря 1931 г. состоялось совещание при Западно-Сибирском крайкоме ВКП(б), на котором обсуждался данный документ⁹. В ходе совещания в текст «выводов и предложений» были внесены дополнения и поправки. Затем докладная записка была направлена в ЦК и ЦКК ВКП(б).

В докладной записке прежде всего констатировалось, что план строительства животноводческих совхозов в крае «перевыполнен по количеству организованных совхозов, по размерам отвода земельной территории, но не довыполнен по размерам формирования стада». Одной из основных причин отставания от плановых показателей по поголовью в животноводческих хозяйствах являлся значительный падеж скота, особенно молодняка. Сверхнормативный отход стада являлся, в том числе, следствием низкой кормообеспеченности животных. Уже в январе-феврале 1931 г. совхозы оказались под угрозой бескормицы. При определении объемов наличных кормов были допущены не только ошибки, но и прямые приписки. Ни в одном хозяйстве не создали страховой резерв кормов на случай затяжной зимы. Обеспеченность концентрированными кормами в большинстве трестов не превышала

³ Животноводство СССР. М., 1930. С. 153.

⁴ Летом 1931 г. Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский.

⁵ Итоги переписи скота на февраль 1932 года. Вып. 2: Численность скота по Азиатской части РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР. М., 1932. С. 9, 10–13, 15.

⁶ Мартынов Б.Ф. 105 совхозов Западной Сибири. Новосибирск, 1931. С. 26–36, 46–60.

⁷ Проекты преобразования аграрного строя... С. 53.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 863. Л. 25–28; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 13.

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 14.

10 % от потребности. Несмотря на трудное положение с кормами, их расходование происходило крайне небрежно и расточительно.

План по строительству скотных дворов на 1931 г. не был выполнен ни по одному тресту. При этом у половины эксплуатируемых дворов к декабрю 1931 г. не была закончена установка внутреннего и внешнего оборудования, а также не проведено утепление. В совхозах не соблюдались «простые, элементарные, известные каждому крестьянину правила ухода за скотом». Себестоимость производимой в совхозах продукции существенно превышала сбытовые цены. В связи с отмеченными недостатками комиссия предложила комплекс мер по их исправлению.

31 марта 1932 г. ЦК ВКП(б), СНК СССР и Наркомат земледелия СССР приняли постановление «О работе животноводческих совхозов»¹⁰. В нем констатировалось, что проведенное бригадами ЦК и ЦКК ВКП(б) обследование животноводческих совхозов выявило «следующие крупнейшие недостатки в работе совхозов: а) бесхозяйственность и полную неналаженность процессов производства; б) совершенно неудовлетворительную организацию ухода за скотом, чрезмерно большой падеж молодняка, большой процент яловости, совершенно недостаточный рост стада за счет собственного приплода и плохое состояние стада; в) разбазаривание товарной продукции, самоснабжение и невыполнение планов сдачи государству; г) исключительно слабую организацию труда; д) полное отсутствие хозрасчета и крайне неудовлетворительную постановку отчетности в совхозах перед вышестоящими органами». Постановление предусматривало принятие мер по исправлению недостатков, выявленных в животноводческих совхозах. При этом ЦК ВКП(б), СНК и Наркомзем СССР одобрили предпринятые местными партийными, советскими и земельными органами «меры по ликвидации этих недостатков, выразившиеся в снятии с работы и отдании под суд директоров животноводческих совхозов, изобличенных в бесхозяйственности и разбазаривании государственной товарной продукции».

К середине 1930-х гг. условия ведения совхозного животноводства в целом улучшились. Большую часть скота удалось обеспечить специальными помещениями, выросла его продуктивность. Вместе с тем в большинстве хозяйств ситуация с сохранением молодняка, организация труда и производства оставались неудовлетворительными.

Ниже публикуется упомянутая выше докладная записка комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), подготовленная по итогам обследования животноводческих совхозов Западно-Сибирского края в конце декабря 1931 г. Документ выявлен в фонде П-3 Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Он представляет собой черновой машинописный вариант докладной записи, в который по итогам обсуждения 23 декабря 1931 г. на совещании при Западно-Сибирском крайкоме были внесены рукописные дополнения и поправки. Затем документ был направлен в Западно-Сибирский крайком ВКП(б) для окончательного согласования.

Публикация осуществляется по определенным правилам. Все языковые погрешности и стилевые особенности документа передаются дословно, без исправлений. Без оговорок исправляются явные ошибки (опечатки), допущенные при машинописном наборе текста. Дописанные публикатором фрагменты (раскрытие сокращений) приводятся в квадратных скобках. Воспроизводятся авторские формы выделения текста (заглавные буквы). Рукописный текст набран курсивом.

Текстуальные примечания приводятся в постраничных сносках. Ссылки на содержательные комментарии размещены в квадратных скобках и набраны полужирным шрифтом.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 878. Л. 68–73; Советская Сибирь. 1932. 3 апр.

* * *

**Докладная записка комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б)
по проверке животноводческих совхозов Западно-Сибирского края**

г. Новосибирск

24 декабря 1931 г.

**ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
комиссии ЦК и ЦКК по обследованию животноводческих совхозов
Западно-Сибирского края**

1. На протяжении последних полутора-двух лет в Западно-Сибирском крае развернута огромная работа по строительству животноводческих совхозов. Только по 5-ти животноводческим системам (Маслоторест, Скотовод, Овцевод, Свиновод, Птицетрест) организовано 107 совхозов с общей земельной территорией «[...]» тыс. га и общим поголовьем стада на 1/XII-31 г. «[...]» тыс. гол. [крупного] рог[атого] скота; 147 тыс. гол. овец; 62,5 тыс. гол. свиней.

2. План строительства животноводческих совхозов 1931 г. перевыполнен по количеству организованных совхозов, по размерам отвода земельной территории, но недовыполнен по размерам формирования стада (кроме Маслоторesta), несмотря на огромные возможности, имевшиеся в крае по комплектованию стада в текущем году вследствие недорода кормов и усиленной сброски скота. Недовыполнение плана комплектования произошло вследствие ^a*отсутствия планов, запоздания финансирования*^b, малого внимания, уделявшегося этому вопросу краевыми организациями, и первой половине года и лишь только после постановления ЦК и СНК от 30/VII^c – краевые организации проделали большую работу и добились значительных успехов.

Большой прорыв в формировании стада произошел от незначительного прироста стада собственного воспроизводства из большой яловости скота и большого падежа по взрослому скоту (у Скотовода до 10 %), по молодняку у всех трестов (около 40 %), особенно у Птицетреста.

Качество принятого скота далеко отступает от требования и кондиций совхозов. Это объясняется: невниманием краевого аппарата Союзмясо^d и представителей совхозов^e к качеству отбираемого скота в совхозы, невыполнением прямой директивы ЦК и СНК, прежде всего отбирать на формирование стада совхозов качественно лучший скот, а также плохой организацией доставки скота в совхозы с мест его заготовки.

3. Несмотря на значительные успехи, имеющиеся в животноводческих совхозах Западно-Сибирского края по заготовке кормов, все же директива ЦК и СНК от 30/VII-31 г. об обеспечении совхозами полной своей потребности в грубых кормах – не выполнена. В подсчетах количества грубых кормов ^f*совхозов*^g сделаны грубейшие ошибки, а иногда прямой обман, в сторону преувеличения наличия (Тюкалинский мясосовхоз). К вопросу определения размеров скошенного сена со стороны всех краевых и районных земельных органов, а также трестов – проявлено исключительное невнимание. Вследствие этого уже в январе-феврале ^h*некоторые*ⁱ совхозы остаются под угрозой бескормицы. Ни в одном совхозе не создан 10–15 % страховой резерв на случай затяжной зимы. Заготовленные корма, как правило, не подвезены к скотным дворам. Сводок о ходе подвозки грубых кормов все тресты (кроме Маслоторesta) не имеют. ^j*Несмотря на значительный рост силосования по сравнению с предыдущим годом*^k, план силосования по всем трестам не выполнен. Обеспеченность концентрированными кормами у всех трестов (кроме Овцевода) не превышает

^{a-b} Вписано от руки.

^{b-g} Вписано от руки.

^{d-e} Вписано от руки.

^{j-k} Вписано от руки вместо зачеркнутого: многие.

^{i-k} Вписано от руки.

8–10 % от потребности. Наряды на корма, отпускаемые государством через Союзпромкорм³, выдаются гораздо в меньшем размере, чем это определено планом. А фактическое получение совхозами далеко отстает от того количества, которое отпускается Союзпромкормом по нарядам вследствие отсутствия этих кормов на местах.

Несмотря на тяжелое положение с кормами, расходование имеющихся кормовых ресурсов во всех совхозах происходит исключительно расточительно и небрежно. Нормы кормления, после обнаружения меньших ресурсов корма, не пересмотрены и не приведены в соответствие с наличием кормовых ресурсов. Для предотвращения истощения, а возможно гибели скота от бескормицы, необходимо провести следующие мероприятия:

а) Предложить всем трестам не позже 1/1-32 г. произвести по всем совхозам, где это не производилось, проверку наличия кормовых ресурсов путем выборочных контрольных взвешиваний. Для проведения этой работы при каждом совхозе создать специальную комиссию под руководством директора совхоза с участием Райзем[отдел]ов и РайРКИ;

б) Немедленно пересмотреть нормы кормления скота в соответствии с наличными кормовыми ресурсами, доведя их до минимально возможных при резкой дифференциации между отдельными видами скота по его возрасту и продуктивности;

в) В случаях явного недостатка грубых кормов по самым минимальным нормам и невозможности их заготовки немедленно произвести выработку менее ценного, малопродуктивного скота;

г) *"Поручить Крайисполку рассмотреть систему мер по каждому совхозу в отдельности, где имеется дефицит кормов по ликвидации этого дефицита. В случае невозможности покрытия этого дефицита представить не позднее 15 января свои соображения что делать со стадом, на которое не хватит кормов".*

д) Предложить [°]*совещанию по перевозкам*^п отпустить для перевозки грубых кормов в пределах Западно-Сибирского края в течение января и половины февраля [...] вагонов, из них Маслоторгов [...] вагонов, Овцеводу [...] вагонов, Скотоводу [...] вагонов.

Предложить КрайЗУ до 1 января 1932 г. рассмотреть балансы грубых кормов отдельных совхозов, территориально соприкасающихся друг с другом, но различных трестов, обязав совхозы имеющие излишки кормов немедленно передать совхозам с недостатком кормов.

е) Подтверждая директиву Крайкома и Крайисполкома от 26/XI с.г.⁴ о создании у скотных дворов месячного запаса грубых кормов к 15-му декабря и перевозки к дворам всех кормов к 15 января, отметить, что эта директива ни одним трестом, ни одним районом не выполнена. Обязать все тресты установить 5-ти дневную отчетность о ходе подвозки кормов и о количестве используемых лошадей на подвозке. Обязать все райкомы и райисполкомы под личную ответственность секретарей и председателей не менее одного раза в декаду заслушивать доклады совхозов о ходе подвозки кормов и оказать реальную помощь по вербовке транспорта окружающих колхозов и единоличников для подвозки в тех случаях, где не хватает собственного транспорта.

ж) Предложить всем трестам дать директивы и наблюсти за их осуществлением о строжайшей экономии кормов по всем совхозам. Предупредить директоров совхозов об их личной ответственности за выполнение этой директивы. Объявить строгий выговор директорам следующих совхозов за отсутствие учета и неэкономное расходование кормов:

- 1) Директору 83 Птицесовхоза – т. ХМЕЛЕВУ
- 2) Директору Минусинского овцесовхоза – т. БАШАРОВУ
- 3) Директору Омской Зональной станции Маслообъединения⁵ – т. Ященко
- 4) Директору Мошковского свиносовхоза т. ЗАЙЦЕВУ.

^{л-м} Вписано от руки вместо зачеркнутого: Возбудить ходатайство перед Наркомземом СССР о разрешении сдачи органам Союзмясо молодняка до 1½ лет в тех совхозах Маслоторговца, Скотовода и Овцевода, которые стоят перед явной угрозой бескормицы.

^{о-п} Вписано от руки вместо зачеркнутого: дирекции Томской и Омской железных дорог.

з) Довести до сведения ЦК, Наркомзема и Наркомснаба о невыполнении Созпромкормом плана снабжения концентрированными кормами Западно-Сибирского края в размере [...] тыс. тонн концентрированных кормов.

Предложить Западно-Сибирской конторе Союзпромкорма под личную ответственность тов. [...] обеспечить полное удовлетворение трестов и совхозов концентрированными кормами на уже выданные наряды, заранее подготовив эти корма на местах их получения.

Обязать все животноводческие тресты и райкомы партии обеспечить выполнение директивы СТО и НКЗ о создании 10%-ного резерва грубых кормов на случай затяжной зимы. Предупредить директоров совхозов, что невыполнение этой директивы повлечет за собой привлечение к партийной ответственности.

к) Создать во всех совхозах на протяжении января и 2-й половины февраля 2-х месячный запас концентрированных кормов, обеспечивающих совхозы, в период весенней распутицы. В соответствии с чем поручить Союзпромкорму выдать соответствующие наряды на корма в размерах, обеспечивающих этот запас. [¶]*Просить Союзный Наркомзем и Наркомснаб разъяснить этот вопрос и дать соответствующую директиву крайснабам*^с.

л) Учитывая отдельные случаи расходования семенного материала на корма, предложить КрайЗУ дать директиву по всем совхозам о категорическом запрещении такого расходования семенного материала.

4. Значительные успехи в т[екущем] году достигнуты в части строительства скотных дворов, особенно если принять во внимание ничтожный процент снабжения деф[ицитными] стройматериалами. Однако строительная программа т[екущего] года ни по одному тресту не выполнена (особенно по Свиноводу и Птицетресту). Начато строительство слишком поздно, лишь с августа-сентября. Обошлось значительно дороже, чем это предполагалось планом, и качество его необычайно слабо – низко. У половины строящихся в т[екущем] году скотных дворов не окончено даже наружное оборудование и почти во всех не закончено внутреннее оборудование. Не проведены простейшие утепления скотных дворов. Отметить, как правило, что в совхозах, которые проводили строительство хозяйственным способом, оно окончено быстрее и значительно дешевле, чем строительство, проводившееся Союзсельстроем. Несмотря на большой процент неоконченного строительства, внимание к нему в последнее время (в декабре) значительно ослабло как со стороны трестов, так и районных организаций.

Исключительную беспечность проявили тресты крупного скота, особенно Скотовод, отчасти и Свиновод, в части подготовки помещений для зимнего приплода 1931–32 г. Отметить неверную, граничащую с вредительством установку Правления Скотовода, ориентировавшего совхозы не проводить никакого строительства телятников в расчете на весенний и летний отел. Следствием этой беспечности и вредительской установки совхозы вошли в зимний период содержания скота без родильных помещений и без телятников, что в значительной мере обусловило огромный процент гибели телят за последние месяцы.

Для окончания строительства текущего года и подготовки к строительству следующего года провести нижеследующие мероприятия:

а) Предложить всем трестам продолжать работу по окончанию строительства 1931 г. с таким расчетом, чтобы все недостроенное за этот год достроить не позднее 1-го февраля 1932 г. Предложить всем РК и райисполкомам [¶]*проверять*^у не менее одного раза в декаду ^Ф*выполнение этой директивы как путем заслушивания докладов, так и выезда на места*^х.

б) Немедленно начать строительство новых, а также приспособление уже отстроенных скотных дворов и свинарников под родильные помещения и телятники, с таким расчетом, чтобы к 10 января 1932 года обеспечить окончание постройкой и приспособлением не менее чем на 50 % ожидаемого зимнего приплода и к 15-му февраля 1932 года на весь зимний приплод. Установить по всем трестам специальные сводки о ходе приспособления поме-

^{Р-с} Вписано от руки.

^{Т-у} Вписано от руки вместо зачеркнутого: заслушивать.

^{Ф-х} Вписано от руки вместо вычеркнутого: доклады совхозов о ходе окончания строительства, наряду с докладами о подвозке кормов.

щений для молодняка, а райкомам в докладах совхозов о ходе строительства вопрос об обеспечения помещениями зимнего приплода взять под особый контроль.

в) Предложить всем трестам и директорам совхозов впредь до окончания строительства неотстроенных помещений произвести не позднее 1-го января простейшее их утепление (навесить двери, заткнуть все щели, дыры, заложить подворотни и т.д.).

г) Предложить Лесоснабсбыту удовлетворить потребность трестов в пиломатериалах для приспособления помещений молодняку в размере ... вагонов, из них по Маслострету [...] вагонов, Скотоводу [...] вагонов, Свиноводу [...] вагонов, а дирекции Томской и Омской железных дорог обеспечить перевозку этого пиломатериала не позднее 20 января 1932 года.

д) Признать неправильными установленные отношения финансовых расчетов между Союзсельстроеом и трестами, при которых расчет производится не совхозом с прорабским участком, а трестом с конторой Союзсельстроя, без приемо-сдаточных актов отстроенных помещений. Это создает безответственность со стороны и директора совхоза и прораба Союзсельстроя за произведенное строительство. Просить Наркомзем СССР немедленно отменить этот порядок.

е) Имея в виду, что существующая система отношений между органами Союзсельстроя и совхозами не обеспечивает успешности работы Союзсельстроя, а установка других отношений невозможна, признать в дальнейшем нецелесообразным существование отдельной хозяйственной организации в лице Союзсельстроя. Передать в 1932 году все строительство трестам и совхозам для проведения его хозяйственным способом, сохранив за Союзсельстроеом лишь проектирование и технический надзор. Просить Наркомзем СССР провести этот порядок по всему СССР.

ж) *“Предложить Крайисполку рассмотреть не позднее 5/1 вопрос об отводе животноводтрестам лесосечных участков для лесозаготовок на строительство 1932 г. в размере полностью обслуживающих выполнение плана лесозаготовок по трестам. Одновременно рассмотреть вопрос о снабжении лесом рабочих, занятых на заготовке леса, из общего фонда по лесозаготовкам инструментами, фуражным продовольствием и прозодеждой⁶.*

Просить НКЗ СССР разъяснить вопрос о порядке снабжения рабочих, занятых на лесозаготовках в совхозах⁴.

и) Предложить всем трестам немедленно обеспечить потребными денежными средствами заготовку совхозами лесоматериалов, а также других местных материалов, как-то: песка, кирпича, камыша и т.д.

к) Учитывая широкую программу строительства следующего года, предложить всем совхозам сохранить основной кадр строительных рабочих на протяжении всей зимы, особенно зарекомендовавших себя, как по высокой квалификации, так и по сознательному отношению к социалистическому труду.

6^ш. Отметить исключительно тяжелое положение с водообеспечением по ряду совхозов вследствие невыполнения программы строительства прудов и колодцев и низкого качества построенных колодцев.

Предложить всем трестам немедленно установить список совхозов, наименее обеспеченных водой, произвести переброску в эти совхозы буровых инструментов и рабочих из других более обеспеченных водой совхозов. Предложить Крайтруду дать указания

^{4-ч} Вписано от руки вместо вычеркнутого: Для обеспечения заготовки стройматериалов на 1932 год предложить Леспромхозу закончить отвод лесосечных делянок по всем трестам в размерах, покрывающих их потребность в заготовке стройматериалов, установленные союзными объединениями не позднее 1-го января 1932 года.

3) Учитывая, что заготовляемые хозяйственным способом лесоматериалы засчитываются в наряды централизованного снабжения, предложить Крайснабсбыту выделить для хозяйственных лесозаготовок совхозов инструменты, фонды проз и спецодежды, фураж и продовольствия по нормам, установленным для лесозаготовок, производимых леспромхозами. Просить ЦК, Наркомзем, ВСНХ и Наркомснаб СССР распространить этот порядок по всему Союзу.

^ш Так в документе. За 4-м следует 6-й пункт.

по всем РИКам, в районе которых расположены совхозы, наименее обеспеченные водой, снабдить строительство этих совхозов потребной для них рабочей силой.

7. Решающее значение, определяющее качество всей работы животноводческих совхозов, особенно размеры их валовой продукции, имеет правильный уход за скотом. Между тем самой худшей стороной работы совхозов, где больше всего вопиющих безобразий, иногда явно вредительских действий, является уход за скотом. В скотных дворах, свинарниках, кошарах нет элементарных утеплений, обилие грязи и сырости. Установленный трестом распорядок для скотных дворов в жизнь не проводится. Корм задается без учета продуктивности животных, рационов кормления нет. Есть случаи, когда скот кормится один раз в день, а поится лишь через день. Скот не напаивается досыта, происходит давка, повреждения скота, а в трех совхозах (Еланском маслосовхозе, Каргатском мясосовхозе и Нижне-Каргатском маслосовхозе) 30 голов скота утонуло, провалившись на льду. Дойный скот во всех совхозах Скотовода и в значительной части Маслотреста – не привязан, стельные коровы и особое помещение не выделены, животные по их продуктивности не рассортированы. Коровы выдаиваются не полностью. Не соблюдаются самые простые, элементарные, известные каждому крестьянину правила ухода за скотом, несмотря на наличие в каждом совхозе значительного кадра специального зоотехнического персонала, несмотря на наличие довольно подробных письменных, правда бюрократически составленных, инструкций со стороны объединений по уходу за скотом. На эту сторону работы до сих пор не обращалось надлежащего внимания ни со стороны объединений, ни со стороны всех краевых и районных организаций, и прежде всего трестов. Руководство со стороны ^щобъединений трестов^в было только бумажное. Такой плохой уход за скотом привел к большому распространению эпизоотий (особенно в совхозах Скотовода, Свиновода), большому падежу скота, низкой его продуктивности и особенно большой гибели молодняка (Маслотрест, Птицетрест, Свиновод).

Комиссия считает, что уход за скотом надо поставить центральной задачей в работе по животноводству, партийных, земельных органов, трестов и совхозов.

Для улучшения ухода за скотом, предотвращения гибели его необходимо провести следующие мероприятия:

а) Обязать все тресты и объединения издать, по вопросу об уходе за скотом, руководства самые простые, популярные, понятные для малограмотного, предназначенные для отдельных видов рабочих^{в1}.

б) Провести во всех совхозах и фермах специальные производственные совещания, посвященные вопросу ухода за скотом. Разобрать на этих совещаниях все вопиющие случаи, допущенные в данном совхозе по уходу за скотом. Дирекции совхозов и техническому персоналу наметить в течение января-февраля сеть кружков для отдельных групп рабочих, занятых по уходу за скотом. Разобрать на этих кружках все элементарнейшие вопросы, связанные с уходом за скотом, с повышением технической грамотности обслуживающего персонала.

в) ^щОбязать райком партии в декадный срок для совхозов или Райпо выделить не менее чем на один месяц лучших хозяйственников специалистов для организации дела ухода за скотом³.

г) Обязать все тресты отобрать из лучших зоотехников, директоров совхозов, зав. фермами специальный инспекторский персонал по инструктажу и постановке работы ухода за скотом с таким расчетом, чтобы эти инструкторы были прикреплены к определенным совхозам и находились там до тех пор, пока не будет поставлен элементарно-

^{щ-в} Вписано от руки вместо вычеркнутого: последних.

^{в1} Далее вычеркнуто: (скотников, доярок, телятниц, свинарей, чабанов и т.д.). Обязать каждый совхоз наиболее важные моменты по уходу за скотом вывесить на специальных дощечках, написанных крупными буквами в каждом хлеве, базе, свинарнике, отаре.

³ Вписано от руки вместо вычеркнутого: Обязать РК партии выделить не менее по одному человеку на каждую ферму лучших хозяйствственно-опытных партийцев-колхозников, бригадиров и послать на 2–3 недели в совхоз для конкретной помощи к каждой ферме по постановке правильного ухода за скотом.

правильный уход за скотом. Послать из совхозов с безобразным уходом за скотом группы рабочих в те совхозы или фермы, где работа поставлена лучше.

д) Обязать все тресты завести специальные сводки по главнейшим вопросам, связанным с уходом за скотом, и на деле осуществить действительный живой и длительный инструктаж по вопросу ухода за скотом.

е) Заслушивать на заседании коллегии КрайЗУ, Крайисполкома не менее одного раза в месяц доклады трестов о состоянии ухода за скотом по совхозам. Обязать РК и РИКи заслушивать такие же доклады директоров совхозов. Привлекать к суворой ответственности за все случаи вопиющего безобразия по уходу за скотом.

ж) За допущенные преступления по уходу за скотом привлечь к ответственности.

1) Снять с работы и привлечь к суду старшего зоотехника БАЖАНОВА Коченево-Чулымского мясосовхоза: перегон 1 400 гол[ов] молодняка до 6-ти месячного в 30-градусный мороз на расстояние выше 100 км необеспеченности кормами в пути следования, вследствие чего выше 400 голов в дороге легло, а затем почти все замерзли и погибли в дороге при перевозке их на лошадях.

2) Объявить строгий выговор директору Бащелакского м[ясо]совхоза т. ЛИСАСИНУ за содержание части скота под открытым небом, приведшее к массовому заболеванию воспалением легких, содержание стельных коров и допущение отела их в холодных базах⁷ вместе с общим стадом, следствием этого имели случаи замерзания телят и отхода выше 40 %, за подсосное кормление телят до 6-ти месяцев, за отсутствие изоляции больного скота от здорового.

3) Снять с работы зав. участком № 4 БАГАНСКОГО овцесовхоза т. КАЗАРОВА за:

а) потопление телят во время пойки вследствие преступной небрежности отсутствия хозяйственного надсмотра;

б) массовый падеж ягнят, трупы которых валяются неубранными в кошарах;

в) плохое кормление, плохой уход, вследствие этого истощение стада.

Директору того же совхоза тов. [...] за непринятие мер к устраниению указанных выше фактов в уходе за овцами и срыв случной кампании – объявить строгий выговор.

4) Снять с работы и передать суду зоотехнику МЕРИНОВА Абакано-Идринского мясосовхоза за:

а) перегон больного скота с одного участка на другой, без ветеринарного надзора, без обеспечения в пути кормами, бессмысленный, вреднейший перегон ^югрупп скота^я с одного участка на другой, следствием чего явился падеж скота выше 50 голов;

б) за плохое кормление, плохой уход за скотом.

5. Снять с работы и передать дело в крайКК для привлечения к партийной ^{аа}и уголовной^{бб} ответственности директора того же совхоза т. Волкова за непринятие никаких мер против указанных преступных фактов, за отсутствие элементарных утеплений в хлевах, содержание стельных коров в общем стаде, не на привязи, и как следствие этого массовые случаи выкидышей, содержание хлевов в грязи, расточительное разбазаривание под ноги кормов, пойки коров гуртами без присмотра с необрученными подступами к прорубям и содержание в таких же условиях, как и весь остальной скот, импортных племенных быков, что вызывало массовое их заболевание.

6) Снять с работы и отдать под суд старшего зоотехника Мошковского совхоза Свино-водтреста – МАТВЕЕВА, допустившего групповое содержание тяжело супоросных маток совместно с холостыми, следствием чего полностью погиб весь приплод.

7. ^{вв}Объявить директору Овцеводтреста тов. Зименкову – за непринятие мер по устраниению безобразий в овцеводческих совхозах^{гг}.

3) Предложить всем трестам разработать простые и понятные меры материальной ответственности за наиболее вопиющие случаи нарушения правил по уходу за скотом,

^{ю-я} Вписано от руки.

^{аа-бб} Вписано от руки.

^{вв-гг} Вписано от руки.

а также премий за хорошую работу по уходу за скотом, объявления об этих взысканиях и поощрениях должны быть вывешены в каждом скотном дворе. Срок проведения этих мероприятий по всем совхозам не позднее 15 января 1932 г.

и) Просить НКЗ СССР увеличить к 1 февраля 1932 г. количество ветеринарных работников по обслуживанию Западно-Сибирского края совхозов не менее 100 ветеринарных врачей и 300 ветеринарных фельдшеров. Одновременно увеличить завоз медикаментов и биопрепаратов особенно [...] в размере [...].

к) Поставить перед НКЗ СССР вопрос об улучшении подготовки кадров и о коренном изменении роли так называемых специалистов зоотехников в производстве, взяв за правило всякого зоотехника, окончившего ВУЗ, вначале отправлять на работы в качестве стажеров рабочего (скотника, санитара и т.д.) и лишь показавших свои знания на действительно практической работе выдвигать их на руководящую работу, но обязательно с ответственностью за эту работу (зам. зав. фермой, зимовкой, отарой и т.д.), упразднить должности зоотехников без определенной ответственности.

8. Все перечисленные выше безобразные условия содержания скота обусловили чрезвычайно низкую продуктивность животноводческих совхозов, особенно по Скотоводу, Птицетресту низкий выход валовой товарной продукции. Ни одним трестом установленный план сдачи товарной продукции не выполнен ^{дд}Маслопрест – 78 %, Скотовод по мясу – 80 %, по молоку – [...] годовой – 100 % и IV квартал – 67 %, Свиновод – 85 %, Овцевод по мясу – 33 % и шерсти – 67 %, Птицетрест по мясу – 43 % и яйцам – 58 %. Имея в виду, что год уже кончается, это выполнение плана надо признать неудовлетворительным. Отметить исключительно низкий план сдачи молочной продукции, по Скотоводу в 3,3 раза меньший на корову, чем у Маслопреста, хотя качество коров и районы их размещения у Скотовода не хуже, чем у Маслопреста. Это приводит к разбазариванию продукции^е. Учет получаемой валовой продукции поставлен безобразно. Имеется огромный процент оседания, особенно по Скотоводу, Птицетресту и частично Свиноводу, доходящий по некоторым совхозам до 50 % по молоку (Тюкалинский мясосовхоз); 1460 туш свиней в одном хозяйстве (Лузинский свиносовхоз). Очень часто случаи прямого воровства и расхищения продукции, подлежащей сдаче государству (Тюкалинский мясосовхоз, маслосовхоз № 42, № 80 птицесовхоз, где украдено 6 500 кур). Совхозы не ведут борьбы за увеличение товарной продукции, не повернули лицом к этой задаче рабочие массы.

Причинами невыполнения планов сдачи продукции, помимо плохого учета ее, многочисленных случаев воровства и расхищения, является полная беззаботность ^{жж} органов, на которых постановление ЦК и СНК возложило наблюдение за ходом сдачи продукции и привлечение к ответственности виновных в разбазаривании этой продукции, как расхищение народного имущества^{зз}. Объединениями и трестами не проведены в жизнь директивы ЦК и СНК об оплате всех без исключения специалистов высшего административного персонала и старших рабочих в соответствии с размерами производства и сдачи товарной продукции.

За проступки, связанные с выполнением плана сдачи товарной продукции государству, привлечь к ответственности директоров следующих совхозов:

1) Директора Тюкалинского мясосовхоза тов. ПАПСА ^{ии}снять с работы^{кк}, объявить строгий выговор с предупреждением ^{лл}запретить ему занимать должности директоров совхозов^{мм} за хаотическое состояние учета молочной продукции, большой процент оседания молока, случаев большого расхищения и разбазаривания молока, огромного ничем не оправ-

^{дд-е} Вписано от руки вместо вычеркнутого: хотя имелись все возможности для его перевыполнения, особенно по Скотоводу и Маслопресту.

^{жж} Далее вычеркнуто: и невнимание к этому делу со стороны трестов, особенно Скотовода, Птицетреста, полной бездеятельности земельных.

^{зз} Далее вычеркнуто: Не следили за ходом сдачи продукции государству и краевые, особенно районные партийные организации.

^{ии-кк} Вписано от руки.

^{лл-мм} Вписано от руки.

данного забоя молодняка (свыше 1000 голов на одном участке в течение 5–6 дней без всяких актов), за данные директивы по участкам об обеспечении себя мясом из производимого забоя на круглый год.

2) Быв[шему] директору маслосовхоза № 45 тов. РУСИНОВУ объявить выговор за невыполнение плана сдачи продукции, большой процент оседания на потребление рабочих.

3) Бывшему директору Лузинского свиносовхоза тов. ХУДЯКОВУ объявить строгий выговор за забой 1460 голов свиней на внутрисовхозное потребление.

4) Передать в КрайКК для привлечения к партийной ответственности бывш. директора 80 совхоза Птицетреста тов. ГОЛОВКО за допущенные хищения 6500 кур и общую бесхозяйственность в совхозе.

5. ^{нн}Учитывая большую бесхозяйственность, огромную гибель птицы в совхозах Птицетреста, поставить на ближайшем заседании секретариата крайкома доклад Птицетреста и содоклад [...]^{оо}.

Для обеспечения выполнения по сдаче товарной продукции в 1931 г., особенно в 1932 году, обязать все тресты провести нижеследующие мероприятия:

а) Пересмотреть систему учета валовой продукции в том направлении, при котором невозможны были бы случаи скрытия, утайки этой продукции, в частности назначить по каждому совхозу специальных лиц, отвечающих за учет продукции. Ввести в совхозах по учету о ходе сдачи продукции показатели оседания продукции в совхозах с указанием, на какие цели она пошла.

б) Довести план сдачи товарной продукции не только до совхоза, но и до участка, фермы, зимовки и каждой бригады, не только годовой и квартальный, но месячный и декадный.

в) ^{пп}В целях увеличения заинтересованности рабочих и служащих установить такой порядок выдачи продукции на собственное потребление, при котором полную норму получали бы те рабочие, где план выполняется, рабочие же тех совхозов, где план не выполняется, совсем исключаются со снабжения или нормы резко уменьшают. Этую же дифференацию установить внутри совхозов. Поручить КрайЗУ вместе с трестами дать по этому вопросу соответствующие директивы. Провести широкую разъяснительную кампанию вокруг этих вопросов^{рр}.

г) Предложить райкомам и райисполкомам регулярно, наряду со строительством и уходом за скотом, заслушивать совхозы о ходе сдачи товарной продукции.

д) Предложить КрайЗУ не реже одного раза в декаду заслушивать тресты о выполнении ими плана по сдаче продукции. Провести на деле директивы ЦК и СНК о привлечении к ответственности лиц, виновных в скрытии, расхищении и разбазаривании товарной продукции.

е) Предложить всем трестам не позднее 1-го января 32 г. указания о порядке премирования и оплаты труда лиц административно-технического персонала, успешно выполняющих план продукции, и представить список совхозов и директоров совхозов, премированных за эту работу.

9. Сдельно-премиальная система оплаты труда должна быть установленной по директивам Союзного Наркомзема с 1-го июня, фактически в жизнь не проведена. Рабочие получают зарплату поденно или исходя из количества обслуживаемых животных, без учета качества, особенно в совхозах Скотовода, Птицетреста. Тресты за исключением Свиновода не имеют сведений о способе оплаты труда в совхозах.

а) Предложить всем трестам добиться осуществления сдельно-премиальной системы оплаты труда во всех совхозах с 1 января 1932 г. особенно обратив внимание на массовую

^{нн-оо} Вписано от руки.

^{пп-рр} Вписано от руки вместо вычеркнутого: Категорически воспретить внутрисовхозное потребление продукции на какие бы то ни было цели, кроме как на цели, связанные с выращиванием молодняка по всем совхозам, где не выполнен план сдачи продукции государству.

работу по разъяснению размера оплаты труда каждого рабочего не только от количества, но и от качества проведенной работы. Установить во всех совхозах такой порядок учета сдельщины, при которой каждый рабочий, *“дающий ежедневно учитываемую продукцию, уже на следующий день мог бы знать, сколько он заработал за предыдущий день. Рабочие, продукция которых учитывается периодически, должны знать размер своего заработка не позже, чем через 3 дня после учета (премии за прирост в весе, за сохранность молодняка и т.д.)”*^{тг}.

б) Просить Наркомзем СССР изменить существующую систему сдельно-премиальной системы оплаты труда по животноводческим совхозам ввиду необычайной ее сложности, предложив объединениям и ЦК [профсоюза] животноводческих совхозов настолько упростить эту систему, чтобы в ней мог легко разобраться каждый неграмотный и полу-грамотный рабочий.

10. Отметить полную неосведомленность всех животноводческих трестов в вопросах себестоимости продукции, а также отсутствие калькуляции по подавляющему большинству совхозов. Имеющиеся отдельные материалы по совхозам показывают значительное превышение себестоимости против сбытовых цен. Не ослабляя ни на одну минуту борьбы за снижение себестоимости, через улучшение организации хозяйства, однако признать, что на данной стадии развития хозяйства по животноводческим системам Скотовода, Маслотореста, Свиновода и Птицетреста себестоимость безусловно выше сдаточной цены. Поэтому просить Комитет цен СТО пересмотреть сбытовые цены животноводческих совхозов (по мясу, молоку, маслу) в сторону повышения сдаточных цен до размеров безубыточности хозяйства отдельных объединений животноводческих совхозов.

11. Все животноводческие тресты (Скотовод, Маслоторест, Свиновод, Птицетрест) при значительном недовыполнении плана формирования стада, денежные ассигнования со стороны государства получили почти в размерах, намеченных планом. Тем не менее по совхозам всех трестов имеется огромная задолженность как по капитальным вложениям, так и по оборотным средствам, особенно по заработной плате, *“доходящей до 3–4 мес[яцев], что очень тяжело отражается на состоянии хозяйства”*^{ФФ}. Это говорит о бесплановом, неэкономном расходовании средств, невыполнении финансового плана в его приходной части за счет мобилизации собственных средств. Во всех совхозах нет и намека на хозяйствственный расчет.

Отметить отсутствие какого бы то ни было руководства в вопросах финансовой дисциплины и хозрасчета со стороны союзных объединений трестами и особенно со стороны трестов – совхозами, вследствие чего деньги расходовались не по назначению, имеются огромные перерасходы почти по всем статьям. Никакого внимания не уделялось вопросу финансовой дисциплины совхозов и со стороны краевых и районных организаций:

а) Просить Союзные НКЗ и НКФ не позднее 1-го января определить размеры собственных оборотных средств по всем животноводческим системам. В течение января месяца покрыть всю задолженность по капитальным вложениям и особенно по оборотным средствам.

б) Предложить всем трестам немедленно распределить оборотные средства между отдельными совхозами, установить на 1932 год жесткий финансовый план, основанный на хозрасчете, и обеспечить действительное его выполнение. Одновременно дать указание всем совхозам о порядке проведения хозрасчета и укрепить счетно-бухгалтерский аппарат совхозов.

в) Просить СНК СССР установить такой порядок расходования средств на капитальные ассигнования, при котором совхозы могли тратить отпущенные им деньги только на те мероприятия, которые предусмотрены планом, запретив им расходовать на другие цели, особенно перевод средств из капитальных в оборотные.

^{тг-тг} Вписано от руки вместо вычеркнутого: на следующий день мог знать, что он заработал за предыдущий день.
^{ФФ-ФФ} Вписано от руки.

12. Отметить чрезвычайно тяжелое положение жилищно-бытовых и культурных условий рабочих почти во всех животноводческих совхозах. Полное отсутствие спец[иальной] и прозодежды, а также отсутствие в значительном количестве совхозов каких бы то ни было запасов хлеба. Несмотря на это, распределение поступаемой, хотя и в незначительном количестве, прозодежды и обуви происходит чрезвычайно нецелесообразно. Но особенно преступно обстоит дело с расходованием продовольствия, в частности хлеба. Нормы и контингенты рабочих, установленные со стороны трестов, нигде не соблюдаются, во всех совхозах имеется огромное количество лишних ртов, которые держатся на довольствии и не сокращаются, несмотря на то, что многие совхозы буквально сидят без хлеба. Расход имеющегося хлеба происходит бесконтрольно. Ни тресты, ни партийные, профсоюзные организации совхозов не уделяют внимания этому вопросу, хотя работа Комиссии ЦК и ЦКК по хлебосдаче и экономии хлеба лишь недавно закончила свою работу. Для предотвращения дальнейшего разбазаривания хлеба считать необходимым:

а) предложить всем трестам и райкомам партии не позднее 1-го января проверить по тем совхозам, по которым не производилось обследования комиссиями по животноводству, выполнение директив о сокращении потребления хлеба, в особенности сокращения числа иждивенцев, привлекая директоров совхозов к ответственности, там, где обнаружится это бесхозяйственное расходование хлеба.

б) Привлечь к ^{хх}партийной^{щщ} ответственности, ^{чч}передав дело в КрайКК^{шш}, директоров следующих совхозов, не выполнивших решения Крайкома о сокращении рабочих и о сокращении норм потребления хлеба:

1. Директора Минусинского Овцесовхоза тов. Башарова.

2. Бывш[его] директора Еланского маслосовхоза т. Карпунова. ^{шш}Одновременно привлечь его к уголовной ответственности за большой перерасход хлеба, содержание нескольких тысяч лишних едоков, расходование фуражной ржи на кормление этих едоков^{бб}.

3. Бывшего Директора Хакасского овцесовхоза т. Толотова.

4. Директора Горно-Колыванского мясосовхоза т. Черкасского.

в) Считая, что большинство совхозов Маслотреста, Скотовода, Свиновода не имеют собственных хлебных ресурсов для продовольствия – просить ЦК ВКП(б) в Наркомснабе немедленно разрешить вопрос о снабжении продовольствием рабочих этих совхозов в централизованном порядке. Впредь до разрешения этого вопроса предложить Крайснабу производить выдачу хлеба по установленным нормам тем совхозам, у которых запасы уже иссякли.

г) Просить ЦК ВКП(б), Наркомзем и Наркомснаб о выделении специальных фондов для снабжения спец[иальной] и прозодеждой рабочих животноводческих совхозов в размерах, удовлетворяющих хотя бы 50 % потребности по установленным нормам.

д) Предложить всем животноводческим трестам и потребительской кооперации улучшить общественное питание и культурно-бытовые условия работы, ускорить организацию молочно-овощных ферм и в 2-х декадный срок организовать столовые на каждом участке.

б) ^{бб}^{бб}Животноводческие тресты еще не изжили безобразий с расходованием хлеба. В этом повинны не только директора совхозов, но и директора трестов, не следящие за устранением этих безобразий. Предупредить директоров трестов, что непринятие с их стороны мер в дальнейшем повлечет за собой соответствующее взыскание.

в) Поручить КрайЗУ, совместно с трестами, установить по животноводческим трестам отчетность в расходовании хлеба, аналогичную отчетности Зернотреста.

г) Поручить РКИ обследовать работу совхозных кооперативов с точки зрения экономного расходования ими хлеба⁹⁹.

^{хх-щщ} Вписано от руки вместо вычеркнутого: уголовной.

^{чч-шш} Вписано от руки.

^{шш-бб} Вписано от руки.

^{бб} Так в документе. За пунктом «д» следуют пункты «б», «в» и «г».

⁹⁹⁻⁹⁹ Вписано от руки.

13. Большую отрицательную роль в деле управления хозяйством совхозов играют их огромные размеры территории, разбросанность отдельных участков, отсутствие средств технической связи между участком и руководством совхоза, полная бесправность завед[ующих] участками, фермами и зимовками. Отметить, что директивы Союзного Наркомзема от 1/X о разукрупнении совхозов⁸ выполнены лишь одним Маслоторестом. Просить союзный Наркомзем воздействовать на объединения, заставив их закончить работу по разукрупнению не позднее 10 января. Упразднить после разукрупнения промежуточное звено (участок) между руководством совхоза и производственной единицей (хутором) по системе совхозов Овцевод.

14. Отметить чрезвычайную слабость руководящих кадров в животноводческих совхозах: директоров и зав. фермами. Постановление ЦК от 30 июля о передаче в месячный срок необходимого количества работников для замещения должностей директоров и пом. директоров, заведующих ферм, как вновь организуемых совхозов, так и старых совхозов^ю выполнено ^{яя}^{с опозданием на два месяца}^А.

а) Учитывая необычайную сложность хозяйств животноводческих совхозов, значительно превышающую зерновые хозяйства, а вместе с этим и потребность в высококвалифицированных работниках в качестве руководителей совхозов – просить ЦК ВКП(б) мобилизовать для животноводческих совхозов дополнительное количество людей по всему Союзу, в частности для Западно-Сибирского края не менее 80 человек, изъяв их из промышленности и центральных учреждений Союза.

б) ^БПросить ЦК мобилизовать для работы в животноводческих совхозах лучших рабочих-ударников с крупных предприятий из расчета 5–6 человек на совхоз^В.

в) Поручить сектору кадров Крайкома в месячный срок укомплектовать руководящими работниками директоров вновь организуемых совхозов Маслоторesta, Скотовода и Свиновода в связи с происходящим в настоящее время разукрупнением в количестве не менее 40 человек, из коих 25 – Маслоторесту, 10 – Скотоводу и 5 – Свиноводу.

г) Отметить полную бездеятельность трестов в деле подготовки кадров массовой квалификации, обслуживающих животноводство и полеводство.

д) Обратить внимание Маслообъединения, Скотовода и Птицетреста на неукомплектованность и слабость аппаратов Союзных и Западно-Сибирских трестов. Просить Союзный Наркомзем обязать эти объединения укрепить Западно-Сибирские тресты специалистами и укомплектовать аппараты трестов техническо-счетными работниками не позднее 1-го февраля 1932 года.

15. Отметить слабое руководство совхозами со стороны Западно-Сибирских Союзных Трестов, особенно Маслоторesta, Птицетреста, Свиновода и Скотовода, ^Гчто объясняется в значительной мере их поздней организацией, слабостью аппарата^Д.

16. ^ЕСлабое руководство животноводческими совхозами было и со стороны Союзных объединений НКЗ СССР, в частности: а) несвоевременной даче плана комплектования; б) запозданий в отпуске средств; в) огромном недоснабжении дефицитными строительными материалами. При резкой необеспеченности ветеринарными кадрами зап[адно]сив[ибирских] совхозов, подготавляемые кадры в Зап[адно]Сив[ибирском] крае в недостаточном количестве оставлялись на обслуживание животноводства края^Ж.

17. Отметить большую работу, проделанную крайкомом по выполнению постановления ЦК и СНК от 30 июля и особенно по проведению месячника животноводства⁹. Также значительная помощь была оказана совхозам в деле строительства животноводческих совхозов

^ю Далее вычеркнуто: краевыми партийными организациями до сих пор окончательно не.

^{яя-А} Вписано от руки.

^{Б-В} Вписано от руки.

^{Г-Д} Вписано от руки.

^{Е-Ж} Вписано от руки вместо вычеркнутого: Чрезвычайно слабо оказывалась помощь союзным трестам в деле руководства совхозами со стороны краевых партийных, а особенно земельных органов. На протяжении 1931 г. не слушался доклад в партийных организациях ни одного краевого уполномоченного или треста, а земельные органы заслушали доклад лишь одного Свиновода.

со стороны районных партийных организаций, особенно в части проведения сенокосных кампаний и хозяйственного строительства в совхозах. Однако слабое внимание райкомы партии проявили к вопросу организационно-хозяйственного укрепления совхозов, в частности ухода за скотом и сдачи продукции государству. Райкомы не сумели проследить за выполнением целого ряда решений, связанных с помощью в работе совхозов.

18. Чрезвычайно слаба партийно-массовая и профсоюзная работа в животноводческих совхозах, в частности обращения ЦК и СНК от 30 июля, шесть условий т. Сталина¹⁰ значительной части совхозов не проработано. Не только беспартийные, но и партийные массы зачастую об этом не знают. Необычайно слаба трудовая дисциплина в совхозах. Партийные и профессиональные организации в совхозах массово-разъяснительной работы вокруг вопросов трудовой дисциплины не ведут.

Поручить оргинстру Крайкома усилить совхозы партийными кадрами, в частности организовать, помимо 17 уже организованных парткомов, еще не менее 25 парткомов.

19. Отметить, что, несмотря на огромный размах в строительстве животноводческих совхозов, как по всему Союзу, так и особенно по Западно-Сибирскому краю, техническое вооружение этих совхозов необычайно низко. Совхозы в основном базируются на старой крестьянской технике и это безусловно усугубляет все недочеты, которые имеют место вследствие недостатка хозяйственного руководства этими совхозами. Поэтому с особой выпуклостью и четкостью поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и Наркомземом СССР о резком повышении технического уровня всех животноводческих и, прежде всего, повышения их механизации и технической связи. Необходимо добиться, чтобы в 1932 году была полностью проведена в жизнь уже принятая директива Июньского Пленума ЦК ВКП(б) о производстве машин для животноводства в таком размере, который бы полностью обеспечил механизацию всех процессов по обслуживанию животноводства и по кормодобычианию во всех животноводческих совхозах.

Председатель Комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б)
М. Голенко

С крайкомом согласовано:
Секретарь Зап[адно]-Сиб[ибирского] краевого комитета партии
[подпись отсутствует]

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 1–12.
Подлинник. Машинопись, правленная от руки. Подпись – автограф

Комментарии

1. Речь идет об Обращении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развертывании социалистического животноводства» от 30 июля 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 46. Ст. 312).
2. Союзмясо – Государственное управление по заготовкам и реализации мяса.
3. Союзпромкорм – Всесоюзное государственное объединение кормовой промышленности.
4. Документ не выявлен.
5. Маслообъединение – речь идет о Всесоюзном молочно-масляном объединении «Союзмолоко».
6. Прозодежда – одежда, выдаваемая работающим на производстве за счет предприятия для предохранения обычной одежды от грязи и самих работающих от повреждений.
7. Баз – постройка для содержания КРС и других сельскохозяйственных животных в виде навеса с легкими стенками или участка земли, огороженного забором.
8. Документ не выявлен.
9. В постановлении Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. предусматривалось проведение с 15 сентября по 1 ноября месячника животноводства. Его «центральными задачами являлись»: полное укомплектование скотом совхозов и колхозных товарных ферм; обеспечение стада соцсектора кормами на зимний стойловый период; «ликвидация прорыва» в строительстве теплых и утепленных скотных дворов, кошар и телятников, достижение водообеспеченности животноводческих хозяйств; проверка организации труда, переход на сдельщину (Советская Сибирь. 1931. 12 сент.).

10. Шесть условий Сталина – комплекс хозяйственно-политических мероприятий, сформулированных И.В. Сталиным в выступлении «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» на совещании при ЦК ВКП(б) для представителей хозяйственных организаций, объединенных ВСНХ и Наркомснабом СССР (Правда. 1931. 5 июля).

Список сокращений

ВУЗ – высшее учебное заведение

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ЗУ – земельное управление

км – километр

НКЗ – наркомат земледелия

НКФ – наркомат финансов

оргинст – организационно-инструкторский отдел

райпо – районное потребительское общество

РИК – райисполком

РК – райком

РКИ – рабоче-крестьянская инспекция

СНК – Совет народных комиссаров

СТО – Совет труда и обороны

т., тов. – товарищ

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

Литература

Мартынов Б.Ф. 105 совхозов Западной Сибири. Новосибирск: ОГИЗ: Западно-Сибирское отделение, 1931. 67 с.

Плясуля А.А. Совхозы Западной Сибири в 1928–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2023. 32 с.

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. 298 с.

References

Nikolaev, A.A. (Ed.). (2015). *Proekty preobrazovaniya agrarnogo stroya v Sibiri v XX veke: vybor putey i metodov modernizatsii* [Projects of Transformation of the Agrarian System of Siberia in the 20th Century: Choice of Ways and Methods of Modernisation]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 297 p.

Martynov, B.F. (1931). *105 sovkhozov Zapadnoy Sibiri* [State Farms of the Siberian Region]. Novosibirsk, OGIZ, Zapadno-Sibirskoe otdelenie. 67 p.

Plyasulya, A.A. (2023). *Sovkhozy Zapadnoy Sibiri v 1928–1934* [State Farms of Western Siberia in 1928–1934], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 32 p.

В.А. Ильиных*

ЕДИНОЛИЧНИКИ В СИБИРИ В 1933–1934 ГОДАХ: ФАКТОРЫ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-17
 УДК 94:316.35(571.1/5)"1933/1934"

Выходные данные для цитирования:

Ильиных В.А. Единоличники в Сибири в 1933–1934 годах: факторы и методы социальной адаптации // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 221–241.
 URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-17.pdf>

V.A. Il'inykh*

INDIVIDUAL PEASANTS IN SIBERIA IN 1933–1934: FACTORS AND METHODS OF SOCIAL ADAPTATION**

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-17

How to cite:

Il'inykh V.A. Individual Peasants in Siberia in 1933–1934: Factors and Methods of Social Adaptation // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 221–241.
 [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-17.pdf>]

Abstract. Five information notes of the secretaries of the district committees of VKP(b) to the West Siberian Krai Committee and a report note of the Krai Committee and the Krai Executive Committee to the Central Committee of VKP(b), found in the State Archive of the Novosibirsk Region, are introduced into the scientific circulation. The published documents were compiled within the framework of the survey of the socio-economic situation of the individual peasantry of the West Siberian region conducted in the first half of 1934. They record the main factors and methods that enabled the individual peasants, having survived the storm and onslaught of the first years of collectivization, to adapt to the prevailing political and economic conditions. A significant part of individual peasants reoriented to non-agricultural earnings, most of which they received from working on a horse outside their farms. A significant source of non-agricultural earnings was wages, including those received outside. They also practiced handicrafts on the basis of their own farms and forest crafts. A part of individual peasants engaged in illegal trade operations. The removal of restrictions on the freedom of trade led to the growth of income from agriculture. In remote districts, individual peasants increased their grain and technical crops, which were partially sold on the market. In areas located near large industrial centers, they engaged in commercial production of vegetable crops. The earnings of individual peasants who retained their farms were much higher than the wages paid in agricultural associations. Therefore, there were no incentives for them to join a collective farm.

Keywords: social adaptation, agrarian policy of the Soviet state, individual peasants, collectivization, agriculture, Siberia.

*The article has been received by the editor on 20.02.2024.
 Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

Аннотация. В научный оборот вводятся пять информационных записок секретарей райкомов ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком и докладная записка крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б), выявленные в Государственном архиве Новосибирской области. Публикуемые документы составлены в рамках проведенного в первой половине 1934 г. обследования социально-экономического положения единолич-

* **Владимир Андреевич Ильиных**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: agro_iwa@mail.ru

Vladimir Andreevich Il'inykh, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: agro_iwa@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х – первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги».

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00100 “Social Adaptation of the Siberian Peasantry in the Late 1920s – the First Half of the 1960s: Mechanisms, Forms, Results”.

ного крестьянства Западно-Сибирского края. В них зафиксированы основные факторы и методы, позволившие единоличникам, пережив бурю и натиск первых лет колLECTIVизации, адаптироваться к сложившимся политико-экономическим условиям. Значительная часть единоличников переориентировалась на неземледельческие заработки, большую часть которых они получали от работы на лошади вне своего хозяйства. Существенным источником заработков несельскохозяйственного характера являлась заработка плата, в том числе получаемая в отходе. Также практиковались ремесла на базе своего хозяйства, лесные промыслы. Часть единоличников занималась нелегальными и полулегальными торговыми операциями. Снятие ограничений на свободу торговли привело к росту доходов от занятий сельским хозяйством. В отдаленных районах единоличники увеличивали посевы зерновых и технических культур, которые частично реализовывались на рынке. В районах, расположенных вблизи крупных промышленных центров, они занимались товарным производством огородных культур. Заработки сохранивших свое хозяйство единоличников намного превышали оплату труда в сельхозартелях. Стимулы к их вступлению в колхоз в связи с этим отсутствовали.

Ключевые слова: социальная адаптация, аграрная политика советского государства, единоличники, коллективизация, сельское хозяйство, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024 г.

Одной из составляющих массовой коллективизации являлась ликвидация единоличного крестьянства. Часть единоличников была раскулачена и депортирована, многие бежали из деревни, большинство же крестьян вступило в колхозы. К концу 1931 г. в колхозах Западно-Сибирского края состояло 60,7 % крестьянских дворов. В 1932 г. колхозное строительство приостановилось. За год уровень коллективизации увеличился лишь на 2,5 п.п. В начале 1933 г. коллективизация в крае сдвинулась с места и к началу октября достигла 70,9 %. Однако затем показатели коллективизации снизились и колхозное строительство вступило в полосу достаточно продолжительного застоя. На начало января, начало апреля и начало июля 1934 г. уровень коллективизации в регионе оставался неизменным и составлял 68,2 %¹. Таким образом, единоличными в Западно-Сибирском крае оставалось около трети крестьянских дворов.

Более того, в целом улучшилось материальное положение единоличников. В 1932 г. в Западной Сибири одно единоличное хозяйство, имеющее облагаемые доходы, в среднем засевало 1,01 га пашни, в 1933 г. – 1,93, в 1934 г. – 2,01 га. В 1934 г. выросла средняя обеспеченность единоличников лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом (соответственно с 59, 45 и 35 голов до 60, 55 и 50 голов на 100 хозяйств). При этом росли не только относительные, но и абсолютные величины. Посевные площади в единоличном секторе Западно-Сибирского края в 1934 г. увеличились на 7 %, поголовье крупного рогатого скота – на 29, овец и коз – на 20, свиней – на 8 %².

Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах страны. Доля единоличников в СССР на 1 июля 1934 г. составляла 28,6 % от общего числа крестьянских хозяйств³.

Советское руководство признало приостановку темпов коллективизации недопустимой и решило выяснить причины, по которым оставшиеся единоличники не хотят вступать в колхозы. Началось детальное обследование единоличной деревни. В материалах, включая ниже опубликованные документы, приводятся следующие факторы и методы, позволившие

¹ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 319, 346; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 596. Л. 59.

² Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 21, 24.

³ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 314.

западносибирским единоличникам, пережив бурю и натиск первых лет коллективизации, адаптироваться к сложившимся политico-экономическим условиям.

Ограничение свободы рыночной торговли в начале 1930-х гг. привело к сокращению доходов, получаемых крестьянами от ведения сельского хозяйства. Значительная часть единоличников в связи с этим переориентировалась на неземледельческие заработки. Большую часть неземледельческих доходов они получали от работы на лошади вне своего хозяйства. Единоличники обслуживали личные нужды колхозников (вспашка огородов, подвоз кормов, топлива и т.п.), занимались грузовым и пассажирским извозом (в том числе с временным выездом в города или на места строительства индустриальных объектов), работали на торфоразработках и лесозаготовках. Лошадь применялась и для обеспечения торговых операций (складка продуктов в одном районе и перевозка для перепродажи в другом)⁴. При этом единоличники пользовались межрайонной разницей цен для получения спекулятивного дохода. Так, например, единоличники из Венгеровского района приобретали хлеб в зернопроизводящем Купинском районе по 12 руб. за пуд, а продавали на базаре в районном центре с. Венгерово по 50 руб. за пуд (см. док. № 4).

Заместитель заведующего Западно-Сибирским краевым земельным управлением М.А. Минеев полагал, что лошадь является «главным и решающим» фактором экономики единоличного хозяйства, «причем лошадь единоличнику используется в меньшей части непосредственно в своем сельском хозяйстве и в большей степени на других работах, при этом последние составляют важнейшую, а нередко и главную часть доходов единоличников»⁵.

Существенным источником неземледельческих доходов являлась заработка плата, в том числе получаемая в отходе. Значительных масштабов достигала сезонная работа в совхозах (уборка сена и зерновых культур)⁶. Также практиковались ремесла на базе своего хозяйства, лесные промыслы (охота, сбор дикоросов, рыбная ловля и др.) и продажа соответствующей продукции.

Упорядочение налогообложения в рамках перехода от контракционной системы к обязательным поставкам, а также снятие многих ограничений на свободу торговли в 1933–1934 гг. привели к росту доходов крестьян-единоличников от занятой сельским хозяйством. В отдаленных районах они увеличивали посевы зерновых и технических культур, которые частично реализовывались на рынке. В районах, расположенных вблизи крупных промышленных центров, единоличники занимались товарным производством огородных культур, а также продажей надоенного в своих хозяйствах молока.

Часть из них занималась нелегальными и полулегальными торговыми операциями, в том числе продажей незаконно заготовленных дров, лесоматериалов, приобретенных по дешевке «у пьяниц-лесообъездчиков», сена, скошенного с совхозных участков или похищенного из неохраняемых стогов. Фиксировались случаи, когда единоличники распахивали и засевали необработанные земли совхозов и колхозов.

Маргинальные группы деревни (крестьяне, бежавшие с мест спецпоселения, отбывшие тюремное заключение, беженцы от коллективизации, в том числе голодобеженцы из других регионов и т.п.) жили за счет случайных заработков, краж скота, «колосования» (сбора колосьев на полях).

Заработки сохранивших свое хозяйство единоличников от неземледельческих и сельскохозяйственных занятий намного превышали оплату труда в сельхозартелях. Вступление же в колхоз вело к падению их материального благосостояния. Колхозники, вышедшие или исключенные из сельхозартелей, напротив, как правило, повышали свои доходы. Более того, единоличники, в отличие от колхозников, не голодали. Недород хлеба

⁴ Ильиных В.А. Единоличники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. № 6. С. 99.

⁵ Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. Новосибирск, 2000. С. 134.

⁶ В 1934 г. в зерносовхозах Западно-Сибирского края трудилось более 10 тыс. временных и сезонных рабочих (в основном единоличников), что составляло 44 % от общей численности рабочих (Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 772).

и картофеля в единоличных хозяйствах компенсировался неземледельческими заработками. Неурожай в колхозах приводил к минимизации оплаты труда их членов и голоду.

Стимулом для коллективизации должны были быть денежные налоги, натуральные подати и трудовые повинности, уровень обложения которыми единоличников был существенно больше, чем колхозников⁷. Однако крестьяне-единоличники научились копировать негативные последствия налогово-податного пресса. Во-первых, они утаивали от финансовых органов значительную часть своих доходов от неземледельческих занятий. Во-вторых, не выполняли разверстанные на них посевные планы, заготовительные задания, обязательства по гужевой повинности. В счет погашения недоимок и задолженностей могли конфисковать рабочий и продуктивный скот. При этом единственную лошадь или корову в хозяйствах, относимых в разряд трудовых, отбирать запрещалось. Единоличники ограничивали размеры своего хозяйства одной головой рабочего скота и одной коровой. Секретарь Иконниковского райкома ВКП(б) Косых в этой связи сетовал: «По расширению своего хозяйства он [единоличник] не идет, имеет лошадь и корову, другого ничего из живности, знает, что у него за несдачу мясопоставок отберут, а последнюю лошадь и корову не возьмут. Так и есть на самом деле, если мы отберем судом лошадь или корову, краевой суд и прокуратура не утвердят это решение, а обяжут возвратить обратно» (см. док. № 5).

Обобщение материалов о социально-экономическом положении единоличной деревни, полученных из регионов, послужило основой для корректировки аграрной политики советского государства. Резко возросло натуральное и денежное обложение единоличников. Общие размеры обложения единоличных крестьянских хозяйств основными видами денежных налогов в 1934/1935 г. в Западно-Сибирском крае в три раза превышали уровень предыдущего. В 1935/1936 г. налоги выросли еще в 1,5 раза⁸.

Чтобы заставить крестьян вовремя и в полном объеме платить старые и новые налоги и подати, был кардинально пересмотрен перечень имущества трудовых единоличных хозяйств, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок. Теперь за неуплату налогов у них можно было экспроприировать все имущество, за исключением дома, топлива для его отопления и предметов домашнего обихода⁹. Таким образом, в счет погашения недоимок у единоличников стали отбирать единственную лошадь или корову.

Усиление налогового пресса вызвало нарастающее сокращение числа единоличных хозяйств. Их удельный вес в общем числе крестьянских дворов в Западной Сибири снизился к 1 июля 1935 г. до 17,1 %, к 1 июля 1936 г. – до 7,8 %, в стране в целом – до 16,8 и 9,5 %¹⁰. Завершающий штурм единоличной деревни развернулся в конце 1930-х гг.

Ниже публикуются подготовленные в рамках начатого летом 1934 г. обследования единоличного крестьянства информационные записки секретарей Болотниковского, Тайгинского, Мошковского, Венгеровского и Иконниковского райкомов ВКП(б), а также (в извлечении) докладная записка Западно-Сибирского крайкома и крайисполкома в ЦК ВКП(б) от 25 ноября 1934 г., которые выявлены в фонде П-3 Государственного архива Новосибирской области (ГАНО).

Перечисленные информационные записки были надиктованы 17 июня 1934 г. машинисткам непосредственно в Западно-Сибирском крайкоме секретарями райкомов ВКП(б) районов с высокой долей единоличного крестьянства, а затем вычитаны авторами. При этом они должны были ответить на следующие вопросы: «1) Почему единоличник не идет сейчас в колхоз? 2) Какие источники дают возможность жить и дают возможность ему и дальше оставаться вне колхоза?» (см. док. № 5).

Обобщение полученной с мест информации, а также имеющихся в распоряжении руководящих партийных и советских органов края статистических материалов и подготовка на этой основе проекта докладной записки крайкома ВКП(б) и крайисполкома в ЦК большевистской партии были поручены заместителю заведующего краевого земельного управления

⁷ См.: Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 37–38, 107–108.

⁸ Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 1... С. 70.

⁹ СЗ СССР. 1934. № 48. Ст. 370.

¹⁰ Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л., 1939. С. 3.

М.А. Минееву¹¹. 3 сентября 1934 г. он завершил подготовку проекта искомого документа¹². Помимо описания социально-экономического положения единоличников, в него входили разделы, в которых анализировалось колхозное строительство в крае и была дана характеристика личных приусадебных хозяйств колхозников. Затем проект направили ответственным работникам крайкома и крайисполкома на экспертизу и доработку¹³. Позднее переработанная докладная записка «О состоянии коллективизации и мероприятиях по укреплению колхозов и коллективизации Западной Сибири» за подписью первого секретаря крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председателя крайисполкома Ф.П. Грядинского была послана секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Жданову (копии – в сельхозотдел ЦК и Наркомат земледелия СССР¹⁴).

Публикация текстов документов осуществляется по определенным правилам. Все языковые погрешности и стилевые особенности публикуемых документов передаются дословно, без исправлений, сопровождаясь пояснением в подстрочных примечаниях лишь в необходимых случаях. Без оговорок исправляются явные ошибки (опечатки), допущенные при машинописном наборе текста. Дописанный публикатором текст (раскрытие сокращений) приводится в квадратных скобках. Многоточия в квадратных скобках ставятся в местах нечитаемых фрагментов источника или его собственных лакун. Воспроизводятся только авторские подчеркивания или иные формы выделения (заглавные буквы). Рукописный текст набран курсивом.

Текстуальные примечания размещены в постраничных сносках и имеют литерную нумерацию в рамках одного документа. Ссылки на содержательные комментарии приводятся полужирным шрифтом и имеют сквозную цифровую нумерацию.

* * *

Документ № 1

Информационная записка секретаря Болотниковского райкома ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком об «экономическом состоянии единоличных крестьянских хозяйств»

г. Новосибирск

17 июня 1934 г.

ЗАП[АПАДНО]СИБ[ИРСКИЙ]КРАЙКОМ ВКП(б)

Краткая политинформация
об экономическом состоянии
единоличных крестьянских хозяйств
в Болотниковском районе

Количество единоличных крестьянских хозяйств в районе имелось на 1/IV-34 года 4 007 хоз[айств]. При применении даже неглубокого анализа можно прийти к выводу, что единоличники не представляют в экономическом отношении из себя единого целого.

¹¹ Михаил Алексеевич Минеев, который с апреля 1931 г. по сентябрь 1932 г. был заместителем председателя крайисполкома и одновременно зам. заведующего крайколхозсоюза, а с 25 сентября 1932 г. утвержден в должности зам. заведующего крайземуправления, в Сибири считался одним из ведущих теоретиков в сфере агрокрестьянского вопроса и неоднократно публиковал свои работы на страницах местной прессы или издавал их отдельными брошюрами. См.: Минеев М. К вопросу о маслоделии и маслозаготовках в Сибири. Новосибирск, 1928; Минеев М. Сельское хозяйство Сибири в пятилетнем плане. Новосибирск, 1929; Минеев М. Сельское хозяйство Западной Сибири. М.; Л., 1931; Минеев М. От первой ко второй пятилетке. Урало-Западно-Сибирская часть Урало-Кузнецкого комбината. Новосибирск, 1932; Минеев М., Хоробрых Ф. Убрать урожай в срок и без потерь. Новосибирск, 1933; и др.

¹² Составленный М.А. Минеевым проект докладной записки Западно-Сибирского крайкома компартии и крайисполкома в ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах к дальнейшему росту коллективизации в Западной Сибири» опубликован в извлечении (Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 1... С. 134–141).

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 586. Л. 57.

Среди единоличников в нашем районе имеется три прослойки. Первая прослойка состоит, главным образом, из лиц, которые в 1930–31 гг., размотавши свои хозяйства, уезжали на производство, но там им не «понравилось», как они выражаются, [и] они возвратились обратно. Чем они занимаются? Они занимаются всем чем угодно, но только меньше всего производительным трудом. Они, например, занимаются не только мелким, но и крупным (кражи лошадей) воровством. К ним (как непроизводственникам) относятся старики-единоличники, которые не идут в колхоз часто в силу религиозных предрассудков («лучше умереть единоличником, чем продаваться антихристу», – говорят они – старики). Частью по мотивам, что они ввиду старости не могут заработать себе достаточное количество *трудодней в колхозе для своего прожиточного минимума*. К этой же прослойке я отношу лиц, которые самовольно переселились из различных частей Союза (Урал, Белоруссия). Это элемент, который бежит от трудностей, не хотят с трудностями бороться. Правда многие из них не состоят на учете и, следовательно, находятся в стадии кочевой жизни.

Вторая прослойка является торгово-спекулятивной прослойкой. Эта прослойка, как правило, имеет лошадей (по одной лошади на одно хозяйство), каждую субботу (в Болотное), воскресенье (Юрга) и среду (Ар[...]) ездят на базар, занимаются перепродажей товаров, берут все подряд на различные перевозки, конечно, по дорогой цене, торгуют дровами, плахами, которые покупают по дешевой цене у наших леспромхозов, чаще всего у пьяниц-лесообъездчиков Алексеевского и Калтайского леспромхозов. Немного присевают, но планов, как посевных, так и налоговых, не выполняют, имеют одну лошадь и одну избу или дом (продавать нельзя, так как имеется 271 ст[атья] охраняющая от продажи минимум средств производства)¹.

И, наконец, третья прослойка, самая большая по своему количеству, имеющая орудий средств производства. Часть из них имеет уже по 2 лошади, по 2 коровы и другой мелкий скот: овец, свиней и кроликов. Эта прослойка, как правило, выполняет аккуратно налоговые обязательства, значительно перевыполняет посевные планы. Продает свои товарные излишки хлеба только на базаре, конечно, по спекулятивным ценам, а отсюда накопление частнособственного жирка, который жирок, соединяясь с мелкособственной, мелкобуржуазной, частно-хозяйственной идеологией, удерживает от вступления в колхоз. Они, единоличники, часто указывают на то, что колхозники очень много работают. «Они даже выходного дня не имеют, – говорят единоличники, – а я сам себе хозяин. Хочу работаю, хочу – отдыхаю». И вот если мы посмотрим с точки зрения плановой нагрузки посевной на хозяйство, то получается следующее: на одно хозяйство в колхозах падает 8 га, а на одного единоличника – 2,5 га. Ясно, что большинство единоличных хозяйств *сеет* по 5 гектар на хозяйство. Следовательно, по 2–2,5 га остается необложенным, а может быть даже и не учтены, а это является прямым накоплением в единоличных хозяйствах.

Само собой разумеется, что во всех трех упомянутых мной слоях происходят известные процессы и изменения. Следовательно, вопросы коллективизации в настоящее время перед нами встали вплотную. Основными методами в коллективизации, конечно, является организационно-хозяйственное укрепление колхозов, выполнение лозунга тов. Сталина «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными»², требуется большая разъяснительная агитационно-массовая работа среди единоличников по вовлечению их в колхозы.

Но, однако, кроме этого, я бы лично считал, что для единоличников надо отменять два правительственные постановления^a. Первое постановление – это о зернопоставках. Оставить для единоличных хозяйств хлебозаготовки с фактической посевной площади и в зависимости от урожая. Что называется, надо единоличнику изучать его экономические корни и соответствующим (правильным, конечно) налоговым прессом регулировать. Не придерживаться статьи 271 по отношению к злостно не выполняющим государственных обязательств.

Отменить второе постановление СНК о заключении договоров по лесозаготовкам «только добровольно». Надо приравнять единоличников и колхозников, т.е. чтобы единоличники так же как и колхозы должны заключать обязательно договора и выполнять их.

^a Подчеркнуто карандашом.

Тов. Анальев³, материал не обработан, но освещение действительного положения по единоличному сектору я считаю, что отражено правильно.

СЕКРЕТАРЬ БОЛОТНИНСКОГО Р[айонного]К[омитета] ВКП(б)

Д. АЛЕКСЕЕВ

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 589. Л. 50–52.

*Незаверенная копия того времени;
машинопись, правленная от руки; подпись – машинопись*

Документ № 2

Информационная записка секретаря Тайгинского райкома ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком о «единоличном секторе» в районе

г. Новосибирск

17 июня 1934 г.

Тов. АНАЛЬЕВУ А.

Некоторые факты о единоличном секторе Тайгинского района

1. Единоличников в нашем районе насчитывается 1 230 хозяйств по данным Рай- [онного]З[емельного]О[тдела]. По данным уполСНК по заготовкам⁴ 1 170 хоз[айст]в. Эти цифры воспроизвожу по памяти.

2. Причем значительная часть единоличников возвратившихся из поездок «с производства», проездив 1–2–3 года, нынче перед [...] возвратилось много хозяйств. Деревня Теплая Березовского сельсовета состояла из 60–70 хозяйств, а в 1933 году оставалось 4 хозяйства. В данное время до 45 хозяйств насчитывается и все они бывшие жители этой деревни. Единоличники этого сельсовета план сева в 1934 году выполнили на 96 проц[ентов]. Состав их преимущественно старообрядцы.

3. Все еще продолжает оставаться не вполне достаточное внимание к единоличнику не в целом, а к каждому в отдельности в части приучения и понуждения его быть аккуратным исполнителем государственных и общественных обязательств. Сейчас на эту сторону мы нажимаем крепко. За время сева мы провели проверку трех сельсоветов, как они руководят единоличными хозяйствами и производственно-организационной работой колхозов. В итоге проверки в одном сельсовете Н[ово]-Романовском вступило в колхозы до 43 хозяйств, в другом – Машковском – 7 хозяйств и в третьем – Бородовском – ни одного за время проверки. Но характерно, Пашковский сельсовет стал привлекать единоличников на работу по исправлению дорог. Так, из 12 хозяйств – 3 вышли и 9 уехали или ушли неизвестно куда.

Мне думается, с единоличниками следует заняться очень крепко⁵ (это нельзя сказать, что мы с ними не работали до [...]).

1. Каждого единоличника держать на уровне обязательных выполнений в установленные сроки всех видов государственных обязательств, понуждать общественно беречь лошадь, убирать в хате, в ограде и принимать участие во всех общественных мероприятиях.

2. Доводить твердое задание⁵ отдельным из них, как, например, при проверке нами было обнаружено одно единоличное хозяйство – Хуторянин имеет 3 сына, план сева ему дан сельсоветом 10 га (с дополнительным)⁶, он посеял 11 с половиной га, или есть Бояршен – член сельсовета Щемиловского, живет на хуторе, где 8 хоз[айств]. Сам имеет 2 лошади, корову, нетель и мелкий скот, сеет 4 га. Вот такого тоже следует обложить твердым заданием и вывести из членов с[ель]совета. В Ботьевском с[ель]совете старик и старуха имеют дом и одну лошадь, государственные обязательства выполняют всегда аккуратно. Самому 68 лет, в прошлом середняк, прислужник попов и сейчас изредка с попом путается.

^a Подчеркнуто карандашом.

3. Несмотря на то, что единоличники не имеют своего дома, живут на квартире и не имеют скота, ему давать задание по мясу⁷, а директива Смирнова⁸ (я ее еще не видел) запрещает это делать. Кроме этого, по директиве Смирнова колхозники-одиночки не облагаются мясом и на основании этого не берут телок для развода⁹.

4. Надо для примера отобрать до 10 чел[овек] единоличников, а их несомненно найдется, которые на протяжении 2–3 лет не выполняли обязательств и по мясу, хлебозаготовкам и хлебопоставкам, с[ель]х[оз] налогу и друг[им] государственным и общественным заданиям. На основании постановления правительства лишить права голоса и сослать в необжитые или в менее обжитые места. Мы этого еще не делали, но я хочу [...] разобраться с законом и проделать это несомненно подействует. Провести это на основе массовой работы.

5. Крепче нажать на отдельных единоличников обложением неземледельческих доходов¹⁰, что также пока слабо делается.

6. Но хуже дело обстоит со стариками, имеют лошадь, дом и старуху и ничего не хочет выполнять, ссылаясь на свою старость. У нас есть единоличник, имеющий орден Красного Знамени, и в колхоз все только обещает, а не вступает.

7. Усилить массовую работу самих колхозников среди единоличников за вступление в колхоз. В отдельных случаях помогая ему вступать. Хотя бы такой пример: у него была лошадь и его сейчас без лошади не принимают в колхоз, по-моему, надо принимать. А вот характерный случай – в наши совхозы идти не хотят.

8. В части других, наиболее хозяйственными действующими мероприятиями на единоличные хозяйства, по-моему, тоже следовало бы подумать, как, например, мясо, налог и друг[ие]. В нашем районе дело затруднительное с разработанными землями, а единоличники корчевать не хотят и отсюда вскрывается недовыполнение плана сева.

[Секретарь Тайгинского райкома ВКП(б)]

ЧУГУНОВ

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 589. Л. 53–55.

*Незаверенная копия того времени;
машинопись, правленная от руки; подпись – машинопись*

Документ № 3

И информационная записка секретаря Мошковского райкома ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком о положении единоличных хозяйств в районе

г. Новосибирск

17 июня 1934 г.

В ЗАП[АПАДНО]СИБ[ИРСКИЙ]КРАЙКОМ ВКП(б)

Мошковский район имеет 146 колхозов, объединяющих 8 873 х[озяйст]в или 52,8 %. Наивысший процент коллективизации относится к 1931 году^a. Это видно из следующих показателей: в 1930 г. район был коллективизирован на 9,8 %, в 1931 г. – 38,5 %, в 1932 год[у] – 46,9 %, в 1933 г. – 49 %, а в текущем году на 15 июня 52,8 %. Рост экономического состояния в районе из года в год возрастает, а особенно колхозный сектор. Вот пример роста посевых площадей по годам:

	Колхоз[ники]	Единолич[ники]
1932	– 45 571 га	13,805
1933	– 52 396	22,497
1934	– 62 900	25,243

На одно колхозное х[озяйст]во в 1934 году приходится посева 7,2 га, а на единолич[ное] х[озяйст]во – 3,2 га. Отрицательным явлением является что единоличные

^a Так в документе.

х[озяйст]ва больше обеспечены тягловой силой⁶. На одно единолич[ное] х[озяйст]во приходится 0,83 лошади, а на колхозное х[озяйст]во – 0,66 лошади, а это в сельском хозяйстве в данный момент решающая производственная сила, лошадь в единоличном х[озяйст]ве в прошлом году увеличилась на 10 %.

Чем объяснить слабый рост колLECTIVизации?

1. Вырастает экономическое состояние единоличника.

2. Крайне слабая организационно-массовая работа среди единоличников по сравнению первых лет колLECTIVизации и недостаточная массовая работа сочетаются с административным бездействием.

3. Большинство еще колхозов слабо организационно-хозяйственно укреплены, ведение хозяйства не имеет хороших показателей (оборудов[ание] и содержание в чистоте дворов колхозников, инвентаря есть, некачественно проводят уборку и содержание скота и т.д.).

4. Имеет место неправильное исключен[ие] из колхозов, грубое обращение и нечуткое отношение к запросам со стороны правления к колхозникам, в особенности в хозяйственном обслужив[ании].

Указанные мною еще не все недостатки в работе колхозов классовый враг использует и против колхозного строительства.

Необходимые мероприятия по вовлечению единоличников в колхозы.

1. Особенно высоко качествен[но] повысить агитационно-пропагандистскую работу с сочетанием административного воздействия на деклассированные элементы единоличников^в.

2. Повседневно укреплять организационно-хозяйственное и политическое состояние колхозов путем:

а) укрепить производственную бригаду в колхозе как производственную единицу, поставить предан[но]го авторитетного и с хорошим хозяйственным опытом бригадира;

б) создать вокруг правления колхоза и бригадира преданный колхозный актив;

в) резко улучшить хозяйственное обслуживание колхозников, а также вежливое обращение;

г) повседневно в практической работе выявлять классово чуждые элементы и решительно изгонять их из колхозов, не допуская ошибок в этом деле. Об исключении нужно разъяснять среди единоличников, поручая это дело политически грамотным партийцам;

д) проверять выполнение *решений* правительства и партии об использовании льгот, предоставленных колхозникам, в то же время добиваясь полного выполнения колхозниками и единоличниками своих обязательств, к невыполняющим применять меры воздействия в первую очередь к единоличным хозяйствам;

е) больше применять к единоличникам общественного и государственного выполнения работ, на лесоразработках, на постройках мостов и т.д.;

ж) в связи с экономическим ростом единоличников, очевидно, в соответствии с его ростом пересмотреть обложение в сторону увеличения по отдельным видам налогов.

Тов. Ананьев, я не мог привести отдельные примеры, т.к. у меня с собой нет некоторых данных.

[Секретарь Мошковского райкома ВКП(б)]

Бакунин

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 589. Л. 56–58.

Незаверенная копия того времени;
машинопись, правленная от руки; подпись – машинопись

⁶ Подчеркнуто карандашом.

^в Подчеркнуто карандашом.

Документ № 4

Информационная записка секретаря Венгеровского райкома ВКП(б) в Западно-Сибирский крайком «об источниках роста хозяйственного благополучия единоличников»

г. Новосибирск

17 июня 1934 г.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОСТА ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЕДИНОЛИЧНИКОВ

Колхозники в Венгеровском районе за 1933 год получили на трудодень 1,83 кгр. всяких культур и 64 копейки деньгами. 27 колхозов выдали на трудодень до 1 кгр. 35 – до 2-х, 21 – от 2 до 3, 16 – от 3 до 5 и 4-е до 7 кгр.

Такая доходность привела к тому, что в ряде колхозов уже в феврале, а во многих колхозах немного позже – для колхозников началась жизнь впроголодь.

Единоличники в этих деревнях, если и не имели лучшего урожая, чем колхозы, то они выходили из беды^а тем, что занимались возить масло для м[асло] заводов товары для потребкооперации и др. грузы и всегда на этих перевозках зарабатывали большие деньги, так как колхозы не могли брать на себя перевозки из-за загруженности перевозками кормов для ферм и для совхозов¹¹.

Единоличники далее заготовляли дрова и продавали их по высокой рыночной цене.

Другими источниками большой денежной доходности единоличников является продажа овощей, рыбы и дичи. Эта возможность есть и у колхозников, но она ограничена занятостью колхозников на производстве и большой трудностью вывезти эти продукты на рынок, так как колхозы лошади перегружены транспортными работами по колхозу и совхозу, возкой почты, сливок¹² и др. работами.

Единоличники ездят за хлебом для себя в другие районы и часть закупленного хлеба продают на местном рынке в 4 раза дороже (например, покупая в Купинском районе по 12 р[уб]. [за]пуд, а продают в Венгеровой за 50 рублей).

Кроме этих источников прямой доходности единоличников, имеются еще такие косвенные, как, например перевозка сливок. Есть отдельные случаи, когда сливки (по молочному налогу¹³) от коров единоличников составляют 2/3, а сливки от колхозных коров – 1/3, а по инструкции Наркомснаба сливки должны возить колхозы (цена низкая).

По постановлению ЦИКа единоличники, работающие сезон в совхозе, освобождаются от хлебоналога, поставки картофеля и др. обязательств, вытекающих из посевов¹⁴. А колхозники (личных зерновых посевов у них нет) имеют огородные и картофельные посевы и если они на сезон пойдут в совхозы, то закон не дает им льготы – освобождения от поставок картофеля и контрактации овощей¹⁵.

Единоличники всеми силами избавляются от работы в совхозах на лошадях и других малодоходных работ и, в силу этого, они падают на плечи колхозников.

Все эти обстоятельства и создают вне колхоза неплохую жизнь, а во многих случаях и лучшую, чем в колхозе.

Обложение не меняется, когда есть урожай, так как единоличник в этом случае больше колхозника продает его на рынке.

Этой весной были случаи, когда единоличники покупали вторую лошадь, когда исключенные из колхозов покупали лошадь и зажили лучше, чем в колхозе.

Нужно бы усилить денежные налоговые льготы колхозникам и повысить обложение единоличников.

[Секретарь Венгеровского райкома ВКП(б)]

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 589. Л. 59–60.
Незаверенная копия того времени; машинопись; без подписи

^а Подчеркнуто карандашом.

Документ № 5

**Информационная записка секретаря Иконниковского райкома ВКП(б)
секретарю Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе
о положении единоличных хозяйств в районе**

г. Новосибирск

17 июня 1934 г.

СЕКРЕТАРЮ КРАЙКОМА ВКП(б) тов. ЭЙХЕ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

На поставленный Вами вопрос 1) Почему единоличник не идет сейчас в колхоз?
2) Какие источники дают возможность жить и дают возможность ему и дальше оставаться вне колхоза?

Отвечая на эти вопросы, необходимо ответить, что оставшийся единоличник разнообразен. 1-я группа (большая) – подавляющее большинство единоличников склонны идти в колхоз при лучшей работе с ними, вовлекая в колхоз, правда с трудом, потому что эта группа подвергнута влиянию 2-й и третьей группы.

2-я группа – блудные сыны, такое название правильное, потому что *эта группа* сначала коллективизации смазала лыжи и бегала от коллективизации (искатели хорошей жизни), все свое имущество продали, разбазарили, потаскали по городам. Часть из них поработали по предприятиям, но не привились, все время летали с места на место, которых обременяет жизнь рабочих, не дает возможность ему сегодня идти на работу, а три дня или больше не ходить. Таких с производства выгоняли как прогульщиков, в результате куда, обратно в свою деревню. Но эта блудная жизнь его не научила уму разуму, он в колхоз не идет, продолжает оставаться единоличником. Правда, не в таком виде. Такой единоличник в лучшем случае имеет свою хату, лошадь, корову или что-нибудь одно – лошадь или корову; во-первых, потому, если он имеет корову, его никто не будет беспокоить, лошадь он покупает к весне и притом не один, а на два хозяйства, эта группа прямо паразитическая, она работает только для себя, всякими путями спекуляция, кража, легкий заработка на извозе и т.д.

3-я группа самая меньшая, но самая твердая, антисоветски настроенная, тут и невыявленное поныне кулачество, воры, конокрады, просто воры, люди, судившиеся по несколько раз, видели «жизнь». Вот эта группа сейчас и влияет отрицательно на всех единоличников на селе, из этой группы, как правило, выделяются отдельные вожаки^a, во-первых, достаточно хорошо блокируются со второй группой блудных сынов. И конечно под свое влияние подбирают 1-ю группу.

Вот приезжайте в деревню по тем или другим вопросам, что надо проводить с единоличниками примерно по севу, по оказанию помощи совхозу¹⁶, сразу перед тобой вырастает фигура своеобразного бригадира единоличников, который во всей своей неприкрытой наглости начинает выступать против, что вы не имеете права нас трогать, что нет таких законов, чтобы силой заставлять нас работать, что идите в колхоз и там их агитируйте, а нас не троньте, что нас оберегает правительство, попробуйте троньте нас, мы дойдем до края и центра и добьемся своего и вам не поздоровится. Пример такой – инструктор Р[ай]К[ома ВКП(б)] Дробышев с пред[седателем] Бутовск[ого] с[ельского] с[овета] Чернышом приезжает в п[оселок] Круглый Бутовского с[ельского] с[овета], весь поселок – единоличники и притом много из них баптистов, по вопросу оказания помощи совхозу 229 по вывозке кормов для скота, было это в начале апреля или в конце марта. Собрали собрание единоличников, заявляется субъект, судился за кражу два раза, выпущен из И[справительно-]Т[рудового]Д[ома]. Набрасывается на инструктора: «Кто вы такой, – начинает оскорблятьплощадною бранью и дальше продолжает, – что вы сволочи к нам де ездите, что вам надо от нас, никуда работать мы не пойдем, мы вам не батраки». Конечно,

^a Подчеркнуто карандашом.

в результате помочь не организовали и не выехали помогать совхозу. Такое открытое сопротивление встречалось в поселках: Яковлевка, Соснино и Островка Иконниковского с[ельского] с[овета] и тоже своеобразные вожаки. Если вожак скажет – поможем, то поедут, но что вы думаете, много сделано, нет, просто поедут, привезут воза центнера $1\frac{1}{2}$, два – в лучшем случае и обратно – домой или просто разбегаются кто куда, один в город, другой куда-либо в другое место для добычи или продать что-либо, купить хлеба и приобрести что надо себе и снова лежать дома, и так проходит все время.

За последнее время так разнузданно и нахально себя держат отдельные единоличники, что при весеннем севе самочинно заезжали на земли совхоза и колхоза и засевали, их предупредили не сеять, они сеют, и вот вожаки их говорят – сей ребята, ничего не сделают. Мы судили единоличников Розановки Ливенского с[ельского] с[овета], троим дали по 10 лет, нескольким 5-3 года вожакам. В Яковлевке Иконниковского с[ельского] с[овета] забрались на землю колхоза и посеяли в поле, где пары, выбирали лучшие куски земли, испакостили, сейчас надо трактора пускать, а там посев, правда немного, я дал согласие перепахать посев, пусть научатся, как сеять там, где не разрешают. Можно подумать, что у них земли нет, потому они и захватывают, земля есть, но они считают, что она плохая, говоря, что колхоз хорошую землю имеет, а мы что, хуже что ли его, вали, запахивай.

Все предупреждения с[ель]с[овета] и работников, что за это накажут вас, судить будут, они очень спокойно отвечают. «Нам не страшно, посадят и выпустят, закон нас защищает». И верно, много разной сволочи судили, посадят, потом выпустят. Конечно, он прямо потом издается, ну, что вы думали, что я с вами не встречусь, я пришел и еще хуже себя ведет, а в отдельных случаях прямо терроризируют, крадут из колхозов лошадей, скот рогатый и совхозов. За одну весну нынешнего года из 315 совхоза украла 7 лошадей, осенью прошлого года в совхозе 129 украла 9 коров и производителя быка, сейчас особенно увеличилась кража лошадей и скота, и все это идет в Омск, а там и концы потеряны. Ныне оседающее кулачество в селах и много сбежавших из ссылки отрицательно влияют на единоличников, не бойтесь, не тронут, мы ведь живем. Занимаются, как правило, кражей, ведут разговоры, что все равно колхозам не быть, а в кулацком селе Крутиха Георгиевского с[ель]с[овета] единоличники выбросили лозунг – сегодня колхозник, завтра единоличник⁶, в Островке Иконниковского с[ель]с[овета] при найде пастуха единоличники заявили так, что ты боишься колхоза, все равно колхоз завтра разбежится, поэтому и выпаса все наши будут.

В селе Серебряном был лишенный права голоса кулак, работал там медфельдшером, некий Устюгов, ранее вступал в колхоз, потом арестован был за развал колхоза и, как вредитель в колхозе, сбежал из-под ареста. Осталась мать старуха Устюгова, как восстановленная¹⁷, вернулась в село, по предложению прокурора района было предложено вернуть ей сад на площади 3 га, 25 колод рамчатых пчел и дом с избенкой. К этой старухе присватался делец Ожигов, приехавший из Омска, все намерение его – загнать сад, продать пчел и уехать, колхоз все это передал, выдворился из сада. Живущие кулаки в Серебряном стали пачками проходить в с[ель]с[овет] и требовать: когда вернете нам дома и имущество, повели, конечно, работу, что всем кулакам вернуть. Колхозники, живущие в домах кулацких, начали собираться выезжать из домов – иначе подавят. Приезжаю в это село, встречаюсь со всем этим, спрашиваю: по чьему распоряжению это все сделано – распоряжение прокурора. Пришлось отменить, немедленно заставить колхоз обратно сделаться хозяином сада, дома и пчел, выжать пройдоху Ожигова. Обязал выездом на место самого прокурора все это сделать. Сад и все имущество находилось 4 года в колхозе. Вот подход и понимание законов советских самим прокурором, а в селе сделали такую сумятицу, что все заговорили: кулаков восстановят и они со всеми потом посчитаются, с кем, конечно с колхозниками.

Вот, как видите, кулак сейчас пытается найти опору из этой третьей группы и их использовать как своих агентов, а эта группа нашла в лице 2 группы своих сторонников

⁶ Подчеркнуто карандашом.

и самодовляюще^в влияет на первую группу. А отсюда исключительно трудно эти остатки единоличников вовлекать в колхозы, а у нас по району их 33 %, целых пять поселков единоличников б[ывшего] Еланского района (Рязанка Усть-Горского с[ель]с[овета], Журавлевка Хитринского с[ель]с[овета], Круглое Гутовского с[ель]с[овета] и два небольших поселка Н[ово]-Омского с[ель]с[овета] и Георгиевского с[ель]с[овета]). В этих поселках ни одного колхозника нет. Кроме этого, Иконниковский с[ель]с[овет] коллективизирован всего лишь на 46 %.

Какие же все-таки основные источники жизни, на чем сейчас покоится единоличник и думает долго держаться, не идти в колхоз?

По расширению своего хозяйства он *не* идет, имеет лошадь и корову, другого ничего из живности, знает, что у него за несдачу мясопоставок отберут, а последнюю лошадь и корову не возьмут. Так и есть на самом деле, если мы отберем судом лошадь или корову, краевой суд и прокуратура не утвердят это решение, а обяжут возвратить обратно и конечно никакой поставки он не дает. Чем он живет: уезжает в город с лошадью или на станцию, берет бешеные деньги за перевозку, закупит хлеба и все, что ему необходимо, и обратно домой, живет до тех пор, пока истощается запасы, а потом снова выезжает, зарабатывает и обратно. Нарубит воз дров, везет продавать на базар, получил 40 рублей, купил что надо и поехал обратно. Положил воз сена, везет на базар, продал – получил кучу денег и домой, как правило, сено ворует в совхозе прямо из стогов или же накосит на совхозном участке сена, никто его там в лесу не видит, и потом продает. Больше всего он предпочитает брать готовое, меньше работы и заботы, а охрана в совхозах отвратительная. Весь его доход и зарплаток не поддается учету с[ель]с[овета], а отсюда он и не облагается, а облагается в самой мизерной части. Как на самом деле учесть, сколько он заработал в городе или на станции, проживая там несколько дней.

План по севу его не страшит. Он для него не тяжел, он его выполняет и перевыполняет, но не намного, он идет по увеличению посева огорода примерно около га. Насадит много картошки и других овощей и потом продает, получает большие доходы и все, что ему надо, купит, обменяет на хлеб и себя обеспечивает на год. Что опасное – увидев это, колхозник, что *такой-то* единоличник живет с огородом и неплохо, а отдельные колхозы, где прошедшие года главным образом недород был, тоже встали на путь сеять больше огорода, если в колхозе плохо достанется, так огородом проживем, а отсюда невыход на работу в колхозы, особенно женщин, прямо нанимают единоличника пахать огород, зная, что колхоз не будет такой огород пахать, да еще когда на работу не идет и себе засаживают такие большие огорода, особенно характерно это по Георгиевскому колхозу «В[ерный] путь».

Научился единоличник спекулировать, делает всякие комбинации, в город везет одно, а из города другое, на этом получает большую прибыль. Пройдохи, воры, конокрады воруют скот, лошадей и все, что попадет, сбывает в Омске и Таре. В Таре они встречаются со своими дружками – сосланными кулаками и другим темным людом, вырабатывают новые планы и снова за легкую работу.

Вот все это дает возможность единоличнику жить и не думать о колхозе, он так и понимает – жить легко и свободно, сам себе хозяин. Налоги его не страшат, обязательства государственные по всем видам также не пугают, если придет трудно, оставит жену с ребятишками, а сам бродяжничает до тех пор, чтобы не попасть под опалу советской власти, а потом придет или приедет, ну, делайте, что хотите, не посадите, а взять нечего. Правда, мы берем в бесспорном порядке мясо, в том числе и последнюю корову у особо саботирующих и штрафуем, но все это положительных результатов не дает, во-первых, потому, что они держатся круговой порукой, у всех не возьмут, а если возьмут, так их заставят возвратить, потому что перегиб, вот их рассуждения.

Сейчас колхозники так разговаривают: «единоличнику жить лучше, чем колхознику, во-первых, потому что он обязательств платит государству меньше и притом не всегда полностью их выполняет, он свободно живет – куда надо, так и поедет, мы не имеем возмож-

^{вв} Так в документе.

ности, потому что колхоз не даст лошадей». Надо сказать, руководство в этом отношении не чутко, там где надо дать лошадь, не даст, негодование и в результате в отдельных случаях и были на почве этой выходы из колхоза.

Изданный закон о льготах единоличникам, идущим работать в совхоз, не оказался средством поставить на путь работать в совхозе, а прямо заявляют: «на этом не проведешь, в совхоз не пойдем, что мы спятили с ума что ли, что пойдем в совхоз», и, конечно, пошла очень незначительная часть единоличников работать в совхозы. Так мы долго их будем коллективизировать и к концу пятилетки не коллективизируем^г.

Что надо сейчас сделать, какие для этого мероприятия провести, чтобы промежуточную часть в деревне решительно исправить и сделать колхозниками.

1) Считаю, надо удалить все кулачество, которое оседает в селах, невыселенное и бежавшее [из] ссылки.

2) Третью группу единоличников – воров, конокрадов, рецидивистов, просто темных людей, не выявленных, занимающихся легкой жизнью – ныне паразитствуют^д, сослать для трудовых полезных работ, лишить их права жить в селе, потому что они не занимаются сельским хозяйством, а живут за счет других.

3) По отношению второй группы решительное наступление, прибрать их к рукам, это значит изменить гуманность наших законов, а быть и основательно, научить людей понимать законы советские и уважать их.

4) С первой группой провести массовую большую работу, все они будут колхозниками, но их немедленно надо вырвать из-под влияния первых двух.

Кроме этого, считаю, настало время издание закона прекратить всякое льготирование единоличникам, это значит – планы им давать нисколько не меньше, чем колхозным хозяйствам, не выполняют – лишать их права пользования землей и права на усадебных угодиях.

[Секретарь Иконниковского райкома ВКП(б)] Косых

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 589. Л. 117–124.
Подлинник; машинопись, правленная от руки; подпись – автограф

Документ № 6

Из докладной записки Западно-Сибирского крайкома компартии и крайисполкома «О состоянии коллективизации и мероприятиях по укреплению колхозов» в ЦК ВКП(б)

г. Новосибирск

25 ноября 1934 г.

В ЦК ВКП(б)
т.т. СТАЛИНУ, КАГАНОВИЧУ и ЖДАНОВУ

О СОСТОЯНИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ КОЛХОЗОВ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ЗАП[АДНОЙ] СИБИРИ

<...>^а

Количество единоличных хозяйств в Западной Сибири, имеющих право быть членами колхоза, по данным оперативного учета на 1-ое июля с.г., составляет 394,4 тыс. дворов, или 31,9 % по отношению к числу всех хозяйств (колхозных и единоличных) в крае.

Значение и удельный вес единоличного сектора в основных отраслях сельского хозяйства края характеризуется следующими цифрами:

^г Подчеркнуто карандашом.

^д Так в документе.

^а Опущены разделы, в которых анализируется уровень коллективизации в крае, причины ее замедления, дается экономическая характеристика колхозов и личных приусадебных участков колхозников.

(см. отд[ельную] таблицу).

Дата	Всего лошадей		В том чис[ле] рабочих		Крупного рог[атого] скота	
	тысяч голов	удельн. вес к погол[овью] края	тысяч голов	удельн. вес к погол[овью] края	тысяч голов	удельн. вес к погол[овью] края
1933 г.	350,1	28,1	—	—	444,3	18,7
1934 г.	315,9	26,0	256,3	27,8	557,2	31,2
1934 г. в % к 1933 г.	90,2	—	—	—	125,4	—
Свиней		Овец и коз		Посев[ных] площ[адей] – яров[ых] и озим[ых]	Хлебосдача государству	
тысяч голов	удельн. вес к погол[овью] края	тысяч голов	удельн. вес к погол[овью] края	тысяч голов	удельн. вес к посев. пл[ощадям] края	тысяч голов
180,4	24,5	408,4	14,3	775,6	11,9	151,1
323,7	45,8	446,9	19,8	822,9	10,2	203,7
179,4	—	109,4	—	106,9	—	134,8

ПРИМЕЧАНИЕ:

- 1) Удельный вес единоличного сектора показан по отношению к колхозно-крестьянскому сектору без учета совхозов.
- 2) Данные по скоту за 1933 г. и 1934 г. взяты по налоговому учету на 1 июля без поправок на недоучет.
- 3) Посевная площадь за оба года взята без спецпереселенцев.
- 4) Цифра хлебосдачи за 1933 г. взята фактическая, а на 1934 г. – установленная планом (по доведенным обязательствам).

Таблица показывает, что единоличный сектор от 1933 к 1934 г. имеет значительный рост всех видов скота, кроме лошадей, рост посевной площади, а в соответствии с нею – и повышение объема хлебопоставок.

Второй вывод из таблицы тот, что единоличники, занимая по числу хозяйств 31,9 %дельного веса, имеют очень близкий к этому удельный вес по числу находящихся у них лошадей – 26 %, особенно рабочих – 27,8 % – по отношению к числу лошадей колхозно-крестьянского сектора края.

Совсем иное положение с посевной площадью единоличников. Последняя занимает лишь 10,2 %дельного веса в посевной площади колхозно-крестьянского сектора, т.е. в три раза меньше удельного веса самих единоличных дворов. Отсюда следует, что в целом по краю не занятие полеводством составляют основу существования единоличника.

Главным и решающим в экономике единоличного хозяйства является лошадь, причем лошадь единоличником используется в меньшей части непосредственно в своем сельском хозяйстве и в большей части – на других работах.

Однако этот вывод верен лишь по отношению к известной части единоличных хозяйств. Некоторые, правда, меньшая часть единоличников, особенно в районах с низким уровнем коллективизации, главным источником своего существования имеют полевые и приусадебные посевы, а также продуктивный скот (коровы, овцы, свиньи, кролики, птица).

Есть целые селения, особенно мелкие поселки, хутора и зaimки, целиком состоящие из единоличников, занимающихся сельским хозяйством. Это имеет место главным образом в таежных северо-восточных районах.

Мы не располагаем материалами, которые позволяли хотя бы с относительной точностью установить число единоличников, главным источником существования которых является сельское хозяйство, но отдельные данные и ряд косвенных показателей дают возможность считать, что такие хозяйства составляют не менее 35–40 % по отношению к общему числу единоличников в крае.

Часть единоличников этой группы не только остановилась на каком-то определенном количественном уровне с[ельско]х[озяйственного] производства, но и постепенно расширяют его особенно с момента установления твердых законов о хлебе, мясе и молокопоставках государству.

Так, например, произведенное нами обследование единоличников в некоторых районах показывает:

а) в Чулымском районе обследованная группа единоличников в 10 хозяйствах, типичных для данного обследуемого пункта (с. Сорокамыш), из года в год расширяет свою посевную площадь, а именно: в 1932 г. эти хозяйства засевали 4,8 га, в 1933 году – 22,4 га и в 1934 г. поселяли 29,2 га;

б) еще рельефнее это положение оттеняется по Тальменскому району (Лушниковский сельсовет) следующей группировкой единоличных хозяйств по размерам посева:

Группа хозяйств:	Удельный вес в % к итогу	
	1933 г.	1934 г.
Сеявших до 1 га	31,5	19,8
" от 1 до 2 га	31,6	21,5
" от 2 до 3 га	28,5	21,4
" от 3 до 4 га	7,4	23,2
" от 4 до 5 га	1,0	13,0
" " 5 и выше	–	1,7
Всего	100,0	100,0

в) хозяйственный подъем характеризуемой группы единоличников не только по признаку обеспеченности посевами, но и по признаку обеспеченности скотом.

Обеспеченность посевом в среднем на 1 хозяйство в 1934 г. по отношению к 1932 г. больше чем удвоилась; обеспеченность скотом возросла: по свиньям в 3 раза, по коровам на 22 %, по овцам на 12,5 % и по рабочим лошадям на 11,7 %.

По данным обследования приводится ряд конкретных фактов о хозяйственном подъеме также отдельных единоличных хозяйств, в частности отмечается рост мелкого скота – кроликов и птицы у единоличников.

Ко второй, наиболее многочисленной, группе единоличников принадлежат хозяйства, источником существования которых является лошадь.

Единоличники этой группы в большинстве случаев не полностью порвали с сельским хозяйством – имеют потребительские огородные и в ряде случаев небольшие полевые посевы, но, как правило, не эти посевы являются главным источником их жизни, а сторонние заработки всякого рода через использование лошади.

Использование лошади вне своего сельского хозяйства идет по таким линиям:

а) обслуживание личных нужд колхозников путем обработки им огородов, подвоза дров, подвоза кормов, поездки на базар, в больницу и т.д. в тех случаях, когда правления колхозов не удовлетворяют этих законных нужд и требований колхозников;

б) извозный промысел, кроме обслуживания колхозников (временный выезд в ближайший город, подряд на перевозку грузов госучреждений, совхозам, кооперации, подвоз пассажиров со станции и т.п.);

в) поездки на базар преимущественно для продажи дров, сена, для скупки-перепродажи продуктов (покупают хлеб в одном районе, продают в другом и т.д.).

Точного подсчета дохода единоличника, получаемого от эксплуатации лошади, не имеется, но по отдельным фактам можно судить, что наиболее крупный доход единоличники получают от колхозников, беря за свои услуги преимущественно хлебом (от 5 до 10 пудов за вспашку огорода, от 3 до 5 пудов хлеба или до 100 рублей деньгами за поездку на базар и т.д.). Такие цены зафиксированы в Коченевском, Тальменском, Чулымском, Мошковском и еще более высокие – в Барнаульском районе.

Зарабатывая путем эксплуатации лошади достаточное количество хлеба и денег, плюс к этому имея небольшой личный посев, единоличники этой группы во многих случаях материально живут неплохо, даже в степных неурожайных районах, не говоря уже об урожайных районах.

То обстоятельство, что именно лошадь является основой существования большинства единоличных хозяйств, подтверждается и такими фактами, как нередкие покупки лошадей безлошадными единоличниками и появление в хозяйстве молодняка выжеребки текущего года.

Характерно, что колхозники, по тем или иным причинам вышедшие из колхозов, стремятся в первую очередь обзавестись лошадью, не останавливаясь перед продажей коровы. В числе же вступающих в колхоз преобладают безлошадные, но до вступления в колхоз стремящиеся обзавестись коровой.

Можно назвать еще одну группу, вернее, не очень многочисленную прослойку единоличников, живущую еще в деревне, но окончательно порвавшую с сельским хозяйством. В числе этой прослойки входят как местные коренные жители, так и довольно большое число прибывших в последние 1–2–3 года с Северного Кавказа, Украины, Казакстана и из других областей Союза («ушли от коллективизации»).

Эта прослойка, как правило, не имеет ни лошадей, ни продуктивного скота и средства к существованию добывает из разных случайных источников, включая сюда не только случайные заработки, но и кражи, нищенство, «колосование» (сбор колосьев на полях) и т.п.

Во всяком случае, эта прослойка в большинстве своем является настолько деклассированной и разложившейся, что не может служить, по крайней мере в ближайшее время, желательным материалом для коллективизации.

Возвращаясь к первым двум группам, являющимся резервом для коллективизации, надо сказать, что к весьма существенной причине, замедляющей темпы коллективизации, надо отнести некоторое ослабление организационного и особенно экономического воздействия на единоличников.

Экономическими рычагами этого воздействия должны были бы быть денежные налоги, натуральные поставки с[ельско]х[озяйственной] продукции, транспортная повинность и т.п., но, во-первых, ряд из них (напр[имер] с[ельско]х[озяйственный] налог и др.) настолько незначительны, что вообще не могут быть отнесены к факторам серьезного экономического воздействия, а во-вторых, даже эти рычаги на практике во многих случаях используются недостаточно.

Во многих районах при попустительстве районных организаций сельские советы делают определенное послабление единоличникам, не нажимают на взыскание недоимок по мясопоставкам, молокопоставкам, контрактации сева, по организации хлебозакупа¹⁸ и т.п., ставят единоличников в более льготные условия, чем колхозы, по выполнению всякого рода транспортных заданий (вывозка леса, помощь совхозам, дорожные работы и пр.).

По многим другим районам края, как правило, единоличник в выполнении своих обязательств стоит на самом последнем месте.

Например, по Мошковскому району по сенопоставкам единоличникам доведен план контрактации от 0,5 до 1,5 центнеров на хозяйство, а колхозам – по 2,2 центн[ера] на коллективизированное хозяйство.

Хлебозакуп в этом же районе в 34 году у колхозников проведен в размере 9 900 центнеров, а у единоличников – только 80 центнеров, причем удельный вес единоличников по числу хозяйств в Мошковском районе составляет 48,5 %.

В Тальменском районе план вывозки леса в 1 квартале 1934 г. доведен по колхозам 4,2 куб. м на лошадь и по единоличникам – 4,5 куб. м на 1 лошадь, причем если взять фактическое выполнение, то колхозы вывезли 3 куб. м, а единоличники 0,8 куб. м на 1 лошадь, т.е. почти в 4 раза меньше.

Льготируются единоличники и по таким работам, как подвозка дров к школам, больницам и проч. – эти работы также выполняются главным образом колхозами.

Льготы единоличникам идут и по такой линии, что совсем не облагаются разные их «побочные» доходы, по сути дела, во многих случаях являющиеся основными доходами: извоз, торговля дровами, барышничество скотом, спекуляция хлебом, огородное хозяйство, составляющее крупнейший доход в пригородных районах, и т.д.

Проведение единовременного налога на единоличные хозяйства¹⁹ и исчисление обязательных поставок зерна государству по фактическому посеву²⁰ являются мероприятиями огромного значения в системе экономического воздействия на единоличные хозяйства, и они уже оказали свое влияние в последний период. Но в дополнение к ним нужны и другие экономические мероприятия, способствующие ускорению процесса коллективизации:

а) прежде всего, полная ликвидация практики недопустимого льготирования единоличников, вытекающей из недостаточной твердости местных советских организаций при взыскании с единоличников обязательных поставок всех видов, а также недостаточное привлечение единоличника к выполнению общественных повинностей;

б) повысить нормы изъятия хлеба в порядке зернопоставок по всем районам края по единоличным хозяйствам;

в) установить для единоличников в законодательном порядке доведение обязательств по заготовке и вывозке леса и по перевозке всякого рода грузов государственных предприятий (в том числе совхозов). В основу доведения этих обязательств положить принцип, что нагрузка на лошадь единоличника должна быть не ниже, а процентов на 10–15 выше, чем нагрузка на колхозную лошадь;

г) повысить обложение с[ельско]х[озяйственным] налогом, причем ввести налог на доход от извоза, включая сюда все виды использования лошадей на несельскохозяйственных работах. Ввести налог на доходы от торговли дровами, сеном и от барышничества всякого рода.

Вместе с тем, для облегчения вступления в колхоз единоличникам, не имеющим лошадей и других, могущих быть обобществленных, средств производства, необходимо ослабить требования к вступающим, допуская прием и безлошадных с тем, чтобы свои паи в виде стоимости лошади они покрыли из заработков в колхозе в течение 3–4 лет.

**СЕКРЕТАРЬ ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(б) (ЭЙХЕ)
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КРАЙСПОЛКОМА (ГРЯДИНСКИЙ)**

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 596. Л. 58–80.

Незаверенная копия того времени.

Машинопись, правленная от руки. Подписи – машинопись

Комментарии

- Статья 271 Гражданского процессуального кодекса устанавливала объекты взыскания имущества путем ареста, производства описи и продажи. В соответствии с ней в так называемых трудовых крестьянских хозяйствах запрещалось взыскание: а) необходимых орудий сельхозпроизводства, единственной коровы, лошади, запаса кормов на 6 мес; б) семян, необходимых для посева; в) жилья и хозяйственных построек, являющихся неотъемлемой частью хозяйства; г) неснятого урожая; д) необходимого топлива и продовольствия; е) одежду, обувь, домашней утвари. Эти ограничения не распространялись на хозяйства, относимые к категории кулацких. У них разрешалось отбирать все, исключая «необходимое носильное белье, платье, обувь, предметы домашнего обихода» (Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. М., 1931. С. 69–72).
- Сделать всех колхозников «зажиточными» как «нашу ближайшую задачу» поставил И.В. Сталин в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. О необходимости «сделать колхозы большевистскими» в своей речи он не говорил. Этот лозунг с принципиальным дополнением («Сделаем колхозы большевистскими! Добьем кулака!») был вынесен в заголовок одного из разделов

- «Обращения Первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников ко всем крестьянам и колхозникам Союза ССР» (Советская Сибирь. 1933. 24 февр.).
3. А. Ананьев – ответственный работник Западно-Сибирского крайкома ВКП(б).
4. Речь идет о районном уполномоченном Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР.
5. В единоличном секторе часть развернутого на населенный пункт плана сдачи сельхозпродуктов в форме устанавливаемых сельсоветом «твёрдых» заданий возлагалась на хозяйства, зачисленные в разряд кулацких. Размеры «твёрдого» задания должны были равняться всем выявленным в этих хозяйствах «товарным излишкам». Его невыполнение преследовалось по ст. 61 УК РСФСР – от налагаемого в административном порядке штрафа, как правило, пятикратного размеру невыполненного задания, до тюремного заключения и даже выселения с постоянного места жительства (*Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни... С. 95.*)
6. Согласно принятому в начале 1933 г. законодательству, размеры обязательных поставок зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами рассчитывались на основе планов посева зерновых культур и норм сдачи с каждого гектара запланированного посева, установленных в начале года. При этом верховная власть официально провозгласила, что нормы хлебосдачи, а также планы посева в течение года будут оставаться неизменными. Однако данная декларация была нарушена уже в 1934 г. Гибель части озимых посевов и засушливая весна в юго-западных районах СССР создали угрозу существенного снижения урожая зерновых. В связи с этим в качестве инструмента повышения сбора было решено использовать увеличение посевных площадей. 14 и 17 мая ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления о дополнительном плане посева зерновых культур для ряда регионов страны, включая Западно-Сибирский край (*Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 261–262.*)
7. Речь идет об обязательных поставках мяса государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами (См.: *Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни... С. 119–120.*)
8. Личность установить не удалось. Вероятно, речь идет о заместителе наркома финансов РСФСР.
9. 14 августа 1933 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О помощи бескоровным колхозникам в обзаведении коровами». В рамках выполнения данного постановления с колхозниками и единоличниками заключались договоры контрактации на выращивание телок для последующей продажи нуждающимся. Контрактантам предоставлялась скидка по обязательной сдаче мяса государству (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. М., 1967. Т. 2. С. 433–435).
10. В рамках сельскохозяйственного налога, помимо доходов от ведения сельского хозяйства, также облагались так называемые неземледельческие доходы, получаемые от кустарных промыслов, извоза и т.п.
11. Колхозы обязывались в случае необходимости перевозить своим гужом совхозные грузы.
12. Речь идет о перевозке сливок с низового сливкоотделения на маслозавод.
13. Речь идет об обязательных поставках молока государству (См.: *Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни... С. 119–120.*)
14. Речь идет о Постановлении СНК СССР от 26 марта 1934 г., в соответствии с которым единоличники, переходящие на постоянную работу в совхозы на срок не менее одного сельскохозяйственного сезона, освобождались от обязательных поставок государству зерна, подсолнечника, картофеля и риса. Для них соответственно не устанавливались и планы сева этих культур (СЗ СССР. 1934. № 17. Ст. 133).
15. Речь идет о контрактации овощей, которая также имела обязательный характер. При этом контрактантам частично авансировались и снабжались хлебом по государственным ценам (Там же. 1933. № 19. Ст. 111).
16. Речь идет о решениях районных властей по мобилизации единоличников на сельскохозяйственные работы в совхозы (сенокошение, уборка и обмолот зерновых, перевозка убранного зерна).
17. Речь идет о восстановлении в избирательных правах лица, ранее их лишенного.
18. С 1933 г. одним из способов изъятия зерна в деревне являлся так называемый хлебозакуп, которым от имени государства занималась потребительская кооперація. Закупать зерно ей позволялось в колхозах и сельсоветах, выполнивших государственный план хлебозаготовок и закончивших засыпку семенных фондов. Закупочные цены потребкооперации на 20–25 % превышали цены, по которым оплачивались хлебопоставки, но на порядок уступали рыночным. В районы хлебозакупа потребительские товары поставлялись в первую очередь и сверх установленных нормативов. Законодательство, регулирующее закупки, запрещало навязывать крестьянам обязательные задания по продаже хлеба. Однако в действительности данный запрет не действовал. План хлебозакупа принимался в Центре, а затем разверстывался по регионам и далее по районам, сельсоветам, колхозам (*Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни... С. 111–112.*)
19. В конце сентября 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение о введении дополнительного («единовременного») денежного налога на единоличные крестьянские хозяйства. Принципиально новым в системе обложения этим налогом стало выделение в отдельную категорию плательщиков дворов, имеющих лошадей или другой рабочий скот. Причем платить они должны были гораздо больше, чем те, кто такого скота не имел (Там же. С. 40–41).

20. Согласно существующему законодательству, к зернопоставкам привлекались все единоличники, которым устанавливались обязательные посевные планы. Некоторые единоличные хозяйства по каким-либо причинам планов не получали, но зерновые все равно сеяли. В связи с этим 3 августа 1934 г. СНК СССР принял постановление «Об изменении порядка привлечения единоличных хозяйств к обязательным поставкам зерна государству», в соответствии с которым таковые впредь надлежало привлекать к обязательным зернопоставкам по фактической площади посева. При этом нормы сдачи зерна государству у них должны были на 50 % превышать нормы для колхозов (для единоличников, имеющих посевные планы, превышение против колхозных норм составляло 5–10 %). Изменяло постановление и принципы привлечения к госпоставкам сверхплановых посевов зерновых единоличниками. Если ранее они от поставок освобождались, то теперь привлекались в половинном размере от установленных норм (СЗ СССР. 1934. № 40. Ст. 321; Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. Новосибирск, 2002. С. 90).

Литература

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 517 с.

Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

Ильиных В.А. Единоличники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. № 6. С. 95–105.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

История советского крестьянства / И.А. Зеленин и др. М.: Наука, 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. 448 с.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2001. 188 с.

Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2000. 210 с.

Политика раскрепощивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. 253 с.

References

Gushchin, N.Ya. (1973). *Sibirskaya derevnya na puti k sotsializmu (Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sibirskoy derevni v gody sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva. 1926–1937 gg.)* [Siberian Village on the Way to Socialism (Socio-Economic Development of the Siberian Village during the Socialist Reconstruction of the National Economy. 1926–1937 Years)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 518 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of Siberian Villages. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk. 167 p.

Il'inykh, V.A. (2006). *Edinolichniki Zapadnoy Sibiri v 1930-e gg.: sotsial'nye izmeneniya, stratifikatsiya* [The Sole Proprietors of Western Siberia in the 1930s: Social Changes, Stratification]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 4, p. 95–105.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2000). *Politika raskrestyanivaniy v Sibiri. Vypusk 2: Etapy i metody likvidatsii krest'yanskogo khozyaystva. 1930–1940 gg.* [Raskrestyanivaniye in Siberia. Iss. 2: Stages and Methods of Liquidation of the Peasant Economy. 1930–1940 gg.]. Novosibirsk, IDMI. 210 p.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2002). *Politika raskrestyanivaniy v Sibiri. Vip. 2: Formy i metody tsentralizovannykh zagotovok* [Raskrestyanivaniye in Siberia: Chronicle-Documentary Publication. Iss. 2: Forms and Methods of Centralized Grain Procurement. 1930–1941]. Novosibirsk. 253 p.

Il'inykh, V.A. (Ed.). (2004). *Ocherki istorii krestyanskogo dvora i sem'i v Zapadnoy Sibiri. Konets 1920-kh – 1980-e gody* [Historical Essays of Peasant Household and Family in West Siberia. Late 1920s–1980s]. Novosibirsk, IDMI. 188 p.

Zelenin, I.E. (Ed.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. Tom 2: Sovetskoe krest'yanstvo v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii sel'skogo khozyaystva. Konets 1927 – 1937* [History of the Soviet Peasantry. Vol. 2: Soviet Peasantry During the Socialist Reconstruction of Agriculture. End of 1927–1937]. Moscow, Nauka. 448 p.

В.Б. Лапердин*

**У АППАРАТА ТОВАРИЩ ЭЙХЕ:
ИНСПЕКЦИЯ ХОДА ХЛЕБОЗАГОТОВОВОК
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕ В 1935 ГОДУ****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-18

УДК 94(571.1)"1935"

Выходные данные для цитирования:

Лапердин В.Б. У аппарата товарищ Эйхе: инспекция хода хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае в 1935 году // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 242–252. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-18.pdf>

V.B. Laperdin*

**AT THE TELEGRAPH COMRADE EICHE:
INSPECTION OF GRAIN PROCUREMENT
IN THE WEST SIBERIAN REGION IN 1935****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-18

How to cite:

Laperdin V.B. At the Telegraph Comrade Eiche: Inspection of Grain Procurement in the West Siberian Region in 1935 // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 242–252. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-18.pdf>]

Abstract. The record of a live conversation between the secretary of the West Siberian Regional Committee R.I. Eikhe and the chairman of the Regional Executive Committee F.P. Gryadinsky is introduced into the scientific circulation. Contrary to the available information about drought and crop failure in the southwestern regions, the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks accelerated the pace of grain delivery to procurement points, which ensured 65 % overfulfillment of the August plan. However, already in September the majority of unharvested districts could not keep up the pace, which caused concern of the regional authorities. It was decided to send the first secretary of the Kray Committee R.I. Eikhe with an inspection to the southwestern districts, where he was to familiarize himself with the problems in bread procurement. Having seen the negative consequences of the drought, Eikhe criticized the local leadership that failed to report on the problems in time. More negative assessment of the First Secretary was given to the attempts of drought-stricken collective farms, with the tacit consent of MTS directors and district authorities, to hide part of the bread from delivery to the state. Such actions manifested themselves most extensively in the Mamontovsky district. Having learned about it, R.I. Eikhe ordered to subject the Mamontovsky leadership to repressions. The purpose of the action was not only to identify those guilty of violating the procurement policy, but also to intimidate the leadership of neighboring districts in order to stimulate bread deliveries. Apparently, initially it was planned to hit the nomenklatura workers. However, in the final decision on the results of the investigation the main blame for “sabotage” of grain procurement was laid on collective farms, while the nomenklatura got off with party penalties. However, the first secretary of the Regional Committee did not limit himself to repressions. Having seen the plight of the unharvested areas, Eikhe proposed a number of measures to ease the tax burden on collective farms. He also decided to petition the Center for a reduction in the procurement tasks deployed in the region and to provide food aid to the drought-stricken areas. Otherwise, the threat of famine was looming over them. The Center made concessions, fulfilling the request of the regional leadership. By that time, the successful progress of procurement in the main grain-producing regions of the country allowed to accumulate a sufficient state bread fund.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, agriculture, peasantry, grain problem, grain procurement, R.I. Eikhe, Siberia.

* **Вячеслав Борисович Лапердин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru

Vyacheslav Borisovich Laperdin, Candidate of History Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The work was carried out on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries. Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

The article has been received by the editor on 13.04.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводится запись разговора по прямому проводу секретаря Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе с председателем крайисполкома Ф.П. Грядинским. Источник является частью делопроизводства, связанного с проведением хлебозаготовительной кампании 1935 г. Вопреки имеющейся информации о засухе и неурожае в юго-западных районах, краевой комитет ВКП(б) форсировал темпы поступления зерна на заготовительные пункты, что обеспечило перевыполнение августовского плана на 65 %. Однако уже в сентябре большинство неурожайных районов не выдержали набранного темпа, что вызвало обеспокоенность региональных властей. Было принято решение направить первого секретаря крайкома Р.И. Эйхе с инспекцией в юго-западные районы, где он должен был ознакомиться на месте с проблемами в хлебозаготовках. Убедившись в негативных последствиях засухи, Эйхе обрушился с критикой на местное руководство, своевременно не доложившее о возникших проблемах. Более негативную оценку первого секретаря получили попытки подвергшихся засухе колхозов, с негласного согласия директоров МТС и районных властей, укрыть часть хлеба от сдачи государству. Наиболее масштабно подобные действия проявились в Мамонтовском районе. Узнав об этом, Р.И. Эйхе приказал подвергнуть мамонтовское руководство репрессиям. Целью акции должно было стать не только выявление виновных в нарушении заготовительной политики, но и запугивание руководства соседних районов для стимулирования хлебопоставок. По всей видимости, первоначально планировался удар по номенклатурным работникам. Однако в окончательном решении по итогам следствия основная вина в «саботаже» хлебозаготовок возлагалась на колхозы, в то время как номенклатура отделалась партийными взысканиями. Однако репрессиями первый секретарь крайкома не ограничился. Увидев бедственное положение неурожайных районов, Эйхе предложил провести ряд мероприятий по облегчению налогово-податной нагрузки на колхозы. Также он принял решение ходатайствовать перед Центром о снижении разверстанных на край заготовительных заданий и оказании продовольственной помощи засушливым районам. В противном случае над ними нависала угроза голода. Центр пошел на уступки, выполнив просьбу регионального руководства. К тому времени успешный ход заготовок в основных зернопроизводящих регионах страны позволил накопить достаточный государственный хлебный фонд.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, сельское хозяйство, крестьянство, зерновая проблема, хлебозаготовки, Р.И. Эйхе, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 13.04.2024 г.

Проведение индустриализации в 1930-е гг. в значительной степени обеспечивалось перекачкой материальных ресурсов деревни в индустриальный сектор. Налого-податное обложение сельхозпроизводителей являлось стержневым механизмом данной перекачки. Основной натурально-продуктовой податью в земледельческих регионах страны были централизованные хлебозаготовки. За выполнение разверстываемых Центром на регионы, районы и хозяйства заданий по сдаче хлеба государству отвечали их руководители. Если календарные планы заготовок не выполнялись, на места командировались уполномоченные из вышестоящих партийных и советских органов власти, которые обязывались добиться форсирования хлебосдачи.

Особенности хлебозаготовительной политики Советского государства в полной мере проявились в ходе кампании 1935/1936 г. В Западно-Сибирском крае указанная хлебо-

заготовительная кампания официально стартовала 15 июля. Объем плановых хлебозаготовок на 1 сентября 1935 г. в крае должен был составить 97 022 тыс. пудов¹. Так как новый урожай в регионе в целом созревал к концу лета, то основные работы в рамках кампании начались в августе. Благодаря административно-репрессивному нажиму со стороны краевого руководства, а также благоприятной погоде, в августе на заготовительные пункты поступило 32 955 тыс. пудов, что значительно превосходило утвержденные ранее планом 19 900 тыс. пудов². В связи с этим у региональных властей сложилось ложное ощущение скорого завершения кампании. Установленный на сентябрь план составлял 47 300 тыс. пудов³. Однако большинство районов не выдерживали задаваемых краевым центром высоких темпов заготовок. В связи с этим последовали санкции в отношении местной номенклатуры. Так, 7 сентября 1935 г. руководство Завьяловского района, просившего снизить заготовительные планы, получило строгий выговор⁴. 8 сентября 1935 г. властям Тисульского района сделан выговор за невыполнение августовского плана. Кроме того, Сорокинский, Сузунский и Кочковский районы были предупреждены о необходимости ускорить темпы хлебосдачи. В противном случае их ждало наказание⁵. 11 сентября 1935 г. крайком вынес постановление по 43 районам, отстающим в хлебосдаче по итогам двух первых пятидневок месяца⁶. 15 сентября 1935 г. в постановлении крайкома и крайисполкома отмечалось «позорное снижение темпов хлебосдачи по большинству районов и по краю в целом»⁷. Руководству Сузунского и Зырянского районов, а также находившимся здесь уполномоченным комитета заготовок были объявлены выговоры. Ряду районов указывалось на неправильные действия в работе с колхозами. Так, Горно-Шорский, Кытмановский, Залесовский, Кожевниковский, Томский, Тяжинский и Асиновский райкомы не наказали отстающие в хлебосдаче колхозы.

Применение административно-репрессивных мер не помогло изменить ситуацию. Более того, как было сказано выше, во второй половине сентября темпы заготовок стали снижаться. К этому времени колхозы сдали почти весь имевшийся в их распоряжении хлеб. Дальнейший вывоз зерна на заготовительные пункты происходил в ущерб созданию семенных и продовольственных фондов. Основная причина этого – засуха в юго-западной части края, проявившаяся в июне и обострившаяся в июле 1935 г. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский еще 25 июля телеграфировали в Москву: «Лето стояло жаркое, особенно июль, в течение всего месяца до 20 числа не было дождей при температуре, доходящей до 50 и свыше градусов. Июльские суховеи [в] ряде районов, особенно южных [и] западных, несколько ухудшили виды [на] урожай»⁸. Тем не менее краевое руководство установило высокие месячные планы, превосходившие предлагавшееся Комитетом заготовок СНК СССР календарное задание, в соответствии с которым за август и сентябрь в Западно-Сибирском крае следовало заготовить 61 600 тыс. пудов⁹.

В этих условиях было принято решение направить Р.И. Эйхе с инспекцией в южные районы, чтобы ознакомиться на месте с причинами снижения темпов хлебозаготовок. Побывав на местах, первый секретарь обвинил местные власти в замалчивании тяжелого положения, возникшего по причине засухи и неурожая. На состоявшемся по итогам поездки главы региона совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов юго-западных районов он заявил следующее: «Надо сказать, что районы, которые вызваны сюда, районы юго-западной части края, отличаются от другой части края тем, что урожай в них по ряду колхозов хуже, чем в других частях края, а по ряду колхозов очень незначителен. Во-

¹ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск, 2020. С. 319.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 637. Л. 11–11 об., 63; Д. 641. Л. 4, 92.

³ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири... С. 320.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 649. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 646. Л. 9 об.

⁶ Там же. Д. 647. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 648. Л. 7–8.

⁸ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690а. Л. 7.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 63; Д. 641. Л. 92.

первых, надо было, чтобы эти районы своевременно сигнализировали бы об этом крайкому. Я должен сказать, что все здесь присутствовавшие секретари совершили перед крайкомом величайшее преступление: никто из них никакой информации об изменениях с видами на урожай крайкому не дал. Как воды в рот набрали, сидели по районам и молчали»¹⁰. В данном случае крайком отчасти сам был виноват. Поведение местных властей объясняется, по всей видимости, не только нежеланием показать свою организационную слабость. Как было сказано выше, 7 сентября 1935 г. Завьяловский райком ВКП(б) и райисполком подняли вопрос о предоставлении району скидки по хлебопоставкам, за что получили строгий партийный выговор. Никто не хотел повторять ошибку своих неудачливых коллег.

26 сентября Р.И. Эйхе, находясь в Барнауле, переговорил по прямому проводу (по телеграфу) с находящимся в Новосибирске председателем крайисполкома Ф.П. Грядинским (публикуется ниже). При разговоре присутствовали второй секретарь крайкома К.М. Сергеев и заведующий сельхозотделом крайкома А.И. Колотилов. Эйхе сообщил о раскрытом им «саботаже» в Мамонтовском районе. Правления колхозов, дирекция МТС и районная администрация еще до приезда первого секретаря крайкома понимали, что в этом году в счет заготовок будет изъят весь урожай. Поэтому в Мамонтовском районе с негласного согласия райкома колхозы стали укрывать хлеб.

Узнав об этом, Р.И. Эйхе приказал комиссии в составе председателя краевого суда А.В. Островского, первого заместителя краевого прокурора Н.Я. Позднякова и сотрудника краевого управления НКВД Саяпина (в публикуемом документе его фамилия по ошибке изменена на Силюшин) начать следствие в отношении руководства Мамонтовского района. Кроме того, был предпринят ряд практических мер: Ребрихинскому району разрешили частично заменить хлебопоставки мясом (фураж для скота не было и кормить его оказалось нечем), увеличить по всем неурожайным районам план зяблевой вспашки, чтобы весенние посевые работы проходили с меньшим напряжением сил. Несмотря на тяжелое положение, Р.И. Эйхе приказал сдавать все имевшееся в наличии зерно, за исключением 10 % на натуральное авансирование колхозников¹¹.

Ф.П. Грядинский, передавая последние сведения о ходе хлебозаготовок в крае, отметил: «анализ первых данных пятидневки дает впечатление, что почти во всех районах мы имеем очень большой упор, видимо саботаж принял довольно большие размеры и, по нашему мнению, удар по Мамонтовскому руководству намечен правильно, и мы просим твоего согласия опубликовать это в печати. Кроме этого, необходимо привлечь к ответственности 2–3 правления колхоза, и если мероприятие, принятые тобой в отношении председателя Мамонтовского района, подойдут для этого, то может быть, было бы правильно и их опубликовать». Как видно из этих переговоров, Ф.П. Грядинский не только одобрил действия Р.И. Эйхе, но и посчитал их своевременными и способными стимулировать поступление хлеба. Двое наиболее влиятельных в Западной Сибири людей решили принести руководство Мамонтовского района в жертву с целью устрашения местных властей.

В тот же день, 26 сентября, крайком издал постановление по Мамонтовскому району, указав разослать его всем районам края¹². В нем поручалось краевому суду, прокуратуре и управлению НКВД «немедленно расследовать саботажнические действия по хлебосдаче всего районного руководства Мамонтовского района и, в частности, председателя райисполкома Алексеева, уполномоченного Пильца и секретаря райкома Вяльых». Результаты расследования должны были быть представлены бюро крайкома с вызовом вышеназванных районных работников. С публикацией в печати решили повременить, так как расследование только началось.

¹⁰ ГАНО. Оп. 2. Д. 703. Л. 1.

¹¹ С начала уборки и до выполнения государственного плана хлебозаготовок колхозам разрешалось использовать на натуральное авансирование колхозников, а также на внутрихозяйственные нужды не более 10 % намолоченного зерна (Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 108).

¹² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 653. Л. 1.

Инициированное Р.И. Эйхе следствие в отношении Мамонтовского района находилось под особым контролем в НКВД. В проводившихся допросах принимал участие заместитель начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю А.К. Залпетер. Согласно показаниям проходивших по делу свидетелей и обвиняемых, председатели ряда колхозов, находившихся на территории действия крестьянской МТС, прекратили вывоз зерна на заготовки и приступили к формированию семенных фондов. Эти действия они оправдывали разрешением, полученным от дирекции МТС. Агроном С.Г. Ступак на допросе заявил, что разрешил засыпать 20 % собранного урожая в семенные фонды колхозов, хотя они отставали в выполнении планов и не имели на это право. Колхозное правление, воспользовавшись ситуацией, откладывало намного больше дозволенного дирекцией МТС: «председатель с[ель]/х[оз]артели “Памяти коммунаров” ДЕМИНОВ Демьян от фактически вывезенного зерна в план государству вместо 150 ц оставил на семена 500 ц». Не только дирекция МТС, но и районное руководство «потакало» колхозам. П.В. Заходянко показал: «В конце августа м[еся]ца, даты точно не помню, я, будучи в райцентре, заходил к секретарю райкома ВКП(б) тов. ВЯЛЫХ, которому говорил: “что колхоз имеет намолоченной пшеницы 100 ц[ентнеров], но возить в план нельзя, ибо колхозники останутся без хлеба, если мы будем возить в план государству”, на это тов. ВЯЛЫХ мне сказал так: не возить совсем нельзя, а посоветовал мне из имеющихся 100 ц[ентнеров] пшеницы отправить 2 подводы, т.е. 12 ц[ентнеров], а по окончании полного обмолота приехать к нему и тогда договоримся как быть дальше, на этом и разошлись». Имея на руках такие показания, оперуполномоченный НКВД Саяпин получил от районного руководства «покаянные» признания, где секретари райкома ВКП(б) и председатель райисполкома сознавались в допущенных ими ошибках. Сам Вяльых показал, что «проводил мягкую политику с руководством МТС, а не суровыми репрессиями за их плохую работу по выполнению договоров с колхозами». Однако он попытался отвести от себя удар, объясняя свои действия рабочей загруженностью при проверке партийных документов¹³. И как бы соглашаясь с сотрудником НКВД о сопротивлении государству со стороны «кулачества» в Мамонтовском районе, заявил: «То, что парторганизация засорена классово чуждыми людьми – это подтвердил крайком ВКП(б), когда отменил проведенную мною работу по проверке. При вторичной проверке мною отобраны партбилеты у 10 % коммунистов к проверенным. Эти люди, прикрываясь партбилетом, творили гнусные дела (АГЕЕНКО и др.), что первой проверкой мною не вскрыто». Выходило, что виновато не районное руководство, а «классово чуждые люди». Вяльых и его приближенным приходилось действовать во враждебном окружении, допуская при этом определенные ошибки. Вероятней всего, признание вины Вяльых смягчило окончательное решение Западно-Сибирского крайкома. «Крайними» сделали председателей колхозов, отправившихся под суд¹⁴. Председатели сельхозартелей им. Фрунзе – Аксенов, «Свободный труд» – Агеенко, «Стенька Разин» – Полосьмак, «Смычка» – Заходянко были осуждены выездной сессией краисуда «к самым суровым мерам наказания». А вот дирекция МТС и руководство района отделались партийными взысканиями, сохранив свои посты. Таким образом, намеченный Р.И. Эйхе удар пришелся не столько по районной администрации, сколько по колхозному руководству, хотя первоначально, по всей видимости, планировалось наказать представителей местных властей.

Поездка Р.И. Эйхе не дала ожидаемых результатов, более того, во время командировки первый секретарь крайкома на деле ознакомился с катастрофическим положением юго-западных районов. Из-за истощения зерновых запасов колхозов темпы хлебозаготовок продолжали падать. Еще до поездки в южные районы Эйхеставил в известность центральные власти о недороде в ряде районов Западно-Сибирского края (см. выше). Убедившись лично в бедственном положении сельского хозяйства юго-запада края, он

¹³ Проверка партдокументов проводилась в 1935–1936 гг. Представляла собой идеино-политическую аттестацию коммунистов на предмет «политической благонадежности». Фактически являлась завуалированной чисткой партии.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 660. Л. 8 об. – 9.

попросил у Центра беспрецедентную помочь – продовольственную и семенную ссуду в размере 15 млн пудов, выделение 2 млн пудов дополнительного фонда скидок по зернопоставкам, а также отсрочку взимания семенной ссуды 550 тыс. пудов и натуроплаты 1 500 тыс. пудов с покрытием их в 1936 г.¹⁵ Центр пошел на уступки, выполнив просьбу регионального руководства – к тому времени удалось накопить достаточный государственный хлебный фонд, а успешный ход заготовок в основных зернопроизводящих областях страны позволил сделать поблажку в отношении неурожайных районов.

В сентябре удалось выполнить только 75 % краевого месячного задания. Несмотря на административно-репрессивный нажим и раскручивание дела руководства Мамонтовского района, в октябре на приемные пункты поступило еще меньше хлеба – 7 961 тыс. пудов, что было в 5 раз меньше, чем в сентябре. Началось сворачивание кампании, принявшей форму дозаготовок. С начала кампании и к концу июня 1936 г. удалось заготовить 82 088 тыс. пудов хлебопродуктов или 101 % нового сниженного плана¹⁶.

Ниже публикуется запись упомянутого выше состоявшегося 29 сентября 1935 г. разговора по прямому проводу (телефрафу) первого секретаря Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе, находившегося в Барнауле во время командировки по южным районам, с председателем крайисполкома Ф.П. Грядинским. Данный источник интересен тем, что он показывает процесс выработки и принятия руководителями региона решения о корректировке дальнейшего хода хлебозаготовительной кампании в крае, а также необходимости информировать Москву о тяжелом положении в ряде районов. Проще говоря, в телеграмме вскрывается «внутренняя кухня» работы регионального руководства. Документ выявлен в фонде П-3 Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Он представляет собой телеграфную ленту, наклеенную на чистые листы бумаги, с рукописными пометами. Текст набран заглавными буквами.

Публикация осуществляется по определенным правилам. Все языковые погрешности и стилевые особенности документа передаются дословно, без исправлений. Без оговорок исправляются явные ошибки (опечатки), допущенные при наборе текста. Принятые при телеграфной передаче контента обозначения запятых и точек («ТЧК», «ЗПТ») воспроизводятся как соответствующие знаки препинания. Дописанные публикатором фрагменты (раскрытие сокращений) приводятся в квадратных скобках. Воспроизводятся авторские формы выделения текста (подчеркивание). Рукописный текст набран курсивом.

В научно-справочный аппарат работы входят текстуальные комментарии, содержательные комментарии, именной указатель, список сокращений. Текстуальные примечания приводятся в постраничных сносках. Ссылки на содержательные комментарии размещены в квадратных скобках и набраны полужирным шрифтом.

* * *

Разговор по прямому проводу секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе с председателем крайисполкома Ф.П. Грядинским

г. Барнаул – г. Новосибирск

26 сентября 1935 г.

Барнаул^a

Вопросы

т[оварища] Эйхе переданные из Барнаула 26/9^b

У АППАРАТА ТОВ[арищ] ЭЙХЕ. ТОВ[арищ] ЭЙХЕ, ТАМ ЛИ ГРЯДИНСКИЙ?
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ФЕДОР ПАВЛОВИЧ. ОБЪЕХАЛ МАМОНТОВСКИЙ, РЕБРИ-

¹⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. М., 2002. Т. 4: Конец 1934–1936. С. 613.

¹⁶ Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы... С. 340.

^a Здесь и далее курсивом набраны рукописные пометы.

⁶ В документе набрано на печатной машинке.

ХИНСКИЙ, ПАВЛОВСКИЙ РАЙОНЫ. В ПЕРВЫХ ДВУХ ПРОВОДИЛ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ И СЕЛЬСОВЕТОВ. В ПОСЛЕДНЕМ ТОЛЬКО БЮРО С АКТИВОМ. ПОЛОЖЕНИЕ [в] РАЙОНАХ РИСУЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНО ХУЖЕ, ЧЕМ МЫ ПРЕДСТАВИЛИ [в] НОВОСИБИРСКЕ. ПО МОИМ ПРИКИДКАМ МАМОНТОВСКИЙ РАЙОН НЕДОДАЕТ СВЫШЕ 6 ТЫСЯЧ ТОНН, РЕБРИХИНСКИЙ – 14 ТЫСЯЧ ТОНН, ПАВЛОВСКИЙ СВЫШЕ 4-Х ТЫСЯЧ ТОНН. В РАЙОНАХ ПРОИЗВЕЛ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ [нажим по] УСИЛЕНИЮ ХЛЕБОСДАЧИ. ДАЛ УСТАНОВКИ ИЗЫМАТЬ [во] ВСЕХ КОЛХОЗАХ ВСЕ ЗЕРНО, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТОЛЬКО 10 ПРОЦЕНТОВ ОТ ОБМОЛОТА НА АВАНСИРОВАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ. ВО ВСЕХ ТРЕХ РАЙОНАХ, А ОСОБЕННО [в] РЕБРИХЕ И МАМОНТОВО, ПОЧТИ НИ ОДИН КОЛХОЗ НЕ БУДЕТ РАСПРЕДЕЛЯТЬ ХЛЕБ НА ТРУДОДНИ, ТАКЖЕ НЕ БУДЕТ ИМЕТЬ СЕМЕНА. В СВЯЗИ [с] НЕДОСТАТКОМ ХЛЕБА [во] МНОГИХ КОЛХОЗАХ НАСТРОЕНИЕ СКВЕРНОЕ, ЧУВСТВУЮТСЯ ТЕНДЕНЦИИ САБОТАЖА. ОСОБЕННО СИЛЬНЫ ТЕНДЕНЦИИ [в] КОЛХОЗАХ МАМОНТОВСКОГО РАЙОНА, ГДЕ ДОПУСКАЛОСЬ ДАЖЕ ОРГАНИЗОВАННОЕ ЗАРАЖЕНИЕ ХЛЕБА КЛЕЩОМ, ЧТОБЫ ЕГО НЕ ПРИНИМАЛИ. ПО ВСЕМУ ХОДУ РАБОТЫ СТАЛО ЯСНО, ЧТО ТОВАРИЩ ВЯЛЫХ, ОЧУТИВШИСЬ ПЕРЕД ПЕРСПЕКТИВОЙ ИЗЪЯТИЯ ВСЕГО ХЛЕБА ПОЧТИ ВО ВСЕХ КОЛХОЗАХ, ДАЛ ОТДЕЛЬНЫМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КОЛХОЗОВ СОГЛАСИЕ ЗАДЕРЖКИ ХЛЕБА. ЭТО СТАЛО ИЗВЕСТНО ОЧЕНЬ МНОГИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ И КОЛХОЗЫ [в] МАМОНТОВСКОМ РАЙОНЕ, ДАЖЕ ИМЕЮЩИЕ НЕБОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ХЛЕБА, НЕ СДАВАЛИ, А ПРЯТАЛИ. ЧТОБЫ СЛОМИТЬ НАСТРОЕНИЕ, ПРИШЛОСЬ ПУБЛИЧНО ПРИМЕНЯТЬ РЕПРЕССИИ [в] ОТНОШЕНИИ НАИБОЛЕЕ ЗЛОСТНЫХ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ. ДАЛ ТАКЖЕ УКАЗАНИЕ ПОМ[оцнику] КРАЙПРОКУРОРА ПОЗДНЯКОВУ, ОСТРОВСКОМУ. РАБОТНИКУ ЗАЛПЕТЕРА СИЛЮПИНУ^в НАЧАТЬ СЛЕДСТВИЕ [в] ОТНОШЕНИИ ВСЕГО РАЙОННОГО РУКОВОДСТВА, КАК УЧАСТНИКАМ САБОТАЖА ПРОШУ ВЫНЕСТИ РЕШЕНИЕ БЮРО [Западно-Сибирского крайкома] ПО МОЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИМЕРНО СЛЕДУЮЩЕЕ: ПОРУЧИТЬ ПОЗДНЯКОВУ, ОСТРОВСКОМУ, СИЛЮПИНУ^в РАССЛЕДОВАТЬ ДЕЙСТВИЕ ВСЕГО РАЙОННОГО РУКОВОДСТВА В ЧАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ХЛЕБОСДАЧИ. РЕЗУЛЬТАТ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАСЛУШАТЬ [с] ВЫЗОВОМ ПРЕД[седателя] РИКА, СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА [и] УПОЛКОМЗАГСОВНАРКОМА¹. ЭТО РЕШЕНИЕ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАЙТЕ РАЙОНУ. КАК ВИДИШЬ ИЗ МОЕЙ ИНФОРМАЦИИ, У МЕНЯ СОЗДАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО НАША ИНФОРМАЦИЯ² [в] МОСКВУ СЛИШКОМ ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ И НАША ПРОСЬБА О ЛЬГОТЕ ЯВНО НЕДОСТАТОЧНА, ПОЛАГАЮ ПОСЛАТЬ ИЗ БАРНАУЛА КАГАНОВИЧУ [и] МОЛОТОВУ КОРОТКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, [в] КОТОРОЙ СООБЩИТЬ, ЧТО МЫ ОШИБЛИСЬ [в] СТОРОНУ ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ НУЖНОЙ НАМ ПОМОЩИ, А ТАКЖЕ ПРОСИТЬ РАЗРЕШИТЬ МНЕ ВЫЕХАТЬ НЕМЕДЛЕННО [в] МОСКВУ ДЛЯ ДОКЛАДА ЛИЧНО О СОЗДАВШЕМСЯ ПОЛОЖЕНИИ³. ПРОШУ ВАШИХ УКАЗАНИЙ. КРОМЕ ЭТОГО, ПРОШУ НЕМЕДЛЕННО РЕШИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ. ПЕРВОЕ, РАЗРЕШИТЬ РЕБРИХИНСКОМУ РАЙОНУ ПРОИЗВЕСТИ ЗАМЕну ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЦЕНТНЕРОВ ХЛЕБА МЯСОМ. ИНАЧЕ ВСЕ РАВНО СКОТ КОРМИТЬ БУДЕТ НЕЧЕМ. ВТОРОЕ, ЗИМА, ОСОБЕННО БУДУЩАЯ ВЕСНА, ПО ЭТИМ РАЙОНАМ ПРЕДСТОИТ ТЯЖЕЛАЯ, ТАК КАК ЛОШАДИ БЕЗ ОВСА БУДУТ ОЧЕНЬ СЛАБЫЕ. ВЫСКОЧИТЬ ВОВРЕМЯ [в] ПОСЕВНОЙ МЫ СМОЖЕМ ТОЛЬКО [в] ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ НЕ МЕНЕЕ ВОСЬМИДЕСЯТИ – ДЕВЯНОСТА ПРОЦЕНТОВ ПОСЕВНОГО КЛИНА БУДУЩЕГО ГОДА БУДЕТ ПОДНЯТО ХОРОШЕЙ ЗЯБИ И ОБРАБОТАННЫХ ПАРОВ. [в] ТО ЖЕ ВРЕМЯ КРАЙЗУ ПО ЭТИМ РАЙОНАМ ДАЛО МИНИМАЛИСТСКИЙ ПЛАН ЗЯБИ. ПРОСЬБА ПО ВСЕМ ЗАСТИГНУТЫМ НЕУРОЖАЕМ РАЙОНАМ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПЛАН ВСПАШКИ ЗЯБИ В СТОРОНУ РЕШИТЕЛЬНОГО УВЕЛИЧЕНИЯ. В ЧАСТНОСТИ ПО РЕБРИХИНСКОМУ РАЙОНУ ПРОШУ УВЕЛИЧИТЬ ПЛАН ПО МТС НА 16 ТЫСЯЧ 800 ГА. ИЗ НИХ ПО РЕБРИХИНСКОЙ МТС

^в Так в документе. Следует читать «Саяпин».

НА 6 ТЫСЯЧ 400 ГА. ПО БЕЛОВСКОЙ МТС НА 2 ТЫСЯЧИ 700 ГА. ПО УСТЬ-МОСИХИНСКОЙ 2 ТЫСЯЧИ 200 ГА. ПО КОРЧИНСКОЙ НА 5 ТЫСЯЧ 400. КРОМЕ ТОГО, РАЗРЕШИТЬ МТС [в] СЛУЧАЕ СВОБОДНОГО ТРАКТОРНОГО ПАРКА ПАХАТЬ ЗЯБЬ ПО КОЛХОЗАМ ВНЕ РАДИУСА МТС ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ, ЕСЛИ НУЖНО ПОЛУЧИТЬ САНКЦИЮ НАРКОМЗЕМА. УВЕЛИЧЕНИЕ ПЛАНА ЗЯБИ ОЗНАЧАЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ НЕМЕДЛЕННО МТС ВСЕХ НЕДОРОДНЫХ РАЙОНОВ [у]КРЕПИТЬ ДЕНЬГАМИ, ТАКЖЕ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ЛИМИТ ГОРЮЧЕГО. КАРТИНА РАЙОНА ТЕПЕРЬ БЕЗОБРАЗНАЯ. ТРАКТОРА СТОЯТ, ПОТОМУ ЧТО НЕТ ДЕНЕГ НА ВЫКУП ГОРЮЧЕГО, И МЫ ГОТОВИМ СЕБЕ ПРОВАЛ ВЕСНОЙ. ТРЕТЬЕ – СЧИТАЮ НЕОБХОДИМЫМ ПО ЛИНИИ КРАЙСПОЛКОМА ВЫНЕСТИ КРАТКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ КОЛХОЗАМ О КАЧЕСТВЕ ЗЯБИ И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕД[седателя] КОЛХОЗА ПО КАЧЕСТВУ ПРИНЯТОЙ ЗЯБИ, А ТАКЖЕ [с] ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ ВСЕМ ДИРЕКТОРАМ [о] ТЯЖЕЛОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПЛОХУЮ ВСПАШКУ. ТЕПЕРЬ, КАК ПРАВИЛО, ПРИЕМКА И СДАЧА ЗЯБИ ПРОИЗВОДЯТСЯ ФОРМАЛЬНО: ДИРЕКТОР МТС НЕ ВЫЕЗЖАЯ НА ПОЛЕ ПОДПИСЫВАЕТ АКТ СДАЧИ. ПРЕД[седатель] КОЛХОЗА ТАКЖЕ НЕ ВЫЕЗЖАЕТ НА ПОЛЕ, ПОДПИСЫВАЕТ АКТ ПРИЕМКИ. СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ВЫЕДУ [в] АЛЕЙСК, ОТКУДА ОБЪЕДУ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ МОЕГО КУСТА⁴. ПОЛАГАЮ БЫТЬ [в] НОВОСИБИРСКЕ ВТОРОГО [октября] ДНЕМ, ТАК КАК [на] СОБРАНИИ БОЛЬШЕ НЕ БУДУ. ПОЛАГАЮ, [к] ТРЕТЬЕМУ ЧИСЛУ ИЛИ КРАЙНЕ [к] ЧЕТВЕРТОМУ ЦЕЛЕСООБРАЗНЕЕ ВЫЗВАТЬ [в] НОВОСИБИРСК ВСЕХ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ НЕДОРОДНЫХ РАЙОНОВ. А ЕСЛИ МОЖНО, ПО СООБРАЖЕНИЯМ РАБОТЫ СЕРГЕЕВА, ТАКЖЕ СЕКРЕТАРЕЙ РАЙКОМОВ С ПОДРОБНЫМИ ДАННЫМИ ПО СОСТОЯНИЮ КАЖДОГО КОЛХОЗА ИХНЕГО РАЙОНА. МНЕ КАЖЕТСЯ, НАМ НЕОБХОДИМО [составить] ДЛЯ МОСКВЫ ТОЧНЫЙ СПИСОК КОЛХОЗОВ, [в] КОТОРЫХ НЕ РАСПРЕДЕЛЯЕМ ХЛЕБА ПО ТРУДОДНЯМ, [а] ТАКЖЕ НЕ ИМЕЕМ СЕМЕНА. ПО ПЯТИДНЕВКЕ ПОЛАГАЮ НЕОБХОДИМО ДАТЬ ЗАДАНИЕ ВСЕМ РАЙКОМАМ КРЕПКО ПОДТЯНУТЬ ОТЧЕТНОСТЬ [с] ТЕМ, ЧТОБЫ ЕЩЕ ШЕСТУЮ ПЯТИДНЕВКУ МЫ НЕ СБАВИЛИ БЫ ТЕМПЫ. У МЕНЯ ВСЕ.

Новосибирск

[Ф.П. Грядинский]: ЗДРАВСТВУЙ, РОБЕРТ ИНДРИКОВИЧ. СООБЩАЮ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЯТИДНЕВКИ ПО РАЙОНАМ. КУЗБАССКИЕ И ВОСТОЧНЫЕ РАЙОНЫ ЭТУ ПЯТИДНЕВКУ ДАЛИ ОЧЕНЬ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ПОВЫШЕНИЕ И ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ МЫ НЕ СКАТИЛИСЬ ОЧЕНЬ ДАЛЕКО НАЗАД. НО АНАЛИЗ ПЕРВЫХ ДАННЫХ ПЯТИДНЕВКИ ДАЕТ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО ПОЧТИ ВО ВСЕХ РАЙОНАХ МЫ ИМЕЕМ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ УПОР. ВИДИМО, САБОТАЖ ПРИНЯЛ ДОВОЛЬНО БОЛЬШИЕ РАЗМЕРЫ И ПО НАШЕМУ МНЕНИЮ УДАР ПО МАМОНТОВСКОМУ РУКОВОДСТВУ НАМЕЧЕН ПРАВИЛЬНО, И МЫ ПРОСИМ ТВОЕГО СОГЛАСИЯ ОПУБЛИКОВАТЬ ЭТО В ПЕЧАТИ. КРОМЕ ЭТОГО, НЕОБХОДИМО ПРИВЛЕЧЬ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ 2-3 ПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗА, И ЕСЛИ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРИНЯТЫЕ ТОБОЙ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МАМОНТОВСКОГО РАЙОНА, ПОДОЙДУТ ДЛЯ ЭТОГО, ТО МОЖЕТ БЫТЬ, БЫЛО БЫ ПРАВИЛЬНО И ИХ ОПУБЛИКОВАТЬ. КРОМЕ ЭТОГО, Я СЧИТАЮ НЕОБХОДИМЫМ УЖЕ СЕЙЧАС ВСТАТЬ НА ПУТЬ РАЗРЕШЕНИЯ БОЛЬШЕГО КОЛИЧЕСТВА ГЛУБИНОК⁵, С ТЕМ, ЧТОБЫ УСКОРИТЬ ПРИЕМ ХЛЕБА. В РЯДЕ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ, И ДАЖЕ В ТАКИХ, КАК КЫТМАНОВО, СОРОКИНО, ПО ПЯТИДНЕВКЕ ЕЩЕ РЕШЕНИЕ НЕ ПРИНИМАЛИ, ПРЕДПОЛАГАЛИ ОГРАНИЧИТЬСЯ НАЗВАННЫМИ МЕРОПРИЯТИЯМИ. КРОМЕ ЭТОГО, ПОСЛАННЫЕ НАМИ БРИГАДЫ НЕ ПОДАЮТ ПРИЗНАКОВ ЖИЗНИ, НЕ СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ПОДТЯНУТЬ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ. ПОЛОЖЕНИЕ С ЗАГОТОВКАМИ ТАКОВО, ЧТО БЫЛО БЫ ПРАВИЛЬНО, ЕСЛИ МЫ ПО ОТСТАЮЩИМ РАЙОНАМ НА ПЯТИДНЕВКУ – ДВЕ ПЕРЕКЛЮЧИЛИ БЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ХЛЕБ, ПРЕКРАТИВ ВЫЗОВ [в] КРАЙКОМ. В ОТНОШЕНИИ СООБЩЕННЫХ ТОБОЙ МЕРОПРИЯТИЙ СЧИТАЕМ ИХ СОВЕРШЕННО ПРАВИЛЬ-

НЫМИ И ИНФОРМАЦИЮ В МОСКВУ НАДО ДАТЬ НЕМЕДЛЕННО, ПОТОМУ ЧТО ДО СИХ ПОР В МОСКВЕ СЧИТАЮТ, ЧТО У НАС ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ УРОЖАЙ. ТАКЖЕ СЧИТАЕМ ПРАВИЛЬНОЙ ТВОЮ ПОЕЗДКУ В МОСКВУ. В ОТНОШЕНИИ ЗЯБИ ПРИМЕМ НЕМЕДЛЕННО МЕРЫ К УВЕЛИЧЕНИЮ ПЛАНА, НО ГЛАВНОЕ ЗАТРУДНЕНИЕ БУДЕТ В ОТСУТСТВИИ СРЕДСТВ. ВИДИМО, ПРИДЕТСЯ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯТЬ СРЕДСТВА, ЕСЛИ НАРКОМЗЕМ НЕ ДАСТ ПОДКРЕПЛЕНИЯ. СООБЩАЕМ ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ: ПОЛУЧЕНА ДИРЕКТИВА ПО ХЛЕБОЗАКУПУ⁶, В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЕТСЯ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ХЛЕБОЗАКУПА. ПРИЧЕМ НАЧИНАЕТСЯ ДИРЕКТИВА С УКАЗАНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИДАТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ХЛЕБОЗАКУПА ТАКУЮ ЖЕ ТВЕРДОСТЬ, КАК И ХЛЕБОСДАЧИ. ЦК УКАЗЫВАЕТ, ЧТО УРОЖАЙ БЫВАЕТ НЕ КАЖДЫЙ ГОД И ПОЭТОМУ НЕОБХОДИМО В ЭТОМ ГОДУ СОЗДАТЬ ТВЕРДЫЙ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС ХЛЕБА. ЦК ПРЕДЛАГАЕТ ЛИЧНО ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЯМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КРАЙИСПОЛКОМОВ ПОВСЕДНЕВНО РУКОВОДИТЬ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ХЛЕБОЗАКУПА. СЕМЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ХЛЕБА ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАКУПЛЕНО В ПОРЯДКЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОЛХОЗНЫХ ФОНДОВ. ОСТАЛЬНЫЕ ТРИДЦАТЬ ЗА СЧЕТ ЗАКУПКИ У КОЛХОЗНИКОВ. КРОМЕ ТОГО, ПОЛУЧЕН ПЛАН ЗАКУПА ПОДСОЛНУХА В РАЗМЕРЕ ТЫСЯЧИ ТОНН. ПО НАШЕМУ КРАЮ ЗАКУПКА ВОЗЛОЖЕНА НА КРАЙХЛЕБТОРГИ, РАЙПОТРЕБСОЮЗ, А ТАКЖЕ МАСЛОЗАВОДЫ [в] ПРЕДЕЛАХ РАДИУСА ГУЖ[евого] ТРАНСПОРТА. ПО ПРОВЕРКЕ ПАРТДОКУМЕНТОВ ЛЯШЕНКО СООБЩАЕТ ИЗ МОСКВЫ, ЧТО ТАМ ТРЕБУЮТ БОЛЬШЕГО ИЗЪЯТИЯ. ВИДИМО, НАМ ПРИДЕТСЯ УСИЛИТЬ НАЖИМ НА РАЙОНЫ. СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ПОЛУЧЕНО БОЛЬШОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК И СОВНАРКОМА ОБ ОТМЕНЕ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ ПО ВСЕМ ПРОДУКТАМ И СНИЖЕНИИ ЦЕН НА ХЛЕБ, МЯСО, САХАР, КРУПУ, МАСЛО, РЫБУ⁷. ДАЛИ УКАЗАНИЯ РАЙОННАМ О ПРОРАБОТКЕ ЭТОГО ВАЖНОГО РЕШЕНИЯ НА РАБОЧИХ СОБРАНИЯХ. СЧИТАЕМ, ЧТО ПОЛОЖЕНИЕ В ОСТАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ТВОЕГО КУСТА ВИДИМО ТАКОЕ ЖЕ. ПОЭТОМУ ПРОСИМ ТЕБЯ ОГРАНИЧИТЬ ТВОЙ ОБЪЕЗД С ТАКИМ РАСЧЕТОМ, ЧТОБЫ ВОЗВРАТИТЬСЯ [в] НОВОСИБИРСК ПЕРВОГО [октября], [в] КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ ВТОРОГО. ОСТАЛЬНОЕ ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО. ВСЕ.

Ответ из Барнаула 2

[Р.И. Эйхе]: Я ПРЕДЛАГАЮ ВЫЗОВ РЕДАКТИРОВАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ: СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА [и] ПРЕД[седатель] РАЙИСПОЛКОМА ВЫЗЫВАЮТСЯ ДЛЯ ДОКЛАДА КРАЙКОМУ [о] ХОДЕ ХЛЕБОСДАЧИ. ДОКЛАДЧИКИ ОБЯЗАНЫ ИМЕТЬ ПОДРОБНЫЙ МАТЕРИАЛ [о] СОСТОЯНИИ КАЖДОГО КОЛХОЗА. ТАКОЙ ВЫЗОВ, ПОМОЕМУ, ДАЖЕ СТИМУЛИРУЕТ ХЛЕБОЗАГОТОВКИ.

Ответ из Барнаула 1

[Р.И. Эйхе]: ПРИМУ ВСЕ МЕРЫ БЫСТРЕЕ ВЕРНУТЬСЯ, ТЕМ БОЛЕЕ ЧУВСТВУЮ СЕБЯ НЕВАЖНО, НО ПОЕЗДКА НЕОБХОДИМА, БЕЗ ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ЕХАТЬ [в] МОСКВУ. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ НА ВЫЗОВ СЕКРЕТАРЕЙ? ЕСЛИ СОГЛАСНЫ, ПРОШУ ТЕЛЕГРАММУ РАЙКОМАМ ДАТЬ ЗАВТРА ПО СПИСКУ, СОСТАВЛЕННОМУ ВАМИ, ВКЛЮЧИВ В ЭТОТ СПИСОК БАРНАУЛ. СОГЛАСЕН, ЧТОБЫ ВЫ РЕШИЛИ [информацию о] РАССЛЕДОВАНИИ САБОТАЖНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ МАМОНТОВСКОГО РАЙКОМА ПЕРЕДАТЬ ВСЕМ РАЙКОМАМ ПО ТЕЛЕГРАФУ. В ПЕЧАТИ ПУБЛИКОВАТЬ НЕЛЬЗЯ, ПОТОМУ ЧТО ОТСУТСТВУЕТ НАШ ВЫВОД. НАСЧЕТ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ АРЕСТОВАННЫХ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ ИЗ БАРНАУЛА. ПОДТОЛКНУ ОСТРОВСКОГО [и] ПОЗДНЯКОВА УСКОРИТЬ СУД. ДЕЛО БУДЕТ ЯРКОЕ. СОГЛАСЕН [с] ВАШИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ [об] ОТКРЫТИИ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ГЛУБИНОК, ТАКЖЕ [о] ПРЕКРАЩЕНИИ ВЫЗОВА НА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ СЕКРЕТАРЕЙ РАЙКОМОВ ОТСТАЮЩИХ РАЙОНОВ. ПРОШУ ТОВ[арища] КОЛОТИЛОВА СРОЧНО ГОТОВИТЬ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЦК В РАЗРЕЗЕ МОЕЙ ИНФОРМАЦИИ ВАМ. ВСЕ, ДО СВИДАНИЯ.

Ответ из Новосибирска 2

[Ф.П. Грядинский]: СОГЛАСНЫ, ИМЕННО ЭТО И ХОТЕЛИ ПРЕДЛОЖИТЬ. СЕГОДНЯ ВЫСЫЛАЕМ ФЕЛЬДЪЕГЕРЕМ СВОДКУ О ВЫПОЛНЕНИИ ПЯТИДНЕВНЫХ ЗАДАНИЙ ПО РАЙОНУ. ПРОСИМ ОСТАВИТЬ НАЧАЛЬНИКА СЕКТОРА У[правления] НКВД УКАЗАНИЯ, КУДА ТЕБЕ ЕЕ ДОСТАВИТЬ. ВСЕ, ДО СВИДАНИЯ.

Барнаул

[Р.И. Эйхе]: ДО СВИДАНИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ ОПЛАТУ ПЕРЕГОВОРОВ В НОВОСИБИРСКЕ.

Ответ из Новосибирска 1

[Ф.П. Грядинский]: В ОТНОШЕНИИ ВЫЗОВА СЕКРЕТАРЕЙ ПО ВОПРОСАМ НЕДОРОДА СОГЛАСНЫ. ЕСТЬ ТОЛЬКО СОМНЕНИЯ У НАС, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРЯМО НАЗЫВАТЬ ЦЕЛЬ ВЫЗОВА, ТАК КАК ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ПОНЯТО НЕПРАВИЛЬНО И ПРИОСТАНОВИТЬ ХОД ХЛЕБОЗАГОТОВОВОК ПО ЭТИМ РАЙОНАМ. ПОЭТОМУ ПОЛАГАЕМ ЛУЧШЕ БЫ ВЫЗВАТЬ.

Переговоры по прямому проводу

I. Т[оварищ] Эйхе (Барнаул)

II. [Товарищи] Грядинский, Сергеев, Колотилов⁸ (Новосибирск)

26/IX

ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 653. Л. 26–44.

Заверенная копия того времени. Телеграфная лента.

Комментарии

1. Уполномоченный Комитета заготовок СНК СССР.

2. 21 сентября 1935 г. Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский направили в ЦК ВКП(б) и СНК СССР докладную записку, в которой просили отсрочить взимание с колхозов части натуральной зерновой ссуды, части натуроплаты МТС, а также выделить краю дополнительный фонд скидок к государственному плану зернопоставкам в размере 1 млн 800 тыс. пудов. Ходатайство объяснялось засухой в ряде юго-западных районах края (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 6906. Л. 45–50).

3. 11 октября 1935 г. В.М. Молотов и Л.М. Каганович сообщили в телеграмме находившемуся в то время в отпуске в Сочи И.В. Сталину о том, что они встречались в Москве с Р.И. Эйхе, который «должил о большом недородде во всей юго-западной части края» и просил предоставить краю дополнительный фонд скидок по зернопоставкам, отсрочить взимание семенной ссуды и натуроплаты, предоставить пострадавшим от недорода колхозам продовольственную и семенную ссуду (Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 4... С. 613).

4. Под «кустом» подразумевается группа соседних районов.

5. Глубинка – глубинный хлебозаготовительный пункт, находившийся вдалеке от железнодорожных станций и речных пристаней.

6. Хлебозакуп – государственные закупки у колхозов, колхозников и единоличников зерна, проводившиеся по более высоким, чем зернопоставки, ценам (примерно на 25 % на пшеницу). Продающим хлеб государству в счет хлебозакупа предоставлялась возможность покупать дефицитные промышленные товары в магазинах сельской потребительской кооперации. В 1933 г. хлебозакуп разрешался после выполнения краем (областью, республикой) государственного плана по зернопоставкам, сбору натуроплаты МТС и возврату ссуд, с 1934 г. начинался на местах сразу же после выполнения районного плана.

7. Речь идет о Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1935 г. «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» (СЗ СССР. 1935. № 51. Ст. 421).

8. К.М. Сергеев и А.И. Колотилов при разговоре по прямому проводу присутствовали, но с Р.И. Эйхе непосредственно не общались.

Именной указатель

Агеенко – председатель колхоза «Свободный труд» Мамонтовского района.

Аксенов – председатель колхоза им. Фрунзе.

Алексеев – председатель Мамонтовского райисполкома.

Вяльых – секретарь Мамонтовского райкома ВКП(б).

Грядинский Ф.П. – председатель Западно-Сибирского крайисполкома.

Деминов Д. – председатель колхоза «Памяти коммунаров» Мамонтовского района.

Залпетер А.К. – заместитель начальника управления НКВД по Западно-Сибирскому краю.

Заходянко П.В. – председатель колхоза «Смычка» Мамонтовского района.

Каганович Л.М. – секретарь ЦК ВКП(б).

Колотилов А.И. – заведующий сельхозотделом Западно-Сибирского крайкома ВКП(б).
Ляшенко И.И. – редактор краевой газеты «Советская Сибирь».
Молотов В.М. – председатель СНК СССР.
Островский А.В. – председатель Западно-Сибирского краевого суда.
Пильц – уполномоченный Комитета заготовок СНК СССР по Мамонтовскому району.
Поздняков Н.Я. – первый заместитель прокурора Западно-Сибирского края.
Полосымак – председатель колхоза «Стенька Разин» Мамонтовского района.
Сергеев К.М. – второй секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б).
Саяпин – оперуполномоченный управления НКВД по Западно-Сибирскому краю.
Сталин И.В. – генеральный секретарь ЦК ВКП(б).
Ступак С.Г. – агроном крестьянской МТС Мамонтовского района.
Эйхе Р.И. – первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б).

Список сокращений

Крайзу – краевое земельное управление.

МТС – машинно-тракторная станция.

Наркомзем – наркомат земледелия.

Литература

Ильиных В.А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН, 2020. 507 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: Конец 1934–1936. 1056 с.

References

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2002). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5 tomakh* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials in 5 vol.]. Vol. 4: 1934–1936. Moscow, ROSSPEN. 1056 p.

Il'inykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of Siberian Villages. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk. 167 p.

Il'inykh, V.A., Laperdin, V.B. (2020). *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s]. Novosibirsk, SO RAN. 507 p.

Д.С. Орлов*

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В КУЗБАССЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ
(АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СТАТИСТИКИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)doi:10.31518/2618-9100-2024-4-19
УДК 94:338.43(571.17)"1965/1970"

Выходные данные для цитирования:

Орлов Д.С. Развитие сельскохозяйственного производства в Кузбассе во второй половине 1960-х годов (аналитическая записка областного управления статистики Кемеровской области) // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 253–265. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-19.pdf>

D.S. Orlov*

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL PRODUCTION
IN KUZBASS IN THE SECOND HALF OF THE 1960S
(ANALYTICAL NOTE OF THE REGIONAL STATISTICS
DEPARTMENT OF THE KEMEROVO REGION)

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-19

How to cite:

Orlov D.S. Development of Agricultural Production in Kuzbass in The Second Half of the 1960s (Analytical Note of the Regional Statistics Department of the Kemerovo Region) // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 253–265.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-19.pdf>]

Abstract. An analytical note from the statistics department of the Kemerovo region is being introduced into scientific circulation. It analyzed the results of the economic and financial activities of Kuzbass collective farms for 1970. The content of the note is important for understanding the specifics of the development of the agricultural sector of the region's economy during the Eighth Five-Year Plan (1966–1970), which was characterized by high rates of increase in agricultural production. The text of the document notes the generally successful production results of the region's collective farms for the year. The production plan for grain, milk, and meat was exceeded. Cash income of collective farms increased by 1.3 times, profit – by 2.6 times. The drafters of the note paid considerable attention to the identified shortcomings in the activities of collective farms. Lagging sectors of agriculture included potato growing, vegetable growing, and feed production. Mechanization of production processes in livestock farming was poorly implemented. But the most significant problem of agricultural production was the high cost of agricultural products. It turned out to be higher than planned for all products. In the analytical article preceding the publication of the document, it was concluded that the increasing cost of agricultural production was characteristic not only of collective farms, but also of other categories of farms and was recorded in all regions of the USSR without exception. The basic factor for this was the increasing scale of use of agricultural intensification means. The expenses of state and collective farms increased accordingly. At the same time, the rate of increase in agricultural production tended to decrease. It was never possible to repeat the success of the Eighth Five-Year Plan in the USSR.

Keywords: state agricultural policy, agriculture, livestock, crop production, collective farms, Kemerovo region.

*The article has been received by the editor on 30.04.2024.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.*

* Дмитрий Сергеевич Орлов, доктор исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: orlovd2010@mail.ru

Dmitry Sergeevich Orlov, Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: orlovd2010@mail.ru

Аннотация. В научный оборот вводится аналитическая записка управления статистики Кемеровской области. В ней анализировались итоги хозяйственно-финансовой деятельности колхозов Кузбасса за 1970 г. Содержание записки важно для понимания специфики развития аграрного сектора экономики региона в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.), для которой были характерны высокие темпы наращивания объемов сельскохозяйственного производства. В тексте документа отмечаются в целом успешные производственные итоги колхозов области за год. Был перевыполнен план производства зерна, молока, мяса. Денежные доходы колхозов увеличились в 1,3 раза, прибыль – в 2,6 раза. Значительное внимание составители записки уделили выявленным недостаткам в деятельности колхозов. К отстающим отраслям сельского хозяйства относились картофелеводство, овощеводство, кормопроизводство. Слабо внедрялась механизация производственных процессов в животноводстве. Но наиболее существенной проблемой аграрного производства являлась высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции. Она оказалась выше плановой по всем продуктам. В предваряющей публикацию документа аналитической статье сделан вывод, что увеличивающаяся себестоимость производства сельхозпродукции была присуща не только колхозам, но и другим категориям хозяйств, и фиксировалась во всех регионах СССР без исключения. Базовым фактором этого являлось наращивание масштабов применения средств интенсификации сельского хозяйства. Соответственно росли расходы совхозов и колхозов. При этом темпы наращивания объемов сельхозпроизводства имели тенденцию к снижению. Повторить успех восьмой пятилетки в СССР так и не удалось.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, животноводство, растениеводство, колхозы, Кемеровская область.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024 г.

Изучение особенностей развития сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х гг. представляется актуальным, поскольку направлено на оценку недостатков и достоинств советского аграрного строя. Именно этот исторический период в работах ряда авторов считается некой точкой «бифуркации», после которого могли бы стать возможными умеренные либеральные реформы в экономике СССР и произойти перестройка хозяйственного уклада¹. Оправдание или подтверждение данного тезиса невозможно без детального ретроспективного анализа истории сельского хозяйства в годы восьмой пятилетки. Особую актуальность имеет региональный аспект проблемы, в том числе конкретно-историческое ее рассмотрение на краевом и областном уровнях. Регионом со специфической структурой аграрной экономики является Кузбасс (Кемеровская область).

Развитие сельского хозяйства в Кемеровской области, как правило, рассматривалось исследователями в более широких хронологических и территориальных рамках². При этом

¹ См.: Голанд Ю.М., Некипелов А.Д. Косыгинская реформа: упущеный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 44–66; Латов Ю.В. Косыгинские реформы – упущенная возможность «дэнсюпинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. № 3. С. 424–439; Гумеров Р., Крюкова А. Косыгинская реформа: революция или эволюция? // Российский экономический журнал. 2011. № 6. С. 94–95.

² См.: Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни (1965–1980 гг.). М., 1982; Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991; Наукацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни во второй половине XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д., 2009; Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018; СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991 гг.). Пенза, 2022; и др.

исследователи отмечали, что в годы восьмой пятилетки были достигнуты самые высокие темпы наращивания сельскохозяйственного производства за весь период 1960–1980-х гг.

Валовое производство за 1966–1970 гг. по сравнению с 1961–1965 гг. увеличилось в Западной Сибири на 19,9 %, в Кемеровской области – на 21,4 %³. Среднегодовое производство зерна в Кемеровской области в годы восьмой пятилетки выросло на 52 %, мяса – на 26, молока – на 22, яиц – на 71 % (табл. 1). Результатом производственной деятельности стало выполнение государственных планов закупок. Пятилетний план по мясу Кузбасс выполнил на 131 %, по молоку – на 105, яйцам – на 113 %⁴.

Таблица 1

Производство продукции растениеводства и животноводства в Кемеровской области в 1961–1970 гг. (в хозяйствах всех категорий, в среднем за год)

Годы	Зерно, тыс. т	Картофель, тыс. т	Овощи, тыс. т	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Яйцо, млн шт.
1961–1965	885	908	129	76,7	628	190
1966–1970	1 343	1 001	134	96,3	767	324

Источник: Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.): стат. сб. М., 1982. С. 145, 174, 182, 234, 244, 249.

Наращиванию сельхозпроизводства в Кемеровской области в годы восьмой пятилетки, безусловно, способствовали меры по экономическому стимулированию сельхозпредприятий и сельских тружеников, а также увеличение капитальных вложений. Но эффект от этих мер был усилен благодаря более благоприятным, чем в предыдущее пятилетие, погодно-климатическим условиям. Тем не менее сельское хозяйство региона, прежде всего растениеводство, оставалось в высокой степени метеозависимым. В итоге общий успех пятилетки в Кузбассе обеспечили два подряд высокоурожайных года – 1967 и 1968 гг. Сбор зерновых культур составил соответственно 19,0 и 18,1 ц/га. В 1968 г. урожай был средним (13,6 ц/га), а 1969 г. оказался недородным. С гектара в среднем было собрано всего 6 ц зерна. В 1970 г. вновь был собран средний урожай (13,3 ц/га), который тем не менее позволил в целом стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве области⁵. Тем не менее пятилетние планы производства продукции растениеводства оказались невыполнеными.

Качественных изменений в организационно-производственной структуре сельского хозяйства Кузбасса в 1965–1970 гг. не произошло. Количество колхозов на протяжении пятилетия оставалось неизменным – 66 хозяйств. Число совхозов в связи с их разукрупнением увеличилось со 101 в 1965 г. до 123 в 1970 г.⁶ Темпы наращивания производства в колхозах были существенно выше, чем в совхозах. В 1970 г. в сельхозартелях валовое производство сельского хозяйства было больше, чем в 1965 г., на 71 %, в совхозах (без учета иных госхозов) – на 14, в ЛПХ – на 9 % (табл. 2).

Детальный и в целом репрезентативный статистический мониторинг сельского хозяйства в 1960-е гг. осуществляли Центральное статистическое управление СССР и его республиканские и региональные управления. На основе обобщенных статистических данных специалисты областных/краевых статуправлений составляли аналитические и докладные записки по различным вопросам развития аграрного производства регионов. Как отмечает В.А. Ильиних, они предназначались «для служебного пользования» и поэтому отличаются

³ Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.): стат. сб. М., 1982. С. 135.

⁴ Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 11. Д. 99. Л. 2.

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: стат. ежегодник. М., 1970. С. 159, 187; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегодник. М., 1971. С. 175, 209.

⁶ Кемеровская область в цифрах (1965–1975 гг.): стат. сб. Кемерово, 1977. С. 53; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодник. М., 1966. С. 332; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году... С. 280.

высокой степенью объективности⁷. Записки из областных управлений статистики направлялись первому секретарю обкома КПСС, председателю облисполкома, начальнику областного управления сельского хозяйства, в ЦСУ РСФСР.

Таблица 2

Валовая продукция сельского хозяйства Кемеровской области в 1965 и 1970 гг.
(по категориям в сопоставимых ценах 1965 г., млн руб.)

Показатель	Валовая продукция сельского хозяйства	В том числе продукция	
		растениеводства	животноводства
1965 г.	Совхозы	219	82
	Колхозы	45	16
	ЛПХ	207	77
1970 г.	Совхозы	250	99
	Колхозы	77	33
	ЛПХ	225	130

Источник: Кемеровская область в цифрах (1965–1975 гг.): стат. сб. Кемерово, 1977. С. 43–44.

19 мая 1971 г. заместитель начальника управления статистики Кемеровской области В.А. Елонова подписала аналитическую записку «Итоги хозяйственно-финансовой деятельности колхозов Кемеровской области за 1970 год», которая публикуется ниже.

В тексте записи отмечались в целом успешные производственные итоги колхозов области в 1970 г. Зерна колхозы собрали в 2,3 раза больше, чем в 1969 г. Годовой план был перевыполнен на 13 %. Колхозы впервые за последние годы выполнили план стогования сена. Годовой улей молока на одну фурражную корову увеличился на 11 %, составив 2 645 кг. План продажи молока оказался выполнен на 109,5 %. Валовой привес крупного рогатого скота вырос на 21,8 %, свиней – на 35 %. Годовой прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 44,5 %. По сравнению с 1969 г. денежные доходы колхозов увеличились в 1,3 раза, прибыль – в 2,6 раза.

Однако гораздо больше внимания составители записи уделили выявленным в 1970 г. «серьезным недостаткам» в производственно-финансовой деятельности колхозов. К отстающим отраслям сельского хозяйства относились картофелеводство, овощеводство и кормопроизводство. Годовой план производства картофеля был выполнен на 66 %, овощей – на 56, заготовок силоса – на 75 %. Колхозы получали низкие урожаи кормовых культур. Урожайность силосных культур составила 141,6 ц/га, кормовых корнеплодов – 55,1 ц/га при плановом уровне 180 и 147 ц/га соответственно.

В колхозах слабо внедрялась механизация трудоемких процессов в животноводстве. Подача воды на фермы крупного рогатого скота была механизирована на 87 %, свиней – на 78, птицы – на 65%, раздача кормов – соответственно на 6, 34 и 15 %, очистка помещений от навоза – на 30, 43 и 11 %, доение коров – на 91 %. В помещениях с комплексной механизацией на 1 января 1971 г. находилось 6 % общего поголовья крупного рогатого скота, 34 % свиней, 11 % птицы.

Но наиболее существенной проблемой аграрного производства являлась высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции. Она оказалась выше плановой по всем

⁷ Сельское хозяйство Новосибирской области во второй половине 1960-х – 1980-е гг. (аналитические записи областного статистического управления): сборник документов. Новосибирск, 2019. С. 6.

продуктам: по продукции растениеводства – на 1,9 млн руб., животноводства – на 9,8 млн руб. Себестоимость производства одного центнера зерна составила 6 руб. 31 коп. (на 42 коп. выше плана), картофеля – 7 руб. 47 коп. (на 2 руб. 04 коп.), овощей – 11 руб. 77 коп. (на 4 руб. 36 коп.), молока – 18 руб. 94 коп. (на 3 руб. 20 коп. выше плана). Одной из основных причин удорожания себестоимости являлся «перерасход» заработной платы. Сверхнормативными стали затраты на корма для скота, сельхозтехнику. В связи с нарастанием расходов увеличиваются суммы заемных средств и долги хозяйств перед Госбанком.

Увеличивающаяся себестоимость производства сельхозпродукции была присуща не только колхозам, но и другим категориям хозяйств, и фиксировалась во всех без исключения регионах СССР. Базовым фактором этого являлось наращивание масштабов применения средств интенсификации сельского хозяйства. Соответственно росли и расходы совхозов и колхозов. При этом темпы наращивания объемов сельхозпроизводства имели тенденцию к снижению. Повторить успех восьмой пятилетки в СССР так и не удалось.

Публикация указанного документа, который выявлен в фонде Р-304 Государственного архива Кузбасса, осуществляется в соответствии с существующими правилами.

* * *

**Аналитическая записка Кемеровского областного управления статистики
об итогах хозяйственно-финансовой деятельности колхозов области за 1970 год**
г. Кемерово

19 мая 1971 г.

**ИТОГИ
хозяйственно-финансовой деятельности колхозов
Кемеровской области за 1970 год**

В отчетном году производство зерна составило 325,7 тыс. тонн, или в 2,3 раза больше 1969 года и на 13 процентов выше плана. Рост производства зерна осуществлен в основном за счет увеличения урожайности зерновых культур.

Предусматривалось планом 13,4 центнера с гектара, фактически получено 13,9 центнера с гектара. Это позволило выполнить план продажи зерна государству. При плане 67,3 тыс. тонн продано 75,2 тыс. тонн или 111,7 процента.

Колхозы впервые за последние годы выполнили план стогования сена. Его заготовлено 111,5 тыс. тонн или 101 процент к плану. Колхозы Юргинского района план стогования сена выполнили на 129, Яйского – на 121 процент.

На одну корову удой молока увеличился на 262 килограмма по сравнению с 1969 годом и составил 2645 килограммов. План продажи молока выполнен на 109,5 процента (план 85,6 тыс. тонн, фактически 93,7 тыс. тонн). Из 66 колхозов 53, или 80 процентов, справились с годовым планом продажи молока. Все колхозы Промышленновского района выполнили план продажи по этому виду продукции.

Валовой привес крупного рогатого скота составил 106,7 тыс. центнеров или на 21,8 процента выше 1969 года и на 9,2 процента выше плана. Валовой привес свиней составил 68,2 тыс. центнеров или 135 процентов к уровню прошлого года и 96 процентов к плану.

План выходного поголовья крупного рогатого скота выполнен на 103,6 процента, в том числе коров – на 100,7 процента, свиней – на 105,3 процента.

Валовая продукция сельского хозяйства, произведенная в 1970 году в оценке по закупочным ценам 1965 года, составила 77,7 млн рублей и увеличилась по сравнению с 1969 годом на 44,5 процента. Произведено валовой продукции на один человеко-день по 13 рублей 15 копеек, вместо 9 рублей 34 коп. в предшествующем году.

По сравнению с 1969 годом денежные доходы колхозов увеличились на 12,2 млн рублей или в 1,3 раза, чистый доход (прибыль) в 2,6 раза и составил 7,6 млн рублей. 52 колхоза закончили год с прибылью: из них с чистым доходом свыше 300 тыс. рублей –

7 колхозов, от 200 до 300 тыс. рублей – 3, от 100 тыс. рублей до 200 тыс. рублей – 21, до 100 тыс. рублей – 21 колхоз.

Наибольшая прибыль получена в колхозе «Ударник полей» – 1214 тыс. рублей. Колхоз «Ленинский путь» Промышленновского района из 370 тыс. рублей чистого дохода отчислил в неделимые фонды в части основных средств 174 тыс. рублей или 47 процентов, в резервный фонд – 111,5 тыс. рублей, или 30,1 процента, на культурно-бытовые мероприятия – 35,0 тыс. рублей, или 9,4 процента.

Систематически пополняют неделимые и резервные фонды также колхозы «Восход» Тяжинского района, им. Ленина Промышленновского района, «Родина» Яйского района и некоторые другие.

Капитальные вложения в колхозах области в 1970 году составили 23,5 млн рублей или 127 процентов к плану. По сравнению с 1969 годом капиталовложения увеличились на 3,7 млн рублей.

Вместе с тем итоги работы колхозов в истекшем году свидетельствуют о серьезных недостатках в их производственно-финансовой деятельности. Несмотря на рост урожайности и валового производства зерна, в целом в колхозах области отдельные колхозы плохо используют земельные угодья, что приводит к низким урожаям.

Если в колхозе им. Мичурина Промышленновского района урожайность зерновых составила 19,0 центнеров с гектара, то в смежном колхозе «Гигант» этого же района, земли которого находятся в равных природно-климатических условиях, только 12,2 центнеров с гектара или на 6,8 центнера меньше. Разница в уровне урожайности в этих колхозах объясняется показателями выполнения агротехнических мероприятий. В колхозе им. Мичурина Промышленновского района широко осуществляются меры против ветровой эрозии почв и сохранения влаги. В этом хозяйстве полностью освоены два севооборота, в лучшие агротехнические сроки проводятся полевые работы, налажено семеноводство зерновых культур.

Совершенно другое положение в колхозе «Гигант». Из пяти введенных севооборотов ни один не освоен, на низком уровне агротехника возделывания сельскохозяйственных культур, большая засоренность полей, запущено семеноводство.

В 1970 году из 66 колхозов 53 колхоза получили урожайность ниже 16 центнеров с гектара. Самая низкая урожайность зерновых 11 центнеров с гектара получена в колхозах Тяжинского района. Причиной низкого урожая является здесь неудовлетворительная постановка семеноводства, поздние сроки сева, неорганизованность на уборочных работах.

На низком уровне в колхозах области находятся картофелеводство и овощеводство. В 1970 году получено картофеля 25,5 тыс. тонн или 66 процентов к плану. План производства картофеля не выполнен колхозами всех районов. Урожайность картофеля составила 69 процентов с гектара, а в колхозах Тяжинского района – 37 центнеров.

План производства овощей колхозами выполнен на 56,0 процентов, план продажи их государству – на 46,8 процента. В 1970 году урожайность овощных культур составила 32 центнера с гектара вместо 93 по плану.

По-прежнему в колхозах плохо организовано производство кормов. Заготовлено сухого сilage всех видов 336,1 тыс. тонн или 75 процентов к плану. В колхозах Ижморского района план производства сухого сilage выполнен на 50 процентов, Чебулинского – на 41 процент. Колхозы получают низкие урожаи кормовых культур. Урожайность сухосенных культур составила 141,6 центнера с гектара вместо 180 по плану, кормовых корнеплодов – соответственно 55,1 и 147 центнеров с гектара. В Чебулинском районе получили сухосенные культуры по 66,6 центнера с гектара, в Тисульском корнеплодов по 19,9 центнера с гектара.

Стоймость валовой продукции растениеводства составила 35,2 млн рублей, на 5 млн рублей или на 13 процентов меньше предусмотренного планом. За исключением Яйского и Ижморского районов план валовой продукции растениеводства не выполнен.

В колхозах Ленинск-Кузнецкого района недополучено валовой продукции растениеводства на сумму 2,1 млн рублей или на 23 процента к плану.

В отдельных колхозах низкая продуктивность скота. В колхозах Чебулинского района надой на корову составил 2 307 килограммов или на 338 килограммов ниже областного уровня. План продажи молока выполнен здесь на 91,7 процента. Невыполнение плана продажи молока в этом районе объясняется не только низкой продуктивностью, но и низкой товарностью молока. Так, например, колхозы Чебулинского района при недовыполнении плана продажи молока государству на 277 тонн израсходовали на внутрихозяйственные нужды 759 тонн, тогда как на выпойку телятам и поросятам требовалось, согласно зоотехническим нормам, не более 480 тонн.

На одного теленка здесь израсходовано 334 килограмма, а товарность молока составила 71,8 процента.

В 1970 году в колхозах области продано, помимо государственных закупок на общественное питание, 7 тыс. центнеров мяса или на тысячу центнеров больше 1969 года. В колхозе «Сибирь» Беловского района план продажи скота недовыполнен на 300 центнеров, а израсходовано на внутрихозяйственные нужды 457 центнеров. В колхозе им. Коминтерна Ленинск-Кузнецкого района, как и в прошлые годы, продолжается негодная практика расходования мяса помимо госзаготовок. В 1970 году реализовано разным лицам 17,5 тонн мяса, из них 10,7 тонн посторонним лицам.

В отчетном году не справились с выполнением продажи молока 11 колхозов, скота – 19, яиц – 3 колхоза. Колхозы: «Сибирь», «Кузбасс», «Правда» Беловского района, «Прогресс» Ижморского района, им. Димитрова Новокузнецкого района и «Маяк Ильича» Чебулинского района не выполнили план государственных закупок молока и мяса.

Несмотря на снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции против уровня прошлого года, она по всем продуктам оказалось выше плановой.

Продукция сельского хозяйства дороже плана на 11,7 млн рублей, в том числе продукция животноводства на 9,8 млн рублей и растениеводства – на 1,9 млн рублей. Из общей суммы удорожания продукции за счет роста урожайности и продуктивности составил 2,4 млн рублей, за счет изменения затрат на гектар и голову скота – 9,3 млн рублей.

Себестоимость одного центнера основных видов продукции растениеводства составила: зерна – 6 руб. 31 коп. или выше плановой на 42 копейки, картофеля – 7 руб. 47 коп., на 2 руб. 04 коп., овощей – 11 руб. 77 коп., на 4 руб. 36 коп. выше плановой. В колхозах Юргинского района себестоимость центнера зерна составила 7 руб. 64 коп., Тяжинского – 7 руб. 07 коп. В целом затраты на зерно выше плана на 2,7 млн рублей, в том числе за счет увеличения затрат – на 1,4 млн рублей.

Анализ показывает, что на один гектар зерновых культур израсходовано 84,9 рублей или на 7 руб. 70 коп. выше плана, в том числе по семенам – на 1 руб. 40 коп., горюче-смазочным материалам – на 85 коп., общехозяйственным и общепроизводственным – на 2 руб. 25 коп. и прочим – на 7 руб. 40 коп.

На весь объем работ перерасход составил: по семенам – 300 тыс. рублей, по горючему – 185 тысяч рублей, по общехозяйственным и общепроизводственным – 500 тысяч рублей, прочим – 1,6 млн рублей.

В то же время допущена экономия по текущему ремонту и удобрениям. В животноводстве затраты увеличились против плана на 9,8 млн рублей, в том числе за счет продуктивности – на 2,4 млн рублей, за счет затрат – на 7,4 млн рублей. Значительный удельный вес в общем объеме производства занимает молочное животноводство. Материально-денежные затраты в молочном животноводстве в 1970 году составили 21,4 млн рублей или 42,8 процента от всех затрат в животноводстве. Молочная продукция против плана удорожала на 4,8 млн рублей, в том числе оправдано увеличением продукции на 1,2 млн рублей.

Затраты на корову увеличились по сравнению с планом на 169 руб. 35 коп. и составили 526 руб. 45 коп. Так же, как и в полеводстве, увеличилась оплата труда, амортизация, текущий ремонт, накладные и прочие расходы. Однако по-прежнему значительный удельный вес в расходах занимают корма. В истекшем году на производство центнера

молока израсходовано 1,25 центнера кормовых единиц при плане 1,21 центнера кормовых единиц. При этом значительно увеличился расход дорогостоящих концентрированных кормов. Вместо 0,38 центнера кормовых единиц концентратов, израсходованных в 1969 году, на центнер молока в колхозах области в 1970 израсходовано 0,44 центнера кормовых единиц, а в Беловском районе – 0,61 центнера кормовых единиц. Стоимость одного центнера кормовых единиц, скормленного в молочном животноводстве, на 1 руб. дороже плана и составила 6 руб. 84 коп.

В Ижморском районе центнер кормовых единиц в молочном животноводстве – 8 руб. 42 коп., в Юргинском – 8 руб. 84 коп.

В колхозах области на производство молока перерасходовано 101,9 тыс. центнеров кормовых единиц, за счет которых при плановых нормах можно было бы дополнительно получить 84,2 тыс. центнеров на сумму один миллион 684 тысячи рублей.

Перерасход кормов – основная причина высокой себестоимости молока.

Себестоимость центнера молока в колхозах 1970 году на 3 рубля 20 коп. выше плана и составила 18 руб. 94 коп. В колхозах Ижморского района на центнер молока затрачено 21 руб. 61 коп., а в колхозе «Прогресс» – 24 руб. 83 коп. Затраты кормов на центнер молока составили 8 руб. 48 коп. при плане 7 руб. 32 коп., в колхозах Юргинского района соответственно 10 руб. 33 коп. и 7 руб. 58 коп. Зарплата на центнер молока в колхозах области составила 5 руб. 66 коп. вместо плана 5 руб. 30 коп.

В колхозах области на корову израсходовали кормов 236 руб. 24 коп. или на 59 руб. 61 коп. больше плана, в Беловском районе соответственно на 295 руб. 93 коп. и 109 руб. 19 коп.

Аналогичное положение с перерасходом средств на откорме крупного рогатого скота и свиней. На получение привесов крупного рогатого скота перерасходовано 2,8 млн рублей, из них за счет затрат 1,7 и за счет роста продуктивности 1,1 млн рублей.

Себестоимость привеса крупного рогатого скота в колхозах области составила 121 руб. 58 коп. или на 26 руб. 07 коп. выше плана. В колхозах Ижморского района себестоимость центнера привеса крупного рогатого скота составила 138 руб. 25 коп., в колхозе «Азат Себер» – 173 руб. 80 коп.

Так же, как и в молочном животноводстве, основными причинами удорожания себестоимости привеса крупного рогатого скота является перерасход кормов и заработной платы.

Так, на центнер привеса крупного рогатого скота расход кормов составил 77 руб. 06 коп., или на 11 руб. 75 коп. выше плана, затраты на оплату труда – 22 руб. 32 коп., или на 57 копеек выше плана. В колхозах Ижморского района при экономии расходов на оплату труда на центнер привеса крупного рогатого скота израсходовано кормов на сумму 89 руб. 62 коп., что значительно выше плана и среднеобластного уровня.

На центнер привеса крупного рогатого скота израсходовано 9,7 центнера кормовых единиц вместо 9,8 по плану.

Несмотря на экономию кормов по норме кормления, затраты их за счет увеличения расхода дорогостоящих концентрированных кормов возросли. Концентрированных кормов израсходовано по 2,38 центнера кормовых единиц на центнер привеса крупного рогатого скота вместо 1,97 по плану, а в колхозах Тяжинского района – 3,77 вместо 2,66 по плану. Стоимость центнера кормовых единиц, скормленных молодняку крупного рогатого скота, составила 7 руб. 95 коп. вместо 6 рублей 45 коп. по плану. В колхозах Ижморского района центнер кормовых единиц обошелся 9 руб. 32 коп., Юргинского – 9 руб. 13 коп.

Перерасход средств против плана на получение привесов свиней составил 1,1 млн рублей.

В свиноводстве израсходовано на центнер привеса 8,43 центнера кормовых единиц при плане 8,12, в том числе концентратов – 7,73 центнера кормовых единиц. Стоимость центнера кормовых единиц, скормленных свиньям, составила 10 рублей, а в колхозах Ижморского района – 12 руб. 17 коп.

Себестоимость привеса свиней в колхозах области составила 123 руб. 46 коп. или на 22 рубля 24 коп. выше плана, в Беловском районе – 156 руб. 58 коп. выше плана.

Одной из основных причин перерасхода кормов является отсутствие элементарного учета и недостаточный контроль за расходованием кормов.

Так, в колхозе «Победа» Ленинск-Кузнецкого района имел место случай отпуска кормов без взвешивания, допускалось хищение сена и силоса, рационы кормления выписывались с опозданием на 10 дней. Правлением колхоза была списана недостача кормов на убытки хозяйства на сумму 13,4 тыс. рублей.

В колхозе им. Ленина Тисульского района недостача кормов урожая 1969 года была списана 23 сентября 1970 года на удорожание продукции животноводства и на статью непроизводительных расходов на сумму 25,6 тыс. рублей. Было списано силоса 6 800 центнеров, сена 1 647 центнеров.

В колхозе «Россия» Беловского района недостача силоса при вывозке оказалась 3 250 центнеров на сумму 4 220 рублей (силос покупной).

В целом по колхозам выручка от реализации продукции выше плана на 8,1 млн руб., в том числе за счет повышения реализационных цен на 4,4 млн рублей.

За счет увеличения производства продукции животноводства выручка от реализации на 6 млн рублей выше плана, за счет недобора продукции растениеводства против плана поступление средств от реализации сократилось на 1,2 млн рублей.

В отдельных колхозах плохо занимаются воспроизводством крупного рогатого скота, не выполнен план выходного поголовья, низкий выход приплода телят, допускается большой падеж животных.

В колхозах Чебулинского района план выходного поголовья крупного рогатого скота выполнен на 97 процентов, в Юргинском на 92 процента.

Если в целом по области на 100 коров в истекшем году получено 84 теленка, то в Чебулинском – только 72.

В 1970 году 6,8 тыс. коров или 23 процента не дали приплода.

Огромные убытки несут колхозы от падежа животных, что является одной из причин невыполнения плана выходного поголовья в отдельных колхозах. В 1970 году они составили один миллион 86 тысяч рублей вместо 933 тысяч рублей в 1969 году.

В 1970 году в колхозах области пало крупного рогатого скота 6 728 голов, а в колхозах Ленинск-Кузнецкого района – 1 213 голов или в 1,5 раза больше прошлого года.

Увеличился падеж скота по сравнению с 1969 годом также в колхозах Новокузнецкого, Ижморского, Юргинского и Яйского районов.

В истекшем году в колхозах пало 13,2 тысяч голов свиней. В колхозах Ленинск-Кузнецкого района пало 2 760 голов против двух тысяч в 1969 году.

Во многих колхозах несвоевременно рассматриваются акты на падеж, не взыскивается с виновных лиц ущерб, нанесенный колхозу от гибели животных.

В 1970 году взыскано за падеж скота всего лишь 26 тыс. рублей или 2,4 процента от всей суммы причиненного ущерба. В колхозах Промышленновского района потери от падежа составили 343 тыс. рублей, а взыскано за падеж с виновных 5,4 тыс. рублей или 1,6 процента от всей суммы ущерба.

В таких колхозах, как «Мир», «Гигант», «Красное Знамя», «Ленинский путь» Промышленновского района, допустивших большой падеж, совершенно не возмещались убытки.

Неудовлетворительно поставлена сохранность молодняка животных. В отчетном году в колхозах пало телят 81 процент, поросят 70 процентов от общей численности падежа крупного рогатого скота и свиней.

Большие потери несут колхозы от продажи государству сельскохозяйственной продукции низкого качества. По неполным данным они составили в истекшем году около одного миллиона рублей, из них по колхозам Ленинск-Кузнецкого района 258 тысяч рублей.

Потери от сдачи крупного рогатого скота ниже средней упитанности и тощей 873 тонны составили 262 тыс. рублей.

Только от возврата молзаводами 411 тонн недоброкачественного молока колхозы понесли убыток 72 тысячи рублей.

По-прежнему многие колхозы отправляют молоко без взвешивания, жирность его не определяется, продажа скота производится без гуртовых ведомостей, нет контроля за выходом мяса при забое скота внутри хозяйства.

В ряде колхозов средняя оплата одного человека-дня возросла против плана на 16 процентов, а стоимость произведенной валовой продукции ниже плана на 5 процентов.

В отдельных колхозах на оплату труда расходуется большая часть валового дохода. В целом по колхозам области на оплату труда израсходовано 26,3 млн рублей или 74 процента от валового дохода, а в колхозах Беловского района – 81 процент. В колхозе «Кузбасс» этого района при валовом доходе 337 тыс. рублей на оплату труда израсходовано 349 тыс. рублей.

Основными причинами перерасхода средств на оплату труда в отдельных колхозах является несоблюдение положений об оплате труда.

Растет численность административно-управленческого персонала, что приводит к увеличению накладных расходов. Общехозяйственные расходы в колхозах области возросли против плана на 320 тыс. рублей и прежде всего за счет сверхштатных единиц. За счет содержания легкового автотранспорта перерасходовано 376 тыс. рублей.

В колхозе «Россия» Беловского района переплата административно-обслуживающему персоналу в 1970 году составила 1 970 рублей.

Несмотря на снижение по сравнению с прошлым годом в целом по области непроизводительных расходов, в отдельных колхозах они составляют большие суммы: им. XX партсъезда Беловского района – 27,6 тыс. рублей «Страна Советов» Ленинск-Кузнецкого района – 20,2, «Победа» – 20,5, «Заря» Промышленновского района – 19,4, им. Революции Тисульского района – 21 тыс. рублей.

В колхозах Ленинск-Кузнецкого района непроизводительные расходы составили 140 тыс. рублей или почти 30 процентов к этим расходам в колхозах области.

Дебиторская задолженность колхозов на 1 января 1970 года составила 2 189 тыс. рублей, или увеличилась по сравнению с прошлым годом почти в 2 раза. В колхозах Ленинск-Кузнецкого района дебиторская задолженность составила 649 тыс. рублей или увеличилась за год в 2,7 раза. В колхозе «Победа» Ленинск-Кузнецкого района дебиторская задолженность увеличилась с 13 тыс. рублей до 164 тыс. рублей или в 12 раз. Аналогичное положение в колхозах им. Ленина и «Заря» этого же района.

Финансовые затруднения усугубляются еще и тем, что во многих колхозах допускаются сверхнормативные запасы оборотных фондов. Так, в целом по области на конец 1970 года остатки запасных частей составили 1 378 тыс. рублей при нормативе 746 тыс. рублей, малоценных и быстроизнашивающихся предметов – соответственно 1 793 и 1 085 тыс. рублей, вспомогательных материалов – 497 и 189 тыс. рублей.

В некоторых колхозах велик удельный вес заемных средств, используемых на капитальные вложения и производственные нужды. Между тем собственные средства в ряде случаев используются не по назначению.

За последние 5 лет долги колхозов по ссудам Госбанку возросли с 20 до 60 млн рублей. При этом в колхозах Промышленновского района они увеличились с 7 до 21 млн рублей (в 3 раза), Ленинск-Кузнецкого с 3 до 12 млн. рублей (в 4 раза).

В прошедшем году отдельные колхозы неправильно распределяли и использовали доходы.

Колхоз «Новый путь» Промышленновского района получил прибыль 115 тыс. рублей, однако совершенно не проводил отчисления на пополнение неделимого фонда и на создание резервного фонда.

Вся прибыль была направлена на культурно-бытовые нужды и в фонд материального поощрения. В колхозе «Ударник полей» Промышленновского района в 1970 году прибыль

составила один миллион рублей, но в резервный фонд отчисления не проводились, а в фонд материального поощрения направлено 430 тыс. рублей.

В колхозах Ленинск-Кузнецкого района чистый доход составил 1 280 тыс. рублей. Между тем резервный фонд в колхозах этого района не создается.

В колхозах по-прежнему слабо внедряется механизация трудоемких процессов в животноводстве. Подача воды на фермы крупного рогатого скота механизирована на 87 процентов, свиней – на 78, птицы – на 65 процентов, механизированная раздача кормов – соответственно на 6, 34 и 15 процентов, очистка помещений от навоза – на 30, 43 и 11 процентов, доение коров – на 91.

В помещениях с комплексной механизацией на 1 января 1971 года находилось крупного рогатого скота 6 процентов, свиней – 34, птицы – 11 процентов.

В ряде хозяйств неудовлетворительно используется техника. Средняя годовая выработка на 15-сильный трактор в колхозах области составила 421 гектар или на 8 процентов меньше плана, сезонная выработка на зерновой комбайн – 179 гектаров или на 7 процентов ниже плана.

Причинами снижения выработки по сравнению с планом является уменьшение среднегодовой численности тракторов и снижение нормы выработки.

Объем тракторных работ в 1970 году составил два миллиона 117 тысяч гектаров мягкой пахоты или 96 процентов к плану.

За последние годы в работе отдельных колхозов наблюдается серьезные недостатки в организации производства. В области определилось 9 экономически слабых колхозов. Из отстающих хозяйств наиболее характерным является колхоз «Кузбасс» Беловского района.

В 1970 году здесь получена урожайность зерновых культур только 11,7 центнера с гектара. За последние годы сократилась продуктивность коров, производство мяса уменьшилось в 1,5 раза. Выручка от реализации продукции уменьшалась с 549 тыс. рублей в 1966 году до 460 тыс. рублей 1970 года. В 1970 году, несмотря на повышение закупочных цен на продукцию животноводства, валовая продукция сельского хозяйства уменьшалась почти в два раза. В этом колхозе в 1966 году на один человеко-день было произведено валовой продукции по 14 руб. 43 коп., а в 1979 году по 10 руб. 06 коп. В 1970 году колхоз получил валовой доход 337 тыс. рублей, а определил на оплату труда 349 тыс. рублей. Колхоз должен по ссудам Госбанку 949 тыс. рублей или в два раза больше полученного в 1970 году денежного дохода.

В колхозе им. Революции Тисульского района производится самая дорогая продукция в области. В 1970 году в этом колхозе себестоимость молока составляет 25 руб. 47 коп. за центнер, привес крупного рогатого скота – 204 руб. 50 коп, свиней – 161 руб. 97 коп. Урожайность зерновых культур в колхозе низкая – 12,3 центнера с гектара, продуктивность коров и других видов скота и птицы за годы пятилетки не увеличилась. Денежные доходы сократились с 620 тыс. рублей в 1966 году до 490 тыс. рублей в 1970 году. В расчете на один человеко-день валовая продукция уменьшилась в два раза. Валового дохода не хватает на гарантированную оплату труда колхозников. Финансовое положение колхоза тяжелое, долги по банковским кредитам составляют 932 тыс. рублей.

В колхозах области имеются серьезные недостатки в капитальном строительстве. При общем невыполнении плана строительства ввод объектов в эксплуатацию выполнен по помещениям крупного рогатого скота – на 76 процентов, свинарникам – 88 процентов, птичникам – 24 процента.

Невыполнение колхозами плана ввода объектов в эксплуатацию объясняется недостатком строительных материалов, рабочей силы и несвоевременным финансированием.

В колхозах имеет место большое незавершенное строительство. На 1 января 1971 года в колхозах области оно составило 8 477 тыс. рублей или на 500 тыс. больше против 1 января 1970 года.

В колхозе им. Чкалова Промышленновского района объем незавершенного строительства составляет 1 005 тыс. рублей, в хозяйстве «Путь к коммунизму» этого же района – 831 тыс. рублей.

Допускаются серьезные недостатки в организации зоотехнического и бухгалтерского учета, нарушается кассовая и финансовая дисциплина, ревизионная работа находится на низком уровне.

Так, в колхозе им. Ленина Тисульского района не вся выручка от реализации продукции сдается в Госбанк. В колхозах выдаются большие подотчетные суммы для покупки за наличный расчет товарно-материальных ценностей, производится незаконное списание правлениями колхозов израсходованных подотчетных сумм.

В ряде колхозов в течение продолжительного времени не проводится инвентаризация материальных ценностей. Не уделяется внимание правильной организации аналитического учета: разнотекущие по счетам производятся с большими опозданиями, оборотные ведомости не ведутся, в счетах нет расшифровки затрат по видам продукции, продукция приходуется неполно и несвоевременно.

Работа счетных работников в отдельных колхозах не планируется. В представляемой оперативной и бухгалтерской отчетности имеются большие неточности и искажения действительного положения дел в хозяйстве.

Серьезным недостатком в работе колхозов является низкий уровень контрольно-ревизионной работы управлений сельского хозяйства райисполкомов. Силами работников управлений помочь ревизионным комиссиям колхозов не оказывается.

Так, в колхозе «Азат-Себер» Ижморского района ревизия с участием работников управлений не проводилась с 1967 года, в колхозе «Правда», «Труд новой жизни» Юргинского района – с 1968 года. В колхозах «Путь к коммунизму» Промышленновского района, им. XXII партсъезда Тисульского района, «Победа» и «Родина» Яйского района в 1970 году ревизии силами ревизионных комиссий колхозов не проводились.

Зам[еститель] начальника статуправления
Кемеровской области

Б. Елонова

ГАК. Ф. Р-304. Оп. 16. Д. 4052. Л. 118–131.
Заверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

Литература

Голанд Ю.М., Некипелов А.Д. Косыгинская реформа: упущеный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 44–66.

Гумеров Р., Крюкова А. Косыгинская реформа: революция или эволюция? // Российский экономический журнал. 2011. № 6. С. 94–95.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. 489 с.

Латов Ю.В. Косыгинские реформы – упущеная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 3. С. 424–439.

Науhaцкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни во второй половине XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д.: РИНХ, 2009. 247 с.

Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

Сельское хозяйство Новосибирской области во второй половине 1960-х – 1980-е гг. (аналитические записки областного статистического управления): сборник документов. Новосибирск: Сибпринт, 2019. 532 с.

Социально-экономическое развитие сибирского села / отв. ред. Т.А. Заславская. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. 447 с.

СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991 гг.) / отв. ред. О.А. Сухова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 764 с.

Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни (1965–1980 гг.). М.: Мысль, 1982. 208 с.

References

Goland, Yu.M., Nekipelov, A.D. (2010). Kosygin's reform: upushchennyy shans ili mirazh? [Kosygin's Reform: Missed Chance or Mirage?]. In *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 6, pp. 44–66.

Gumerov, R., Kryukova, A. (2011). Kosygin's reform: revolyutsiya ili evolyutsiya? [Kosygin's Reform: Revolution or Evolution?]. In *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 6, pp. 94–95.

Gushchin, N.Ya. (Ed.). (1991). *Krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and Agriculture of Siberia. 1960–1980s]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 489 p.

Il'inyh, V.A., Sidorov, R.G. (Eds.). (2019). *Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti vo vtoroy polovine 1960-kh – 1980-e gg. (analiticheskie zapiski oblastnogo statisticheskogo upravleniya): sbornik dokumentov* [Agriculture of the Novosibirsk Region in the Second Half of the 1960s – 1980s (Analytical Notes of the Regional Statistical Office): Collection of Documents]. Novosibirsk, Sibprint. 532 p.

Latov, Yu.V. (2015). Kosygin's reforms – a Missed Opportunity to “Denyaopinization” of Soviet Society? [Kosygin's Reforms – a Missed Opportunity to “Denyaopinization” of Soviet Society?]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 16, No. 3, pp. 424–439.

Nauhackiy, V.V., Denisov, Yu.P. (2009). *Agrarnaya politika i modernizatsiya rossiyskoy derevni vo vtoroy polovine XX veka: protivorechiya i tendentsii* [Agrarian Policy and Modernization of the Russian Village in the Second Half of the 20th Century: Contradictions and Trends]. Rostov-on-Don, RINH. 247 p.

Orlov, D.S., Il'inyh, V.A., Andreenkov, S.N. (2018). *Sel'skoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 1960-kh – 1980-e gg.: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaya i otrraslevaya struktura* [Agriculture of Western Siberia in the Second half of the 1960s–1980s: Dynamics, Organizational, Production and Sectoral Structure]. Novosibirsk, Sibprint. 304 p.

Suhova, O.A. (Ed.). (2022). *SSSR: agrarnaya politika i regional'nye osobennosti ee realizatsii (1922–1991 gg.)* [USSR: Agricultural Policy and Regional Features of Its Implementation (1922–1991)]. Penza, Izdatel'stvo PGU. 764 p.

Tyurina, A.P. (1982). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sovetskoy derevni (1965–1980 gg.)* [Socio-Economic Development of the Soviet Village (1965–1980)]. Moscow, Mysl'. 208 p.

Zaslavskaya, T.A. (Ed.). (1987). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sibirskogo sela* [Socio-Economic Development of the Siberian Village]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 447 p.

О.В. Ильиных
М.А. Косицин*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-20

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: ЭТАПЫ,
ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»****

Выходные данные для цитирования:

Ильиных О.В., Косицин М.А. Всероссийская научная конференция «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения» // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 266–272.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-20.pdf>

О.В. Il'inykh
М.А. Kositsin*

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-20

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
“INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA:
STAGES, FEATURES, PROSPECTS OF STUDY”****

How to cite:

Il'inykh O.V., Kositsin M.A. All-Russian Scientific Conference “Industrial Development of Russia: Stages, Features, Prospects of Study” // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 266–272. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-20.pdf>]

Abstract. The article is an overview of the All-Russian Scientific Conference “Industrial Development of Russia: Stages, Features, Prospects of Study” that was held in June 2024 on the basis of the Institute of History and the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of SB RAS. The event brought together specialists in the field of economic and social history, who considered the problems of industrial transformations in Russia in a broad chronological framework. The review provides information on reports on the history of Russian and Soviet industrialization and on the discussion which took place at the round table.

Keywords: conference, industrialization, economic development, Russia, Siberia.

The article has been received by the editor on 21.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор Всероссийской научной конференции «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения», состоявшейся в июне 2024 г. на базе Института истории и Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Мероприятие объединило специалистов в области экономической и социальной истории, рассматривавших проблемы промышленных преобразований в России в широких хронологических рамках. В обзоре содержатся

* Ольга Владимировна Ильиных, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ilin_olin@mail.ru

Olga Vladimirovna Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ilin_olin@mail.ru

Максим Андреевич Косицин, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kosizin2013@gmail.com

Maksim Andreevich Kositsin, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail kosizin2013@gmail.com

** Сообщение выполнено в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, geopolитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The message was made within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

сведения о докладах, посвященных истории российской и советской индустриализации, и о дискуссии, развернувшейся на круглом столе.

Ключевые слова: конференция, индустриализация, экономическое развитие, Россия, Сибирь.

Статья поступила в редакцию 21.07.2024 г.

25–27 июня 2024 г. в Новосибирском Академгородке состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 95-летию индустриализации в СССР, «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения». Ее организаторами выступили Институт истории СО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Научный Совет Российской академии наук по экономической истории. Проведение конференции поддержали фонд «История Отечества» и АО «Производственное объединение Уральский оптико-механический завод». Основной задачей конференции стало исследование индустриальных преобразований в стране в широком хронологическом контексте. Особое внимание было уделено проблемам первых пятилеток, а также региональным аспектам реализации индустриальных проектов.

Работа конференции включала пленарное и десять секционных заседаний, а также круглый стол.

Рис. 1. Участники конференции

Пленарное заседание открыл доклад В.А. Крюкова (Институт экономики и промышленного производства СО РАН). Он отметил, что в начале советской индустриализации доминировал подход, направленный на создание крупных самодостаточных индустриальных комбинатов, соединяющих в себе весь цикл производства – от переработки сырья до получения готовой продукции. Однако уже на старте первой пятилетки стала преобладать идея организации и реализации индустриальных проектов в рамках ведомственной системы по отраслям. Дальнейшие попытки советского руководства преодолеть ведомственный характер и стимулировать развитие горизонтальных связей не принесли успехов. Проблема остается актуальной и для экономического развития современной России.

Л.И. Бородкин (Московский государственный университет) сравнил дифференциацию оплаты труда в периоды двух волн индустриализации – в Российской империи и Советском Союзе. Докладчик отметил существование в обоих периодах запроса на квалифицированных рабочих и высокое разделение зарплат. В годы нэпа, напротив, наблюдался курс на снижение дифференциации в оплате труда, обусловленный политикой государства, профсоюзов и идеологией. Пересмотр политики в данной области в начале 1930-х гг. стал следствием неоправдавшихся ожиданий советского руководства о стремительном росте производительности труда.

Ю.А. Петров (Институт российской истории РАН) выделил основные факторы индустриального роста дореволюционной России – роль государства и иностранных инвестиций. В канун войны империя вышла на траекторию эволюционного экономического развития, которая была прервана начавшимся конфликтом европейских держав.

И.В. Побережников и Е.Т. Артемов (Институт истории и археологии УрО РАН) в совместном докладе проанализировали взаимодействие науки, технологий, производства в рамках советской модели модернизации. Благодаря их синтезу СССР уже к 1960-м гг. стал второй мировой научно-технической сверхдержавой и достиг экономической независимости. Ключевую роль в этом процессе сыграло внедрение новейших научно-технических достижений в промышленность.

Последний доклад вызвал оживленную дискуссию. В.А. Крюков выразил мнение о невозможности использовать термин «национальная инновационная система» для советской экономики, поскольку в ее рамках не существовало «венчурных субъектов». Главным актором являлось государство, обладавшее узким кругом приоритетов. И.В. Побережников отметил, что в СССР существовала самобытная (отличная от западных явлений) инновационная система, предположительно не имевшая механизма для будущего развития, однако позволившая достичь успехов. Е.Т. Артемов оспорил точку зрения о неприменимости термина «инновации» в рамках советской системы. В СССР сформировались отраслевые инновационные системы, где ключевую роль играл административный нажим.

Участники секции 1 рассматривали факторы, определявшие характер индустриального развития России/СССР в XVIII–XX вв. В.П. Зиновьев (Томский государственный университет) определил промышленный переворот в России/СССР как протяженный исторический акт, длившийся с 1830-х по 1960-е гг. и постепенно охвативший основные секторы экономики. В Сибири данный процесс начался позднее. Большое значение для региона приобрели государственные инвестиции. С.П. Петров (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН) рассматривал процессы становления и развития черной металлургии Азиатской России в XX в.

Докладчики отметили значительную роль государства в индустриальном развитии страны. А.В. Алексеев (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН) поставил вопрос о соотношении государственного регулирования и частной инициативы в современной российской промышленности. М.В. Шиловский (Институт истории СО РАН) проанализировал значение государства вprotoиндустриальный период хозяйственного освоения Сибири. С.А. Нефедов (Институт истории и археологии УрО РАН) в качестве факторов, влиявших на технологическую отсталость Российской империи, выделил ошибки, допущенные правительствами Николая I и Александра II в сфере строительства железных дорог. Методологические проблемы сопоставления процессов индустриализации в России и европейских странах на рубеже XIX–XX вв. осветил В.И. Клиторин (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН). Докладчик указал на необходимость использования в компаративистских исследованиях качественных показателей для сравнения и учета институциональных особенностей в развитии каждой страны.

Секция 2 была посвящена эволюции российской индустрии от реформ Петра I до промышленной революции XIX в. Докладчики осветили различные аспекты складывания инфраструктуры, законодательства в Российской империи, которые в дальнейшем послужили основой для индустриализации. П.В. Лизунов (Северный федеральный универ-

ситет) представил доклад о биржевой торговле в России на рубеже XVIII–XIX вв. Н.М. Арсентьев (Мордовский государственный университет) и Е.Г. Неклюдов (Институт истории и археологии УрО РАН) в своих выступлениях рассмотрели развитие горнозаводской промышленности, а И.Д. Долгушин (Институт истории СО РАН) – транспорта. В.М. Арсентьев (Мордовский государственный университет) и А.Е. Макушев (Чувашский государственный аграрный университет) определили технико-технологические аспекты российской индустриализации XVII–XIX вв.

Участники секции вступили в дискуссию о роли политики государства в индустриализации, обратились к существующим оценкам уровня развития промышленности имперской России и ее месте в мировой экономике на рубеже XIX–XX вв. Докладчики сделали вывод о том, что российский опыт развития индустрии был преимущественно «догоняющей модернизацией».

В рамках работы секции 3 рассматривались отраслевые и секторальные особенности индустриализации на рубеже XIX–XX вв. Основное внимание докладчики уделили переходу страны от прединдустриальной стадии к индустриальной. Прежде всего данный процесс затронул развитие транспорта. Р.Б. Кончаков (РАНХиГС) выявил влияние железнодорожного строительства на процесс модернизации страны. Т.И. Андреева (Алтайский государственный педагогический университет) определила роль государства и частной инициативы в железнодорожном освоении Сибири. Остальные докладчики затронули целый спектр проблем: А.А. Бессолицын (Институт российской истории РАН) – участие инженеров в управлении акционерными компаниями; Е.В. Демчик и М.В. Мамзин (Алтайский государственный университет) – место иностранного капитала в региональной экономике; И.В. Шильникова (Московская высшая школа социальных и экономических наук) – взаимодействие государства и общества в борьбе с промышленным загрязнением рек; Г.Н. Шумкин (Институт истории и археологии УрО РАН) – замещение труда машинной техникой; О.Н. Катионов (Новосибирский государственный педагогический университет) – роль картографии; А.М. Мариупольский (Алтайский государственный университет) – значение винокурения в сибирской экономике; В.М. Рынков (Институт истории СО РАН) – развитие сибирской индустрии в условиях Первой мировой войны.

Секция 4 была посвящена региональной и локальной специфике индустриального развития России в конце XIX – первой четверти XX в. Дискуссию вызвал доклад М.И. Роднова (Уфимский федеральный исследовательский центр РАН) о проблемах использования карточек учета сельскохозяйственных переписей как источников по истории промышленности. И.В. Поткина (Институт российской истории РАН) рассмотрела вопрос обеспечения экономического суверенитета Русского Севера на рубеже веков. Новые данные о динамике численности немецких предпринимателей в экономике Петрограда представил В.Н. Шайдуров (Ленинградский государственный университет).

Особенностью секций 3 и 4 стал междисциплинарный характер исследований. Докладчики задействовали различные методы – от математического моделирования до методов, заимствованных из медицины и т.д.

В рамках работы секции 5 участники обсудили вопросы социальных аспектов советской индустриализации. В.И. Исаев (Институт истории СО РАН) в докладе сделал вывод о том, что ориентация советского руководства на проведение индустриализации в короткие сроки привела к обострению жилищного кризиса и дефициту товаров массового спроса. Н.Н. Макарова (Магнитогорский государственный технический университет) продемонстрировала на примере «эталонного социалистического» г. Магнитогорска перенасыщенность жизни советского горожанина в 1930-е гг. трудом: домашним, общественным, профессиональным.

В докладах Н.Н. Аблажей, С.А. Красильникова, Н.А. Потаповой (Институт истории СО РАН) и К.П. Прибытковой (Алтайский государственный университет) рассматривались попытки советского руководства преодолеть противоречия индустриализации, усилить контроль над миграциями рабочей силы и повысить производительность труда. Для этого

государство прибегало к мобилизационным инструментам – введению паспортной системы, ужесточению принудительных стимулов на производстве, привлечению партийно-комсомольского актива.

В ходе дискуссии были подняты вопросы о приемлемости существующих историографических установок в изучении социальной истории 1930-х гг., уникальности советской модели индустриализации и ее издержках. Участники секции отметили, что развитие социальной сферы существенно отставало от темпов преобразований материально-технической базы промышленности. В Сибири данные проблемы осложнялись более низким уровнем развития социальной инфраструктуры на фоне европейской части СССР.

Экономические аспекты советской индустриализации рассматривали участники секции 6. Ю.П. Голицын (ПАО «Московская биржа») выявил долгосрочные последствия аннулирования государственных займов советским правительством в 1918 г. Данный шаг осложнил получение кредитов у иностранных государств на проведение индустриализации и, как следствие, определил использование в качестве основного источника финансирования модернизации изъятие средств у населения. В докладах А.В. Маклюкова и О.К. Павленко (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН) освещались модернизационные процессы в электроэнергетике и угледобывающей промышленности на Дальнем Востоке в годы первых пятилеток.

Доклад Е.Г. Водичева (Новосибирский государственный технический университет) носил методологический характер. Для исследования советской индустриализации в глобальном контексте автор предложил использовать теорию «стадий роста» американского экономиста У. Ростоу. Автор отметил, что сложившаяся в СССР административно-командная система не позволила перейти к стадии «эрелости» и определила снижение темпов экономического роста в 1970–1980-е гг. Научно-техническим аспектам индустриализации был посвящен доклад Н.Ф. Тагировой (Самарский федеральный исследовательский центр РАН). Автор рассмотрела деятельность двух научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного машиностроения в 1920–1930-е гг.

В рамках работы секции 7 участники конференции обсудили вопросы развития технологий и их роли в советской индустриализации. С.А. Пьянков (Институт истории и археологии УрО РАН) на примере производства грузового автомобиля ЗИС-5 выявил значение зарубежного научно-технического опыта и отечественных конструкторских решений в становлении советского автомобилестроения. Автор отметил, что созданное в годы индустриализации массовое производство автомобилей позволило обеспечить потребности страны в недорогом транспорте. М.А. Орлов (Государственный архив Кузбасса) проследил основные вехи жизни инженера В.А. Вейхеля – типичного представителя технической интеллигенции, активно участвовавшего в реализации «социалистической индустриализации». В своем выступлении В.Н. Макарова (Национальный музей Республики Башкортостан) рассмотрела роль форсированной модернизации золотодобывающей промышленности в Башкирской Автономной Республике в 1920–1930-е гг. в качестве фактора индустриального развития региона. Д.А. Фомин (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН) поставил проблему соотношения внутренних и внешних факторов научно-технологического развития советской промышленности.

Участники секции 8 рассматривали вопросы функционирования индустриальной экономики в годы Великой Отечественной войны. Н.Н. Мельников (Институт истории и археологии УрО РАН) поставил проблему источников экономического рывка в промышленности в 1941–1945 гг. и его последствий. В.В. Запарий (Уральский федеральный университет) определил механизмы изъятия промышленного оборудования в регионах фашистского блока на завершающем этапе войны, которые заложили основу системы reparаций в последующий период. Р.Е. Романов (Институт истории СО РАН) выявил методологические традиции в изучении стимулов труда рабочих промышленности в годы Великой Отечественной войны и предложил авторский подход, включенный в контекст такого теоретического направления, как глобальная история. Доклад стал отправной точкой дискуссии

о методологических новациях и роли стимулов как сущности системы трудовых отношений. М.А. Семенов (Институт истории СО РАН) в своем выступлении дал оценку эффективности советской системы здравоохранения в военный период с точки зрения ее влияния на производительность труда.

Анализу индустриального развития СССР во второй половине 1940-х – 1980-е гг. была посвящена секция 9. Н.В. Гонина (Институт истории СО РАН) осветила процессы перехода Норильского металлургического комбината от принудительного труда к вольнонаемному в 1950-е гг. Тема вызвала дискуссию о рентабельности индустриальных комплексов, действующих в экстремальных природных условиях. А.А. Попов (НИУ «Высшая школа экономики») в своем выступлении раскрыл проблемы развития химической промышленности в 1950–1960-е гг. и роль импорта оборудования для данного сектора индустрии. Доклад стал основой для обсуждения вопроса об управлении кадровым и финансовым потенциалом в советской экономике. Выступление Н.А. Куперштох (Институт истории СО РАН) было посвящено Программе «Сибирь», реализуемой Сибирским отделением АН СССР с 1970-х гг. Ее воплощение позволило расширить круг исследований, а также укрепило авторитет Сибирского отделения как координатора комплексной программы. Обращаясь к дискуссии, начатой на пленарном заседании, Н.А. Куперштох указала на неприменимость термина «национальная инновационная система» для советской экономической модели.

В рамках работы секции 10 представители Института экономики и организации промышленного производства СО РАН обсудили тенденции современного индустриального развития России: от внедрения новых технологий в производство до экологической безопасности в промышленности.

Конференцию завершило заседание круглого стола «Опыт индустриализации в СССР: замыслы, особенности проведения, итоги». Модератор круглого стола В.М. Рынков предложил спикерам обсудить несколько ключевых проблем: соотношение идеально-доктринальных и международных начал в сталинской индустриализации; издержки индустриального развития, принципиальной характеристикой которого являлись диспропорции; оправданность форсированной индустриализации в долгосрочной перспективе.

Рис. 2. Круглый стол «Опыт индустриализации в СССР: замыслы, особенности проведения, итоги»

В.И. Клиторин отметил, что обсуждение первых пятилетних планов не затрагивало идеологию и имело прагматическую основу. Л.И. Бородкин обратил внимание на междуна-

родный контекст проведения индустриализации. Реализация форсированной модернизации возможна только при условии отсутствия военных конфликтов. Для этого СССР должен был иначе выстраивать дипломатию, чтобы избежать участия во Второй мировой войне. Ю.А. Петров подчеркнул, что вопрос об идеологических мотивах спорен и требует дальнейшего изучения. Убедительным является тезис о том, что триггером к форсированной индустриализации стала «военная тревога» 1927 г. Также, по мнению спикера, возможность избежать участия в войне была иллюзорной.

Н.М. Арсентьев предложил рассмотреть вопрос о том, являлась ли сталинская индустриализация продолжением имперской, поскольку в обоих процессах исследователи выделяют схожие проблемы. Ю.П. Голицын отметил, что проблема нехватки средств для проведения индустриализации в дореволюционный и советский периоды решалась по-разному. Если правительство Российской империи использовало иностранные инвестиции, то большевики оборвали связь с зарубежным рынком. Аннулирование внутренних и внешних займов в 1918 г. привело к падению авторитета государства на международной арене. В.И. Клиторин высказал мнение о быстром восстановлении доверия к СССР и напомнил о значении «Великой депрессии» в международных отношениях. Источником средств для индустриализации стали товарные кредиты из США. В.М. Рынков поддержал тезис о необходимости соотнесения двух этапов индустриализации – дореволюционного и советского – и указал на то, что в условиях первых пятилеток руководство СССР не ставило задач по поиску источников финансирования, а базовой идеей стало проведение индустриализации за счет изъятия средств у населения. Л.И. Бородкин обратил внимание на проблему поставок оборудования, которое можно было обеспечить только за счет внешнего рынка. Е.Т. Артемов выделил два сопряженных вопроса, затрагивающих индустриальное развитие России в целом: о причинах сохранения устойчивого отставания в экономике от западных стран и неравномерности разрывов индустриального развития в исторической динамике. Главным фактором является отсутствие институтов, которые могли бы обеспечить стабильный экономический рост.

С.А. Красильников указал на чрезмерно высокую социальную цену индустриализации. Показательные процессы и репрессии, реализованные на рубеже 1920–1930-х гг., вызвали колоссальную потерю интеллектуального потенциала страны. В.И. Клиторин отметил формирование в условиях индустриализации новой модели поведения, основанной на страхе. Население не могло указать на чрезмерные диспропорции в экономике, в то время как партийно-государственный аппарат опирался на цифровые показатели. Л.И. Бородкин подчеркнул роль принудительного труда, максимально задействованного в условиях форсированной индустриализации, а также значение вопроса о соотношении энтузиазма и принуждения как основах труда. В.И. Исаев согласился с тезисом о высокой цене индустриализации и указал на принципиальную роль изучения социальных и политических аспектов процесса. Также, по мнению Исаева, в рамках первых пятилеток произошло возвращение к практикам «военного коммунизма».

И.В. Побережников высказал мнение о необходимости расширения терминологического аппарата и использования методологических новаций при исследовании индустриализации. Кроме того, спикер выделил две проблемы: сочетание индустриализации и сопутствовавших ей урбанизации и бюрократизации; выявление региональной специфики данных процессов.

В заключительном слове В.М. Рынков отметил широкий спектр вопросов, к которым обратились участники круглого стола, а также подчеркнул важность встраивания «сталинской модернизации» в контекст индустриального развития России в целом. Решению данной задачи способствовала конференция, которая стала не только полем апробации нового исторического знания, но и сформировала задел для дальнейших исследований.